АЛЕКСЕЙ ПОПОВ
15 ВСТРЕЧ
С ГЕНЕРАЛОМ КГБ
БЕЛЬЧЕНКО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга историка, исследователя партизанских войн А. Ю. Попова посвящена ярким страницам жизни одного из руководителей партизанского движения — заместителя начальника Центрального штаба партизанского движения в годы Великой Отечественной войны генерал-полковника Сергея Саввича Бельченко. Читатель сможет ознакомиться со спорными вопросами истории XX века, записанными со слов ветерана органов государственной безопасности СССР. Генерал С. С. Бельченко, служа Отечеству, занимал должности начальника Управления НКГБ по Белостокской области (1941), министра внутренних дел Белоруссии (1943–1953), начальника Управления КГБ по Ленинградской области (1954–1956), заместителя председателя КГБ при Совете Министров СССР (1956–1959).

Книга будет интересна как широкому кругу читателей, так и специалистам по истории XX века.

Сделано для библиотеки LIBRUSEC

- Алексей Попов
  - От автора
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15

○ Приложение
○ Список использованной литературы
○ Об авторе

Алексей Попов
15 ВСТРЕЧ С ГЕНЕРАЛОМ КГБ БЕЛЬЧЕНКО

Чекистам и партизанам
Великой Отечественной
войны посвящается…

От автора

С Сергеем Саввичем Бельченко я познакомился в середине января 2001 года. Помог мне в этом Александр Алексеевич Кашинцев — на тот момент заместитель председателя Всероссийского спортивного общества «Динамо». Как обычно бывает в этой жизни, все произошло неожиданно. Зная, что я занимаюсь наукой и пишу диссертацию по проблемам партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, он поинтересовался, как продвигается работа.

В беседе выяснилось, что на одном из последних президиумов ВСО «Динамо» присутствовал в качестве почетного гостя генерал-полковник С. С. Бельченко, заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.

Честно сказать, я опешил. Работая в архивах, я держал в руках оперативные документы, подписанные лично С. С. Бельченко, а тут выясняется, что он живет не где-либо, а в Москве. Упустить возможность познакомиться с человеком — непосредственным участником изучаемых мною событий — я не мог.

Через некоторое время я позвонил С. С. Бельченко, и мы договорились о встрече. Знакомство произошло в квартире у

генерала. Сергей Саввич прежде, чем начать беседу, расспросил, откуда я знаю А. А. Кашинцева, где работаю и т. д. В ходе встречи я получил ответы на вопросы, которые не мог найти даже в архивах, в частности об организации партизанского движения в первые месяцы войны. Когда мы уже прощались, Сергей Саввич обронил, что, несмотря на достаточно большое количество журнальных и газетных статей о его деятельности, до большего дело не доходило.

Спустя несколько дней, размышляя о словах Сергея Саввича, я неожиданно понял, что у меня имеется уникальная возможность написать книгу об этом удивительном человеке. Решение мое крепло с каждым днем, и я попросил генерала о новой встрече.

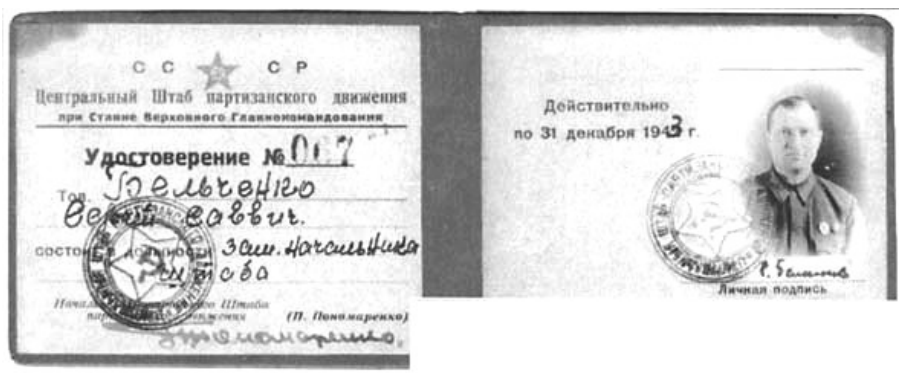
Сергей Саввич не сразу ответил на мое предложение. Несколько подумав, он мне сообщил, что эта идея давно посещала его. Однако различные жизненные обстоятельства откладывали это дело. В конце концов он согласился. Началась долгая кропотливая работа.

Мы встречались с Сергеем Саввичем по два-три раза в неделю несколько месяцев подряд, и я записывал на диктофон все, что он рассказывал. Помимо этого, при написании книги использовался богатый личный архив С. С. Бельченко.

Сергей Саввич на протяжении всей работы над книгой поражал меня своей феноменальной памятью и большой работоспособностью, несмотря на свой почтенный возраст.

В ходе работы возникали вопросы, как написать книгу — от первого или от третьего лица. В конечном итоге мы с С. С. Бельченко решили, что книга будет интереснее в форме бесед, где в начале каждой главы я намечаю круг вопросов, на которые отвечает генерал.

Большую признательность выражаю племяннице С. С. Бельченко Таисии Ивановне, а также своей супруге Эльвире Рашитовне за оказанную помощь при написании книги.


С С С Р
Центральный Штаб партизанского движения
при Ставке Верховного Главнокомандования
Удостоверение № 017
Тов. Бельченко
Сергей Саввич
состоит в распоряжении
зам. Начальника
Украины
(П. Пономаренко)
Действительно
по 31 декабря 1943 г.
Личная подпись

Глава 1
Становление

Уважаемый Сергей Саввич! Понимаю, что непросто вспомнить, начиная с детства, всю Вашу жизнь. О Вашей деятельности на службе Отечеству многое известно, но, как я думаю, в Вашей судьбе больше неизвестных, но наверняка интересных эпизодов, которые мне хотелось бы запечатлеть в этой книге. Совершенно нет никакой информации о Вашем детстве, родителях, братьях и сестрах, о том, чем Вы занимались до начала службы в Красной Армии. Хотелось бы от Вас это услышать.

Родился я 4 октября 1902 года на Украине в селе Соленое Солонянской волости Екатеринославского уезда Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область) в семье потомственного батрака.

Мое село — в прошлом волостной центр, в последующем — районный, резко отличалось от других сел своим социальным положением. С одной стороны, преобладали помещичьи хозяйства немцев-колонистов, еще при Екатерине II захвативших лучшие благодатные земли, с другой — бедные хозяйства крестьян, которым доставались худшие участки земли. Таким образом, социальная основа села была такова: исключительно богатые помещики, середняки и большое число бедняков и батраков, работавших на помещиков. Кулаки тоже были, но их было мало — 3–4 хозяйства на село. Поэтому господами и распорядителями нашей жизни были помещики, все бедные зависели от них.

Начиная с отмены крепостного права, мой дед, а потом и отец работали батраками у помещиков.

Семья наша состояла из 6 человек — мать, отец, старший брат Иван, я, сестра Варвара и младший брат Петя. Забегая вперед, скажу, что Иван и Петр оба погибли в годы Великой Отечественной войны. Иван был ветеринарным врачом, а Петр — инженером-механиком, оба окончили высшие учебные заведения. В дальнейшем я вернусь к разговору о своих братьях. Старший брат Иван, с моей точки зрения, был человеком незаурядным. После окончания института закончил аспирантуру и к началу Великой Отечественной войны был готов к защите кандидатской диссертации.

Прежде всего хочу сказать, что наша семья была очень

дружной. Если когда-нибудь и возникали конфликты, то причиной тому была бедность: того нет, другого, кушать нечего. Поэтому иногда нарушались добрые отношения. Но они быстро восстанавливались.

Отец мой, Савва Андреевич Бельченко, с юных лет батрачил у помещиков и зажиточных односельчан. Он окончил три класса церковно-приходской школы, но считался в селе грамотным человеком.

В возрасте 19 лет он влюбился в мою маму, дочку зажиточного односельчанина, у которого батрачил. Ее звали Анастасия, и была она на год его младше. Как старшую дочь родители отправляли ее работать в поле — в помощь батраку. И они с моим отцом вместе пахали, сеяли, занимались другими сельскохозяйственными работами.

Два года отец работал на эту семью, за это время они с мамой полюбили друг друга и решили пожениться. О своем решении сказали родителям мамы. Все родственники встали на дыбы: «Как, за такого бедняка замуж отдать?»

Собрался семейный совет. Моя бабушка встала на сторону молодых, сказала: «Пусть Настя выходит замуж за Савву. Он честный, работящий человек. Будем помогать». Дед мой Федор Сидорович посоветовался с двумя своими братьями. Один из братьев сказал сразу: «Пусть Настя идет за Савву, хороший он хлопец». Второй колебался некоторое время, но потом все же сказал: «Ну что ж, коль такие дела, то отдавайте за Савву». И дед согласился.

Мой дед по матери — Федор Сидорович Белоконов, а его уличная кличка была Кырык. Корнями род Белоконовых идет из Курской губернии. Прадед в каком-то поколении приехал на Украину на заработки, в Соленом женился на местной девушке и там осел. Потом люди часто удивлялись, откуда в украинском селе неукраинская фамилия.

Для венчания в церкви у отца не было приличной одежды. Пришлось попросить костюм у соседа, крепкого середняка. Так что венчался он в чужой одежде.

Дед по отцу, Андрей Федорович Бельченко, окончил два класса церковно-приходской школы, умел читать и писать. У него была большая семья и 4,5 десятины земли. Когда он выделял моего отца отдельно жить, дал 1,5 десятины. На Украине это считалось безземельем. Видимо, по этой причине Федор Сидорович не хотел выдавать свою дочь замуж за моего отца. Да и выдавать за своего батрака перед другими стыдно.

Таким образом моя мама вошла в семью батраков. Но ей это не было в тягость, поскольку с детства она была приучена к

работе.

Когда я родился на старом гнезде, как говорят у нас, «на старом кишле», спустя два года после рождения Ивана, дед Андрей нас выделил. Он купил халупу, я думаю, самую бедную в нашем селе. Обычно все дома в деревне строят около дороги, а эта халупа была на отшибе, где-то в огородах. Для того чтобы войти в нее, взрослому человеку нужно было пригибаться из-за низких дверей. Этот домишко состоял из одной комнаты и сенцев. Прибавить к этому 1,5 десятины земли — это и было все наше хозяйство.

Позже отец вместе с дедом взяли кредит и прикупили еще полдесятины земли. Помимо этого, отец подрабатывал у помещиков извозом зерна. Когда подросли старший брат и я, мы тоже стали батрачить на помещика.

Я начал батрачить в летние каникулы, когда мне исполнилось 10 лет. Моя работа заключалась в следующем: я был погонщиком лошадей, то есть верхом садился на лошадь и направлял ее. Позже стал заниматься уничтожением вредных грызунов — выливал в норы сусликов воду. Хочется заметить, что для крестьянина вреднее животного, чем суслик, во время всхода посевов не существует. Суслик является вредителем, который поедает всходы зерновых на десятки метров вокруг своей норки, причиняя тем самым неимоверный вред землепашцам. На Украине сусликов называют гаврахами.

Мне выделяли пару быков и бочку емкостью в 100 ведер. Я сам наполнял эту бочку водой и ехал в поле, где, увидев «столбик» — а это был суслик, подъезжал к этому месту и лил воду в норку, пока вредитель не выскакивал из нее. Здесь требовалась особая сноровка, чтоб сразу схватить суслика за шейку и ударить об землю. У меня были ножницы, иголка с ниткой, я должен был отрезать ему ножки, продеть через них иголку с ниткой — это было доказательством, что я уничтожил грызуна.

Человеку несведущему такое занятие может показаться занимательным, однако хочу сказать, что это был тяжелейший труд. За световой день я в среднем тратил около 5 таких бочек, каждый раз набирая в них воду из колодца-журавля. Если я за один день уничтожал 10 сусликов, то это считалось хорошим заработком, так как один суслик стоил копейку. Для меня, мальчика, это был настоящий капитал. Таким образом, я с самого детства был приучен к тяжелому крестьянскому труду. Все заработанные деньги я отдавал маме. На собранные деньги она покупала мне одежду для школы.

В весеннюю пору мне нередко приходилось у помещиков

вместе с другими работниками вести борьбу с сорняком на поле. Это был тяжелый труд, так как приходилось вырывать колючий сорняк голыми руками.

Кроме того, я помогал родителям по хозяйству, летом собирал лебеду для прокорма нашего поросенка. Хочу сказать, что на Украине, наличие в хозяйстве свиньи еще не говорило о благополучии ее содержателей. Даже самая бедняцкая семья могла позволить себе держать поросенка, однако кормить его приходилось не картошкой и зерном, как у богатых, а лебедой.

Советская власть наделила нас землей по две десятины на душу (за счет помещиков). Позже в нашем хозяйстве появились корова и лошадь.

Что касается воспитания детей, то отец был строг. Он наказывал за проступки, за невыполнение какой-либо работы. Брал в руки кнут, кончик которого был хотя и тоненьким, но так ожигал по спине, что пропадало все желание не слушаться. Руки отец никогда не распускал. В основном доставалось мне и старшему брату, младших не трогали. Мама всегда заступалась за нас.

Запомнился один случай. У нас многие крестьяне выращивали табак. У одного из них, деда Федора, был небольшой надел земли с табаком, отличавшимся очень высоким качеством. Ночью он его сторожил от воров. Махорка была дорогая, поэтому иногда крестьяне табак «занимали» у своих соседей.

Как-то утром к нам пришел дед Федор и говорит моему отцу: «Твой сын воровал у меня табак». Это было при мне. Отец взглянул на меня очень строго, было видно, что он был сильно расстроен. Я очень испугался. «Ты воровал?» — спросил он. Я ответил: «Ни сном, ни духом. Я не могу знать, где их табак». Дед Федор настаивал: «Нет, он врет». Тогда отец мой сказал: «Вы идите, я его накажу». Я помню, отец наказал меня солдатским ремнем как никогда. Даже мама не могла заступиться за меня. Не понимаю, как я выдержал.

Прошло немного времени, как снова пришел дед Федор и говорит отцу: «Савва Андреевич, прости, пожалуйста, сына твоего не было, не виновен он». И перечисляет имена тех, кто воровал. Отец страшно разволновался и заплакал. И потом всю жизнь просил прощения у меня, что побил ни за что. Это я помню до сегодняшнего дня, и мне становится ужасно жаль отца.

Спиртное отец употреблял весьма умеренно, несмотря на свое крестьянское происхождение. Да и возможности, я полагаю, не было.

Когда я пошел в школу, для семьи возникла большая проблема, так как меня нужно было обуть и одеть. У нас в селе

было две школы. Мне повезло, я хоть и попал в школу, которая была дальше от моего дома, но она была лучшей. Возглавлял эту школу Илларион Никифорович Бирюков, очень высокообразованный человек. Он был из обедневших дворян, демократично настроенным человеком. К нему попасть в школу было весьма проблематично. Но моя мама упросила его, и я был зачислен. В это время отца уже с нами не было, он был на фронте. Шла Первая Мировая война.

Я успешно окончил 1-й класс, пошел во 2-й и ходил в школу до заморозков. Тут моя учеба закончилась по банальной причине — у меня просто не оказалось зимней обуви, и я всю зиму просидел дома. На третий год я снова пошел во 2-й класс.

Во время моей учебы батрачил мой старший брат Иван. К этому времени он успел окончить три класса, но страшно не любил школу из-за своей учительницы, злобной женщины, применявшей к ученикам телесные наказания. Поэтому учеба моего брата была непродолжительной.

Как я уже говорил, несмотря на бедность, мой отец и дед были грамотными людьми. Что удивительно, мама моя была неграмотной, хотя и происходила из зажиточной семьи. Но это вполне объяснимо. Она являлась самой старшей из детей, и вся работа по хозяйству была на ней. Да и не было принято давать девочкам образование.

Будучи неграмотной, моя мама, Анастасия Федоровна, как могла, помогала мне овладевать азбукой. Некоторые буквы она все-таки знала, рисовала на бумаге большую печатную букву «А» и говорила: «Это кровля от крыши». Буква «О» — бублик, буква «С» — половина бублика. Она всегда говорила нам: «Учитесь, чтобы не крутить хвосты быкам». Означало это следующее. Чтобы поднять лежащих быков, которые были только у помещика, надо было крутить им хвосты.

Для того чтобы появлялись в семье хоть какие-то деньги, мама продавала на рынке либо молочные продукты, либо кур, либо уток и выручала маломальский доход. Хлеба своего отец никогда не продавал. Он подрабатывал извозом: осенью и зимой возил зерно помещиков на ссыпной пункт в Запорожье.

Когда началась Первая Мировая война, моего отца мобилизовали в армию и направили на фронт. Для семьи это была большая беда. Даже я, 11-летний мальчишка, понимал это. По возрасту имея «белый билет», отец попал не в первую, а во вторую мобилизацию на Румынский фронт и служил в обозе. Подвозя к передовой боеприпасы, отец нередко попадал под артиллерийские обстрелы неприятеля. На его глазах погибали люди и лошади. Короче говоря, это был тяжкий труд солдата. Во

время одного из таких обстрелов отец был контужен. Однако в госпиталь его не положили. Тогда, как правило, контуженые не относились к числу тяжелораненых.

Отец вернулся в 1917 году, вернее, начальник отпустил его на две недели домой в связи с тяжелым положением семьи. Как раз в это время разворачивались революционные события, и отец не счел нужным, как и многие другие, возвращаться на фронт. Дух и политика революции ему были близки, тем более крестьян наделили главной прерогативой сельского хозяйства — землей. Надо сказать, что в революцию 1905 года он вместе с другими односельчанами выступал против помещиков.

Армия распалась, царя не было, и это не считалось дезертирством. Никого не арестовывали. Но фронтовики вели себя по-иному, они принесли в село новый дух. Многие из них принесли с собой винтовки. Они прошли горнило войны, знали на собственном опыте, что это такое. Рассказывали нам о своих бедах, о больших потерях на фронте. Многие пришли с фронта без ног, без рук, все это было наглядно, и поэтому у нас, возможно, даже неосознанно пробуждалась ненависть к царскому режиму.

Пока отец был на фронте, мама нас воспитывала, следила за тем, чтобы мы хорошо учились, прививала любовь к труду.

Четвертый класс сельской школы я закончил в 1915 году. Запомнился эпизод, связанный с Законом Божьим. Этот урок мы изучали с неохотой, преподавал священник. Дело подходило к выпускным экзаменам. У меня по всем предметам были пятерки. На носу — Закон Божий. Я про себя думал: если вытяну билет по Новому Завету, безусловно отвечу, а Ветхий Завет знал хуже.

Во время экзамена был небольшой перерыв. Все вышли из класса, в том числе и комиссия, а мы с моим одноклассником Белоконовым Иваном остались. Используя этот удобный момент, я быстро перебрал лежащие на столе билеты и выбрал билет с вопросом «Сотворение мира и человека». Мой одноклассник тоже нашел для себя приемлемый вариант. Я, недолго думая, послюнявил палец и прижал его к билету, оставив на нем еле заметный след. Только я закончил эту операцию, открылась дверь и вошла комиссия.

Первым по алфавиту вызвали меня, поскольку в классе не было учеников с фамилией на «А». Я подошел к столу, взял свой билет и начал «чесать» как стихотворение. Все остались довольны моим ответом, в итоге — «отлично».

Я успешно окончил школу с похвальным листом. Мама спросила:

— Что будем делать дальше?

— Наверно, надо учиться.

— Я тоже так думаю.

— А как же вы одна будете? — Мы родителей всегда называли на «вы».

— Ничего. А куда бы ты хотел?

— Или в Широкое, или в Сурско-Михайловку. У моей бабушки, второй жены моего деда Андрея, в Сурско-Михайловке жил родственник по прозвищу «Губернатор». Так созрело решение поехать в Сурско-Михайловку, которая находилась в 12 километрах от нашего села.

Здесь я хочу отметить, что мой дед Андрей Федорович после смерти любимой всеми бабушки Варвары женился во второй раз. В честь бабушки мои родители первую дочь назвали Варварой.

Сначала дед хотел жениться на соседке, вдове по имени Калина, но отказался от этой мысли после разговора со старшим сыном — моим отцом.

— Я хочу жениться на Калине, — сказал дед.

— Ну что вы, у нее трое детей, да нас сколько. Мы не потянем такую большую семью.

— Так ведь у нее земля есть. И потом, ее сыновья уже работают, так что справимся.

Но, несмотря на все убеждения, отец мой остался непоколебим, категорически возражая против этой женитьбы. Разъяренный дед взял в углу старый сапог и запустил в отца, попал в нос и перебил его, сам того не ожидая. Обычно они всегда жили дружно, но в тот момент дед был настолько озлоблен на старшего сына за нежелание его понять, что не заметил, как вышел из себя.

Отец вынужден был поехать в больницу, где ему нос забинтовали. Как напоминание об этом случае, у отца на носу осталась горбинка.

Так дед и не женился на Калине, а женился на другой женщине. Мы ее все очень полюбили, она была доброй, относилась к нам с вниманием. Почему-то я был ее любимым внуком.

В Сурско-Михайловке новые родственники нас с мамой приняли хорошо. Там было двухклассное земское училище. «Губернатор» нам сказал, что директора училища зовут Алексей Маркович и он его знакомый. Я даже не исключаю, что «Губернатор» предварительно поговорил с ним обо мне.

Мы пошли к директору. Мама с Алексеем Марковичем побеседовала, попросила принять меня в училище, показала похвальный лист. Алексей Маркович был очень любезен,

посмотрел похвальный лист и сказал: «Молодец». Потом он спросил: «А где же он будет жить?» Мама моя, предполагая возникновение подобного вопроса и обдумав его заранее, сказала: «Я думаю, что у «Губернатора». Алексей Маркович, видимо, чувствуя, что вопрос будет решен положительно и с кое-какой выгодой для него, в конце концов сказал: «Что ж, я готов принять его». Затем он объяснил, когда начинается учеба, какие учебники будут нужны. Я записал в тетрадке названия учебников. Напоследок он сказал: «1-го числа — учеба».

Мама тут же принесла двух уток, которых заблаговременно захватила с собой. Алексей Маркович взял их и поблагодарил ее.

Мама сообщила «Губернатору», что меня приняли в училище, и спросила, можно ли будет мне у них пожить. «Губернатор» задумался, потом сказал: «Я думаю, что да».

Спустя десять с лишним лет я заезжал в Сурско-Михайловку. Я подъехал к дому «Губернатора», но соседка сказала, что они тут уже не живут. На мой вопрос, где они сейчас, она ответила: «Не буду рассказывать». Я подумал, что их раскулачили, ведь наши родственники были богатыми людьми. Поэтому я не смог поблагодарить их за то, что они меня в свое время приютили.

Возвращаясь к моей учебе в училище, хочу отметить один случай. В середине первого учебного года Алексей Маркович собрал всю школу и сообщил: «У нас радостная весть. По нашему ходатайству наш отличник Сережа Бельченко начнет получать с нового учебного года стипендию в размере 120 рублей». Это была годовая стипендия, что в те времена было неплохой поддержкой. Я был стипендиатом земской уездной управы, один на всю школу, по ходатайству Алексея Марковича. Он знал, что я был из бедной семьи.

Все летние каникулы я работал дома, помогал маме по хозяйству и периодически ходил на поденную работу к помещику. Второй год я жил опять же у «Губернатора». Я не думаю, что мама платила за мое проживание, поскольку он был богатым человеком. У него работало 6 военнопленных немцев и венгров. Тогда правительство делало так — дабы не кормить пленных, отдавало их помещикам и кулакам, где они работали и кормились. Я подружился с этими военнопленными, разучивал и распевал с ними песни. Все пленные понимали русский язык, а некоторые вполне прилично разговаривали.

Мой старший брат Иван, проработав к этому времени 2–3 года в Соленом в кооперативной лавке мальчиком на побегушках, устроился продавцом в кооперативный магазин в Сурско-Михайловке. В таких магазинах крестьяне могли покупать все необходимое для семьи и для хозяйства. Брат тоже жил у

«Губернатора».

В конце октября 1917 года приехали из Екатеринослава (ныне г. Днепропетровск) двое моих соучеников по двухклассному училищу и зашли ко мне в школу. Они к тому времени уже учились во вновь созданной украинской гимназии в Екатеринославе и предложили мне поехать с ними и поступить в эту гимназию. Обнадежили, что это возможно.

Классическая мужская гимназия № 1 находилась на Соборной площади в Екатеринославе, и там учился один из моих друзей детства, впоследствии профессор Ленинградского горного института Николай Константинович Морозенко. Я ему очень завидовал, а тут появилась такая возможность стать гимназистом. Надо сказать, что в эту классическую гимназию, где учился Николай, принимали детей только богатых родителей, и мой друг — крестьянин-середняк — оказался там единственным, так как был талантлив и его рекомендовал туда хороший знакомый отца, какой-то ученый.

В Екатеринославе была еще частная гимназия, которой заведовали две сестры-немки Биттнер. Там, кстати, обучалась и моя будущая супруга. Ее отец был земским врачом, и для их семьи такое обучение самой младшей дочери было возможно.

Я очень обрадовался предложению моих знакомых и согласился с ними поехать. Рассказал об этом своему старшему брату. Иван мне резонно возразил: «А где ты будешь жить?» Я сказал, что при гимназии имеется общежитие. Подумав, брат не стал возражать и дал мне немного денег. Документов у меня никаких не было.

По приезде в город мои друзья привели меня к директору украинской гимназии. Вид у него был очень внушительный и солидный. Он являлся профессором, носил благообразную бородку. Как оказалось, он знал моего учителя Алексея Марковича и высоко ценил его как педагога. Для зачисления в гимназию нужно было сдать ряд экзаменов. Существовала приемная комиссия. Успешно сдав все экзамены, я был зачислен в третий класс. Единственная проблема была с иностранными языками. В гимназии преподавали французский и немецкий, а я не знал даже латинского алфавита.

По моим знаниям меня зачислили сразу в третий класс, но с условием, что за летний период я догоню своих одноклассников по иностранным языкам.

В гимназии требовали говорить на чистом украинском языке. Дело в том, что в селах вокруг Екатеринослава люди говорили на смешанном русско-украинском языке. Мне пришлось переучиваться и в этом. В гимназии учились и мальчики и

девочки вместе, в большей степени преобладали городские дети. Я в своей простой деревенской одежде выглядел чужаком среди них.

Первым уроком был французский язык, вела его молодая красивая женщина Вера Георгиевна Довбня. Я потом узнал, что она из Сурско-Михайловки, дочь богатого хуторянина. Когда кончилось занятие, она подошла ко мне и спросила: «Серж, вы что-нибудь поняли?» Я ей сказал, что понял только одно слово, которое знал, «мерси». Беседуя со мной, она дала понять, что готова со мной позаниматься во внеурочное время, естественно, не бесплатно. Но что можно было тогда с меня взять? Я еле мог прокормиться.

Меня поселили в общежитие, где плохо, но кормили. Я там жил с перерывами более трех лет. Учеба проходила в период Гражданской войны, Екатеринослав оказывался то в руках красных, то петлюровцев, то махновцев, то германских войск, которые привели гайдамаков и гетмана П. П. Скоропадского. Поэтому учеба проходила с длительными перерывами, но все же я закончил 5-й класс.

После установления Советской власти через некоторое время гимназию закрыли по той причине, что она была сильно украинизирована и готовила по существу националистические кадры. После ее закрытия я поступил в политехнический техникум на 2-й курс. Это было в 1919 году.

Осенью 1919 года на короткий срок Екатеринослав захватил батька Махно. Сразу же начались грабежи, поджоги магазинов и т. д. Занятия прекратились, и я решил поехать домой. Спустившись с Соборной площади на проспект, я увидел группу всадников на красивых, сытых лошадях. Впереди всех на лошади сидел небольшого росточка худощавый человек в серой кубанке на голове. Это был Нестор Махно. Увидев всадников, я остановился и стал на них смотреть, при этом руки у меня находились в карманах. Вдруг один из всадников, оголив шашку, подскочил ко мне и закричал: «Руки!» Я вынул руки из карманов. После того как убедился, что я не представляю опасности, он быстро развернулся и уехал к своим товарищам. Расстояние между нами было метров 20–30. Я понял, в чем дело. Они заподозрили, что в моих карманах может находиться либо револьвер, либо граната. Так состоялась моя первая встреча с махновцами.

Следует отметить, что махновцы в тот период времени владели значительной южной частью Украины, в том числе и районом, где находилось мое родное село.

На фронте произошел перелом. Под ударами Красной Армии

деникинцы начали отступать на юг. Для очищения своих тылов от красных партизан и махновцев они направили карательные отряды из Дикой дивизии: чеченцев, ингушей и других кавказских национальностей. И те, зверски действуя, выполняли эту задачу.

В это время я находился у себя дома в Соленом. Свирепствовала страшная эпидемия тифа, болели взрослые и дети. В селе в это время было много махновцев, большая часть которых тоже болела тифом. Они забивались в школы, там умирали, их не успевали хоронить. Видимо, никакой медицинской помощи не было.

Как-то я зашел проведать своего друга Захара, который переболел тифом и уже выздоравливал. Его недавно вернувшийся из немецкого плена старший брат Андрей в это время находился в другой комнате. Немного отступая от разговора, хочу заметить, что в то время все военнопленные, вернувшиеся домой, имели куртки с отличительным знаком — пришита желтая полоса на правом рукаве.

Мы поговорили с другом минут тридцать. Я уже решил уходить, машинально посмотрел в окно и увидел конницу белых.

Была середина дня. А Махно ушел из села еще на рассвете, видимо, получив разведданные о приближении белых.

Махновцы уходили на тачанках. Девок с ними было много, одеты они были по-разному: в шляпах, в красивых костюмах и так себе. Во всяком случае, было видно, грабили они крепко, лошади у них были самые хорошие. Потом мне рассказывали, что эти лошади из Таврии.

Была глубокая осень, шли сильные дожди. Чернозем сразу превращался в грязь, а махновцы — на тачанках, уходили на юг без боя, бросая тяжелораненых и больных тифом.

Мой старший брат Иван в это время находился в партизанском отряде красных. Это был отряд, состоявший только из наших односельчан. Они партизанили в нашей и соседних волостях: устраивали против белых засады, ночные налеты. Этот партизанский отряд очень беспокоил тыловые службы деникинцев. Из-за внезапных налетов и засад белые несли немалые потери.

Партизаны этого отряда, которые внесли свой вклад в ликвидацию деникинцев, после Гражданской войны получили удостоверения «Красный партизан». Мой брат Иван тоже получил такое удостоверение, дающее ряд привилегий.

Как-то брат заскочил домой. Это было незадолго до появления белых, у него с собой было два револьвера и винтовка.

В то время у молодежи почти в каждом дворе было оружие, которое тщательно пряталось. По моей просьбе брат мне оставил револьвер, который взял у пленного офицера.

В тот день я как раз взял этот револьвер, положил в карман и пошел к другу. Хотел похвастаться, показать ему. Одет я был в перешитую на меня отцовскую фронтовую шинель. Разумеется, я первым делом подумал про револьвер, когда увидел белых. Встал вопрос: куда его девать? Я перепугался основательно.

Вдруг я увидел, что под полом, где лежал мой друг (на Украине полом называют место, где люди спят), лежат тыквы. Дело было поздней осенью, и подпол был забит этими большими тыквами. Я схватил нож, вырезал кусок на одной из них и засунул пистолет внутрь, заткнул обратно дырку и положил тыкву на место. Не понимаю, как я сообразил тогда, но это было сделано быстро.

И тут я вспомнил, что Захар мне тоже показывал пистолет, когда еще был здоров. Оставил этот пистолет его брат Афанасий, который находился в партизанском отряде вместе с моим братом. По-моему, это был «кольт» и спрятал он его в дымоходе. Его старший брат Андрей об этом не знал.

Я забежал в ту комнату, где был Андрей, встал на стул, полез за пистолетом в дымоход. Андрей смотрел на меня удивленными глазами, не понимая, в чем дело. Когда я вытащил из дымохода пистолет. Андрей поднял руки, перепугался. Я побежал обратно, а сам думаю, ведь пистолет большой, будет тяжело в тыкве спрятать. Решение пришло молниеносно. Мама их в это время собиралась идти за водой, у них рядом с домом находился колодец. Я положил пистолет в ведро и попросил бросить его в колодец. Наблюдая в окно, я удостоверился, что она его действительно бросила в колодец, опрокинув ведро.

И вот я вижу в окно: заскочили во двор трое всадников — один офицер и двое кавказцев. Как потом стало известно, это были чеченцы. Шашки у них были наголо.

Дверь в сенцы была открыта, однако они ворвались не в левую сторону, где была кухня, а в правую большую комнату, где был я. Первый, кто ворвался, крикнул: «Большевик?» Я ответил: «Нет. Я пришел к товарищу, он болен». «А-а, вы все товарищи!» — и ударил меня рукояткой нагана по левой щеке. От этого удара впоследствии остался шрам. Потом я понял, почему он меня назвал большевиком. Я был в шинели. Он схватил меня за руку и потащил. Я сопротивлялся. Вытащил меня в сенцы. Я знал, зачем. Каратели патронов не тратили, предпочитали рубить.

В это время из другой комнаты вышел Андрей. Он подошел к чеченцу и сказал: «Этот соседский мальчик пришел проведать

моего больного брата». Чеченец понимал по-русски, но тем не менее продолжал меня тащить на улицу. Андрей вышел во двор, где стояли двое других, и начал с ними разговаривать, причем на немецком языке. Один из всадников пожал Андрею руку — это был офицер. Белым офицером оказался немец-колонист, у которого Андрей много лет в молодости был батраком. Они узнали друг друга. Тот и приказал чеченцу отпустить меня.

Все это меня страшно удивило.

Они поехали дальше, а я потом спросил у Андрея:

— А кто это такой?

— Это колонист, у которого я двенадцать лет батрачил до войны.

Аналогичный случай произошел и с моим отцом. Отец в это время был у своего кума — нашего соседа. Чеченцы заглядывали в каждый дом и искали большевиков и махновцев. Когда ворвались чеченцы, кум представился хозяином.

— А это кто?

— А это мой сосед.

— Большевик?

— Да нет, он здесь живет рядом. Пойдемте, покажу.

Чеченец посмотрел, нет ли чего-либо, что можно взять, ничего не увидел, махнул рукой: «Уходи домой!»

Один из тех, кто был у кума, потом заходил к нам домой. Мама в это время была одна. Чеченец показал на сундук и крикнул: «Скрынь!» Раньше хозяйки в сундуках хранили самые ценные вещи. Сам открыл и начал выбрасывать оттуда вещи. В сундуке оказалась единственная ценная вещь, кожушанка — так на Украине называют один из видов теплой верхней одежды на овчине. Когда мама выходила замуж, это был ее самый лучший наряд. Мама схватилась за кожушанку, но не смогла долго бороться. В конце концов он оттолкнул ее сильно, и мама упала.

Через некоторое время красный партизанский отряд, где был мой брат, распался, и партизаны разошлись по домам, сопротивляться уже было невозможно. Иван пошел к деду Федору и спрятался в амбаре — большом сооружении, крытом соломой, где хранились полова, зерно и т. д. После того как ему сообщили об уходе деникинцев, он вышел и направился домой. На пути ему тоже встретились чеченцы. Опять же счастливый случай спас ему жизнь.

Он был одет по-крестьянски. Подъехали чеченцы:

— Следуй за нами.

— Так я же иду домой. Я тут недалеко живу. Приходите, пожалуйста, я покажу вам свой дом, родителей.

Но те упорно настаивали на своем. В это время подошел к

ним наш сосед, пожилой инвалид, который жил через 5–6 домов от нас. Его почему-то не трогали, он часто выходил на улицу и наблюдал за событиями. Он им сказал: «Это мой сосед. Хотите, давайте посмотрим его дом?» Поверили, отпустили брата.

Каратели убили многих. Особенно свою злобу и ненависть они изливали на больных и раненых махновцев, которые были почти в каждом доме. Потом их хоронили наши односельчане. Я не знаю, сколько, но помню: трупы, трупы, трупы.

К вечеру каратели ушли. Фронт деникинцев быстро под ударами Красной Армии отошел на юг.

Вскоре установилась Советская власть, и я вернулся в Днепропетровск, в политехникум (потом стал техникумом).

В начале 1920-х годов я еще учился в техникуме. В 1921 году был страшный голод. Была ужасная засуха, и крестьяне уже видели, что наступает неимоверная беда. То, что можно было где-то там собрать и чем можно питаться, все собирали. Но вообще-то все погибло. Дело дошло до того, что начали печь куроянеки. По-украински курай — это чертополох или перекати-поле, колючий сорняк с маленькими семечками. На земле больше ничего уже не росло, кроме чертополоха. Его собирали, молотили зернышки и делали что-то наподобие хлеба. Называли этот хлеб куроянеком. Этим и питались. Люди умирали от голода, существовало людоедство.

Я, конечно, приехал домой, уже не учился, потому что кушать было нечего. С отцом мы взяли из дома все, что можно было продать из одежды, обуви, сели в бричку и поехали на Полтавщину. Там все поменяли на хлеб, поскольку урожай там был неплохой. Привезли мешка 4 зерна, этим долго жили.

После того как деникинцы и Врангель были разгромлены, я снова вернулся в свой техникум и жил в общежитии. Я помню, нам давали очень скудный паек. Брат мой Иван в Днепропетровске устроился продавцом в магазине. Через какое-то время он нашел меня. Иван мне сказал, что уполномочен организовывать комсомол в губернии. А комсомол в Днепропетровске уже был.

В комсомол я вступил в 1921 году вместе с Николаем Белоконовым, младшим братом моей мамы. Он был мой ровесник. Мама мне рассказывала, что, когда моя бабушка болела и не могла кормить грудью, ей пришлось кормить своим молоком меня и своего младшего брата. Николай учился в педагогическом техникуме. По совету Ивана мы с ним пошли в уком комсомола, где были приняты в комсомол. Мы получили комсомольские билеты и гордились этим.

В укоме комсомола брата хорошо знали, поскольку он там

работал инструктором-организатором. Денег никаких не давали, но подкармливали. И вот он экономил хлеб, который ему давали, собрал целую буханку хлеба и сказал мне: «Вот тебе буханка, снеси родителям». Была лютая зима. Идти надо было 30 верст, никакого транспорта, страшные сугробы, вьюга, единственный ориентир — телеграфная линия.

Понимая, что дома умирают родители, я пошел. Падая и поднимаясь, я шел по бездорожью, от усталости хотелось спать. Но я понимал, что если засну, то больше не проснусь. Я боролся со сном и к вечеру пришел к родителям.

Я увидел страшную картину: мои родители, сестра Варя и брат Петя умирали от голода. Хлеб, который я принес, мама по маленькому кусочку давала Варе и Пете. Я спросил:

— А чем же вы живете?

— Живем куроянеком.

Собирали еще осенью курай, молотили, зернышки мололи в муку и пекли куроянеки. По моей просьбе мама отрезала мне маленький кусочек, очень экономно. Я попробовал — безвкусный. Что-то такое, чем можно заполнить желудок. Я страшно расстроился. Отец спросил: «Как же ты теперь?» Я сказал, что надо возвращаться в город.

В этот период времени я стал бойцом ЧОНа (части особого назначения). Отряды ЧОНа, состоявшие из коммунистов и комсомольцев, занимались борьбой с бандитизмом. Нам, в частности, пришлось сражаться против банд буржуазных националистов.

Через какое-то время Ивана, меня и Николая Белоконова вызвали в уком комсомола, где сказали: «Вы командируетесь на краткосрочные продовольственные курсы. Окончите курсы, пошлем вас инспекторами на продработу».

Это был 1921 год. На X съезде РКП (б) была принята новая экономическая политика (НЭП), вместо продразверстки был введен продналог. Это значительно облегчало ведение крестьянского хозяйства: налог взимался с учетом количества десятин земли и объема получаемого урожая зерновых. Потребовались новые кадры — инспектора продналога.

Нас определили на курсы, которые готовили этих инспекторов. На каждую волость полагался один продинспектор.

Курсы находились недалеко от здания губернского ЧК на улице Новодворянской. Следует отметить, что начальником ЧК был Александр Максимович Трепалов — человек порядочный, старый коммунист, посланный Ф. Э. Дзержинским в Екатеринослав в 1920 году. Репрессии со стороны ЧК в основном

касались определенных кругов населения: бывших помещиков, буржуазных националистов, уголовных элементов. В это время бандитизм был серьезной проблемой для органов милиции и ЧК.

Случилось так, что дальний родственник моей будущей жены состоял в одной местной бандитской шайке и в перестрелке с чекистами был ранен. Его мать обратилась с просьбой к моему будущему тестю, врачу сельской больницы, чтобы он приютил ее сына у себя в доме. Но его домашние были категорически против этого, и он поместил его в больницу вместе с другими больными. Вскоре кто-то донес об этом случае в ЧК. Приехала группа чекистов, арестовали бандита, а заодно и моего будущего тестя, и увезли в Днепропетровск. В общей сложности будущий тесть провел в тюрьме около двух месяцев. Выпущен он был благодаря начальнику губернского ЧК А. М. Трепалову, который, обходя камеры в тюрьме, поинтересовался у тестя, за что сидит. Выяснив, в чем дело, и понимая, что врач по своему долгу обязан больных не разделять на своих и чужих, он извинился и отпустил его домой. Это лишний раз доказывает, что чекисты не были такими кровожадными, как представляют их некоторые современные авторы.

По окончании 3-месячных курсов меня и родного брата моей мамы Николая Белоконова направили в город Александровск, нынешний город Запорожье. Это было в начале апреля 1921 года. В Запорожье мы переночевали в гостинице, потом я поехал работать волостным продинспектором в волостное село Черниговка, а Николай поехал в соседнее волостное село Петропавловка. Старшего брата Ивана, который тоже окончил эти курсы, уком комсомола не отпустил, оставив его в Днепропетровске.

Вспоминается один эпизод. На следующий день, как переночевали в Запорожье, мы прогуливались по городу недалеко от гостиницы. К нам подошли две молодые симпатичные девушки и обратились с весьма непристойным предложением, на которое мы ответили отказом. Честно говоря, я был ошеломлен. Проституция очень сильно охватила в то время города нашей страны. Проститутками в основном становились девушки из села, которые покинули свои родные места, надеясь в городе найти кусок хлеба.

Следует сказать, что нас на курсах проинструктировали о том, что очень много людей в наших краях болеет венерическими заболеваниями, в основном сифилисом. Да что говорить, после Гражданской войны южные районы России и Украины были сильно поражены этим недугом.

На второй день мы поехали к месту назначения — в город

Большой Токмак. В Упродкоме нас принял комиссар. Нам дали паек, который состоял из муки, сухой колбасы, спичек и махорки.

Я хоть и не курил в тот момент, махорку взял, потому что ее можно было поменять на еду. Вообще были времена, когда я и курил, и бросал, но навсегда бросил курить на второй день после победы над гитлеровской Германией, потому что я дал себе зарок.

Несколько забегу вперед. После бомбежки в Смоленске в июле 1941 года, мне, контуженому, помогли вылезти из воронки. Рядом со мной сидел красноармеец и дрожащими руками сворачивал «козью ножку». Я попросил у него затянуться, и только затянулся, у меня началась сильнейшая рвота. Тогда-то я и дал себе слово, что если останусь жив, то брошу курить.

Распределили меня в большое село Черниговку. Раньше размеры села определялись количеством церквей. Так там было четыре церкви. Добрался я до Черниговки на перекладных, транспорта тогда не выделяли, но любой крестьянин на повозке, согласно моему мандату, был обязан довезти меня, если мне было по пути с ним. На месте меня принял председатель волостного исполкома по фамилии Чуб, член партии с 1917 года.

Моя работа заключалась в следующем. Комитеты незаможных селян, или комнезамы, помогали находить излишки хлеба у зажиточных людей. Последние зарывали хлеб в землю, всячески прятали его от уплаты налога. У меня на руках был так называемый справочник, у кого сколько десятин земли было засеяно пшеницей и сколько пудов зерна примерно можно было собрать. В этих районах был средний урожай.

Черниговская волость была недалеко от резиденции батьки Махно в селе Гуляй-поле. В это время Махно уже с остатками своей банды перешел в Румынию, а часть его людей вернулась к себе домой. Некоторые стали разбойничать и заниматься грабежами, все они были практически с оружием, и особую ненависть питали к продработникам, так как в большинстве своем были кулаками.

Продработники уничтожались махновцами сразу же, причем с особой жестокостью. Ввиду этой опасности я был постоянно вооружен. Если нужно было ехать далеко, то меня сопровождала небольшая группа из представителей комнезама. Помимо своих основных обязанностей я занимался агитацией и пропагандой среди местного населения, разъясняя ему политику партии и советского правительства, проводимую в деревне.

В октябре 1922 года меня вызвали в Большой Токмак и послали на медицинскую комиссию. У меня обнаружили порок сердца, ввиду чего демобилизовали, потому что служба продинспектора причислялась к военной. Как мне объяснили

врачи, это случается у молодых людей и вполне возможно, этот недуг исчезнет. Домой я вернулся вместе с Николаем, его отпустили из-за тяжелых семейных обстоятельств.

По пути домой поезд, в котором мы ехали, потерпел крушение около Днепропетровска. Мы чудом остались живы. Из Днепропетровска пошли пешком. Когда я пришел домой, все уже спали. Во дворе я увидел стог ржи. Был хороший урожай, голод отступил. Домашние безмерно обрадовались моему приезду. Иван работал в Соленом уже секретарем волостного комитета комсомола.

Через какое-то время меня вызвал к себе секретарь вновь созданного райкома партии, участник гражданской войны Мамченко. Меня избрали членом бюро и завполитпросветом, потом назначили заведующим клубом. Кирпичный амбар, где хранилось раньше зерно, был переоборудован руками комсомольцев и молодежи села Соленое в хороший сельский клуб.

Весной 1923 года райком партии выдвинул меня председателем комнезама и избрал секретарем комсомольской ячейки села Широкое, которое находилось в 10–12 километрах от моего родного села.

Там до меня председателем комнезама был товарищ Журавель, который успешно руководил отрядом по борьбе с бандитизмом и кулацкими происками, за что был награжден орденом Красного Знамени. После такого опытного работника мне было нелегко работать.

Партийной ячейки в Широком еще не было. Вся тяжесть политической работы возлагалась на комсомольскую организацию, которой я руководил. До меня секретарем комсомольской организации был Бондарь, который уехал на учебу в Днепропетровск. Следует сказать, что комсомольская организация была большая и активная, и я старался, а это было нелегко, не только сохранить тот уровень работы, который был до меня, но и повысить его.

По решению ЦК партии в марте 1924 года проводилась всесоюзная мобилизация актива комсомольцев и коммунистов для посылки в армию — для укрепления в ней партийных и комсомольских рядов. Из нашей волости отправили меня и моего друга детства Николая Константиновича Морозенко, учителя солонянской семилетней школы, который потом стал полковым учителем. Мы прибыли с ним в облвоенкомат города Днепропетровска, где меня направили в севастопольскую приморскую крепость — в береговую артиллерию. Я получил командировочные и отбыл в город Севастополь. Так началась

служба в Красной Армии.

Глава 2
Начало военной карьеры. Служба в Средней Азии

Непросто складывалась у Вас судьба. Совсем молодым человеком Вы уже активно помогали строить новое государство, укреплять Советскую власть.

На этой встрече мне хотелось бы услышать о Ваших первых днях службы в Красной Армии, о том, как Вы стали пограничником, где служили, какие были трудности.

Воинская часть находилась на берегу моря, у бухты Песочная, где стоял высокий бетонный бруствер — железобетонное сооружение, за которым находились большие пушки. Я представился комиссару по фамилии Коцар. Он меня хорошо принял и сказал, что меня назначают политбойцом 5-й батареи 2-го тяжелого артиллерийского дивизиона, по существу помощником комиссара.

Я тут же был избран секретарем комсомольской организации батареи. Среди личного состава преобладали малограмотные красноармейцы — артиллеристы. В мои обязанности входили громкие читки газет личному составу, проведение бесед, а в отсутствие комиссара — проведение политчасов, позже они назывались политзанятиями.

С собой я привез документы о принятии меня солонянской организацией кандидатом в члены партии, но в связи с призывом в армию райком не успел их рассмотреть. Комиссар мне сказал, что надо оформлять все заново. И действительно, через три месяца мне дали рекомендации замкомандира бригады и батареи Максимов и командир взвода Наумов. В мае 1924 года я был принят кандидатом в члены партии.

Командиром батареи был бывший царский офицер по фамилии Чубарев, из уральских казаков. Основу батареи составляли проштрафившиеся моряки, списанные с кораблей. Ввиду этого дисциплина в подразделении оставляла желать лучшего, и мне как политбойцу предстояло принять участие в ее поднятии. Приблизительно через полтора месяца я адаптировался к новым условиям, познакомился с бойцами. Следует отметить, что во время моей службы на батарее это воинское подразделение считалось сухопутным родом войск и только через некоторое время стало считаться флотским формированием. Ввиду этого у нас было обмундирование сухопутных войск. На груди бойцы

дивизиона имели так называемые «разговоры» — черные полосы.

Незабываемое впечатление на меня произвел сам Севастополь. Это очень красивый город на берегу бухты. Запомнился один эпизод. Я курил в это время. Один мой товарищ подвел меня на рынке к продавщице табака — местной татарке, торговавшей контрабандным турецким табаком. Я удивился, что у нее в руках ничего нет, и спросил друга:

— А где же табак?

— Есть у нее табак, только она прячет его. Подошли к ней, спросили. Она оглянулась по сторонам, убедилась, что рядом нет никого подозрительного, и вытащила из штанов на веревочке упаковку. Я посмотрел, понюхал — действительно хороший табак, и купил.

Как-то комиссар Коцар заболел, и мне пришлось за него проводить первый политчас. При входе в учебную комнату лектора матросы были обязаны встать по команде «смирно». Когда же вместо комиссара вошел я, никто не обратил на меня внимания, и все продолжали заниматься своими делами. На мгновение я задумался, как поступить в таком случае. Решение пришло мгновенно. Резким командным голосом я крикнул: «Встать! Смирно!» Все поднялись, тогда я сказал: «Докладывайте!» Подошел дежурный и начал докладывать: «Товарищ…» И растерялся, так как я являлся таким же бойцом, как и он сам. Но потом дежурный вспомнил мою должность и доложил: «Товарищ политбоец, батарея в составе… человек к политзанятиям готова». Я принял доклад и сказал: «Здравствуйте, товарищи!» После некоторой заминки они сказали: «Здравствуйте!» Так, независимо от своего желания, я стал овладевать навыками командира.

Помимо того, что я был политбойцом, я еще имел другие обязанности по службе. Приходилось мне быть и наводчиком, и досыльным, и замковым.

Стрельбы проводились нечасто, ввиду недостаточного финансирования, это было дорогим удовольствием. Но все обязанности обслуги орудия я изучил и знал хорошо.

Спустя 4 месяца с начала моей службы меня послали в Севастопольскую артиллерийскую школу младшего командного состава. Через пять месяцев меня приняли в партию.

Я успешно окончил школу и вернулся на батарею. Меня назначили начальником орудия, вместе с тем я продолжал выполнять обязанности и политбойца. На должности командира орудия я оставался до конца службы в береговой артиллерии.

За несколько недель до окончания службы меня вызвали к комиссару штаба артдивизиона. Он расспросил меня о дальнейших планах. Честно сказать, после службы я хотел

поступить в Днепропетровский горный институт, это была моя мечта. Тем более для служивших в армии было много льгот при поступлении. После непродолжительной беседы комиссар мне сказал: «Мы решили вас послать в военно-политическую школу в г. Киев». Комиссар ожидал от меня любой реакции, но не такой, которая последовала. Я ответил отказом. Это настолько ошеломило его, что он даже некоторое время не мог говорить. После непродолжительного молчания он поинтересовался, почему я так решил. Я ему объяснил, что мечтал учиться в горном институте и поэтому после увольнения в запас решил поступить в этот вуз.

Комиссар начал меня убеждать в том, что я по своим качествам создан для военной карьеры, а именно для политработы в войсках, что я уже готовый политрук и мне осталось только набраться теории в школе. Однако я стоял на своем. Было видно, что комиссар очень сильно рассержен и еле сдерживает себя, чтобы не сорваться на грубость. Он сказал: «Идите подумайте, товарищ Бельченко, а через два дня дадите окончательный ответ».

Два дня пролетели быстро, мнение мое не изменилось, и когда вторично комиссар принял меня, я снова сказал ему, что желаю поступать в горный институт.

Здесь комиссар уже не стал сдерживать свои эмоции и начал обвинять меня в политической неграмотности, сообщил, что это решение не его, комиссара, а руководства и партийной ячейки артдивизиона. Он мне напрямую сказал: «Вы, товарищ Бельченко, человек военный, и ваш отказ может быть воспринят как неподчинение приказу. Если не выполните приказ, придется вам партбилет положить на стол». Честно сказать, такого поворота я не ожидал, и мне пришлось согласиться.

Перед учебой в Киеве мне дали отпуск. Я приехал в родное село, рассказал родителям о таком положении дел. Побыв дома положенный мне срок, я направился в Киев.

В военно-политической школе обучался контингент, подобный мне, то есть люди с партийным и комсомольским опытом работы, бывшие бойцы и младшие командиры Красной Армии. В школе я познакомился с курсантом, бывшим пограничником. Впервые я узнал от него, что такое служба на границе, а именно в Средней Азии, где мне пришлось служить потом на протяжении многих лет.

Вместо трех лет я учился в школе два года. В связи с политической обстановкой потребовались в войсках кадры политработников, и мы сдали экзамены экстерном.

На распределении меня назначили в пограничные войска в Среднюю Азию. Я поехал туда уже не один, а со своей женой Надеждой Павловной.

Когда речь заходит обо мне, я всегда говорю, что мои награды, мое положение и в армии, и в пограничных войсках, в чекистских органах, на руководящей работе, на общественной работе — это все благодаря моему верному другу, моей жене — Надежде Павловне. А своим сыновьям всегда говорил: «Найдите себе такую жену, как ваша мама».

Я знал ее с детства, она — дочь врача, заведующего больницей. Когда я ходил молоть зерно на помещичью мельницу, мне приходилось ходить мимо больницы. Во дворе этой больницы всегда играли девчонки, но мне в глаза бросалась только одна, у которой были светлые, можно сказать, беленькие-беленькие волосы.

Прошли годы. Я поработал продинспектором, потом на комсомольской работе. Когда приезжал домой, я всегда интересовался ее судьбой. Мы происходили из разных социальных слоев, я — бедняк, она — из семьи сельской интеллигенции, поэтому мыслей жениться на ней даже в голове не было.

После моего возвращения с губернского съезда комсомола, на котором был делегатом, я выступил в своем клубе с докладом об итогах съезда.

Дело было поздней осенью, я был одет в черную шинель. Большой зал был наполнен, присутствовало много народу, в том числе и не члены комсомола. Я ходил по сцене в этой шинели и рассказывал о работе съезда. После моего доклада организовали танцы. Я очень любил танцевать.

На танцах я встретил уже повзрослевшую Надю, пригласил ее на танец. Танцевала она очень хорошо, поскольку к этому времени уже два года училась в частной гимназии сестер Биттнер в Днепропетровске, где кроме прочего девочек учили хорошим манерам, в том числе и танцам. Забегая вперед, хочу отметить, что Надежда Павловна всегда отличалась хорошими манерами, умела себя держать.

Она мне сразу понравилась, ей было тогда 16 лет. Но я отгонял от себя всякие мысли о дружбе с ней, так как понимал, что мы из разных социальных слоев, хотя мой отец в селе пользовался авторитетом. Кстати, он был одним из первых председателей сельского совета при Советской власти, в то время это была очень большая должность для сельской местности.

После нескольких встреч в клубе я стал провожать Надю с

подругой домой. На танцы она всегда ходила с подругой, а жила в другом конце села. Так началась наша дружба. Девичья фамилия ее была Филоненко.

Договоренностей у нас с Надей не было никаких. Когда учился в Киеве, переписывался с ней. После окончания пединститута она работала учителем в сельской школе в селе Троицкое Днепропетровской области.

Хочется отметить, что все мои письма, начиная с ранних, моя будущая жена сохраняла. Письма эти были не про любовь, а про жизнь. К сожалению, все они пропали в начале войны при отступлении.

При распределении после окончания учебы я поинтересовался, есть ли среди пограничников женатые. Узнав, что есть, я без промедления поехал к Наде в Троицкое. Я рассказал ей обо всех трудностях, которые на границе могли нас ожидать. После рассказа спросил, поедет ли она со мной. Она посмотрела мне в глаза и сказала: «С тобой поеду».

В тот же день мы расписались. Вещей у нее было немного, но одета она была хорошо.

Ташкент оставил у меня глубокие впечатления на всю жизнь. Эта была отправная ступень в новую жизнь. Мы Ташкент знали по повести А. С. Неверова «Ташкент — город хлебный». Этот город вызвал у нас большой интерес. Город, где сочетается старое и новое, древнее и современное. Что осталось до сегодняшнего дня в моей памяти — это журчащие арыки вдоль дорог, зелень многочисленных деревьев, сады, виноградники, обилие фруктов.

Стоял сентябрь 1927 года. В Среднюю Азию, на границу, нас прибыло пять человек: Тельный, Шемчонко, Гаврильчук, Чикин и я. Мы явились к начальнику политотдела пограничных и внутренних войск полномочного представительства (ПП) ОГПУ Средней Азии товарищу Талалаеву, который на петлицах носил два ромба. Человек уже немолодой, старый коммунист, опытный политработник, отлично знавший службу на границе. Он коротко рассказал нам об оперативной обстановке на границе. В тот период времени басмаческие банды действовали на территории всей приграничной части Средней Азии. Их отряды были очень маневренны, при встрече с крупными силами пограничников бой старались не принимать. Действовали больше из засад, налетами, так что пограничникам приходилось иметь дело с хитрым и коварным врагом.

Басмаческие банды проникали на нашу территорию через границу из Афганистана, где они укрывались. Они грабили местное население, зверски убивали крестьян, которые помогали Советской власти. Басмачи прекрасно знали тропы в каракумских

песках и местонахождение колодцев.

Талалаев нас спросил: «Как вы думаете, где наиболее целесообразно вас использовать? На границе вы не служили, но вижу, что вы уже бывалые политработники, у каждого из вас на петлицах три кубика. А у нас, на границе, начальник заставы носит три кубика. А помощник начальника заставы по политчасти носит два кубика. А послать вас на такую должность мы не можем, так как вы не знаете этой службы. Как же быть? Если вас послать на должность помощника начальника заставы, надо снимать по одному кубику». Он внимательно посмотрел на выражение наших глаз, взвешивая, очевидно, наше настроение, а потом сказал: «Мало ли что в жизни бывает. И у меня было такое: то поднимался, то опускался, — в зависимости от того, как сумел в данный конкретный момент работать. Поэтому решим, что большевикам не стоит обижаться на то, что они временно ущемляются в какой-то мере, исходя из требований обстановки. Пошлем вас на заставу в качестве помощников начальников заставы».

Помолчав, он взял папку, лежавшую перед ним, раскрыл ее, перелистал бумаги и сказал: «А впрочем, среди вас есть кавалеристы? Да, вы учтите, что у нас на заставах все кавалеристы». Я и еще пара моих друзей подняли руки и сказали, что выросли на лошадях и могут быстро овладеть конным делом, если потребуют интересы службы. «Вот хорошо, — сказал он, — мы для ликвидации басмаческих банд формируем две маневренные группы, у нас их раньше не было. Они предназначены для непосредственной борьбы с бандитскими шайками, которые прорываются на нашу территорию со стороны Ирана и Афганистана. Ввиду того, что наши части должны быть очень подвижны, то и называются маневренными группами. Жизнь там будет весьма неспокойная, но что поделаешь, интересы дела требуют. Назначим вас политруками взводов этих маневренных групп. Каждый взвод по существу будет самостоятельным подразделением, потому что боевые задачи придется решать в отрыве от маневренных групп».

После этого повел нас к начальнику пограничных войск Среднеазиатского округа Бабкевичу, носившему на петлицах три ромба. Он нас сразу же принял. Выше среднего роста, статный мужчина, оставляющий очень приятное впечатление, настоящий военный работник, он был лаконичен в беседе с нами. Спросил: «А что непонятно в тех задачах, которые поставил перед вами товарищ Талалаев?» Мы сказали, что много непонятного, но приедем на место, все своими глазами увидим, разберемся и будем стараться, чтобы не подвести школу, которая нас обучала,

и оправдать высокое доверие, которое нам оказано. Закончил он разговор с нами следующей фразой: «Мы с вами увидимся еще много раз, а едете вы в сложный 47-й пограничный отряд, отряд, который имеет замечательные боевые традиции. Историю отряда вы на месте изучите, с людьми познакомитесь и убедитесь, что это так. Служба ваша будет боевой, интересной и почетной».

Тут же был отдан приказ о том, чтобы нам выдали форменные фуражки, потому что мы приехали в фуражках полевых войск. Когда мы шли по Ташкенту, нам казалось, что все на нас обращают внимание.

Так непривычно было на своей голове чувствовать этот ярко-зеленый головной убор.

47-й пограничный отряд базировался в г. Керки в Туркмении. Конечно, было обидно из-за такого понижения в звании. Но по порядкам, которые тогда были в Красной Армии, нельзя было занимать низшую должность с более высоким званием. Но мы были молодые, поэтому горевали недолго.

Глава 3
Борьба с басмачами

Средняя Азия представляла в конце 1920–1930-х годов очень сложный регион. Недобитые банды басмачей постоянно вторгались со стороны Афганистана на нашу территорию. Мне было бы интересно услышать о том, как советские пограничники боролись с этими бандами. Какие формы и методы были у этой борьбы. Как местное население относилось к Советской власти, в том числе и к пограничникам.

Помимо этого, интересно узнать Ваше мнение об исторических событиях в нашей стране, очевидцем которых Вы были.

По пути в Керки мы проезжали Бухару, где нам рассказывали диковинные истории про жизнь бухарского эмира, про его гарем, где было около 100 женщин и, как сейчас говорят, мужчин неправильной ориентации, т. е. педерастов. Сам эмир, как нам говорили, был не прочь в своих утехах использовать мальчиков, хотя беспощадно казнил своих подданных, если узнавал, что те грешат тем же.

Город Керки Туркменской ССР, куда я прибыл в марте 1927 года, произвел на меня тягостное впечатление. Началось с переправы на левый берег Амударьи. Государственной переправы еще не существовало. Промышляли ею частные владельцы каюков (лодок). Сажали пассажиров столько, что вода едва не заливала их. Оказалось, что сесть в каюк трудно, так как берег не был оборудован. Требовалось умение прыгнуть в суденышко, чтобы не попасть в реку, кипящую водоворотами. Не менее трудно было и выйти из каюка. А как беспомощно мы чувствовали себя на середине полноводной реки, с тревогой следя за туркменом, который, выбиваясь из сил, орудовал длинным шестом, сопротивляясь течению — именно шестом, а не веслом, ибо только так можно бороться с могучей стремниной горной реки.

Керки хотя и называли городом, но это был большой кишлак, правда, не совсем обыкновенный, ибо в нем сходились торговые пути с Афганистаном. Одна из улиц называлась Таможенной, здесь стояло два ряда европейского типа домов, в них размещалась таможня и жили таможенные служащие. Остальные строения — глинобитные, с плоскими крышами.

В центре города находилась базарная площадь, куда на верблюдах и ишаках приезжали продавцы и покупатели всевозможных изделий. В базарные дни шла очень оживленная торговля. Немало было здесь купцов — туркменов и афганцев.

Торговали мясом, шерстью, великолепными коврами, фруктами, а нелегально — контрабандными товарами и наркотиками. Всего было вдоволь, кроме рыбы, хотя рядом протекала Амударья; иногда, правда, нам приносили рыбу, но по высокой цене. Называлась эта рыба скаферингус, с виду похожая на маленького сома, а на вкус даже лучше стерляди. Знатоки утверждали, что такая рыба водится только в двух реках мира: в Амударье и Миссисипи.

В наиболее многолюдных, а, следовательно, и наиболее грязных уголках рынка располагались парикмахеры; бритву им заменял остро отточенный кусок косы или длинный стальной нож — ими они брили и головы, и бороды, предварительно долго массируя кожу мокрыми пальцами без мыла. Благодаря такому массажу бритье проходило совершенно безболезненно, не вызывая раздражения.

В Керки в то время насчитывалось до двух тысяч жителей, из них около 600 русских, большинство которых составляли бывшие ссыльнопоселенцы. В городе были: один кинотеатр, одна русская школа и несколько школ на туркменском языке, больница и военный госпиталь.

Керки являлся окружным центром. Здесь размешались окружной исполком и окружной комитет партии.

Я единственный из всех моих товарищей приехал на границу с женой, вызвав большое удивление у них смелостью этого поступка. Условия жизни были очень тяжелые. Но хочется отметить, что жены для пограничников были надежным тылом и, как могли, скрашивали их скудный быт.

Прибыв в город Керки, мы сразу же явились к помощнику начальника отряда по политической части товарищу Морозову. Человек небольшого роста, подвижный, с проницательным взором, он умел хорошо, четко излагать свои мысли. Он сказал, что уже получил телеграфное распоряжение относительно нас и что мы назначены политработниками в маневренную группу.

Нам с женой выделили кибитку в крепости и дали пару дней на обустройство. Мебели у нас никакой не было, но тумбочки, табуретки и топчан мне удалось получить. Конечно, мне как женатому человеку была отведена кибитка получше.

Случилось так, что прибывшему со мной политработнику Максиму Тельному не досталось места. Пришлось поместить его с нами. Небольшую комнатку перегородили ситцевой шторой, и таким образом у нас образовалось как бы две комнаты.

Опасности поджидали нас на каждом шагу. Это касалось и насекомых. Старожилы разъяснили, что лучше всего спать на разостланной кошме, скорпионы не любили запаха шерсти. Обувь

по утрам не рекомендовалось надевать, не вытряхнув ее предварительно, потому что скорпионы забирались туда, где был хоть слабый запах человеческого пота.

С другой азиатской тварью, фалангой, мне пришлось вскоре познакомиться. Как клоп, она обычно взбиралась на потолок и оттуда падала на постель. Первое время мы по нескольку раз за ночь зажигали керосиновую лампу и осматривали стены. Потом надоело.

Почти все приезжие обзаводились настойкой на хлопковом масле или на спирте с убитым скорпионом, чтобы смазывать места, укушенные ядовитой нечистью. Насколько эффективно подобное лечение, мне испытать не пришлось.

Мы сразу же приступили к изучению материалов, характеризующих историю пограничного отряда. Там были названы многие фамилии славных командиров, начальников застав, их помощников, красноармейцев, прославивших себя в боях с басмаческими шайками. А надо сказать, что в этот период басмачество приняло очень широкие размеры.

Мне запомнились материалы, рассказывающие о боевом подвиге командира эскадрона Климова. Он в декабре 1923 года со взводом своих отважных бойцов разгромил в несколько раз превосходящую по своей численности банду в многочасовом бою. Своим личным примером он воодушевлял бойцов, которые самоотверженно сражались. В этом бою погибли пограничники: Остродинов, Васюков и Попов. Тяжело были ранены Червенко, Кривак и другие. Но отважные пограничники, пренебрегая смертью, разгромили многочисленную, вооруженную до зубов шайку басмачей. За отвагу и умелое руководство боем командир эскадрона Климов был награжден орденом Красного Знамени. Это был первый орденоносец Керкинского пограничного отряда.

Впоследствии я неоднократно своим подчиненным пограничникам в деталях рассказывал об этом славном командире и его отважных бойцах.

В памяти сохранился также эпизод, о котором нам рассказали, происшедший за год до того, как мы прибыли в Керки. Банда в 256 человек во главе с Чаян-Сардаром напала на пост Бедер. Несмотря на численное превосходство противника, 15 пограничников под командованием начальника поста Нестерова приняли неравный бой. Нестеров об этом сообщил на соседнюю заставу. Бой длился около трех часов. Десятки раз басмачи шли в атаку, но каждый раз, неся большие потери, откатывались назад. Геройски дрался с врагом красноармеец Баранник, который из ручного пулемета метко разил врага. В разгар боя подоспела группа пограничников с соседней заставы и внезапно нанесла

удар по врагу с фланга. А в это время группа Нестерова контратаковала врага с фронта. Бандиты не выдержали натиска, оставив на поле боя убитыми и ранеными 35 человек, и обратились в бегство.

За геройство и смелость в бою с бандами начальник заставы Нестеров и красноармеец Баранник были награждены орденами Красного Знамени. Эти события еще были свежи, и о них много рассказывалось.

Каракумские пески, длительное время служившие басмаческим бандам для нарушения нашей границы, стали постепенно все больше и больше осваивать пограничники. А с 1927 года пески Каракумов стали охраняться пятью заставами. Характерным в этом является то, что формированию каждой заставы предшествовала упорная борьба с басмачами за каждый колодец и дождевую яму. Каракумы и сегодня, несмотря на открываемые изо дня в день все новые и новые богатства их недр, представляют трудность для передвижения и тем более проживания.

В то время единственным средством передвижения у пограничников был конь. И поэтому пограничники с большой любовью и вниманием относились к этому животному. «Конь — это наше оружие», — говорили пограничники.

Мангруппа являлась кавалерийским подразделением, делилась на четыре взвода по 50 человек в каждом. Начальниками мангрупп нередко были не пограничники, а хорошие кавалеристы, образованные военные. Я попал в мангруппу под командованием И. И. Масленникова (будущий заместитель наркома внутренних дел по войскам), политруком в первый взвод. Командиром взвода был товарищ Климанов.

* * *

Плохо было тому, кто выезжал на границу плохо подготовленным! Не случайно существовал такой порядок: каждый едущий еще раз штудирует уставы, наставления, получает консультацию у старшего политического начальника по важнейшим вопросам жизни страны. Лишь после такой подготовки можно ехать на границу. Политработник кроме политических бесед был обязан провести на заставах практические занятия по тактике и стрелковому делу, проверить знание пограничной службы.

Мужество пограничников проявлялось не только в боевых стычках с противником. Сама по себе служба на границе — это

мужество. Самым большим испытанием и для всадника, и для коня было безводье. Нужна большая выдержка, чтобы флягу с водой расходовать постепенно, отпивая мелкими глотками. Были случаи, когда лошадь, дорвавшаяся до воды после 70-километрового перехода, погибала тут же у колодца, если ее не приучили пить мало и постепенно утолять жажду.

Большое значение имела тренировка для проведения длительных переходов по безводью. Обычно пограничнику перед выездом давали ломоть хлеба с толстым слоем соли — «солевой бутерброд». Съев такой бутерброд, человек напивался воды до полного утоления жажды. В походе происходило не только обезвоживание, но и обессоливание. Заблаговременно принятая большая порция соли, удерживающая влагу в организме, помогала переносить эти потери в пути.

Надо отметить, что питание пограничники всегда получали вполне достаточное, хотя сохранять продукты при отсутствии холодильников было трудно; скоропортящиеся продукты защищали от жары, опуская их в кожаных мешках в колодец.

Большим спросом пользовался клюквенный экстракт. В нем мы видели профилактическое средство против цинги.

В октябре 1927 года прибыло пополнение с Украины. Это были здоровые, крепкие, хорошие ребята. Можно сказать, что это был цвет молодежи, хорошая комсомольская прослойка, выходцы из рабочих и крестьян, бедняков и середняков. Это люди, на которых можно было положиться. Но надо было дать им необходимые военные и политические знания, втянуть их в службу по охране государственной границы.

Для первоначальной подготовки был создан учебный отряд, куда были направлены мы в качестве политруков взводов.

В декабре 1927 года мы повели молодое пополнение на заставу для прохождения практики после обучения в отряде. И в этот период всю заставу облетело известие о новом подвиге наших товарищей-пограничников.

Вооруженная бандитская шайка в количестве 70 басмачей вышла из Керкинского округа в направлении линии границы с целью прорыва в Афганистан. Для преследования банды из отряда выступила группа в 20 сабель под командованием уполномоченного отряда товарища Антонова. К этому времени я Антонова уже знал. Это был опытный оперативный работник, хорошо умевший сочетать оперативную работу с войсковой охраной границы.

Группа Антонова после 50-километрового перехода настигла банду и вступила с ней в бой. Басмачи заняли выгодную позицию

и перешли к обороне. Антонов приказал группе пограничников ружейным и пулеметным огнем приковать банду к земле, а сам с 10 бойцами зашел в тыл и с расстояния 50 метров огнем и гранатами разгромил ее. В этом бою было убито 17 бандитов, 10 ранено, остальные задержаны. Со стороны группы Антонова потерь не было.

За самоотверженность и храбрость в бою с басмачами Антонов, бойцы Желенков, Гривес и Артюхин были награждены орденами Красного Знамени.

А в марте 1929 года произошел следующий случай. Вооруженная банда численностью 60–70 человек под командой Давлия Сардара прорвалась через границу на участке Каракумской комендатуры и двигалась в наш тыл. Помощник коменданта Григорий Соколов, получив донесение о прорыве, с группой бойцов в 50 человек начал преследовать басмачей и, покрыв расстояние в 150 километров, настиг ее. Перестрелка началась с тыловым окружением банды. Вскоре под Соколовым был ранен конь. Видя, что конному строю сопку занять нельзя, он приказал бойцам спешиться и повел наступление в пешем бою.

Получив тяжелое ранение, Соколов продолжал руководить боем. Но, выбившись из сил и все же скрыв ранение, он сказал бойцам, что «аппендицит схватил», и приказал своему заместителю Юдину продолжать наступление. Бойцы во главе с Юдиным дружным натиском бросились в атаку на противника и сбили его с сопки.

В результате боя бандиты потеряли 17 человек убитыми и 15 ранеными. С нашей стороны ранено было пять человек. Г. Г. Соколов остался жив, впоследствии окончил академию, а перед войной был начальником Главного управления погранвойск НКВД. Я познакомился с ним на границе, и потом мы стали друзьями.

Один из авторитетных командиров при разборе данной операции сказал буквально следующее: «Красноармейцы три дня и три ночи не спали, мало ели, но вели себя отлично. Никаких жалоб не было. Было самое сознательное, дисциплинированное поведение. Особенно проявили в бою самоотверженность помощник коменданта товарищ Г. Г. Соколов, красноармейцы Щербина и Яковенко».

В 1930 году штабу отряда стало известно, что 18 марта 1930 года в Андхойском районе (Афганистан), в кишлаке Алта-Булык готовится вооруженная банда из эмигрантов Карабекаульского района во главе с опытным курбаши Сапар-Шайтаном. Банда имела своей целью прорваться на территорию Карабекаульского

района, забрать семьи, имущество, отары овец и уйти обратно в Афганистан.

23 марта командир получил данные о прорыве этой банды на участок Усман-Уюк. Для ее преследования из комендатуры выступила группа пограничников в составе 17 сабель под командованием помощника начальника нашей мангруппы товарища Тихонова.

После 15-километрового перехода группа Тихонова заметила движение банды численностью в 250 сабель. Тихонов решил вступить в бой. Басмачи, обнаружив пограничников, заняли командные высоты. Завязался упорный огневой бой. Бандиты, видя свое численное превосходство, несколько раз пытались окружить группу пограничников, однако, неся потери, снова отходили на занятый рубеж.

Тихонов, поняв, что банду выбить нет возможности, пошел на хитрость. Он оставил небольшую группу с ручным пулеметом во главе с командиром отделения Харченко, а сам с группой под прикрытием ружейного и пулеметного огня группы Харченко обошел бандитов с левого фланга, внезапным ударом атаковал противника и выбил его с высоты. Бандиты не выдержали натиска пограничников, захватили с собой раненых, в том числе тяжелораненого главаря банды, частью ушли в Афганистан, а частью в наш тыл.

Тихонов сообщил на заставу Усман-Уюк о результатах боя и направлении отхода банды. Прибыв на колодец Кизыл-Кудук, сдал раненых и после небольшого отдыха выступил на преследование остатков банды, уходящей в наш тыл.

26 марта отряд Тихонова, пройдя по следу 45 километров, снова настиг банду и завязал с ней бой. Пользуясь наступившей темнотой, банда ушла от преследования. Трое суток пограничники шли по следам. Бойцы не имели пищи, двое суток не поили лошадей. Для того чтобы покормить бойцов, была убита басмаческая лошадь. Позади осталось 300 километров пройденного пути. У колодца Корчук отряд встретил караван с водой, сопровождаемый группой под командованием начальника заставы Поскрепко.

После часового отдыха отряд Тихонова и Поскрепко возобновил преследование банды, которая через 15 километров была снова настигнута. Группа Поскрепко в конном строю обошла ее с тыла и совместно с группой Тихонова, наступавшей в пешем строю, атаковала банду и полностью разбила ее. Было убито 45 бандитов, ранено 7, взято в плен 4, захвачено 19 винтовок, 5 револьверов, 600 патронов, 27 лошадей. Мы потеряли 2 убитых и 2 раненых пограничников.

В этом бою в группе Тихонова особенно отличился командир отделения заставы Усман-Уюк Зиновьев. Вот что рассказал о нем Тихонов: «Зиновьев находился на правом фланге и, имея задачу пресекать всякие попытки басмачей окружить пограничников, проявлял исключительное спокойствие и выдержку. Дрался храбро до момента ранения его в голову. Но и будучи раненным, Зиновьев находил в себе силы для того, чтобы подбодрить бойцов, и направлял их к решительным действиям».

Командир отделения Зиновьев был награжден орденом Красного Знамени. Особые военные качества пограничника проявились у него в боях с белофиннами в 1939–1940 годах. За умелое выполнение заданий командования и за проявленные при этом мужество и героизм Зиновьеву присвоено звание Героя Советского Союза. Зиновьев окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе.

Никогда пограничники не забудут выдающегося подвига Давида Ярошевского. 25 марта 1930 года на пограничную заставу в песках у дождевой ямы прибыл связной из комендатуры и передал пакет Ярошевскому. Стало ясно — надо немедленно поднимать пограничников и идти к месту предполагаемого прорыва банды на границе. Басмачи намеревались прорваться с сопредельной стороны на нашу территорию.

Встретив банду ночью на черте границы, Ярошевский разгромил ее и донес коменданту следующее: «Басмачи разбиты. Зайдя к ним с флангов, мы сблизились на 150 метров. Они открыли огонь, но мы не дали им опомниться и бросились в атаку. Часть басмачей была перебита, остальные, отстреливаясь, бросились обратно».

В конце донесения Ярошевский назвал отличившихся бойцов. Сам он в этом бою зарубил одного басмача клинком, двоих убил из винтовки. Много других блестящих операций против басмачей провел Ярошевский, и каждый раз он со своими пограничниками выходил победителем.

В 1929 году Советский Таджикистан вместе с другими республиками Советского Союза приступил к социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Контрреволюционные элементы, эмигрировавшие за границу и группировавшиеся около бывшего эмира бухарского Сеид Алим-хана, делали попытки вернуть утраченные позиции и вновь вызвать к жизни басмаческое движение. За кордоном, в Афганистане, спешно создавались басмаческие банды для борьбы с Советской властью в Таджикистане.

Основным местом вторжения басмаческих банд в Таджикистане явился правофланговый участок отряда. Застава

Буры — это стык правого фланга отряда с соседним отрядом. Эта застава всегда была наиболее активным участком. Много славных боевых дел личный состав заставы вписал в историю 48-го пограничного отряда. Приведу некоторые эпизоды.

11 июля 1928 года часовым по заставе в пяти километрах северо-восточнее заставы была замечена переправляющаяся из Афганистана басмаческая шайка численностью в 15 сабель.

Как потом было установлено, это была банда во главе с известным на границе Утан-беком. Басмачи, заметив часового, пытались захватить его. Но после открытого им ружейного огня шайка, разбившись на две группы, ушла в направлении города Джили-Куль. Застава была поднята по тревоге. Дозор в составе трех сабель под командой начальника заставы Архангельского стал преследовать бандитов. Вскоре он настиг их и вступил с ними в бой. Шайка, видя малую численность дозора, пыталась окружить и разбить его. Но, встретив меткий ружейный огонь, обратилась в бегство. Пограничники снова начали преследовать басмачей и под Джили-Кулем окончательно разгромили эту банду. Только нескольким головорезам вместе с Утан-беком удалось бежать за кордон.

Много славных боевых дел совершил Иван Иванович Масленников — активный участник Гражданской войны, дослужившийся от красноармейца до командира кавалерийской бригады. Окончив высшие кавалерийские курсы, он в 1927 году прибыл в Керки, где был назначен начальником 2-й маневренной группы. Мне пришлось быть политруком и командиром взвода в составе его мангруппы. Я на протяжении ряда лет встречался с ним в различной обстановке: в учебе, в бою, на охране границы и в быту.

По приказу командования пограничных войск 2-я маневренная группа в силу сложившейся оперативной обстановки была переброшена в город Керки, во вновь сформировавшийся 48-й Сарай-Камарский пограничный отряд.

В конце августа 1928 года банда в количестве 170 человек, возглавляемая курбаши Утан-беком, в районе стыка правого фланга участка отряда переправилась из Афганистана на нашу территорию. 31 августа начальник мангруппы И. И. Масленников с отрядом пограничников, в котором состоял и я, выступил для ликвидации басмаческой шайки. К концу дня отряд настиг басмачей в районе колодца Сайхан и, несмотря на усталость, с ходу вступил в бой. В результате этого боя банда, потеряв убитыми и ранеными до 50 человек, в беспорядке отошла в направлении кишлака Хаджа-Мильк.

В начале сентября банда вновь была настигнута, уже в районе одного из кишлаков юго-западнее Гиссара, и вновь имела перестрелку с отрядом пограничников. Понеся потери убитыми и ранеными, басмачи отошли в район Турака и переправились на левый берег реки Кафирниган.

10 сентября банда, преследуемая отрядом Масленникова в горах Гази-Мамед, была вновь настигнута, в результате развернувшегося боя понесла потери и снова отступила. Отряд Масленникова неотступно преследовал басмачей, снова догнал их в горах Ак-Тау в районе балки Ачки (50 км севернее Кабадиана) и навязал бой. Банда понесла большие потери, а ее остатки, бросив награбленное имущество, запасных лошадей, во главе с Утан-беком бежали.

Пограничники в этом неравном бою потерь не имели, показали свою храбрость, отвагу, мужество и настойчивость в преследовании противника.

4 марта 1929 года было установлено, что банда Утан-бека численностью свыше 40 басмачей появилась в районе перевала Таразы-Бель (20 км северо-западнее Пархара), где занялась грабежом. В целях обнаружения и ликвидации банды из состава мангруппы отряда выступил дозор силой в 5 сабель с одним пулеметчиком под командой командира взвода товарища Тарашкевича.

5 марта командир дозора Тарашкевич донес, что банда намерена ограбить следовавший из Куляба в Файзабад-Кала верблюжий караван с хлопком и другим имуществом местных жителей.

Для ликвидации банды был выслан еще один дозор под командой начальника мангруппы Масленникова. Не доезжая 8 километров до перевала Тарзы-Бель, дозор обнаружил двоих басмачей, охранявших награбленное имущество и лошадей. Басмачи тут же открыли огонь по пограничникам. Ответным огнем один басмач был убит, а второй укрылся в пещере. Брошенной гранатой был ликвидирован и второй бандит. Награбленное имущество было передано местным жителям.

В тот же день в районе перевала Тарзы-Бель дозор И. И. Масленникова обнаружил банду Утан-бека в составе 25 человек с большим количеством награбленного имущества. Басмачи следовали в направлении Курк-Кудука. В это время на помощь Масленникову подоспел дозор, возглавляемый начальником заставы Сарай товарищем Савицким, и совместными действиями через три дня в районе долины Алоджир (12 км севернее заставы Файзабад-Кала) банда была разгромлена. Жалкие ее остатки с Утан-беком бежали, оставив большое количество мануфактуры,

каракуля и другого награбленного имущества.

В 1929 году с гор Каратау в отряд пришел 17-летний пастух и рассказал, что в районе колодца Беш-Кудук действует басмаческая шайка численностью в 40 человек. Она ограбила местных жителей и собирается уходить в Афганистан. Он также рассказал, что бандиты убили его старшего брата и председателя поселкового совета.

Спустя несколько часов в горы выступила поисковая группа в количестве пяти человек под командованием теперь уже помощника начальника 48-го погранотряда по строевой части И. И. Масленникова. К рассвету подъехали к колодцу Кизыл-Кудук. Было тихо. Казалось, что никакой банды здесь быть не может. Однако вскоре по склонам гор в полосатых халатах стали спускаться басмачи. Пятнадцать, двадцать, тридцать, сорок…

— Товарищ командир, смотрите, скачут всадники, — доложил пограничник.

Оставаться на месте было неразумно. Ринуться в атаку пятерым против сорока также рискованно. Товарищ Масленников скомандовал: «За мной!» Группа пограничников заняла удобное для ведения боя место в районе колодца. Отсюда хорошо просматривалась окрестная местность, и пограничники закрыли выход банде к границе.

Заметив пограничников и видя, что их мало, банда решила атакой выбить их из занимаемого района и уничтожить. С диким ревом пошла в атаку пестрая группа бандитов.

— Без моей команды не стрелять! Беречь каждый патрон, — приказал Масленников.

Как только басмачи приблизились, прозвучала команда:

— Огонь!!!

Несколько полосатых всадников кубарем покатились по откосу горы, следом за ними покатились раненые лошади. С воплем и визгом бандиты повернули назад. Вслед им пограничники посылали меткие пули и беспощадно расстреливали убегавших басмачей.

В течение целых суток несколько раз бандиты пытались атаковать пограничников, но безуспешно. Всякий раз от их меткого огня басмачи откатывались назад.

— Проверьте, сколько у нас осталось патронов? — спросил Иван Иванович Масленников Станковского.

— Двадцать семь штук, — доложил Станковский.

— Надо звать на помощь из отряда, — сказал Масленников и принял решение: — Товарищ Станковский, возьмите себе пять патронов, скачите в отряд за помощью и точно доложите о нашем положении.

Ночь была темной, и Станковский, пользуясь этим, вскоре исчез за холмами. О том, что в группе осталось по пять патронов на каждого и что ждет их всех впереди, никто не думал и не говорил. Бандиты несколько раз пытались атаковать отважных пограничников, но меткие, без промаха одиночные выстрелы заставляли их возвращаться в исходное положение.

К обеду на вторые сутки осажденная группа услышала конский топот и увидела скакавший на выручку своим товарищам отряд пограничников. Решительной атакой пограничники смяли банду. Клинками и пулями уложили большинство головорезов, а многих взяли в плен. На этом закончила свое существование эта банда. У пограничников потерь не было, за исключением двух раненых.

Хочется рассказать и о подвиге двух пограничников, Шамсутдинова и Донцова, который золотыми буквами записан в историю отряда. Весть об этом молниеносно разнеслась по всем заставам Средней Азии. На подвиге Шамсутдинова воспитывались и воспитываются многие поколения молодых пограничников.

А дело произошло следующим образом. Получив задачу, старший наряда рядовой Шамсутдинов вышел с красноармейцем Донцовым на охрану границы. Бурные потоки Пянджа заставляли до предела напрягать слух, а ночная кромешная темнота — зрение, чтобы улавливать посторонние звуки. Продвигаясь вперед, останавливаясь и залегая, снова и снова прислушиваясь ко всем шорохам, Шамсутдинов и Донцов подошли к наиболее удобному месту и залегли. Отсюда им лучше была видна переправа. Эту переправу знали все пограничники, она была излюбленным местом басмачей для перехода.

Пристально всматриваясь влево от себя, Шамсутдинов еле-еле заметил, как темное пятно быстро продвигалось вниз по течению.

— Неужели это и есть то, о чем нам говорил начальник заставы? Неужели именно эту, а не другую переправу решила использовать в эту ночь банда?

Шамсутдинов подполз к Донцову и кивком головы показал, как темная теперь уже масса направлялась к нашему болотистому берегу. Пограничники увидели большой каюк с людьми и лошадьми. Это была банда Утан-бека.

Пограничники ползком под прикрытием кустов и камыша бесшумно перебежали к месту, где невысокий берег представлял удобный выход в заросли. Патроны в патроннике, гранаты наготове.

Банда, сообразив, что им невозможно высадиться в том месте,

куда они направлялись, стала спускать каюк во власть потока, продвигая его вперед. Все делалось тихо, всплески весел сливались с естественным шумом воды. Уже около 40 метров отделяло бойцов от сотни вооруженных басмачей. А застава в 7 километрах. Вот бандиты приближаются к ним, и Шамсутдинов, собравшись, словно в кулак, сказал: «Пора» и бросил одну за другой гранаты в не успевших еще выйти из каюка на берег басмачей.

Тут же последовали меткие выстрелы пограничников. От неожиданности басмачи сначала закричали, а потом некоторые, придя в себя, открыли беспорядочный огонь в направлении выстрелов. Пули бандитов свистели над головами наших бойцов, которые бесперебойно вели меткий прицельный огонь. Крик басмачей, ржание лошадей и ружейная трескотня слились в один гул.

А на противоположном берегу осталась вторая половина банды. Заметив неладное, оттуда был открыт по нашему берегу ураганный огонь. Чувствуя поддержку с противоположной стороны, оставшиеся в живых в каюке басмачи тоже усилили огонь. В этот момент Шамсутдинова ранило в голову.

Не выдержав огня пограничников, неся большие потери, басмачи начали отчаливать от берега. Течение подхватило каюк и понесло вниз. Шамсутдинов продолжал вести огонь. Боль в голове усиливалась. При каждом толчке приклада она давала знать о себе все больше и больше. Каюк все быстрее и быстрее уходил от смертоносного берега. Так и на этот раз банда Утан-бека понесла очень крупные потери, бежав туда, откуда пришла.

Железная воля, преданность нашей партии, Родине и народу отважного сына татарского народа Галима Шамсутдинова и его помощника преградила путь банде Утан-бека, не дала грабить и убивать честных людей и мешать их мирному созидательному труду.

За доблесть и геройство, проявленные им в неравном бою с бандой Утан-бека, Шамсутдинов был награжден орденом Красного Знамени.

Из природных явлений, характерных для зоны Каракумов, мне хорошо запомнился афганец — местный юго-западный ветер, несущий много пыли обычно со стороны Афганистана.

Картина приближения афганца и его чудовищная сила, поднимающая на километры вверх огромные слои песка, не раз описывалась в научной и художественной литературе. Я хочу лишь сказать, что многие напрасно думают, будто опасность оказаться во власти афганца существует только в пустыне. Слов нет, в пустыне выдержать его удары труднее, но и на пограничной

заставе, равно как и в любом населенном пункте, афганец доставлял массу неприятностей.

Сначала устанавливается какой-то таинственный штиль, людей охватывает смутная тревога. Затем южный небосвод заволакивается желтовато-бурой пеленой, как бы накрывается снизу огромным пологом, растущим вверх и вширь с каждой минутой. Яркий солнечный день быстро сменяется сумерками. Желтая пыль летит все плотнее, проникая во все щели. Как бы вы ни закрывали уши, нос, рот, глаза, какой бы одеждой ни пытались прикрыть свое тело, — все бесполезно, пыль проникает всюду. Сначала вам удается выплевывать ее, потом во рту пересыхает, и вы уже едва шевелите языком и губами, и на зубах хрустит песок, словно битое стекло. Некоторые хозяйки заранее конопатили окна своих квартир, заклеивали их бумагой, и все же, как только налетал афганец, на любом предмете в доме можно было выводить пальцем буквы или рисовать по слою проникшей пыли. У каждого пограничника и у многих местных жителей были защитные очки, плотно прилегающие к лицу; они очень нужны в такое время, хотя и приходилось, крепко зажмуриваясь, протирать их чуть ли не каждые 20–30 минут.

Пройдет еще много лет, но память о героях, честно и самоотверженно защищавших границы Родины, будут хранить новые поколения пограничников. На заставе Хатын-Рабат воздвигнут памятник в честь героической гибели 3 славных чекистов-пограничников.

Осенью 1929 года наряд этой заставы в составе трех человек во главе с командиром отделения нес службу по охране государственной границы. Вдруг бойцы заметили банду в количестве 12 человек. Не теряя времени, они вступили с ними в неравный бой. Видя, что пограничников мало, басмачи решили во что бы то ни стало их уничтожить.

Сначала один, потом второй и, наконец, третий пограничник были тяжело ранены. И когда они были уже без сознания, бандиты захватили их и зверски замучили. Но уйти этим извергам не удалось. Соседний наряд, услышав выстрелы, донес на заставу. Начальник заставы товарищ Терехов, подняв людей по тревоге, вышел к месту боестолкновения. Найдя следы ушедшей в наш тыл банды, Терехов начал преследование. Через некоторое время в долине Кжард-Бужа ему удалось настичь басмачей и в жаркой схватке уничтожить их. Так за своих погибших боевых друзей пограничники отомстили бандитам.

В мае 1930 года пограничный наряд в составе красноармейцев Подгорного (старший) и Ардаширова вышел на

охрану государственной границы. Скрытно и бесшумно наряд следовал вдоль берега Амударьи на правый фланг своего участка. Бдительное наблюдение за охраняемым участком — это непосредственная обязанность пограничников, и они ее свято выполняют.

Конкретными фактами о предстоящем нарушении границы наряд не располагал. Вдруг на сопредельной стороне пограничники заметили двух всадников, которые то заходили в воду, то вновь возвращались на берег.

Старший наряда Подгорный решил замаскироваться и усилить наблюдение. Всадники исчезли. Но наряд продолжал вести тщательное наблюдение. Из камыша выехал один вооруженный всадник. Он долго и внимательно наблюдал за нашим берегом, потом снял тюбетейку, помахал ею, и к нему подъехали еще 9 вооруженных всадников. Не задерживаясь на берегу, они завели лошадей в воду и вплавь начали форсировать реку.

Все ближе и ближе подплывала банда к нашему берегу. Только басмачи начали выходить из воды, как раздалась команда: «Огонь!» — и меткие внезапные выстрелы ошеломили их. Мутная вода Аму-дарьи проглатывала одно бездыханное тело за другим. Среди басмачей началась паника. Они повернули вспять, но меткие пули пограничников их настигали, и бандиты один за другим шли на дно реки. Прошло всего несколько минут, и до сопредельного берега посчастливилось добраться только двоим раненым бандитам.

Так была уничтожена банда курбаши Мулы Халдара. Она была послана на разведку перед переправой тысячной банды Утан-бека для разгрома нашей заставы.

За проявленные мужество, отвагу и умелые действия при ликвидации бандгруппы красноармеец Подгорный был награжден орденом Красного Знамени, а красноармеец Ардаширов — именными часами.

В октябре 1931 года наряд, возглавляемый красноармейцем Олейником, медленно продвигался вдоль границы. Олейник и его напарник обнаружили следы бандитской группы, которая уходила к границе, угоняя с собой стадо баранов. Пограничники неотступно следовали за бандитами. Ночь выдалась темная, и это затрудняло преследование. Басмачи, заметив приближение пограничников, начали стрелять по ним из винтовок. Олейник не растерялся и подал команду: «Огонь!» В результате боя трое басмачей были убиты, а четверо задержаны.

Кроме того, пограничный наряд отбил у бандитов 270 баранов, 5 верблюдов и много другого имущества, награбленного

у жителей пограничных кишлаков.

Несколько слов хочется сказать о помощнике начальника 47-го Керкинского пограничного отряда по политической части Сергее Морозове. Этот человек умел располагать к себе людей, быстро входить в доверие к ним, умел как-то незаметно, когда это требовалось, в душевной, теплой беседе стереть грань служебного положения между собой и подчиненными, вплоть до рядового красноармейца. Он был частым гостем на заставах. Пожалуй, «гость» — это неправильно сказано. Он был лучшим наставником и руководителем. Когда он приезжал на заставу, запросто разговаривал, интересовался службой, бытом, возникающими трудностями, давал советы. Его волновало все: как люди отдыхают, как они питаются, часто ли бывают в бане, регулярно ли меняют белье, есть ли у них плащи, в каком состоянии обувь, когда они уходят на охрану границы. Обнаруженные недостатки он тут же на месте устранял. И оратором он был блестящим.

В то время происходили частые стычки с басмаческими шайками и вооруженными бандами на границе. Особенно неспокойно было в Каракумах. Редко бывало, чтобы банда уходила безнаказанной. Как правило, пограничники или уничтожали ее, или наносили большие потери. Но нередко и мы в боях теряли своих товарищей. И каждая такая потеря поднимала на более высокую ступень бдительность пограничников, закаляла их волю и стремление к победе над врагом, веру в свои силы и неистребимую ненависть ко всем врагам нашей Родины.

В моей памяти сохранились почти все похороны наших боевых друзей, погибших в 47-м отряде. Многих из них хоронили в Керки. И вот Сергей Морозов умел над гробом погибшего сказать то, что доходило до глубины души каждого из нас. Заканчивал всегда свою речь помощник начальника отряда призывом: «Пусть слова нашего партийного гимна «Интернационала» зовут нас к дальнейшим победам!»

С Морозовым мне пришлось потом встречаться, правда, всего один раз в Хороге, когда он совершил тяжелый многокилометровый переход по горным тропам во главе организованного им нового 66-го пограничного отряда. Видимо, те его качества, о которых я сказал выше, помогли ему справиться и с этой более сложной задачей. Несколько тысяч людей, огромный транспорт, лошади, запасы продовольствия, вооружения, боеприпасов, фуража — все это было в исправности, в надлежащем виде доставлено в Хорог. Это имело колоссальное значение, так как перевал в то время закрылся почти на полгода. И если бы отряд не привез с собой все необходимое, то не смог бы организовать охрану границы, люди не смогли бы жить.

Как я уже говорил, конь для пограничника являлся единственным средством передвижения. Часто нам приходилось приручать совершенно диких лошадей. Но одна кобыла была уж очень строптива. Там, где мы проводили занятия, был станок для обуздания лошадей. Мы с моим товарищем Гаврильчуком завели ее в станок — это два бревна, хорошо обработанных, точнее, прямоугольник, так как они перегорожены спереди и сзади. С одной стороны станок открывали, заводили лошадь туда и закрывали, и она в тесноте — справа и слева зажата, как в коробке.

Я ее завел туда — что она только не выделывала! Гаврильчук мне помогал. Так вот, завели мы ее в станок, а там была лестничка небольшая на верх этой коробки, чтобы можно было сесть на лошадь, и я сел. Что она делала, боже мой! А я держал повод — посажу ее, потом отпущу, потом опять, опять — и довел ее до такого состояния, что уже мыло на ней. Устала.

Тогда я Гаврильчуку сказал: «Снимай перегородку!» Он выдернул переднюю перегородку, я лошадь шпорами как прижал, и она понеслась. А там по берегу Амударьи дозорная тропа была, раньше пограничники по ней в наряд ходили, и я карьером пошел по этой тропе. Лошадь летела — это была отчаянная скачка.

Я мог бы ее загубить, а сам наверняка разбился бы, если бы она упала, а она вполне могла споткнуться. Не знаю, сколько прошло времени, но лошадь стала успокаиваться, с галопа, карьера перешла на трусцу и… смирилась.

* * *

Летом 1929 года нас неожиданно перебросили в 48-й пограничный отряд (теперь Пянджский пограничный отряд) в город Сарай-Комар (ныне г. Пяндж), где базировался штаб.

Железной дороги в то время там не было, поэтому мы шли походным порядком, на лошадях. Почти все командиры были с женами, а моя Надежда Павловна была тогда в положении, поэтому всех женщин перевезли на автомобиле. В пути переправлялись через Кафирниган, бурную реку, которая впадает в Амударью.

Вот так мы добрались до Сарай-Комара, там нас разместили, и началась обычная пограничная жизнь.

Снова пришлось бороться с басмачами. Они действовали разрозненно, но общая численность, говорили, была больше тысячи. Поэтому и в 48-м отряде нам тоже приходилось выезжать, преследовать банды, мы по-прежнему были в мангруппе — И. И.

Масленников во главе, а я в первом взводе — командир и политрук.

Досаждал пограничникам Утам-бек — тот, которого потом ранил Масленников, часто переходил он границу. Он и в пески ходил, и в горы. Говорили, что он узбек. По численности и боевитости он был за Ибрагим-беком на втором месте — слава бандитская!

Мангруппа несколько раз выдвигалась на ликвидацию Утам-бека, но ни разу мы его до конца не разбили — стычки были, однако он уходил. И самое главное — он всегда имел базы в горах. Когда его лошади, как и наши, уже падали от усталости, он брал в кишлаке свежих, а мы такого права не имели. Он этим часто пользовался.

Потом его все-таки ликвидировали на границе — нарвался он на засаду: были точные данные, что он будет переправляться там же, в 48-м отряде. В результате уничтожили эту банду и его лично.

А дело было так. Как-то получили мы данные, что банда Утам-бека появилась в Джиликуле (70 км от Сарай-Комара), где-то показалась и ушла в горы. Масленников приказал готовиться к выдвижению.

Я быстренько собрал свой взвод и выдвинулся в сторону Джиликуля. Когда прибыли, решил дать взводу отдохнуть. В этом городке какая-то харчевня была, вроде местного ресторана, — там плов делали, а у моего помкомвзвода Санковского были командировочные деньги, их хватило, чтобы покормить бойцов. Они отдохнули, и мы там переночевали.

Рано утром, когда я со взводом тронулся в путь, встретился с русскими, они строительство какое-то на Вахше вели. Спрашиваю их:

— Вы о банде что-нибудь слышали, о басмачах?

— Да, слышали, она где-то здесь прошла, недалеко от Джиликуля, не заходя в него, и ушла в горы».

И больше никаких данных. Я подумал, что если банда переправлялась через речку в этом месте (не так далеко там была хорошая переправа — и с лошадьми, и даже без бурдюков можно переправиться), то и ждать ее надо где-то здесь. Тем более что это уже не граница — 70 километров от Сарай-Комара. Бандиты и дальше заходили.

Я решил сделать засаду у этой переправы, рассчитывая, что басмачи через нее пойдут обратно в Афганистан. Местность удобная — с одной стороны горы, с другой — бугристый берег, покрытый валунами. Огромнейшие валуны лежат, за ними можно

спрятаться чуть ли ни с лошадью — укрытие замечательное.

И вот, как начало темнеть, я поднял взвод и повел его на эту переправу — километров 15 от Джиликуля, сам я предварительно уже побывал там.

Прибыли. Лошадей спрятали — рядом была большая выемка. Там можно было и оборону занять, и отстреливаться удобно. Я оставил при них троих коноводов. А сам забрал остальных и расположил их вдоль берега по переправе. Каждого бойца я проинструктировал, как себя вести. Много раз подчеркивал: «не спать», — потому что были случаи, когда в засадах засыпали… Проверил, все ли у бойцов на месте: гранаты, боеприпасы, не оставили ли чего.

Басмачи, особенно на переправах, ходили по ночам. Прошел час, второй, третий… Я подумал: «Дай-ка проверю, как мои воины».

Пополз. Темно! За первым камнем услышал ровное дыхание. Я потихоньку позвал: «Головешко!» Молчание. Я громче — опять молчание. Подполз ближе, толкнул, так и есть — заснул. Я говорю: «Вы же совершаете преступление. А главное — вас убьют!»

Такой случай действительно был на одной из застав — это уже потом, когда я был помощником коменданта на Памире. Наряд из двух человек сидел в засаде на берегу Пянджа. А по тропе шла небольшая группа басмачей и наткнулась на этот наряд — все спали. И вот кто-то из них предложил зарезать спящих. А старший сказал: «Не надо».

Уже потом мы узнали через агентуру, почему не зарезали. Оказывается, главарь сказал: «Это же наши друзья, они нам помогали, они наши помощники». (Пограничники тогда действительно кое-чем помогали местным в быту.) И, ничего не взяв, басмачи ушли…

Ну, вот и у меня в засаде заснули бойцы. Я потихоньку подобрался еще к одному — он тоже спал. Понятно, они устали, все-таки переход был в 70 километров. Я его толкнул:

— Спите!

— Нет, я не спал!

Трое спали. Это еще ничего — из 50 человек, тем более я вовремя их разбудил.

И вот уже почти на рассвете появились силуэты басмачей. И тут же они спустились по тропе. Речка неширокая.

Это была разведка. Вначале спустились двое и дошли до речки. Осмотрелись, видно, дали какой-то сигнал, потом начали спускаться остальные. Когда подтянулись все, пошли на

переправу. И уже когда они были на воде, я скомандовал: «Огонь!» — и тут же затрещали выстрелы. У нас было два ручных пулемета, они тоже заработали. В общем, на месте осталось 9 человек, остальные развернулись и ушли в горы.

Я пошел за ними, и началась гонка — кто быстрее. Причем были такие моменты, когда я с бойцами поднимался на перевал, а они спускались с него — я их видел, а догнать никак не мог. Стрелять — впустую. В конце концов я их уже начал терять из виду. Нам попался пастух с баранами, которого я его спросил:

— Проходили бандиты?

— Проходили, — ответил.

— А куда?

— Вот по этой тропе.

И мы снова пошли за ними. Длилось это почти целый день. А там то перевал, то спуск.

Наконец я вижу — надо дать людям отдохнуть, да и лошади уже не могли идти. В общем, я их потерял.

Но это ничего, главное мы сделали. Банду все-таки потрепали, это неплохо было: кроме убитых на переправе, еще четверых ранили. И хотя упустили мы басмачей, банда распалась, рассеялась среди местного населения, в кишлаках ведь сплошные родственные отношения. После этого она уже не восстановилась, кто-то сдался, кто-то просто отсиделся, бросив басмачество. Мы потом выявляли басмачей через нашу агентуру и в каждом конкретном случае рассматривали, надо арестовывать или нет.

Агентура нам помогала во всех случаях. Мы вербовали агентов, используя их родственные связи, ведь бывшие басмачи и многие мирные таджики целыми семьями ушли в Афганистан. Там целые поселки появились по Пянджу. И мы свою агентуру туда посылали, приглашали из Афганистана нужных нам людей, посылая к ним родственников через границу. Те иногда даже сами подсказывали:

— Вон там мой родственник живет, он пользуется авторитетом, занимается торговлей, бывает в Кабуле…

— Так ты пригласи его к себе в гости.

И они действительно приглашали — переходил этот человек с нашей помощью через границу к своему родственнику, а тот обычно говорил:

— Ты приходи — там нарядов нет, а наряд вон там, там, там.

А перебраться через границу вовсе не легко. Только одна тропа — тут обрыв, Пяндж бурлит, а на другой стороне скала черт знает куда уходит; и чтобы перейти, надо на бурдюке переплывать.

И вот мы открывали коридор, и родственники с той стороны тоже приходили к своим — нелегально переправлялись. С нашей стороны приглашали их к себе в гости раз, другой… На первый раз хорошо угощали человека, чтобы пришел еще. Второй раз приходил, а то и третий — мы все это время изучали его по описаниям того, через кого действовали, а то и через другого агента. А потом вербовали этого человека, и он в свою очередь часто предлагал нам еще кого-то… Боялись, конечно, чтобы нам не подставили двойников.

Как правило, вербовка происходила исходя из материальной заинтересованности. Статья расхода у нас была — деньги выделялись именно для этой цели. Иногда их не хватало, но люди к нам все-таки шли, и наша агентура была вполне рабочей. Мы вербовали даже в расчете на глубокий тыл, до Кабула доходили. Но это, конечно, были люди более высокого положения.

У нас в отдельной комендатуре было два человека, которые специально занимались агентурной работой. Они имели агентов на той стороне Пянджа и оттуда приглашали к нам людей по различным обстоятельствам. Мы этим людям очень помогали. У нас свой магазин был, и в нем были такие товары, каких не было там, например, ситец. А ведь халаты у бедняков были ситцевыми (богатые носили шелковые халаты). И они могли купить у нас эту ткань, причем мы не ограничивали, когда хотели человека чем-то заинтересовать. Продавец был нашим агентом и старался поближе познакомиться с покупателями. Они потом приглашали его в гости, и он (конечно, нелегально) не раз переправлялся через границу и действительно ходил к ним в гости.

Из-за того, что агенты не знали русского языка, приходилось работать с переводчиком. С агентов подписку не брали, все было на доверии, а потом ведь все зависело от нас, мы агента могли провалить, и тогда свои же его ликвидировали бы. Все агенты это знали, и это их здорово сдерживало.

Через агентуру мы изучали погранохрану сопредельной стороны, что было очень важно знать. Агенты рассказывали, как там велась охрана, сколько человек на заставе и как они вооружены. Вся их застава — кишлацкая изба. А охраняли афганцы границу обычно так: группами человека по четыре, а то и по пять (самое малое по три), с ружьями, ходили по дозорной тропе, и мы их днем прекрасно видели. Так что охраняли они границу, можно сказать, неважно.

Изучали мы и гражданское население. Кроме того, была у нас пара агентов, которая занималась обычной челночной торговлей. Вот так и шла в Сарай-Комаре обычная работа по охране границы.

Тогда же наметились изменения и в моей личной судьбе.

Летом 1929 года в 48-й погранотряд приехал начальник пограничных войск Среднеазиатского округа П. П. Бабкевич.

Он был поляк, лет сорока пяти, великолепный кавалерист, образованный человек. Он тогда три ромба носил.

Бабкевич был выше среднего роста, статный мужчина с пронзительным взглядом. Если он вникал в какое-либо дело, то познавал его до конца. Так же он относился и к охране границы, руководство которой ему было поручено. Могу с уверенностью сказать, что я не встречал больше на своем жизненном пути подобного человека.

Несмотря на огромную протяженность среднеазиатской границы, на сложность передвижения по ней (автомобильных дорог там не было, да и автомобилей тоже), П. П. Бабкевич, будучи большим начальником, верхом на лошади в сопровождении адъютанта и коневода исколесил всю границу от правого до левого фланга по нескольку раз.

В Ташкенте он редко бывал — все время на границе, по заставам. Память у Бабкевича была идеальная, он знал многих начальников застав по фамилиям (я уже не говорю о комендантах и о начальниках отрядов). Когда приезжал на заставу, собирал начальников отрядов определенного участка, заслушивал, инструктировал, указывал на недостатки, давал приказания, советы. Приводя примеры, мог в деталях рассказать, как организована охрана на какой-либо конкретной заставе. Он мог выступать и час, и два, и никаких бумажек в руках не было, все на память.

Его хорошо знали и местные власти — он постоянно заезжал и в райком, и в обком партии.

Обычно после объезда застав, комендатуры отряда Бабкевич собирал широкое совещание, где делился своими впечатлениями. И ему не надо было смотреть записи в блокноте. Адъютант в данном случае не являлся ему помощником. В его памяти всегда были самые интересные факты. Он называл фамилии людей плохих и хороших, называл наименования застав, комендатур,' говорил о положительных и отрицательных сторонах службы, которые обнаруживал.

Очень большую информацию о состоянии дел Бабкевич получал у красноармейцев. Когда ему в отряде или комендатуре готовили для ночлега отдельную комнату, специально отведенную для приезжих, он никогда там не ночевал, всегда шел спать в казарму к бойцам. И часто красноармейцы не знали, возвращаясь из наряда, что у них на свободной койке спит самый крупный их начальник в округе. И, естественно, делились своими впечатлениями о службе на границе, высказывали свои обиды,

свои настроения.

Этой информацией Бабкевич пользовался во время совещаний и говорил о том, что заслуживало самого пристального внимания соответствующих начальников. На совещании говорил просто, доходчиво и, если надо, долго. Я был свидетелем, когда он в городе Керки проводил одно совещание после длительной поездки по границе. И говорил с одним перерывом 4 часа, не заглядывая ни в какие бумаги. Его выступление было интересным, поучительным.

Когда приехал Бабкевич, был выходной день. Командиры, политруки и оперсостав, свободные от несения службы по охране границы, находились около своих домиков, расположенных рядом с управлением отряда, кто-то читал, кто-то играл в шашки или шахматы.

Мои товарищи тоже играли в шахматы. А я в них не играл. Стоял, читал газету, смотрел на них (а они играли, реплики бросали, спорили) и думал: «Вот чудаки, заняты черт знает чем». Это уже потом, значительно позже, я оценил шахматы и увлекся ими. А тогда думал: «Ну, убивают ребята время».

К каждой группе подходил Бабкевич. Справлялся о здоровье, настроении, кое-где принимал участие в игре и в шашки, и в шахматы, интересовался, как живут семьи. Тут же были жены и дети. Он и с ними вступал в разговор. Всегда ему жены жаловались на проблемы с жильем. Он разъяснял, что партия и правительство отпускают средства и постепенно жилье строится, положение будет улучшаться, но сразу всего решить нельзя.

Вдруг он подошел к той группе, где я сидел. Я в это время просматривал журнал «Крокодил». Он спросил меня:

— Ну, есть что-нибудь интересное?

Я ответил, что пока в этом журнале ничего интересного не нашел.

— А у меня к вам есть разговор.

Взял меня под руку, и мы отошли. Он говорит:

— Знаете, в Каратегине и Гарме произошли крупные события, фузаиловская авантюра. Бывший кара-тегинский бек Фузаил Максум перешел из Афганистана на нашу территорию, объявил газават, то есть священную войну против кафиров (неверных), и при поддержке байства, духовенства, крупных чиновников эмира бухарского поднял мятеж. Часть середняков и бедняков — под угрозой расправы, если не будут поддерживать Фузаил Максума, остальные под влиянием духовенства — тоже спровоцированы, принимают участие в этом антисоветском выступлении. Сейчас мы создаем Калай-и-Хумбскую пограничную комендатуру. Нам надо укомплектовать ее хорошим составом. Воинские части и

наши пограничники дерутся с этими бандами и, очевидно, скоро ликвидируют их. Но надо организовать надежную охрану границы на этом участке, так как она по существу не охранялась, и покончить с остатками этих авантюристов. Я вам предлагаю поехать туда помощником коменданта по политчасти.

Это было большое повышение, с трех кубиков сразу шпалу, капитан по нынешним временам. Бабкевич продолжил:

— Мы остановились на вас. Зная Памир, Калай-и-Хумб, я вам могу сказать, что там хороший личный состав. Комендант Дрегалов — он же и начальник Калай-и-Хумбского райотдела ОГПУ — старый чекист. Но его заместитель Дианов не тянет — вот мы и решили предложить его пост вам. Правда, у вас есть одно важное обстоятельство, мешающее вам, — это маленький ребенок. Поэтому я не настаиваю. Может быть, вы сумеете как-то решить эту проблему. Мы были бы довольны, если бы вы поехали туда, а если не сумеете, то насиловать вас не станем.

Я подумал и сказал:

— Разрешите мне завтра ответить вам.

А у меня в 1929 году родился старший сын. Рожать Надежду Павловну я возил в Термез, потому что у нас только фельдшер был. Врач положен был в отряде, но его не было. И мне И. И. Масленников велел везти ее в городскую больницу.

Мне этот город уже был знаком. Надежду Павловну положили в роддом при больнице, а я жил рядом, в доме начальника Термезской заставы (там была комнатка для приезжих). Сама застава была тоже рядом.

И вот что интересно. Жена начальника Термезской заставы Никитина, зная, что мы ожидаем ребенка, как-то сказала: «А я видела Надежду Павловну. Мальчик у вас будет, вот попомните мои слова». Действительно, родился мальчик.

Надо было давать имя сыну. И вот однажды, когда сидели мы с женой начальника заставы на скамеечке возле их дома, я спросил ее:

— У вас календарь есть?

— Есть.

Тогда было время, когда искали новые имена. И дело порой доходило до курьезов. Например, у моего друга Фукина была дочь по имени Карма, сокращенно от «Красная Армия».

И вот перелистываем мы этот календарь с новыми именами, перебираем листки его (а это был июнь), и вдруг я читаю: «Гелий». Я знаю: гелий — газ, но нигде не встречал такого имени, и я остановился на нем, ни у кого нет, а у меня будет сын Гелий. А просто — Гелик. Редкое имя было, мы лишь иногда его встречали потом в календарях или в газетах. Сын и сейчас у нас

дома Гелик, но когда ему исполнилось 16 лет, он переменил имя и стал Сергеем.

Я спросил его тогда:

— Зачем ты меняешь имя?

— Мне оно не нравится. — ответил он. — Ты не будешь возражать, если я стану Сергеем Сергеевичем?

— Мне даже приятно будет, — сказал я.

И вот он, когда паспорт получал, переменил имя. Так что сейчас он официально Сергей Сергеевич.

… Вот так появился наш первый сын, который при разговоре с Бабкевичем был еще в пеленках.

Посоветовавшись с женой насчет предложения П. П. Бабкевича, я на следующий день пришел к нему и попросил оставить меня пока на старом месте. «Хорошо, — сказал Бабкевич, — но давайте договоримся, что через годик вернемся к этому вопросу».

Я тогда подумал, как это такой большой начальник, у которого столько тысяч людей в подчинении, помнит меня, простого лейтенанта. Потом-то я понял, что это И. И. Масленников и начальник погранотряда порекомендовали меня.

Начальником 48-го погранотряда был Гротов, сравнительно молодой, образованный, к тому же неплохой оратор.

Однажды, когда мы были в Термезе, он возвращался из отпуска, заглянул в нашу школу и зашел ко мне на занятия. Я проводил политзанятия, а потом пригласил его к себе на обед. У нас там рядом была халупа — цементный пол, метров 10 квадратных. Мы называли ее кибиткой. Бытовые условия в то время были у всех сложные.

Гротов от приглашения не отказался. Сказал: «С удовольствием!» А ведь начальник отряда, ромб носил — генерал, это старший начсостав.

Я не предупредил о нашем приходе жену. Но я ее приучил, как только поженились, к неожиданностям — то одного, то другого кого-то приведу, она быстренько, раз-раз, стол накрыла. Борщ был, картошка (картошка там была дефицитом). Пообедали. Был какой-то праздник, уже не помню, какой. И Гротов, когда начали обедать, сказал: «Эх, к этому бы борщу рюмочку водочки!» А я водки тогда практически не пил.

На границе вообще тогда водку не пили. Такое правило было. Нигде водка не продавалась. Ее привозил только кто-нибудь из отпуска. Да и то секретно, и только одну бутылку. Потом приглашал к себе самых-самых доверенных друзей и товарищей, и по рюмочке. Я понял, что Гротов может даже выйти за рамки

субординации. И как-то он ко мне очень хорошо отнесся, запросто, и мне он очень понравился по сравнению с другими. Вот Одинцов был в 47-м отряде, старый чекист, его потом в Москву перевели начальником очень крупного райотдела, так к нему было не подступиться.

А Гротов был простым человеком и пошел по первому приглашению пообедать с нами. Правда, когда мы приехали в Сарай-Комар, я к нему не пошел, считая, что нужды нет. Но было совещание начальников застав, и нас, командно-политический состав мангруппы, тоже туда пригласили. На совещании Гротов меня узнал, подошел, пожал руку. Все были удивлены: «Так он знает тебя?!» Я кое-кому признался потом, что знает, — рассказывал, что познакомился с ним в Термезе, но что обедали вместе, не рассказывал.

После того как Бабкевич со мной переговорил, руководство меня как будто бы упустило из поля зрения. Но ближе к осени 1929 года меня назначили инструктором отдельной Сурхандарьинской погранкомендатуры, где я и моя мангруппа уже бывали. Это единственное подразделение пограничников на участке Узбекистана. Оно охраняло там границу в 50 километров. Потом, когда я уже работал в Калай-и-Хумбе, на этом участке был создан отдельный отряд.

Я забрал Надежду Павловну и своего сына, и мы поехали в Термез. Город этот, правда, самый жаркий, но я там бывал, проезжая 48-й отряд, а также уезжая или возвращаясь из отпуска. Знал я и по документам, что Сурхандарьинская комендатура — часть известная, в том числе и успехами в охране государственной границы.

Дали мне квартиру рядом с бывшей гарнизонной армейской церковью. По вечерам, прогуливаясь потом с сыном на руках, я нередко бывал в этой церкви — площадка для прогулок была хорошая.

Приняли меня тепло, как обычно. У пограничников традиция — хорошо принимать гостей, и особенно если человек приехал на работу. Встречал меня помкоменданта отдельной Сурхандарьинской комендатуры по политчасти. Он был значительно старше меня, участник Гражданской войны, опытный политработник, хороший кавалерист, по фамилии Говоров. Он любил часто бывать на заставах, причем ходил всегда с хлыстом, похлопывая себя по голенищу. Конь у него был замечательный; потом уже, когда Говоров уехал, я пересел на него.

Комендантом там был Дементман. Когда я прибыл и представился, он со мной довольно долго беседовал. Дементман был по сравнению с Говоровым молодым человеком.

Заместителем по строевой части был Завражный, опытный старый пограничник, боевой человек, участник борьбы с басмачеством. Долгие годы он служил в Средней Азии на границе и был значительно старше меня. Был еще оперативный работник, боевой пограничник Фролов. Хороший был состав. А инструктора, служившего до меня, отозвали в другую пограничную часть.

Что такое инструктор? Политработник. Не просто политработник, а правая рука помощника коменданта. Носили они тогда четыре кубика. Помкоменданта отдельной погранкомендатуры одну шпалу носил, комендант — две шпалы.

Вскоре до меня дошло не совсем приятное известие. Когда я приехал и еще не успел осмотреться, вдруг вышел приказ: «Инструкторов отдельных погранкомендатур и отрядов — на одну категорию снизить». У меня было четыре кубика, а тут приказ — снизить. И касался этот приказ не только инструкторов: с командиров взводов мангруппы тоже сняли по одному кубику. Это было событие — рапортов много было… И пришлось мне надеть три кубика, это огорчило. Но надо было выполнять свои обязанности. Дименtман и Говоров помогли мне советами, и я быстро вошел в курс дела.

Инструктор бывал больше на границе, чем в комендатуре. Но это и интересно. Поехал я по заставам, с одной — на другую, их у нас было восемь. А еще на Орлиной сопке часто приходилось бывать. Эта сопка такая круглая, как будто руками человека сделана, там и был наш пост. Правда, пока влезешь на нее, устанешь безумно. Вот такое было наше хозяйство.

Часто бывая на заставах, я проводил показательные политзанятия. На них обычно присутствовал помощник по политчасти, а иногда и сам начальник заставы, когда не было помощника. Политзанятия у меня, в общем, проходили неплохо, и вот таким образом я оказался в поле зрения командования округа. Начальники в Термез приезжали чаще, чем в Сарай-Комар, и бывали у меня на занятиях. Им нравилось и как я их веду, и как работаю инструктором, и выполняю остальные дела. Ну и Говоров обо мне хорошо отзывался.

Опыт политработы я имел уже немалый, поэтому меня избрали еще и секретарем партийной организации, которая была единой для всех местных чекистских, пограничных и армейских органов (особистских). В нее входили коммунисты нашей комендатуры, окружного оперативного пункта (чекистский орган) и особого отдела армейского кавалерийского корпуса. Партийная организация была большой — сотни полторы коммунистов.

Начальник оперативного отдела Гильман был уже немолодой,

зрелого возраста человек. Он носил ромб, но входил в мою партийную организацию, был у меня на учете. А я бывал в их оперативном отделе на собраниях, и у меня поэтому была прямая связь с Гильманом, а он был старшим оперативным начальником и над комендатурой. Таким образом я оказался вроде бы даже несколько выше его по партийной линии, и двери в кабинеты Гильмана и Дементмана всегда были для меня открыты (во всяком случае, по партийным вопросам). Ко мне как к секретарю партийной организации тоже хорошо относились. Так что загружен я был не только политической, но и партийной работой. Учитывая, что приходилось бывать на заставах, я, по существу, свободного времени вовсе не имел.

В редкие свободные минуты мы охотились, и в основном на фазанов. Фазанья охота на границе тогда велась очень активно. Мы много раз с Январевым, моим другом и помощником по политчасти (это когда я в мангруппе еще был), из Сарай-Комара ездили на охоту на озера, которые там были. Стреляли из охотничьих ружей. Но винтовки брали, как правило, с собой. Потому что был случай, когда нас с Январевым обстреляли в камышах, но промахнулись. Не знаю, то ли бандиты, то ли случайно местные жители-охотники.

Впоследствии времени на охоту стало уже меньше, но и в Термезе иногда доводилось охотиться. Там на Амударье есть небольшой островок, весь заросший камышами. На этом острове, где у нас всегда был пост, напротив одной из наших ближайших от Термеза застав, водилось много дичи. Когда мы бывали на нем, то нередко охотились. Там, в камышах, даже тигры водились (в то время тигры были еще в Средней Азии), и я даже однажды стрелял в тигра, за что меня сильно отругали. Тигр в камышах этих мог меня обойти и напасть, сбить с лошади и растерзать.

Недалеко от этого островка я однажды чуть не погиб — едва не утонул в Амударье.

Дело в том, что за этот остров шла борьба — афганцы считали, что это их остров, а мы считали, что наш, и где-то в верхах там на этот счет шли разговоры, но владели этим островом мы. Он был камнем преткновения — одним из самых конфликтных вопросов, а так все на границе с Афганистаном было спокойно. У нас были тогда хорошие отношения — это особый раздел, я мог бы кое-что рассказать, заслуживающее внимания. Я знал, что из-за острова обстановка не вполне здоровая, что надо с афганцами контактировать, и когда принял дела, старался налаживать эти контакты.

Ну и вот, как-то мы получили оперативные данные, что на этот островок против нашей заставы (расположенной километрах

примерно в тридцати от Термеза на правом фланге) собирается сделать налет банда — уничтожить наш пост на острове и потом разгромить саму заставу, что напротив через Амударью (а в этом месте широкая река была).

Вызывает меня Диментман и говорит: «Есть данные, что банда собирается переправиться в одну из ближайших ночей на остров, разгромить наш пост и напасть на заставу». (А басмачи прекрасно знали — как ходить, куда ходить; хотя их и били крепко, они по-прежнему вели активную борьбу с пограничниками.)

Диментман сказал: «Товарищ Бельченко, я вас очень прошу — поезжайте на заставу, поскольку есть такие данные». Я говорю: «А когда ехать?» — «Да езжайте сегодня» (а там впереди что-то около недели было, исходя из этих оперативных данных, так что была возможность и обождать). — «Поезжайте, на острове побывайте, посмотрите, как там служба несется. Я дам задание — мы активизируем нашу агентуру. Но и вы тоже — звоните, докладывайте».

Я сел на лошадь — и на заставу. Приехал на заставу, потом переплыли на остров с начальником заставы (там, как я говорил, был пост — иногда семь, иногда восемь, в общем, до десяти человек). Побеседовали с ними — что у них нового, они завезли нас поближе к афганской границе — вроде тихо, спокойно, ничего нет. В общем, мы рассказали пограничникам о басмачах — они оказались народ опытный и обещали, что, если банда нападет на остров, будут держаться до последнего. И мне начальник заставы предложил поохотиться — а там, на острове, как я уже говорил, масса дичи была. Остров не такой большой, но сплошные высочайшие камыши — если ты на лошади едешь по дозорной тропе, которая там была, то тебя камыши покрывают с лошадью. Мы поохотились, переночевали там и вернулись назад.

Тут получаем дополнительные данные, что через два дня ночью банда собирается переправиться на остров. Я об этом доложил Диментману.

Он говорит: «Тогда вы вот что: возьмите баркас, я пришлю к вам еще несколько пограничников — тем более что тут у нас груз есть — мука и прочее для заставы. А в чем еще нуждаетесь на случай нападения?» — «Да хочу у вас попросить людей дополнительно». — «Людей мы дадим, я посмотрю еще человек десять — что-то обязательно дадим. Загрузим в этот баркас то, что надо, — завтра будет у вас» — по течению он быстро идет.

А на заставе лодка была — обычная, не моторная. Катер стоял в Термезе — точнее, не катер, а глиссер — катер с самолетным двигателем и пропеллером, как у самолета, ездил он

очень быстро. Это на случай острой необходимости для командования, когда кого-то надо перебросить быстро. Нам же посылали обычный баркас — точнее, большой местный каюк с гребцами.

Дело было весной 1930 года, в пору горного снеготаяния. В это время река очень быстра и все несет вниз с огромной силой. Так что уже на второй день пришел этот баркас, разгрузили все, и начальник заставы спрашивает: «Так как мы поступим?» Я говорю: «Давайте сегодня вечером переправимся туда».

Погрузились мы в этот баркас. Тут начальник говорит: «У нас там только две лошади — но этого мало, надо взять туда еще пару лошадей. Поскольку мы туда идем, у нас тоже должны быть лошади, чтобы можно было не ходить пешком, а объехать остров».

Погрузили мы на баркас все необходимое (а было это во второй половине дня), сели, и нас понесло. Каюк этот — крупная посудина, на нее бы двигатель поставить, но двигателя не было. Только весла.

Гребцов-»каючников» было много, наверно, больше десятка — местные жители. Плывем мы, а точнее, несет нас. Дарга — командир каюка («дар-га» по-узбекски — начальник этой команды гребцов-каючников) кричит на узбекском языке, чтобы покрепче работали. «Сильней, сильней грести!» — командует. А в это время реки горные полноводные были — страшно полноводные, я даже не видел за предыдущее время, чтобы так прибавилась вода в Амударье.

Мы уже отплыли порядочно. Течение ускорялось, мы примерно на середине реки были, и вдруг наш каюк начало на месте вертеть. Попали мы, видимо, на какую-то глубокую яму. Я в такой ситуации никогда не был, хотя потом уже мне рассказывали, что на Амударье были такие места — водовороты, из которых, если попал в них, выбраться трудно. И нас начало с усиливающейся мощностью вертеть, как во время сильного шторма. Для меня это было совершенно ново.

Начальник заставы с нами не поплыл. Я ему запретил: «Не надо, я сам справлюсь, а если надо, мы сигнал подадим».

И тут я понял, что мы можем погибнуть — баркас наш начал черпать воду. Его крутило и валило на бок то вправо, то влево, воды уже было по колено. Я вытащил маузер и несколько раз выстрелил в воздух, дал «тревогу», мол, мы в опасном положении на воде. Да начальник заставы и сам все видел, у него бинокль был, он все время наблюдал за нашей переправой.

Хотя я и призывал к спокойствию, дарга что-то тоже кричал, все было напрасно. Лодку начало захлестывать водой все

сильней. А на мне полное снаряжение — наплечник с ремнями и пояс, шашка, маузер, гранаты. Я расстегнул крючок, чтобы сбросить все это. Пояс расстегнул, крючок снял и уже ожидал, что вот-вот мы полетим в воду. Так и случилось. Баркас наш опрокинулся, и мы все оказались в ледяной воде, люди и лошади. А плавал я неважно.

Меня понесло куда-то вниз, к тому же я в одежде, в сапогах, а сапоги были парусиновые, летние, они промокли и сжали ноги в голенищах. Вынырнув, я попытался сориентироваться. На дно больше не тянуло, поддерживало течение. И вдруг увидел: плывет лошадь.

Неожиданно рядом со мной вынырнул узбек, который на баркасе этом гребцом был, за плечо схватил (а он же в халате) пытаясь на мне закрепиться. Он ухватился за мою портупею и держался очень крепко. Не думая, инстинктивно я левой рукой сбил с плеча ремень, а каючник, державшийся за него, вместе с моим снаряжением пошел на дно. Не знаю, остался он жив или нет.

Мне сразу легче стало. Схватил я проплывающую мимо меня лошадь за хвост. Лошадь в воде издала такой неповторимый своеобразный звук, как бы заревела, глубокий такой голос подала. Я в хвост лошади вцепился и какое-то расстояние проплыл. А вода с гор ледяная, дышать трудно.

И вдруг лошадь остановилась. А Амударья знаменита тем, что в ней все время новые мели образовывались в самых непредсказуемых местах. Вроде не было мели, прошло какое-то время — и появилась. Вот лошадь моя вдруг и остановилась на такой мели.

Я уже бросил лошадиный хвост и увидел — берег не так далеко. Можно бы было попытаться сесть на лошадь и верхом добраться до берега, но я побоялся, что так меня унесет мимо острова, так как лошадь не в состоянии преодолеть такое быстрое, чрезвычайно быстрое течение. Поэтому я не рискнул. Потом, вспоминая все это, я пришел к выводу, что правильно сделал, что лошадью не воспользовался.

Когда я еще плыл с лошадью, мне попался длинный шест. Наверное, с нашей лодки. Случайно совершенно я рукой ухватил его и оказался с ним на мели.

А лошадь постояла, потом пошла, ее подхватило течением и понесло. Она оказалась в конце концов на афганском берегу. Афганцы нам ее не отдали.

И вот я подумал: «У меня шест, а тут отмель, может быть, эта отмель идет к берегу?» Размеры ее, конечно, никому не известны — они все время менялись — то ничего не было, то мель. Я взял

этот шест и, нащупывая дно, стал продвигаться к берегу, но становилось все глубже и глубже.

Когда я все-таки оказался на мели, вода была примерно выше колена. Сапоги мои парусиновые сильно мешали, надо было от них освободиться. Но снять их не получалось, они были на шнуровке, ее слишком затянуло от воды. Вспомнил, что у меня в кармане нож, его сумел вытащить, хотя меня все время сбивало течением. Потом шест поставил, оперся на него и подумал: «Разрежу я голенище до конца и сброшу сапоги, они мне мешают, давят, да и лишний груз». Я нащупал шнуровку и начал ее резать. Резал, резал и попал ножом в металлическое колечко от шнурка. В этот момент нож выскользнул из моих рук. Естественно, я его не нашел.

А меня все время сносило. От холода начались судороги. Подумал, что это конец, помощи ждать было неоткуда.

В конце концов я уже так остыл, замерз, что не удержал шест, он выпал из рук и поплыл. Сколько времени это продолжалось, я не засекал, но уже начало темнеть. И никого не было. Унесло всех. Показалось, что жизнь кончается. Вдруг темноту разрезал яркий луч прожектора. Прямо ослепил меня. Это оказался глиссер. Начальник заставы, наблюдавший за нами с берега, услышав мой выстрел из маузера, догадался позвонить коменданту в Термез. Тот отправил на помощь глиссер, и меня нашли.

Втащили меня в глиссер и дали спирту, а я был трезвенником, водку почти не пил, пиво разве. Я сказал: «Ребята, я не пью». А доктор: «Выпейте!» Я два глотка сделал, задохнулся, он мне дал воды, я запил и совсем расползся, силы были на исходе. А потом доктор начал меня растирать спиртом — я здорово переохладился. Потом, укутав меня крепко, быстро доставили на берег.

Хорошо, что жены в тот момент при мне не было. Мой сын, Гелик, заболел — жара же страшная там, самое жаркое место в Средней Азии, исключая, конечно, Каракумы. Поэтому я ее с сыном отправил к родителям, в Днепропетровск. А иначе она бы сильно за меня переживала.

Там, на берегу, я заснул, а утром у меня температура поднялась. Началось воспаление легких, и я целый месяц провалялся в госпитале.

Мне после этой печальной истории дали отпуск. Тогда, кстати, трое пограничников утонули — в том числе старшина заставы, по фамилии, кажется, Старостенко. Утонула и одна лошадь, а другая вот на афганском берегу оказалась. Утонуло

также трое или четверо узбеков, они были в халатах, быстро отяжелели и пошли ко дну. А остальные выбрались — вовремя халаты поснимали, когда увидели, как нас крутило-вертело.

Так я поехал в отпуск. А был порядок такой: если едешь через Ташкент в отпуск, зайди, если ты политработник, в политотдел; если ты строевик, доложись по своей команде. Или, если возвращаешься из отпуска, тоже обязательно зайди: с тобой побеседуют, поставят новые задачи, выскажут претензии, возникшие к данному отряду или комендатуре. Дело доходило до того, что сам Бабкевич принимал подчиненного, когда его что-то интересовало.

И потому, когда я ехал в отпуск, тоже заехал в политотдел. И вот начальник политотдела снова завел речь о назначении в Калай-и-Хумб. Я ему сказал:

— Вы же видите, в каком я состоянии, мне надо лечиться.

— Поезжайте, если надо вам путевку — выдадим путевку, — настаивал начальник.

— Путевку мне не надо, я домой еду, там корова есть, я думаю, что я поправлюсь в селе.

— Поправляйтесь, укрепите здоровье, а потом Калай-и-Хумб вас ожидает.

— Неужели на мне свет клином сошелся, больше никого нет? У меня же ребенок, а там очень тяжелый климат.

Был даже такой порядок — служить на Памире только один год. Но начальник напутствовал меня такими словами:

— Вот и товарищ Бабкевич вас знает, и я вас знаю, и вы пересидели уже — вам надо выше подниматься. Вернетесь, зайдете к нам и поедете в Калай-и-Хумб.

Домой приехал совсем изможденным: и так был худым, а тут еще болезнь подкосила. Тогда не было еще линии железной дороги к Соленому (ее потом уже провели), и поезд проходил мимо. Я с дороги послал телеграмму супруге, что приеду примерно таким-то поездом, она потом рассказывала мне, как бежала эти 15 километров, не на чем ей было поехать.

Надежда Павловна меня встретила, и мы пешком пришли домой. Там все безумно рады были: родители, младший брат Петя, сестра Варя — самый верный мой друг и помощник. Она больше всех старалась, чтобы я встал на ноги. И действительно, за месяц я поправился, несколько в весе прибавил, и вскоре мы с женой снова отправились в Среднюю Азию, на место службы.

Возвращаясь в Термез, заехали в Ташкент. Я оставил Надежду Павловну с сыном, а сам зашел к начальнику политотдела. Он сказал: «А мы вас ожидаем. Собирайтесь в Калай-и-Хумб. До сих

пор помощника коменданта отдельной Калай-и-Хумбской погранкомендатуры так у нас и нет».

Ну, насели на меня. Я не знаю, может быть, были для этого еще какие-то причины. Я не думаю, что был один в поле зрения у начальства, но прошло значительное время и на это место никого не нашли. А я уже и так подумывал об этом назначении, все-таки это было повышение по службе, а каждый человек должен смотреть вдаль. И вот решил для себя, что поеду, раз уж начальство так хочет.

Начальник политотдела сказал: «Вопрос с ребенком решайте сами, но я бы вам советовал вообще семью не брать. Езжайте один на год, а жена подождет». Надежду Павловну я сразу не расстраивал и только ближе к концу отпуска рассказал о своем новом назначении. Тогда уже все определилось окончательно. Она вздохнула: «А как же с Геликом?» Я сказал: «Так останься дома. Годик я там побуду, приеду в отпуск». Но она настаивала: «Нет, я дома не останусь, я с тобой еду». Я ей не стал возражать, но предупредил, что сын может погибнуть на Памире, он был еще маленьким, а везти его пришлось бы на лошади из Гарма через хребет Петра Великого. Сына оставили у моих родителей.

В Ташкенте мне оформили документы, после чего мы с супругой доехали на поезде до Сталинабада, ныне город Душанбе. Нас там встречали двое пограничников. Оказывается, Бабкевич послал в Калай-и-Хумб телеграмму, чтобы меня встретили. Встречающие были на лошадях. В ту пору до Калай-и-Хумба другим транспортом добраться было невозможно.

Прямо с поезда мы тронулись в путь, который оказался очень опасным, так как басмаческие банды еще действовали. Ехали мы более двух суток. Я проинструктировал жену, как нужно держаться на лошади, так как раньше она никогда верхом не ездила. Пока ехали долиной, все было нормально. Ближайшим населенным пунктом, который нам нужно было проехать, был Обигарм («Горячая Вода»). Там были горячие источники, я искупался в одном из них. На ночевку мы остановились в школе.

На следующий день мы выехали из Обигарма и доехали до Гарма, переночевали и двинулись дальше по перевалу через горный хребет Петра Великого (Камчарак). Это место было очень опасным. Зачастую горная тропа над пропастью сужалась до полуметра. Перевал преодолели без происшествий.

Приехали в населенный пункт Тавиль-Дара, находившийся в глубоком ущелье. Выехав из него, мы снова поднялись вверх в горы, а потом снова начали спускаться в глубокое ущелье, где вдоль него протекала горная река Обихум («Холодная Вода»). В этом ущелье нас застала ночь. Местного населения не было, и мы

продолжали свой путь по ущелью. Мы уже лошадьми не управляли. Спереди и сзади ехали двое красноармейцев. Умные лошади великолепно знали эти горные спуски и подъемы. Нам сказали, что надо доверять лошади, не держать за повод, он должен быть свободным. Надо держать рукой только за луку седла. Естественно, мое состояние было в предельном напряжении, я очень беспокоился за Надежду Павловну, которая следовала за моей лошадью. Только горячая взаимная любовь, большая сила воли и мужество помогли ей преодолеть эти чрезвычайные трудности.

Это был единственный путь на Памир до Калай-и-Хумба. Переночевав в местной мечети, мы продолжили свой путь. На рассвете приехали в место назначения.

Калай-и-Хумб являлся районным центром, в переводе с таджикского «Крепость в горшке». Кругом его окружали высокие горы, а внизу ревела река Пяндж. На другой стороне реки территория Афганистана.

Встретил меня комендант отдельной пограничной Калай-и-Хумбской комендатуры Дрыгалов. Сразу оговорюсь, что через год он уехал в Душанбе и не вернулся. И мне пришлось значительное время исполнять его обязанности. Он же возглавлял и районное ОГПУ. Мне была предоставлена кибитка в так называемом военном городке, который был окружен высоким каменным дувалом (забором). Обстановка в кибитке была очень скудная — солдатская кровать, стол, пара табуреток.

Поначалу связь с Центром была через радиостанцию. Лишь к концу моей службы протянули телефонную линию.

Я познакомился с людьми, с которыми мне пришлось нести службу. Некоторые из них были женатые, и Надежда Павловна быстро подружилась с их женами и пользовалась у них авторитетом.

Запомнилась жена одного из моих заместителей. Фамилию по понятным причинам не называю. Она раньше была девицей легкого поведения, проще говоря, зарабатывала на жизнь проституцией. Борьба в СССР с проституцией в годы НЭПа заключалась в том, что проституток отлавливали, ставили на учет и выселяли, отправляя их в специальные трудовые лагеря. Один из таких лагерей находился недалеко от города Шуроабад в одном из местных совхозов. Там, видимо, мой заместитель и нашел ее.

Хочется сказать о заботах моей жены на границе. Она занималась педагогической деятельностью. Учила грамоте рядовых бойцов и местных ребятишек. В Калай-и-Хумбе она стала председателем женского коллектива.

Калай-и-Хумбской комендатуре подчинялось шесть застав. До каждой из них добраться было очень сложно. Препятствовали река Пяндж и высокие горы. Зачастую на высоте не видно было реки, а слышен был только ее рев.

Хочется рассказать и о так называемых оврынгах. Оврынги — это искусственные, качающиеся тропы. Причем было их немало. Местные жители мастерски умели их делать. Природная тропа часто обрывалась пропастью, порой до 30–40 метров в длину. За миллионы лет природные явления образовали в скалах множество щелей. Местные жители забивали в эти щели колья из крепкого дерева длиной до метра. Потом застилали их хворостом и щебнем. Пеший человек мог довольно спокойно пройти по этой висячей тропе, а вот лошади подвергались большой опасности.

Особенно запомнился оврынг у кишлака Хост. Вертикальная скала спускалась в Пяндж, и было непонятно, как местные кусто (мастера) смогли сделать эту тропу. Там я потерял своего коня, который сорвался и упал в пропасть. По этим тропам лошадей вели на поводу.

Хочется сказать о деятельности Советской власти в тех районах в области медицины. У селений Ванч и Язгулем жили прокаженные. Приехала бригада врачей во главе с профессором медицины для того, чтобы собрать прокаженных и забрать их в лепрозорий, который находился в районе Душанбе. Нам принесли телеграмму с указанием оказывать врачам содействие. Удивление вызывало то, что забота властей коснулась этих несчастных даже на таком дальнем рубеже нашей Родины. На лошадях всех прокаженных отправили на лечение.

Сопровождающий бригаду врачей профессор рассказал мне об обычаях местных жителей в отношении к прокаженным. Так, если заболевал пожилой человек, почему-то речь шла о мужчинах, то его родственники в горах далеко от селений строили ему небольшую кибитку, где он жил отшельником. Еду ему приносили родственники.

Несомненно, надо сказать и о боевой деятельности пограничников на Калай-и-Хумбском пограничном участке.

В 1929 году из Афганистана в районе Калай-и-Хумба и примыкающих к нему населенных пунктов вторгся на нашу территорию курбаши Фузаил Максум, бывший ханский правитель Дарваза, и объявил священную войну против Советской власти, против неверных.

Местные баи (богачи) и духовенство оказывали ему всевозможную помощь. Тех, кто не желал примыкать к мятежу, расстреливали. Это бандитское движение обрело массовый

характер. Тысячи людей были подняты на борьбу с Советами.

Для разгрома фузаиловской авантюры были приняты все меры. В этой борьбе с бандитами участвовали пограничники, милиция, местный актив из числа бедняков, середняков, молодежь, возглавляемая комсомолом, и местами армейские подразделения. В результате основные силы Фузаила Максума были разгромлены. Однако значительная часть в труднодоступных местах укрылась и продолжала действовать с территории Афганистана.

Следует отметить, что по договоренности с правительством Афганистана, которому надоели бандформирования, имевшие свои базы на территории этой страны, а также по собственной инициативе начальников застав мы били басмачей на сопредельной территории.

В частности, по просьбе короля Афганистана Аманнулы-хана советские пограничники, переодетые в одежду афганских племен, участвовали в ликвидации вооруженных формирований восставшего против короля мятежника Баче Сакао. Я лично не участвовал в этой операции, так как заболел туберкулезом. Внезапность появления с тыла неведомой силы развеяла, а частично уничтожила банды мятежников.

Я лично ходил на территорию Афганистана для ликвидации одной из басмаческих банд. Кстати, о таких вылазках на чужую территорию в печати вы ничего не найдете.

Памятна одна боевая операция. Главарь басмачей Глом-Хасан-хан часто приходил из Афганистана и грабил местные кишлаки. Это была очень жестокая банда, которая помимо грабежей не гнушалась и убийствами активистов Советской власти.

Мы решили провести оперативную комбинацию, в ходе которой банда должна была попасть в нашу засаду. Через агентуру мы дезинформировали басмачей, сообщив, что в магазин кишлака Хост завезли много товара, особенно ситца (по-таджикски «чит»), однако продать еще не успели. Продавец магазина был нашим агентом, поэтому не составляло труда через него донести эту дезинформацию до местных жителей, многие из которых имели родственников в банде басмачей. Напомню, что шел 1930 год.

Нами была создана боевая группа в количестве 25 человек, на вооружении которой было два станковых пулемета «Максим», три ручных пулемета, много гранат. Руководил операцией я лично.

Ночью на бурдюках около 30 бандитов переправились на наш берег. Подождав, когда басмачи зайдут в магазин, мы окружили это место. Жажда наживы была так велика, что они даже никого

не оставили в боевом охранении.

За все надо платить, из этой банды уцелело не более 10 человек. Остальные были уничтожены. Погиб и главарь басмачей Глом-Хасан-хан. В порыве азарта было выпущено несколько выстрелов в убегавших бандитов в сторону афганской территории.

Мы проинформировали свое руководство о проведении успешной операции. Однако было не все так хорошо, как нам казалось. Вскоре я получил телеграмму о том, что правительство Афганистана предъявило ноту протеста Советскому Союзу в связи с обстрелом афганского населенного пункта и гибелью и ранением мирных жителей. Мне пришлось дать полное объяснение по свершившемуся факту. Думаю, на основе моего отчета советским правительством был подготовлен и представлен правительству Афганистана ответ на ноту протеста.

Следует отметить, что оперативная комбинация по разработке и уничтожению банды Глом-Хасан-хана была принята на вооружение другими пограничными отрядами и получила широкое распространение на границах Средней Азии.

Раньше служба на моей должности продолжалась один год, мне же пришлось служить на Памире два года по не зависящим от меня обстоятельствам. Занимавшие эту должность после меня уже служили также по два года. Вообще, для европейца климат Памира неподходящий. Коварные восточные болезни поджидают его на каждом шагу. Это коснулось и моей семьи. Надежда Павловна заболела персидским тифом и очень тяжело переносила болезнь. Эта болезнь появляется от укуса клеща и от человека к человеку не передается. Я хоть и не болел местными экзотическими болезнями, зато свалился от туберкулеза.

По окончании службы на Памире мы в сопровождении пограничников, совершенно больные, были отправлены в Душанбе. Надежда Павловна была до того слаба, что ее приходилось привязывать к седлу, чтобы она не упала. Ехал с нами и наш сын Гелик. (Спустя год с начала моей службы на Памире я ездил к своим родителям и забрал у них сына с собой, так как моя жена очень сильно страдала без него.) Мы благополучно преодолели горные перевалы и к вечеру были уже в Гарме. Здесь у жены случился приступ, поднялась температура до 40 градусов, началось сильное сердцебиение. Хорошо, что в Гарме была больница, где она пролежала двое суток, пока не прошел приступ. Я видел, что моя жена очень ослабла и на лошади ей до Душанбе не добраться. И тут мне сообщили новость, что в этот день впервые из Душанбе должен был прилететь самолет.

Я представился летчику и попросил взять меня с семьей в Душанбе. На самолете мы благополучно добрались до места назначения.

Из Душанбе мы поездом доехали до Ташкента. Там Надежда Павловна опять попала в больницу из-за приступа. Из больницы она вышла еще более изможденная. У нас на руках были путевки в санаторий в Крым. Отпуск у меня был два месяца, из Крыма мы поехали на родину в Соленое, где прожили около недели, после чего оказались в Москве. У меня была мечта поступить в Высшую пограничную школу. Я неоднократно в Средней Азии писал рапорты, но меня не отпускали.

Высшая пограничная школа размещалась в Безбожном переулке в Москве. Меня принял начальник школы М. И. Лацис. После рассказа о своей службе я попросил зачислить меня в Высшую пограничную школу. Лацис направил меня на прохождение медицинской комиссии и сказал: «Пройдете, а там посмотрим». Я понял, что его насторожила моя худоба после перенесенного туберкулеза.

Комиссия меня забраковала, объяснив свое решение тем, что я не выдержу нагрузок в школе. Мои попытки объяснить врачам, что нагрузки на границе во много раз больше, ни к чему не привели.

Желание учиться было велико, и я решился обратиться с этой просьбой к начальнику Главного управления пограничных войск СССР товарищ Быстрых. Он принял меня и, выслушав мою просьбу, обещал оказать содействие. По его указанию я был принят в Высшую пограничную школу.

В школе было два курса: командно-политический и строевой. Я учился на командно-политическом. Проучившись незначительное время, я был назначен преподавателем в этой же школе, не будучи освобожденным от учебы. Преподавал я историю Гражданской войны и курс партийно-политической работы. В конце учебы меня назначили начальником клуба Высшей пограничной школы. У меня было два зама — Хазанов и Рогозин. Начальником школы был Барановский, а начальником политотдела — Наумов.

Начальником командно-политического курса был Телегин. В выпускной аттестации он записал, что я подготовлен на должность заместителя командира полка по политчасти. Моя должность начальника клуба соответствовала должности, обозначенной в аттестации. Хотя я с неохотой пошел работать начальником клуба и высказал это командованию, но они настояли на моей новой должности. Оглядываясь в прошлое, я

пришел к твердому убеждению, что должность начальника клуба значительно повысила мой культурно-образовательный уровень. По должностному положению я был связан с деятелями культуры и науки. Я приглашал на концерты выдающихся артистов И. С. Козловского, В. В. Барсову, М. Д. Михайлова и других. По-моему приглашению выступали в клубе И. Д. Папанин, Э. Т. Кренкель и другие. И со всеми я общался.

Я проработал начальником клуба и преподавал в школе с 1933 по 1937 год. Потом меня вызвали к начальнику политотдела Главного управления погранвойск и предложили должность инспектора политотдела Главного управления пограничных войск НКВД СССР. Это была высокая должность, и я с радостью принял это предложение. Я был одним из работников, которому поручалось проверять политическую деятельность пограничных войск военных округов. Прослужил я в этой должности до сентября 1939 года.

Глава 4
Форпост на западной границе — Белосток

Ваша служба в Средней Азии, как я думаю, явилась фундаментом всей Вашей дальнейшей карьеры. Помимо этого, Вы получили ценные теоретические знания в Высшей пограничной школе. А работа в центральном аппарате позволила увидеть служебные проблемы глазами руководителя.

Сергей Саввич, расскажите о своем назначении на должность заместителя, а затем и начальника Управления НКВД по Белостокской области.

Я думаю, многим известно о сложной обстановке в западных областях Белоруссии в 1939–1941 годах. Но хотелось бы услышать от Вас следующее: какие проблемы стояли перед вновь созданным управлением; как местное население реагировало на ввод советских войск на территорию Западной Белоруссии; как проводилась работа по противодействию спецслужбам гитлеровской Германии; какая обстановка была на границе, были ли провокации фашистов; был ли в республике бандитизм и если был, то как проходила борьба с ним. Было бы интересно узнать о Ваших отношениях с руководящими работниками области и республики.

В связи с предстоящим освобождением западных областей Белоруссии я был назначен заместителем начальника оперативно-чекистской группы при 10-й армии, освобождавшей направление Гродно — Белосток. После освобождения западных областей было организовано Управление НКВД по Белостокской области. Начальником был назначен П. А. Гладков, а я его заместителем.

Гладков оставался замнаркома НКВД и поэтому редко приезжал в Белосток. Поэтому вся тяжесть чекистской работы в сложившихся военно-политических условиях легла на мои плечи.

В связи с присоединением Западных областей Белоруссии и Украины к СССР остро встал вопрос о создании управлений госбезопасности в этих районах.

Немецко-фашистские войска теперь стояли на границе с Советским Союзом. Было совершенно очевидно, что гитлеровская Германия готовит плацдарм для нападения на Страну Советов. Оставалось неизвестным одно — когда она решится осуществить этот разбойничий замысел.

Фашисты не собирались откладывать надолго свои

агрессивные планы. Об этом можно было судить хотя бы по тому, что их разведывательные органы самым активным образом и в широких масштабах проводили агентурную, наземную и воздушную разведку в нашей пограничной полосе и в глубинных районах.

В этих чрезвычайно сложных условиях наши пограничные войска и приграничные территориальные органы государственной безопасности приступили к охране государственной границы, образовавшейся в результате включения в состав СССР воссоединившихся с Советскими республиками Западной Белоруссии и Западной Украины. От пограничников и чекистов требовалось в самое короткое время проделать огромную работу, чтобы выполнить наказ партии и правительства — надежно закрыть границу от любых происков врага.

Основное внимание уделялось прежде всего положению дел на границе. Областной комитет партии во главе с первым секретарем С. С. Игаевым (впоследствии первыми секретарями были Н. В. Киселев и В. Г. Кудряев) контролировал и направлял деятельность органов и войск НКВД по обеспечению государственной безопасности на территории Белостокской области, столь важной в стратегическом отношении.

Понимая всю сложность складывающейся военно-политической обстановки, партия и правительство принимали необходимые меры, чтобы в максимально сжатые сроки укрепить охрану и оборону наших западных рубежей. Успех дела во многом решался правильным подбором и умелой расстановкой кадров.

Пограничные заставы, комендатуры и отряды укомплектовывались опытными красноармейцами, хорошо подготовленными командирами, политическими и оперативными работниками.

Начальником пограничных войск Белорусского округа был генерал-лейтенант Иван Александрович Богданов. Сын бедняка Тамбовской губернии, в начале 1918 года он добровольно вступил в отряд Губчека города Тамбова, в том же году стал членом большевистской партии. Иван Александрович прошел путь от рядового красноармейца до генерал-лейтенанта, стал высококультурным, образованным военным специалистом. Самым памятным в своей жизни И. А. Богданов считал апрельский день 1917 года в Петрограде, когда ему довелось видеть и слышать В. И. Ленина, выступавшего с балкона бывшего особняка Кшесинской.

До назначения на должность начальника пограничных войск

округа И. А. Богданов работал начальником штаба Высшей пограничной школы, затем находился на руководящей работе в Главном управлении пограничных войск.

В период Великой Отечественной войны генерал Богданов был заместителем командующего Резервным фронтом, потом заместителем командующего 39-й армией. В боях с гитлеровскими захватчиками 22 июля 1942 года И. А. Богданов пал смертью храбрых, похоронен он на центральной площади в Калинине (ныне Тверь).

Первым заместителем начальника войск был комбриг, позднее генерал-майор Курлыкин, начальником политотдела округа — бригадный комиссар Верещагин, начальником штаба — полковник Сухарев, начальником разведотдела — полковник Троицкий. Все они были патриотами пограничной службы, великолепно знали свое дело.

Пограничными отрядами, дислоцированными на границе белостокского выступа, командовали также весьма квалифицированные, опытные командиры.

С выходом на охрану новой границы возникли большие трудности. Надо было незамедлительно создать хотя бы элементарные условия для размещения личного состава. Только большой опыт командиров и политработников, умение быстро ориентироваться в обстановке помогли подобрать помещения для застав, комендатур, отрядов и соответствующих служб. Граница изучалась одновременно с несением службы. Быстрыми темпами оборудовались дозорные тропы, наводились мосты и мостики, создавались простейшие средства сигнализации, строились наблюдательные вышки и т. д.

Весь личный состав, не жалея сил, не считаясь со временем, занимался оборудованием границы и пограничной полосы. Пример показывали коммунисты и комсомольцы. Они были душой любого дела.

Освобожденные из тюрем и картуз-береязской каторги коммунисты и комсомольцы активно включались в работу по укреплению органов Советской власти, в борьбу с классовым врагом. Среди них выделялись своей политической зрелостью и боевитостью Сергей Притыцкий и Вера Хоружая. В первые дни, как только была освобождена Западная Белоруссия, мне пришлось встретиться с товарищем Притыцким в городе Белостоке. Худой, измученный страшным каторжным режимом, он еле держался на ногах. Но сердце его было преисполнено неукротимым революционным порывом и жгучей ненавистью к классовым врагам. Обком партии рекомендовал его на пост

заместителя председателя облисполкома. С первых дней он с головой окунулся в тяжелую многообразную работу. Всюду, в городах и селах Сергея Осиповича можно было видеть среди народа как неутомимого организатора всех мероприятий по укреплению правопорядка и строительству сооружений оборонного характера. «Наш Сергей», — так называли его люди. Они помнили его геройский поступок, когда в зале суда буржуазно-помещичьей Польши он стрелял в провокатора. Был приговорен к смертной казни, но под воздействием народных масс панское правительство вынуждено было заменить эту меру вечной каторгой. При жизни Притыцкий стал легендой. Вскоре народ избрал его депутатом Верховного Совета СССР..

В годы Великой Отечественной войны Сергей Осипович внес крупный вклад в дело организации партизанской борьбы на оккупированных территориях Белоруссии и Польши. О его жизни снята кинокартина «Красные листья».

Надо сказать, что правящие круги буржуазно-помещичьей Польши много поработали над тем, чтобы посеять ложь в умах людей, извратить советскую действительность, запугать их мнимыми ужасами НКВД. Активно участвовала в этой коварной работе католическая церковь, ее священнослужители — ксендзы.

Известно, что через костел правительство буржуазной Польши проводило политику ополячивания белорусов, украинцев и русских, проживавших там. Действовал закон, что если православный принимал католическое вероисповедание, он механически становился поляком. Неоднократно приходилось встречаться с такими фактами, когда на вопрос о его национальности человек отвечал, что он католик, хотя известно было, что он белорус.

Мне как руководящему работнику органов госбезопасности часто приходилось бывать на границе и совместными усилиями с пограничниками проводить сложные чекистско-войсковые мероприятия, направленные на укрепление охраны границы.

У нас с генералом Богдановым была единая точка зрения, мы оба считали, что до тех пор, пока мы не создадим крепкий агентурный аппарат, надежной охраны границы не будет.

Следует сказать, что патриотически настроенная часть местного населения, замечая враждебную деятельность некоторых элементов, часто информировала об этом наши органы. Именно из этой части людей и создавался в первоначальный период наш негласный аппарат. Все чаще и чаще приходили люди на заставы, в комендатуры, в горрайаппараты НКВД — НКГБ с заявлениями о появлении в их селах и хуторах подозрительных лиц. Были случаи, когда враждебные элементы

жестоко мстили им за помощь нашим войскам и органам. Убивали их из-за угла, сжигали их дома и хозяйственные постройки.

Припоминается случай, когда озверевшие враги, поощряемые и направляемые фашистской разведкой, бросили гранату в помещение, где проходило собрание членов вновь организованного колхоза. Жертвы, понесенные от этого бандитского акта, еще теснее сплотили бедняцко-середняцкие массы вокруг Советской власти.

Наибольшую активность буржуазно-националистические элементы развили в Августовском, Граевском, Ломженском и других пограничных районах, где начальниками чекистских органов были такие опытные работники, как Жадовский, Гредасов, Мануйлов, Иванов и др.

Райкомы партии пограничных районов возглавлялись зрелыми в политическом отношении и достаточно опытными секретарями, которые осуществляли твердое руководство оперативными органами и пограничными подразделениями и повседневно оказывали им помощь. Так, например, секретарем Августовского райкома партии был Н. Ахимович, в дальнейшем — один из участников организации партизанского движения в тылу врага и секретарь ЦК Компартии Белоруссии по кадрам.

В результате улучшения разведывательной и контрразведывательной работы, проводимой чекистскими органами и пограничниками, было ликвидировано много переправ противника и увеличилось количество задержаний нарушителей. Только с 1 ноября 1940 года по 1 апреля 1941 года на участках 86-го, 87-го, 88-го пограничных отрядов было задержано около 1200 человек. За этот период пограничниками применялось оружие в 62 случаях, в результате чего было убито 22 нарушителя, ранено 19 нарушителей.

В числе задерживаемых нарушителей границы разоблачалось все большее и большее число германской агентуры. Данные следствия показали, что органы гитлеровской разведки проявляют большой интерес к вопросам дислокации и нумерации наших воинских частей, их вооружению, к местоположению складов и баз, к строительству аэродромов и посадочных площадок, наличию самолетов, танков, артиллерии, а также оборонительных сооружений.

Большой интерес проявлялся также к политико-моральному состоянию наших бойцов и командиров, к настроению различных слоев населения и их отношению к органам Советской власти и Красной Армии. Отдельным их агентам давались задания выявлять интимные связи наших военнослужащих с местными

женщинами и девушками, чтобы впоследствии через некоторых из них собирать интересующую развединформацию. В конечном итоге ставилась задача прямой вербовки таких лиц.

Германской агентуре давались задания всевозможными путями и средствами добывать информацию о местонахождении наших органов государственной безопасности, выявлять фамилии официальных работников этих органов и их домашние адреса. Особенно вменялось выявлять и брать на точный учет лиц из местного населения, замеченных в связях с НКВД-НКГБ.

Наиболее квалифицированной агентуре германская разведка давала задания внедряться на службу в органы государственной безопасности, в погранвойска, в милицию, в подразделения и части Красной Армии на любые, даже самые маленькие должности, такие, как уборщица, конюх, сторож и т. д.

Вражеская разведка понимала, что эти должности будут комплектоваться, естественно, за счет местного населения, а лучшие из них будут выдвигаться и на более серьезную работу.

Врагу удавалось проникать в те организации, где отсутствовала бдительность. Главное заключалось в том, что эти люди имели возможность общаться с членами коллектива и даже при хорошо организованном порядке что-то извлекать для своих хозяев. Мне вспоминается один характерный случай. Элементарным правилом всегда было и есть — тщательно учитывать и сжигать копировальную бумагу там, где печатаются секретные документы. Известно, что разведки всех стран мира всегда к использованным копиркам проявляют большой интерес. Часто этот трофей становится добычей уборщиц там, где по злому умыслу машинистки или в результате ее ротозейства не выполняется это железное правило. Так и случилось в одном из райаппаратов НКГБ на территории Белостокской области. Только счастливая случайность помогла поймать одну из таких уборщиц, но все же часть секретной информации стала достоянием фашистской разведки.

Почти каждый день то на одном, то на другом участке границы возникали сложные ситуации, требовавшие оперативных решений.

Фашистская разведка день ото дня действовала все энергичнее и наглее. Мы понимали, что от того, насколько быстро нам удастся организовать разведывательную и контрразведывательную работу, зависит, удастся ли нам вовремя разгадать замыслы противника и нанести удар по его агентуре. Положение осложнялось еще и тем, что в течение 1939–1940 годов через границу по различного рода пропускам и разрешениям передвигалось очень много людей.

Возрастало количество случаев нелегального перехода границы. Спасаясь от фашистских репрессий, на нашу сторону переходили некоторые жители оккупированных стран (поляки, французы, голландцы, бельгийцы, норвежцы и другие). Нелегальные переходы вызывались и тем, что новая граница нарушила родственные и иные связи между людьми. Возникало серьезное опасение: массовый поток населения через границу мог быть использован гитлеровской разведкой для ведения широкой разведывательной и подрывной деятельности против нашей страны.

Напряженной была атмосфера в пограничных и прилегающих к ним районах западных областей. В то время как рабочие, бедняки и большая часть среднего крестьянства всеми силами помогали становлению и упрочению Советской власти, эксплуататорские классы пытались вернуть старые порядки; враждебную позицию к нам занимало и католическое духовенство. В этой обстановке большое значение имела политическая работа среди населения, а также осуществление мер по улучшению материально-бытовых условий жизни бедняцко-середняцкой массы.

Местные органы власти постепенно приобретали широкую поддержку в народе. Наиболее сознательная и передовая часть рабочих и бедняков вступала в партию и комсомол. Ширилась сеть партийных и комсомольских организаций в городах и деревнях.

Собирая разведывательные данные, вражеская агентура стремилась установить связь с антисоветски настроенными лицами, чтобы склонить их к активному сотрудничеству.

Один из разоблаченных нами агентов показал, что он шел на связь с руководителем подпольной организации в Гродно. Этот факт и другие данные свидетельствовали о том, что гитлеровская разведка имела прямую связь с антисоветским подпольем и всячески активизировала его деятельность.

От пограничных войск и органов НКВД требовалось огромное напряжение сил. большое мастерство, чтобы пресекать деятельность вражеской агентуры, разгадывать ее замыслы.

Как враг ни скрывал своих намерений, советские люди сознавали, что опасность нападения на нашу страну возрастает. Население западных областей лучше, чем кто-либо, чувствовало эту угрозу. Тревожась за судьбу Родины, советские люди старались всячески содействовать органам безопасности.

Зимой 1940 года я приехал в Гродно, чтобы помочь начальнику городского отдела НКВД Одинцову разобраться в обстановке. Речь шла о том, что поступил сигнал о

существовании в городе глубоко законспирированной антисоветской организации, имеющей типографию и в большом количестве оружие. Как раз в это время в Гродно и других населенных пунктах появлялись листовки антисоветского содержания. Одинцов показал мне записку, в которой автор, не называя своей фамилии, просил в условленном месте организовать ему встречу с начальником областного управления НКВД.

К записке был приложен билет на последний сеанс в один из кинотеатров, уточнялось, что автор ее будет сидеть справа от меня и на мой вопрос: «Интересная картина?» — ответит: «Говорят, интересная». Через полчаса он поднимется и пойдет к выходу, а мне следует, не теряя его из виду, выйти из кинотеатра и идти за ним до угла переулка, там, минуя его, сесть в свою машину, а он через несколько минут тоже сядет в эту машину.

Приняв необходимые меры, чтобы избежать неприятностей, если все это окажется ловушкой или провокацией, мы выполнили план действий автора записки с той лишь разницей, что в машине поджидать неизвестного остались мы с Одинцовым, а в кинотеатр в сопровождении двоих сотрудников пошел один из наших оперативных работников.

Через сорок минут в нашей машине сидел мужчина лет 45, интеллигентного вида, хорошо говоривший по-русски, но с польским акцентом. Он сказал, что хотел бы знать, с кем будет разговаривать, и попросил предъявить документы. О себе сообщил, что в Гродно он проездом, за принадлежность к Коммунистической партии Польши долго сидел в тюрьме, освобожден Красной Армией, а фамилия его Седловский. Потом добавил: «Я могу назвать себя любой фамилией, тем более что никаких документов у меня нет и к вопросу, по которому я к вам пришел, это не имеет прямого отношения. Мои политические убеждения заставили меня искать связи с вами, чтобы рассказать о том, что, быть может, не совсем ясно вам в данный момент».

Далее он подробно рассказал о тех силах, которые не могут примириться с новыми порядками и, смыкаясь с гитлеровцами, ведут подрывную работу против Советской власти.

«Я, к сожалению, не могу назвать вам конкретных лиц, которыми следовало бы заняться, — продолжал незнакомец, — но девушка по имени Марыся, проживающая по адресу… — он назвал точный адрес, — ведет подозрительный образ жизни, часто на несколько дней отлучается из дому. Советую присмотреться к ней. Если у вас возникнет необходимость снова встретиться со мной, то я буду во Львове».

Поблагодарив собеседника, мы уехали.

Через некоторое время были получены данные, характеризующие Марысю. Она оказалась молодой, красивой девушкой, недавно приехавшей в Гродно якобы из Варшавы. Стало известно, что она часто ездит по железной дороге из Гродно во Львов, в пути на некоторых станциях встречается с какими-то молодыми людьми, ведет с ними накоротке разговоры, что-то получает от них и что-то передает им. Иногда она отклоняется от железнодорожного пути и тогда пользуется попутными подводами, а то и как будто специально поджидающими ее повозками.

Молодые люди, встречавшиеся с Марысей, как оказалось, тоже часто отлучались из дому и в свою очередь встречались с другими людьми. Таким образом, вырисовывалась цепочка какой-то организованной связи. Время не терпело, и Марысю задержали.

На первом допросе Марыся категорически отрицала какую бы то ни было свою виновность. После длительных препирательств она заявила, что эти поездки и связи носят чисто личный, интимный характер, короче говоря, она сказала, что «проституцией зарабатывает на жизнь». Если быть наивным, то можно было бы поверить ей, так как буржуазно-помещичья Польша не отставала по этому социальному злу от других капиталистических стран, а если говорить объективно, то шла даже впереди некоторых из них.

Словом, для наших органов власти, с первых дней освобождения западных областей, встали вопросы борьбы с проституцией. Трудоустройство проституток считалось главным средством этой борьбы. Женщин с черным паспортом, торговавших своим телом в официально существовавших в панской Польше домах терпимости необходимо было в кратчайший срок приобщить к полезному труду.

Нам, чекистам, больше, чем кому-либо другому, было известно, что проституток часто использовали для вербовки капиталистические разведки. Но найти этим женщинам рабочие места в западных областях Белоруссии было невозможно, так как массовая безработица была главным бичом рабочего класса довоенной Польши. Поэтому по истечении некоторого времени было принято решение трудоустраивать проституток в наших восточных районах, где ощущалась острая нехватка рабочей силы ввиду бурного развития нашей промышленности и сельского хозяйства.

В последующих беседах с Марысей я почувствовал зыбкость ее убеждений. Правда, свои националистические антисоветские взгляды на будущее Польши она не скрывала и даже пыталась

убедить меня в своей правоте. Приводя неопровержимые и доходчивые факты, я объяснил ей, что буржуазно-националистическое подполье — это агентура гитлеровцев и что свобода и независимость Польши зависят от того, как скоро польский народ пойдет по пути социалистического развития.

После нескольких бесед (а не допросов) у Марыси появился интерес к ряду проблем, стали возникать вопросы, и я предоставил ей возможность самой находить на них ответы. Постепенно она начала проникаться сознанием ошибочности и пагубности своих взглядов.

В один из дней она попросила, чтобы ее вызвали на допрос.

— Я хочу просить вас, — сказала она, — чтобы вы дали слово, что не тронете тех, кто так же, как и я, заблуждается; *их* немало, мне очень жаль их, тем более, что во многом виновата я сама. Я готова нести полную ответственность за содеянное по всей строгости советских законов.

Я обещал тщательнейшим образом разобраться с каждым человеком в отдельности.

Марыся рассказала о широкой сети глубоко законспирированной подпольной антисоветской организации. Организация приобретала оружие, боеприпасы и хранила все это в надежных местах, о которых знали очень немногие, наиболее надежные люди. Гродненская организация была связана с организациями других городов, в том числе и Львова. Во главе каждой из них стоял комендант. Руководящие указания шли из варшавского центра, направляемого, очевидно, гитлеровскими спецслужбами в Польше.

Наиболее активная часть руководящей верхушки организации, дабы избежать арестов на случай провала, находилась на полулегальном и легальном положении. Между отдельными звеньями организации связь осуществлялась посредством курьеров, подобранных из наиболее стойких и преданных людей. Каждый из членов подполья имел свою кличку и знал только второго или третьего человека. Все указания и директивы шли сверху и донизу только в зашифрованном виде. Враг номер один для них — большевизм.

Марыся рассказала, что в организации идет борьба двух течений, из-за тактики. Одна часть организации выступает за немедленные, активные диверсионно-террористические действия против партийно-советских органов, а также за беспощадное истребление всех тех, кто в той или иной степени помогает Советам. Другая часть, большая, за то, чтобы не предпринимать до поры до времени таких активных действий, так как они повлекут за собой ответные репрессии и преждевременные потери

необходимых для будущей борьбы сил.

Нам и до этих показаний было совершенно ясно, что убийства партийно-советского актива и отдельных военнослужащих являются организованными и заранее спланированными действиями враждебных элементов. Для своих оперативно-чекистских мероприятий мы сделали некоторые выводы, особенно в плане дальнейшей работы по разложению враждебных организаций.

Существование подпольной организации было вполне очевидно. Необходимо было проникнуть в самое ядро организации, выявить основных ее руководителей, места их пребывания, явки, пароли и т. д. Только доверенное лицо организации могло помочь нам собрать эти сведения. Марыся дала согласие попытаться сделать это. Мы шли на риск.

А вдруг все ее поведение лишь игра, вызванная стремлением любой ценой освободиться и спасти организацию от провала? Такое могло быть, но все же мы решили действовать, как задумали.

Мы предоставили Марысе возможность искупить свою вину. Через некоторое время стали убеждаться, что не ошиблись, поверив девушке. Благодаря ее умелой и самоотверженной работе нам удалось найти хороших помощников и, действуя через них, собрать достаточно материалов, изобличавших руководителей организации и ее актив в подрывной антисоветской деятельности и в связях с гитлеровской разведкой. Оперативными органами совместно с пограничными и внутренними войсками была проведена чекистско-войсковая операция. Среди арестованных оказались некоторые руководители и актив буржуазно-националистического подполья во главе с крупным эмиссаром Стефаном, состоявшим, как показало следствие, одновременно на службе у двух разведок — немецкой и британской. При обысках в наши руки попало много документов и немало иностранной валюты.

Войсковыми силами удалось нанести удар по местам базирования банд. Бандиты были вооружены пистолетами, винтовками, автоматами, гранатами, ручными и даже станковыми пулеметами и минометами. Характерно, что многие образцы захваченного нами оружия оказались германского происхождения. Это лишний раз доказывало, что фашистские органы разведки помогали антисоветскому подполью на нашей территории. В этой операции удалось выявить целую систему схронов — мест укрытия бандитов и их руководителей.

Ход следствия по делу арестованных показал, что враг был хитер и коварен, что он пользовался гибкими формами и

методами своей подрывной работы, что во главе всех звеньев подполья стояли очень опытные конспираторы, готовые долго и упорно драться за возвращение своих утраченных богатств и привилегий. Ничем не гнушаясь, умело используя наши промахи и ошибки, идя на самые гнусные провокации, руководители антисоветского подполья стремились посеять недоверие среди народа к органам Советской власти.

Агентурная работа являлась одним из важных направлений деятельности органов государственной безопасности в присоединенных областях Западной Белоруссии. Без ложной скромности скажу, что мне самому приходилось заниматься вербовкой агентов. Но контингент, с которым я контактировал, несколько отличался от того, с кем работали рядовые оперработники.

Дело в том, что существует категория людей, которые, возможно, и не против оказывать негласную помощь, однако из-за своего, как правило, высокого положения соглашаются работать только с равными по статусу, как им это кажется, сотрудниками госбезопасности.

Вспоминается мне один ксендз, служивший в одном из костелов г. Белосток. По понятным причинам имя его назвать не могу. Это был уже немолодой, видевший много на своем веку священнослужитель. Я знал, что, несмотря на лояльность, он настроен антисоветски. Однако оперативная обстановка требовала в то время не карать, а привлекать к сотрудничеству подобных людей.

У меня была уверенность, что только на солидных компрометирующих материалах этого ксендза можно было привлечь к сотрудничеству. И вскоре такой материал нашелся. В органы госбезопасности попали кинопленки, запечатлевшие похороны солдат периода советско-польской войны 1920 года. Кинохроника была не из приятных: в предместьях Варшавы похоронили солдат польской армии с почестями, а красноармейцев побросали как попало в общую могилу. И каким-то образом ксендз оказался на этой пленке. Он выступал на траурном митинге и проклинал «захватчиков».

По моему приказу в один из вечеров этого ксендза привезли в кинозал Управления НКВД по Белостокской области. Беседу проводил я один. Сначала говорили об общих вопросах, затем я пригласил его посмотреть кадры этой кинохроники. Во время просмотра ксендз сильно нервничал, потом долго молчал и наконец промолвил: «Я пожилой человек и видел на своем веку немало. Я понимаю, с какой целью вы меня пригласили, но я очень прошу не связывать меня никакими обязательствами. Я

поляк и работать против своего народа не смогу».

Когда разговор коснулся тяжелого положения поляков на территории, оккупированной немцами, между нами появилась невидимая связующая ниточка. В конце беседы я убедил его в том, что встречаться нам все-таки придется. Никакой подписки я с него не взял. Думаю, что он бы и не дал ее.

Начав сотрудничать с нами, ксендз показал себя отличным конспиратором. Да это и неудивительно. Мне удалось выяснить, что он одно время сотрудничал с австрийской разведкой.

Встречи проходили строго конфиденциально, хотя, учитывая сложную обстановку, меня страховали один-два вооруженных оперработника.

В результате улучшения организации розыска и преследования нарушителей значительно повысилось количество ликвидированных прорывов. Для характеристики этого можно привести следующие факты.

19 ноября 1940 года, в 23 часа 50 минут на участке 7-й заставы 86-го погранотряда нарядом на командном пункте (КП) были обнаружены следы девяти человек, которые вели в наш тыл. Комендант участка капитан Мягкий немедленно доложил об этом начальнику отряда и выехал к месту происшествия для организации преследования. Начальник отряда майор Здорный вероятные пути движения прикрыл группами. Одной из групп, возглавляемой старшим лейтенантом Царенко, 20 ноября 1940 года в 7 часов утра были задержаны трое вооруженных нарушителей, у которых изъято: 2 револьвера, 2 гранаты «Мильс», крупная партия сахарина и другой контрабандный товар.

20 ноября 1940 года в 13.00 группой, возглавляемой техником-интендантом 1 ранга Романченко, был убит еще один участник банды. В результате настойчивой работы по розыску остальных нарушителей 28 ноября были задержаны еще трое, причем двое из них оказали вооруженное сопротивление.

Жизнь границы в тот период изобиловала подобного рода случаями. Главное же заключалось в том, чтобы не допускать безнаказанных нарушений границы, и можно твердо сказать, что несмотря на сложность всей оперативной обстановки, подавляющее большинство начальников застав под руководством комендантов участков и начальников отрядов на протяжении длительных сроков времени не допускали таких безнаказанных нарушений. К их числу относятся: комендант 4-го участка 87-го погранотряда капитан Ольшук, награжденный за отличную организацию охраны границы на участке своей комендатуры орденом Красной Звезды, начальник 6-й заставы 88-го погранотряда младший лейтенант Бойко, также награжденный

орденом Красной Звезды за недопущение безнаказанных прорывов на своем участке и отличное знание обстановки, и другие пограничники.

Сложность оперативной обстановки требовала совершенствования чекистского мастерства со стороны личного состава территориальных органов, пограничных и внутренних войск НКВД.

Чекистским органам и пограничным войскам, поставленным партией и правительством на самые острые участки классовой борьбы, надо было особенно следить за тем, чтобы не допускались нарушения революционной законности. Я и подчиненные мне руководители периферийных органов часто отчитывались о своей работе перед бюро обкома и бюро райкомов партии. Мы органически были связаны с работой партийных органов и тем, что сами являлись членами бюро: я — Белостокского обкома партии, а начальники городских и районных аппаратов — соответствующих комитетов партии.

Особо хочется подчеркнуть, что Центральный Комитет Компартии Белоруссии и правительство уделяли чрезвычайно много внимания западным областям и особенно Белостокской области. С их стороны оказывалась многогранная помощь в налаживании хозяйственно-политической жизни освобожденных районов и укреплении их обороноспособности. Исключительно много делалось в этом направлении в пограничных и приграничных районах.

Я не ошибусь, если скажу, что большую часть своего времени руководящие работники находились в западных областях. Особенно часто нам, руководящим работникам Белостокской области, оказывал на месте помощь и давал советы первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. К. Пономаренко. Нередко мы встречались и с секретарем ЦК КП Белоруссии В. Н. Малиным и другими работниками. Именно они и секретари обкома партии, работавшие после товарища Игаева, товарищи Киселев и Кудряшов, помогали нам разобраться в сложном политическом переплете, сложившемся там. Прошло уже много времени с тех пор, когда нам приходилось решать трудные и ответственные задачи, но можно и сегодня сказать, что линию партии мы осуществляли твердо и неукоснительно.

Когда мы получили данные о наличии активно действующего против нашего народа буржуазно-националистического подполья, мы подходили к реализации материалов в зависимости от обстоятельств. Мы изолировали от общества, прежде всего из состава руководителей и актива, выходцев из враждебных нам классов. Что же касается лиц из среды интеллигенции и среднего

чиновничьего сословия довоенной Польши, то к ним был применен сугубо индивидуальный подход с учетом конкретно содеянного. Выходцев из социально близких нам слоев мы профилактировали, то есть рассказывали, что мы знаем об их связях или принадлежности к подполью, требовали прекращения этой деятельности и предупреждали о серьезной ответственности, если они будут ее продолжать. Как потом было установлено, многие поняли свои заблуждения и отошли от этого, и только незначительная часть не прислушалась к нашим советам и в результате была привлечена к ответственности.

Оставшиеся на свободе контрреволюционные элементы путем террористических актов, шантажа и провокаций пытались вернуть на путь преступной деятельности отмежевавшихся и успех на этом пути имели незначительный. Более того, часть этих людей, не поддававшихся на провокации, приходили к нам с заявлениями о том, что их пытаются снова толкнуть на преступный путь борьбы с Советской властью.

Руководитель подполья, раскрытого с помощью Марыси, Стефан, показал, что кроме центра, которым он руководил, есть еще запасной центр, но ни его состава, ни места пребывания он не знает.

— Такие же запасные штабы, один или даже два, существуют во всей структуре подполья снизу доверху. Если проваливается один, на смену ему вступает автоматически другой и т. д., — заявил Стефан.

Чтобы узнать, что это именно так, долго ждать не пришлось, подполье после некоторого относительного затишья продолжило работу. Террористические и диверсионные акты устраивались чаще, чем до провала. Наряду с этим буржуазно-националистическое подполье резко усилило сбор разведданных (мы все в большей и большей мере начали располагать такими фактами). Здесь явно чувствовался почерк гитлеровской разведки.

Для нас было совершенно ясно одно: что, не имея активной материальной и моральной поддержки извне, антисоветские элементы не в состоянии были бы долго продержаться и тем более вести себя агрессивно в условиях, когда все мероприятия Советской власти одобрялись народом Западных областей и получали его широкую поддержку.

Надо было найти и надежно закрыть каналы, через которые они получали помощь. Понятно, что пограничникам в решении этих задач отводилась исключительно важная роль. Правильно сочетая войсковую охрану с оперативными мероприятиями и привлекая в помощь себе местное население, можно было многое сделать в этом направлении.

Но этого было недостаточно. Необходимо было своевременно узнавать о замыслах врага за кордоном с тем, чтобы предотвратить их и, более того, обратить против него же самого. Надо было создать такие условия, при которых можно было бы вводить врага в заблуждение, дезориентировать его. Поэтому разведывательные службы пограничных войск совместно с чекистскими аппаратами области прилагали все свои усилия на приобретение и воспитание верной нам закордонной агентуры и внедрение ее в разведывательные и контрразведывательные органы врага и другие буржуазно-националистические центры, действовавшие против нас из-за границы и находившиеся на службе империалистических разведок.

К этому времени мы уже располагали точными данными, что в числе руководителей варшавского и других центров находились опытные резиденты германской разведки. Таким образом, фашистская разведка получила возможность непосредственно влиять на подпольные антисоветские формирования, и даже руководить ими. Изо дня в день наши разведчики упорно и настойчиво трудились над тем, чтобы пресечь это.

Со временем мы стали получать все новые и новые данные о том, что уцелевшие организации буржуазно-националистического подполья взяли направление на сбор разведывательных данных.

В августе 1940 года пришло сообщение, что на участке Августовского пограничного отряда в последней декаде месяца должен быть переброшен на нашу территорию человек с очень важной миссией. Пограничники организовали усиленную охрану границы на направлениях вероятного движения нарушителя.

В темную, ненастную ночь нарушитель был задержан и усиленным конвоем доставлен в Августовский отдел НКВД. Задержанного тщательно обыскали. Кроме сахарина, у него ничего не оказалось. Но внешние данные человека совпадали с сообщенными заранее приметами нарушителя. Переход границы задержанный объяснил желанием обменять сахарин на жиры, поскольку фашистские оккупанты забирали у польского населения продукты и люди голодали.

Это звучало правдиво. Но, проведя тщательный повторный обыск, удалось обнаружить в воротнике рубашки маленький клочок папиросной бумаги с непонятным текстом. Задержанный начал давать сбивчивые и противоречивые показания, утверждая, что рубашку он купил три дня назад на рынке у одного человека и об обнаруженной записке никакого понятия не имеет.

Наконец, чувствуя, что все больше и больше запутывается, он сказал: «Хорошо, я сообщу вам правду, только пообещайте, что меня не расстреляют». Пришлось разъяснить ему, что наши

судебные органы принимают во внимание факт чистосердечного и полного признания вины. Жалуясь на свою судьбу, нарушитель сказал, что не хочет больше жить этой «собачьей жизнью в вечном страхе». И затем дал очень важные для нас показания. В частности, подтвердились наши сведения о том, что гитлеровская разведка использует против нас изменников Родины, которые, в свою очередь, вербуют на нашей территории агентов из числа уголовных преступников, морально опустившихся людей.

Обнаруженная шифрованная записка адресовалась находившемуся в подполье главарю антисоветской организации в Белостоке. Адресату предлагалось оказать всемерное содействие курьеру в выполнении задания. Хозяева за границей были недовольны ходом антисоветской подрывной работы и, чтобы активизировать ее, направили своего уполномоченного. Полученные сведения навели на мысль завлечь на нашу территорию деятелей руководящего центра, организовать в подходящем месте совещание с участием всех активистов подполья и задержать их.

Начало операции было многообещающим, но потом получилась заминка. У руководителей вражеской разведки появились, очевидно, какие-то сомнения или подозрения. Они решили послать нового связного. Переход его на нашу территорию, встреча с первым уполномоченным проходили под нашим наблюдением. Новый связной, убедившись, что все в порядке, убыл за кордон. А спустя две недели через специально подготовленную якобы подпольем переправу связной вывел на нашу территорию крупного эмиссара, прибывшего для оказания помощи антисоветскому подполью.

Вскоре на одном из глухих хуторов собралось запланированное нами совещание комендантов уездных антисоветских организаций и руководителей буржуазно-националистического подполья.

Операция по захвату участников совещания развертывалась по заранее намеченному плану.

Во время подготовки к ней в Белосток приехал заместитель наркома внутренних дел Белоруссии Духович. Видимо, для усиления. Ознакомившись с планом оперативных мероприятий, высокий гость предложил изменить расстановку сил по своему усмотрению. Но люди уже были на местах. До начала операции оставалось около трех часов, и изменить что-либо было просто невозможно. Поэтому мне, как руководителю операции, пришлось объяснять замнаркома, что его требования невыполнимы. Тогда Духович, рассердившись на меня за строптивость, тут же по

телефону доложил в Минск, в наркомат, что его здесь не слушают и чуть ли не игнорируют.

Однако его звонок уже не смог повлиять на ход операции. Она, к счастью, прошла успешно. Были захвачены около десятка бандитов, документы, подтверждавшие их связь с закордонными хозяевами, оружие, снаряжение.

К началу совещания бандитов, то есть к 12 часам ночи, мы уже выяснили, кто прибыл на хутор и откуда. Ночь стояла темная, луны не было. Пользуясь этим, наши люди незаметно подтянулись к хутору и окружили его. Мы знали, что совещание охраняется и у каждого из его участников есть пистолет и гранаты. Операцию решили начать в 00 часов 30 минут. Каждая группа по сигналу старшего должна была броситься к хутору и четко выполнить свою задачу. Успех гарантировался внезапностью и организованностью действий.

Неожиданно подул сильный ветер. Облака поредели, и появилась луна, осветив всю округу. Это озадачило нас. При луне, конечно, не удастся напасть внезапно. Времени оставалось все меньше, минуты летели.

Все находились в большом напряжении. Поглядывали то на часы, то на небо — уж эта луна!..

И вдруг — сильный порыв ветра, и луна скрылась за большим облаком. Наступившая внезапно темнота, как по команде, в один миг подняла всех на ноги. Мы бросились к хутору. Охрана (12 человек) без единого выстрела была схвачена и обезоружена. Потом наступила очередь и самих участников совещания. Операция прошла успешно.

Следствие по делу этой группы дало нам возможность нанести очередной удар по разгромленным, но еще не ликвидированным врагам Советского государства. Мы овладели неопровержимыми доказательствами, что все буржуазно-националистические элементы тесно сплелись с фашистской Германией в борьбе против власти рабочих и крестьян. Что они готовы использовать помощь любого государства и применять в борьбе с нами самые страшные и самые изощренные методы и способы. Террор, диверсии, шпионаж, вредительство, провокации, шантаж — вот их ремесло! Эта операция дала нам возможность снова изъять большое количество оружия, боеприпасов и другой подпольной техники.

К утру, когда операция уже была в стадии завершения, прибыл сам Лаврентий Цанава — нарком внутренних дел Белоруссии. Он отстранил меня от должности начальника Управления НКВД (а я только несколько недель как был назначен) за невыполнение распоряжений вышестоящего

руководства.

Забегая вперед, скажу, что опала длилась недолго. В начале 1941 года в чекистском ведомстве произошла серьезная реорганизация, в результате которой НКВД разделили на два наркомата — внутренних дел и государственной безопасности. Соответственно и в областных центрах вместо одного управления появилось два.

Как-то вечером у меня на рабочем столе зазвонил телефон, в трубке раздался голос Цанавы. Нарком приказал назавтра быть у него. Ночью ехать на машине было небезопасно. В лесах скрывалось немало националистических банд. Однако все обошлось благополучно, и утром я переступил порог наркомата, перебирая в голове вероятные причины вызова.

Цанава встретил приветливо. Поинтересовался, как доехал, не опасно ли на дорогах, известно ли мне о разделении наркомата. Затем предложил вместе позавтракать. Стол был накрыт в смежной с кабинетом комнате отдыха. Среди закусок стояли бутылки с коньяком и вином.

После того как выпили по рюмке, Цанава без обиняков заявил, что хочет назначить меня на должность начальника Управления НКГБ по Белостокской области. Я сильно удивился, так как не ждал от вызова ничего хорошего.

Информацию о бандформированиях мы получали постоянно. Так, в один из дней командование 86-го и 87-го погранотрядов донесло, что, по их данным, в крупном лесном массиве в стыках их отрядов базируется неизвестная банда, которая терроризирует советский актив и совершает диверсионные акты.

Точно такие же данные нами были получены и от начальников горрайаппаратов городов Августов и Ломжа.

Бандиты были прекрасно вооружены. Так, на участках 86-го и 87-го погранотрядов были ликвидированы контрреволюционные националистические повстанческие организации, которые были связаны с заграницей. При ликвидации одной из них на участке 87-го погранотряда было изъято 8 станковых пулеметов, 1 миномет и другое оружие.

В процессе допроса один из арестованных указанной выше группы на вопрос, что ему известно о местонахождении этой банды, показал, что якобы в Августовском районе в лесном урочище «Бжезувка» базируется банда, именуемая «Батальон смерти». Дальнейшими чекистско-войсковыми мероприятиями нам удалось установить, что ряд других банд и диверсионно-террористических групп действует под таким же названием. Прошло немногим более недели, и нам удалось установить, в каком именно месте «Бжезувки» укрывается эта банда, ее

примерную численность и вооружение.

Место это находилось вдали от населенных пунктов, в густом, труднопроходимом, болотистом лесу. Лагерь был оборудован землянками и хорошо подготовлен на случай круговой обороны, тщательно охранялся.

Ликвидация этой банды, численностью доходящей временами до 500 человек и расположенной в таком труднодоступном месте, требовала серьезной подготовки. Для дальнейшей ее разработки, посредством внедрения агентуры, времени не было. Надо было действовать быстро и решительно.

Вместе с генералом Богдановым, переодевшись в крестьянскую одежду, мы на повозке выехали к урочищу «Бжезувка». Лагерь банды находился далеко от проселка, по которому мы ехали и проводили рекогносцировку. Лично ознакомившись с местностью, нам не трудно было расставить наши силы так, чтобы в ходе оперативно-чекистской операции иметь как можно меньше потерь.

Наша задача состояла в том, чтобы скрытно от местного населения подтянуть участников операции и окружить предполагаемое место банды. План был тщательно проработан на карте. В нем были предусмотрены меры, чтобы свои не перестреляли друг друга.

Стояла середина сентября 1940 года. В одну из ночей было решено нанести удар по банде.

Хорошо продуманная организация, строжайшее соблюдение секретности, высокая дисциплина и отличное знание всех своих обязанностей участников операции обеспечили успех этой акции.

Внезапность нашего появления ошеломила бандитов. Бой был коротким. Со стороны банды было убито 16 человек, ранено около 20. Всего захвачено в плен около 80 бандитов. Таким образом, банда оказалась меньшей численности, чем предполагалось. Захваченные бандиты показали, что за несколько дней до этого 20 человек под руководством некоего Полубинского ушли из лагеря в неизвестном направлении. Во время захвата были изъяты три полные повозки оружия и боеприпасов. Руководил бандой подполковник бывшей польской армии Вонсач. Свою принадлежность к германской или британской разведкам он категорически отрицал, а трое участников его банды показали, что их вожак связан с этими разведками.

Вонсач, давая показания, рассказал, что Полубинский был сыном органиста Августовского костела, давно состоит в подпольной антисоветской организации, имел свою группу, хорошо вооруженную, преимущественно немецким оружием, и

считал главной задачей всех участников подполья совершение террористических актов против партийных и советских работников, командиров и красноармейцев, актива из местных людей, а также совершение диверсионных актов на железных дорогах и шоссе, на промышленных предприятиях, изготовлявших продукцию для Советов.

Сбор разведывательных данных об обороноспособности пограничных и приграничных районов также входил в число первоочередных задач всех антисоветских формирований. «Я думаю, — сказал главарь банды, — что Полубинский имеет прямые контакты с германской разведкой». И далее продолжал: «Полубинский часто в сопровождении наиболее доверенных лиц отлучался на значительное время из лагеря для связи и передачи разведматериалов лицам, прибывающим из-за границы, а также для совершения террористических актов. Он располагает своей подпольной организацией и называет ее «Батальоном смерти», а его отряд тоже так именуется». Он высказал также предположение, что Полубинский в сопровождении 2–3 человек ушел недавно за границу, а своих людей послал «на дело» и на побывку домой.

Встала во весь рост задача — во что бы то ни стало установить и задержать этого Полубинского. Вскоре нами был задержан один из его помощников, который подтвердил, что Полубинский действительно ушел за границу и должен через неделю вернуться в район города Августов.

В одну из ночей на этом участке нарядами нескольких застав было задержано четверо нарушителей, среди них оказался и Полубинский. Он был опознан быстро, так как на всех заставах имелся хороший словесный портрет этого преступника. Сразу же его доставили в Августовский райотдел НКВД. Он охотно начал рассказывать о своей преступной деятельности и заявил, что хочет искупить свою вину. Ему было 21–22 года. «Я молод, — сказал он, — и хочу жить, меня впутали в грязные дела. Прошу поверить и помочь мне выпутаться из этих сетей. Я готов выполнить любые ваши задания! В качестве первого доказательства моего чистосердечного признания я готов выдать вам списки участников подполья, оружие, крупную сумму денег, полученную из-за границы, пароли и явки, — все это хранится в тайнике на колокольне костела здесь в Августове. Идите и заберите все, а если хотите, я покажу место».

Двое молодых оперработников, допрашивавших его, решили, что, пока начальник райотдела НКВД вернется (он был в отъезде), они сами проведут изъятие и порадуют руководство проявленной инициативой. Чем самим искать, лучше взять с собой

задержанного, тем более что он говорит откровенно и хочет помочь органам. Костел, где находился тайник, якобы был совсем рядом. Оперработники зашли внутрь колокольни и решили, что один из них поднимется вверх по крутой лестнице, держа на прицеле Полубинского, а другой останется внизу и будет обеспечивать безопасность. Все шло хорошо, тем более выдался ясный хороший день.

Как только задержанный встал на последнюю верхнюю ступеньку лестницы, последовал внезапный сильнейший удар ногой прямо в лицо конвоиру, тот камнем полетел с большой высоты вниз и всем своим весом обрушился на стоявшего там товарища. Оба оказались на какой-то миг в шоковом состоянии, так как были серьезно травмированы.

Полубинский же, выросший здесь при своем отце-органисте и знавший в костеле все до деталей, схватил в руки канат, свисавший от колокола к земле, пулей спустился на землю и бросился бежать. Когда наши горе-конвоиры, придя в себя, выбежали на улицу, Полубинского и след простыл.

Все были подняты на ноги, но безрезультатно. Виновные были строго наказаны, подробное описание этого позорного случая доведено до каждого оперработника, командира, политработника и красноармейца. Казалось, все было сделано, чтобы в будущем исключить подобные случаи.

Прошло две недели. Обстановка на границе и в области становилась все более сложной. То в одном, то в другом месте продолжали действовать бандгруппы. Сил для наведения порядка у нас было немало, уже накопился опыт, а помощь со стороны рабочих, бедняков и значительной части середняков оказывалась все больше и больше. Партийные органы оказывали нам огромную помощь. Пограничники, внутренние войска и весь оперсостав работали без устали. Каждый сигнал о появлении бандгрупп или вообще неизвестных немедленно проверялся. Особую оперативность и четкость проявляли в этом пограничники. Именно у них каждодневно неслась боевая служба. Славные традиции пограничных войск не только сохранялись, но и приумножались. Можно было бы привести много примеров, когда наряд в составе 2–3 человек вступал в бой с бандой численностью 10–15 и более человек. И банда, не выдерживая натиска пограничников, оставляя убитых и оружие, спасалась бегством. Об одном таком конкретном случае хочется рассказать.

Это было на участке Ломжинского погранотряда. Наряд в составе 3 пограничников на рассвете заметил, как, маскируясь, к границе пробиралась группа в количестве 15 человек. Пограничники, видя, что группа вооружена, подпустили их на

близкое расстояние и открыли по банде огонь. Бандиты, неся потери, стремились прорваться на сопредельную сторону. В этот момент со стороны немцев был открыт огонь по нашему наряду. Ясно было, что банду не только ожидали на той стороне, но и огнем решили помочь ей прорваться за кордон. Не отвечая на выстрелы со стороны немцев, наш наряд прицельным огнем положил бандитов на землю. Вскоре на помощь нашим подоспело еще 3 человека. Банда, оставив на месте 4 убитых, преследуемая 3 пограничниками (остальные остались нести службу на границе), прикрываясь лесным массивом, начала убегать в наш тыл и напоролась на одно из подразделений внутренних войск НКВД, которое прочесывало в 7–8 километрах от линии границы участок леса.

Оказавшись в таком сложном положении, бандиты применили известную тактику — начали разбегаться в разные стороны, оставив на месте еще 2 убитых. Продолжая поиск, нашим бойцам удалось задержать одного безоружного человека, который сказал, что, собирая грибы, видел, как невдалеке группа бандитов прятала свое оружие.

Поисковая группа, естественно, обрадовалась такой удаче. «Веди нас к этому месту», — сказал старший. Задержанный пошел впереди, группа за ним. Оружие держали наготове, чтобы не нарваться на возможную засаду бандитов, бдительность ко всему окружавшему повышенная. Все гуще и гуще становилась чащоба, уже с трудом пробирались бойцы через густые заросли, еле поспевая за идущим впереди задержанным. «Ага, вот эта сосна и рядом береза, а справа и слева густой орешник, надо смотреть внимательно, где-то рядом и место, прикрытое наспех валежником», — сказал он. Вдруг, словно стрела, бросился он в одну, потом в другую сторону и растаял в кустах. Последовали один за другим беспорядочные выстрелы, окрики «стой!», бойцы бросились в разные стороны. Только треск кустов напоминал о том, что поиски беглеца продолжаются, но — увы! — безуспешно. Так и исчез бесследно этот «добродетель». Еще один печальный урок был записан в наши приказы и обзоры. А когда были сопоставлены данные словесного портрета беглеца с имевшимися у нас подробными сведениями о внешности Полубинского, то ни у кого не возникло сомнения в том, что второй раз ему удалось одурачить наших людей. Значит, благодаря бдительности пограничников была пресечена попытка Полубинского уйти со своей бандой за границу, а потеря бдительности со стороны группы военнослужащих внутренних войск помогла ему снова ускользнуть из наших рук.

Прошло некоторое время, и мы получили достоверные

сведения, что это был действительно Полубинский, что ему все же удалось уйти за кордон и после некоторого отдыха, инструктажа и соответствующей экипировки он вернется на нашу территорию.

Нам удалось изучить все его связи. Особого внимания заслуживала девушка, проживавшая на одном из хуторов в Августовском районе. Было известно, что он ее навещал и оставался там на ночь. Эта девушка и другие наиболее интересные его связи были взяты под неослабное наблюдение.

В один из дней нам стало известно, что Полубинский уже находится на нашей территории и скоро появится у девушки. Здесь нами были приняты все меры, чтобы арестовать его и исключить возможность побега этого обнаглевшего врага. Была создана группа захвата из числа наиболее опытных оперработников и пограничников во главе с моим заместителем А. Ф. Сотиковым. Полубинский был захвачен спящим у своей красавицы. Он не успел даже протянуть руку к парабеллуму, лежавшему у него под подушкой.

Показания его представляли большой интерес. Не отрицая, что он является резидентом германской разведки, подтвердил, что подпольные формирования, носящие названия «Батальон смерти», созданы от начала и до конца органами фашистской разведки. Все другие буржуазно-националистические формирования, независимо от того, как они себя называют, верно служат гитлеровской Германии. Полубинский заявил, что его личные наблюдения во время пребывания на той стороне дают полные основания сделать вывод, что Германия усиленными темпами готовится к нападению на Советский Союз. Это он подкрепил сведениями о происходящей концентрации живой силы и техники вдоль советских границ. В силу этих обстоятельств все возможности и средства были направлены Германией на сбор разведывательной информации об СССР.

Ни для кого не является секретом, что в своей работе германская разведка опиралась прежде всего на враждебные элементы — проживающих на территории западных областей Белоруссии бывших помещиков, осадников, офицеров бывшей польской армии, работников полицейского аппарата панской Польши, крупных чиновников государственного аппарата, лесников и других привилегированных в прошлом людей. Ничего нового в этом плане Полубинский не показал, он только подтвердил то, о чем каждодневно и открыто говорили преданные Советской власти люди.

Забегая несколько вперед, скажу, что в связи со складывающейся оперативной обстановкой на границе с

Германией, когда уже было совершенно ясно, что эта страна форсирует подготовку нападения на нашу Родину и широко использует антисоветские элементы в своих интересах, советским правительством было принято решение о выселении этой части населения из западных областей Белоруссии. Это было осуществлено буквально перед самой войной. Думается, что если бы это было сделано значительно раньше, чекистские органы и пограничные войска получили бы куда больше возможностей для усиления своей разведывательной и контрразведывательной работы против фашистской Германии, так как не отрывали бы ежедневно столько своих лучших сил для борьбы с бандами, буржуазно-националистическим подпольем и другими антисоветскими проявлениями.

Пограничники имели бы больше реальной возможности организовать охрану границы на большую глубину, чего явно недоставало при таком большом расходе личного состава для борьбы с бандгруппами в приграничной полосе. Практика показала, что линейная охрана границы была нашим слабым местом. Именно это облегчало возможность нарушения ее. Командование войск округа и руководство чекистских органов стремились общими усилиями восполнить этот пробел за счет усиления агентурно-оперативной работы, расширения и активизации базы содействия. Согласованности всех мероприятий по усилению охраны границы способствовало то обстоятельство, что управления НКВД и погранвойск округа дислоцировались в Белостоке, а городские и районные аппараты — рядом с погранотрядами этого центрального направления. На территории Белостокской области правильное взаимодействие и взаимоинформирование не нарушились даже после разделения НКВД на два наркомата.

Я как начальник управления УНКГБ не только не терял связь с погранвойсками (они, как известно, остались в системе НКВД), но по мере усложнения оперативной обстановки старался укреплять ее. Генералы Богданов и Курлыкин делали то же самое, этого требовала сама жизнь. Хотя известно, что в ряде мест к этому вопросу подошли формально и взаимодействию был нанесен серьезный ущерб. В понимании данной проблемы большую роль сыграла моя служба в пограничных войсках. История пограничных войск наглядно показала, что они являются неотъемлемой частью органов государственной безопасности. Я всегда стоял и стою на этой точке зрения. Думаю, что от этого выигрывают интересы государства в целом.

Я уже говорил о том, что фашистская Германия с октября

1939 года начала вести авиационную разведку на территории Западной Белоруссии, причем активность этой деятельности заметно возрастала из месяца в месяц. Мне лично пришлось несколько раз беседовать с экипажами (допрашивать запрещалось) «сбившихся с маршрутов» самолетов и доносить об этом руководству. Истинные цели этих полетов не вызывали сомнений, но, дабы не вызывать обострений и провокаций, мы получали каждый раз приказы передавать Германии самолеты вместе с экипажами, оформив это надлежащим актом. С первых месяцев 1941 года увеличилось количество забрасываемых к нам агентов. Отличительной чертой агентуры того периода являлось то, что она была более квалифицированной, а легенды ее более тонко продуманными.

Глава 5
Гитлеровская агрессия

Начало Великой Отечественной войны остается, несмотря на, казалось бы, достаточную изученность, одним из неизвестных и спорных эпизодов Второй мировой войны.

Вы встретили войну в первые ее часы. Расскажите, пожалуйста, о событиях, предшествующих агрессии. Интересно было бы услышать от Вас следующее: роль пограничников в отражении первых атак немецко-фашистских войск; что делали чекисты в первые дни войны; в чем заключалась работа особых отделов франтов; для чего были нужны заградотряды; можно ли было обойтись без этой меры; какие отдельные поручения Вы исполняли по поручению командования.

С первых месяцев 1941 года стало отмечаться резкое увеличение количества забрасываемой к нам агентуры. Гитлеровское командование активизировало воздушную разведку, все чаще поступали сведения, свидетельствующие об усиленной подготовке фашистской Германии к наступлению на Советский Союз.

В течение весны 1941 года гитлеровское командование сосредоточило на границе с нами в районе белостокского выступа большое количество войск. Имелись Данные, что то же происходит и на других участках нашей западной границы и что основные группировки германских войск создаются в Восточной Пруссии, восточнее Варшавы и в районах Хелма, Грубсшува и Томашува-Любельски. Наблюдалось строительство траншей, ходов сообщения, блиндажей и других военно-инженерных сооружений, а с середины мая до 18 июня фиксировалась работа многочисленных рекогносцировочных групп во главе с генералами и офицерами германской армии.

Гитлеровцы усилили наблюдение за нашей территорией, вели фотографирование местности, топографическую съемку, измерительные работы на пограничных реках и т. п. В первой половине июня пограничники наблюдали подвоз тяжелых орудий и установку их на огневых позициях. По ночам до нас доносился шум усиленного передвижения германских войск на границе. Немцы усилили охрану границы полевыми войсками.

Сведения поступали все тревожнее. В ночь на 17 июня мне позвонил генерал-лейтенант Богданов и сообщил, что в районе Ломжи пограничники задержали 8 вооруженных диверсантов. Я попросил доставить всю эту группу в Белосток. Диверсанты были

одеты в форму чекистов, командиров и политработников Красной Армии, имели хорошо оформленные фиктивные документы. На допросах они показали, что им дано задание скрытно войти в район города Барановичи и, как только начнется война, приступить к активным действиям: портить телефонную связь; ракетами и другими способами указывать немецким самолетам районы сосредоточения наших войск, военной техники, а также аэродромы; сеять панику среди советских людей, убивать чекистов, работников милиции, командиров и политработников Красной Армии, распространять ложные, клеветнические слухи и т. п.

Задержанные подтвердили, что к нападению на Советский Союз у фашистов все готово: войска находятся на исходных рубежах и ждут только сигнала, танки — в укрытиях, артиллерия — на огневых позициях, горючее и боеприпасы в большом количестве спрятаны в лесах.

21 июня с сопредельной стороны удалось прорваться одному из наших товарищей. Он сообщил, что гитлеровские войска получили приказ начать наступление на рассвете 22 июня. А в 1.30 ночи 22 июня из-за кордона прибыл второй наш человек и подтвердил содержание приказа.

Разведка пограничных войск и территориальных органов НКГБ белостокского направления в основном своевременно информировала о сосредоточении и развертывании германских войск вблизи границы. Однако в то время нам порой казалось, что к нашим сообщениям в верхах не всегда прислушивались. Работа по укреплению обороноспособности западных рубежей велась большая, но все-таки с некоторым отставанием от требований времени, без учета быстро обострявшейся обстановки.

Обращает на себя внимание такой факт: забрасываемая в мае и начале июня 1941 года на нашу территорию германская агентура не имела при себе радиостанций, так как должна была вернуться обратно не позже 15–18 июня. Это лишний раз подчеркивало то, что день нападения на нашу страну приближался.

Суммируя сказанное, можно смело утверждать, что разведка погранвойск и территориальных органов белостокского направления имела в достаточном количестве и своевременно данные о сосредоточении и развертывании германских войск на нашей границе. Нам казалось тогда, что на эти наши разведданные не было должного реагирования.

Теперь, по истечении столь длительного времени, когда много по этому вопросу было сказано и написано, можно сказать, что работа по укреплению обороноспособности наших западных

рубежей велась огромная, но враг опередил нас. Его армия была полностью мобилизована, получила боевой опыт на военных театрах Европы, а экономический потенциал в огромнейшей степени был усилен оккупированными фашистами странами.

В течение многих лет нам внушалось, что если придется воевать, то только на территории врага. Это очень крепко укоренилось в нашем сознании, поэтому даже в умах некоторых наших руководящих работников была твердая уверенность в том, что правительство предпринимает все необходимые меры для дачи решительного отпора врагу, если он нападет на нас. Более того, некоторые из них боялись лишний раз подчеркнуть возрастающую с каждым днем угрозу нападения, чтобы не вызывать панические настроения среди народа.

Припоминается даже такой факт, когда мы на бюро обкома партии рассматривали решения некоторых пограничных райкомов партии об исключении из ВКП(б) тех, кто начал отправлять свои семьи в наши тыловые объекты. Мы, члены бюро, ясно представлявшие, что грозовые тучи сгущаются, оказались в крайне затруднительном положении.

Простая логика подсказывала, что надо было найти способ семьи пограничников, партийных и советских работников приграничных районов и семьи офицерского состава частей Красной Армии, дислоцированных вблизи границы, эвакуировать, но у нас даже в лексиконе не было этого слова.

В очень серьезной степени нас дезориентировало сообщение ТАСС. 14 июня 1941 года радиовещание и печать распространили в стране успокоительное сообщение, в котором говорилось: «… слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на нас лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска Германией войск… в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». Обнародование за 8 дней до начала войны этого сообщения могло только притупить чувство бдительности у нашего населения.

Теперь мы знаем, как отреагировал на это сообщение Гитлер. 17 июня, то есть спустя 3 дня, он отдал приказ начать на рассвете 22 июня осуществление плана «Барбаросса», именно с этого числа (17 июня) началась еще более высокая активность фашистов. Нам надо было объявить полную мобилизацию, но, увы, этого не случилось.

Факты убедительно говорили о том, что Германия вот-вот нападет на нас, а развернувшееся в широких масштабах строительство укреплений вдоль новой границы, которое

началось в 1940 году, было еще далеко до завершения. Однако многие из нас считали, что на старой границе у нас есть укрепленные районы, которые сыграют свою роль в случае нападения. К сожалению, как потом оказалось, эти укрепленные районы были в разоруженном состоянии. Мне хочется несколько подробнее остановиться на самом факте начала войны.

Я уже ранее говорил о том, что в соответствии с решением правительства органы госбезопасности провели большую работу по очищению от враждебных элементов освобожденных районов Западной Белоруссии и Украины. На территории Белостокской области мы завершили эту работу буквально накануне нападения на нас гитлеровской Германии. Осуществление этого столь важного в политическом отношении мероприятия приковало к себе внимание всей партийной организации и актива области. Все мы находились в мобильном состоянии, чувство бдительности было повышенным.

Буквально за несколько дней до начала войны органы госбезопасности осуществили высылку из Белостока враждебных элементов из числа местных жителей. Была проведена большая операция по их аресту. Арестованных поляков погрузили в вагоны и отправили на восток. И я с полной уверенностью скажу, что арестованные стреляли бы нам в спину при отступлении, как это было в Прибалтике. Эта мера была крайне необходимой. Более того, арестованным полякам вскоре предоставили возможность или вступить в Армию Людову, сражающуюся с гитлеровцами на стороне СССР, или быть переданными через Иран англичанам.

Накануне войны связь управлений УНКГБ и погранвойск области с заставами и районными и городскими аппаратами была непрерывной. В ряд пограничных районов выехали руководящие работники, дежурными были назначены ответственные работники, но у многих в глазах можно было еще прочесть:

«А может быть, все это излишне? Может, Германия не нападет на нас?»

21 июня в 24.00 я закончил разговор по телефону с начальниками пограничных райаппаратов НКГБ, с ответственным дежурным по управлению пограничных войск округа и с начальником особого отдела 10-й армии товарищем Лосем. Все были одного мнения — на границе очень неспокойно. Против участка 2-й комендатуры Шепетовского пограничного отряда вечером 21 июня в кустах и посевах ржи в 600 метрах от линии границы отмечалось сосредоточение пехоты, артиллерии и танков противника. О выдвижении гитлеровских войск к границе сообщалось и из других отрядов.

Несколько позже из других погранотрядов доносили, что на сопредельной стороне слышны шумы моторов, усиленный лай собак и другие необычные явления. Я связался по телефону с находившимся в это время в Белостоке секретарем ЦК КП Белорусии товарищем Малиным, с первым секретарем обкома товарищем Кудряевым и доложил об этих данных. Мы с ними условились, что я по телефону переговорю со всеми начальниками районных и городских аппаратов НКГБ и дам указание, чтобы они всю секретную переписку партийных, советских органов и органов госбезопасности упаковали в мешки и направили под охраной в Белосток.

Я поручил своему заместителю А. Ф. Сотикову связаться с командованием погранвойск и порекомендовать им от моего имени сделать то же самое, невзирая на отсутствие указаний по этому вопросу со стороны главка.

Об этом нашем решении и получении данных было доложено по высококачественной связи (ВЧ) руководству НКГБ БССР.

Вполне естественно, всех нас интересовали меры, предпринимавшиеся командованием соединений белостокского направления, а также предпринимаемые командованием соединений Красной Армии. У меня была прямая связь с командующим 10-й армией генералом Голубевым. На мой вопрос: «Какие вы принимаете меры?» — он ответил, что командованию округа доложено об обстановке, соединения армии приводятся в боевую готовность.

Около двух часов ночи меня проинформировали о том, что командующий 10-й армией получил по радио приказ, в соответствии с которым советские воинские соединения занимают боевые рубежи.

Получив эту информацию, я без предварительного звонка буквально ворвался в кабинет генерала Голубева. Я увидел его в полевой форме, с сумкой на боку, в спешке закрывавшего сейф. Нервным, срывающимся голосом генерал сказал мне, что, видимо, начинается война, и посоветовал привести все силы в мобильное состояние, сам же выехал на командный пункт армии.

Заместитель начальника пограничных войск округа комбриг Курлыкин сообщил, что на сопредельной стороне слышен шум моторов. Наши пограничные подразделения продолжали нести усиленную охрану границы, свободные от нарядов пограничники заняли оборонительные рубежи.

Подняв трубку аппарата прямой связи, чтобы поговорить с Минском и доложить об обстановке, я обнаружил, что связь не работает. Это было в третьем часу ночи. Моя попытка связаться

по этому же телефону с Брестом и Вильнюсом тоже не имела успеха. Не работала и обычная связь. Как оказалось потом, это был результат действий диверсионных групп противника. Однако связь с райцентрами Августов, Ломжа, Граево и другими пограничными районами еще действовала. Пользуясь этим, я дал указание оперативному составу органов госбезопасности в случае войны выполнять свои задачи в тесном контакте с пограничниками и частями Красной Армии, а также с нашим управлением.

По указанию обкома партии работники всех партийных и советских органов в третьем часу ночи были вызваны в свои учреждения. В управлении мы накоротке провели совещание оперативного состава.

В 3 часа 15 минут 22 июня в небе раздался рев моторов. Над Белостоком завязался ожесточенный воздушный бой. Первые бомбы упали рядом с домами, где располагался штаб 10-й армии и управления НКГБ — НКВД. Стекла в зданиях вылетели, осколками было ранено несколько человек. Гитлеровцы бомбили вокзал и другие объекты, имевшие оборонное значение.

На границе в это время разыгрались трагические события. Первый удар артиллерия и авиация противника нанесли по пограничным заставам, штабам пограничных комендатур и отрядов, узлам связи, резервным частям и подразделениям. Особенно сильному удару подверглись линейные заставы. Большинство зданий было тут же разрушено или охвачено пламенем. Там, где оборонительные сооружения находились в непосредственной близости от застав, пограничники понесли большие потери. Все узлы и линии проводной связи сразу вышли из строя, заставы лишились возможности связаться с командованием. Многие семьи пограничников, находившиеся на заставах, разделили участь воинов.

Из допросов пленных гитлеровских офицеров, участвовавших в боях на границе, и из трофейных документов выяснилась тактика противника в этих первых боях. С началом артиллерийской подготовки нашу границу перешли специальные ударные отряды и разведывательные подразделения, усиленные танками, артиллерией и саперами. Перед ними стояла задача уничтожить советские пограничные заставы. Вслед за ударными отрядами шли танковые и моторизованные части войск первого эшелона.

Гитлеровское командование рассчитывало одним ударом уничтожить наши пограничные заставы. Однако противник встретил упорнейшее сопротивление. Все заставы белостокского направления, как об этом свидетельствуют архивные материалы и

рассказы участников боев, к моменту нападения противника заняли свои оборонительные сооружения и в бой вступили организованно. Пограничники ряда застав не только оборонялись, но и переходили в контратаки, наносили противнику чувствительные удары. Ни одна застава не оставила своих позиций без приказа. На ряде участков первые атаки фашистов захлебнулись.

Так, например, 7-я пограничная застава Августовского отряда, заняв оборонительные сооружения, встретила противника организованным огнем. Понеся большие потери, фашисты вынуждены были отойти. Бесстрашно встретили врага пограничники, не дрогнули: открыли огонь из винтовок, пулеметов, пустили в ход гранаты. Комсомолец рядовой Сидоров с 8-й заставы связкой гранат подорвал вражеский танк.

Мужественно сражались пограничники Ломжинского пограничного отряда. 2-я пограничная застава в течение 11 часов отбивала атаки вражеского пехотного батальона. В ходе боя батальон потерял треть своего личного состава.

17-я пограничная застава этого отряда сначала отбила атаку фашистов, а затем сама перешла в контратаку и отбросила врага за линию государственной границы.

Пограничники стояли насмерть. Полностью или почти полностью погиб личный состав застав 1-й и 2-й комендатур Августовского пограничного отряда, 1-й, 2-й и 3-й комендатур Шепетовского пограничного отряда, на участках которых наносили главный удар 8-й, 20-й и 42-й армейские корпуса 9-й полевой немецко-фашистской армии.

Ударные отряды противника намного превосходили наши силы по численности, а заставы на нашей границе не имели ни артиллерии, ни противотанковых средств.

За то время, пока пограничные заставы дрались с превосходящими силами противника, части прикрытия Красной Армии сумели выйти на оборонительные рубежи и на ряде направлений контратаками и контрударами сдерживали рвавшегося вперед врага.

Но, как и на других участках фронта, на белостокском направлении обстановка для наших войск складывалась очень неудачно. Части 10-й армии вынуждены были отступать.

Около 6 часов утра собралось бюро Белостокского обкома партии, на котором наряду с решением других неотложных вопросов было принято постановление о создании чрезвычайной комиссии для немедленной эвакуации семей военнослужащих, гражданского населения, а также ценного имущества и секретных

документов. Во главе комиссии был поставлен начальник управления НКВД Константин Александрович Фукин.

Назначая Фукина на этот ответственный участок в столь тяжелое время, бюро обкома партии исходило из того, что он старый коммунист и чекист, активный участник Гражданской войны, борьбы с басмачеством в Средней Азии, хороший организатор. Надо сказать, что Константин Александрович оправдал доверие обкома. На этом же заседании бюро обкома предложило управлениям НКГБ и НКВД создать боевые чекистские группы для взрыва и уничтожения оборонных объектов, военных баз и складов в момент вступления врага в город. Это указание обкома чекистами было выполнено. Обстановка в области становилась между тем все более трагической.

В районе Гродно были уже фашисты, с левого фланга Белостокской области также двигались вражеские танки. С большим трудом нам удалось связаться с командующим 10-й армией генералом Голубевым. Он ответил, что противник обходит армию с флангов и оборонять Белосток армия не в состоянии, что у них главная задача — оторваться от нападающих гитлеровских войск и закрепиться на более выгодных рубежах.

В создавшейся обстановке на органы государственной безопасности и милиции была возложена боевая задача — вооружение всех коммунистов, комсомольцев, беспартийного актива, формирование из них отрядов, установление твердого порядка в городе и охрана его, так как воинских частей в городе не было — они ушли на передовые позиции.

Вернувшись в свое управление, я собрал оставшихся на месте сотрудников, выслушал их краткие доклады о новых данных обстановки, полученных от агентуры, от пограничников, с которыми держал непрерывную связь, т. к. их управление дислоцировалось рядом, информировал всех о решениях обкома партии, дал дополнительные распоряжения. Окна моего кабинета, как и всех других служебных домов, были замаскированы от проникновения света. Внезапно послышался гул самолетов, и, приоткрыв маскировку, мы увидели, как в небе шел жестокий воздушный бой наших 3 истребителей с немецкой группой, насчитывавшей около 10 самолетов. Тут же, на наших глазах, было сбито 3 немецких самолета. Бой ушел из нашего поля зрения, и судьба наших героев осталась неизвестной.

Наиболее важные в военном отношении объекты Белостока подвергались ожесточенной бомбардировке, особенно те, где находилось много людей. Бомбы падали рядом с нашими домами, внутрь летели их осколки, оконные и дверные рамы, кирпичи.

Четверо сотрудников, стоявших рядом со мной, получили ранения, а один из осколков пролетел рядом с моей головой и вонзился в шкаф…

Значит, не судьба! Потом подобных случаев было много, к концу войны я был четырежды контужен.

Имея данные о вторжении фашистов, об отступлении наших войск, я сформировал две разведывательно-диверсионные группы во главе со своими заместителями — старшими лейтенантами госбезопасности Юриным и Сотиковым. Они должны были действовать до контрнаступления Красной Армии и очищения от оккупантов нашей земли. Однако это затянулось на долгих 4 года. Я могу вам сказать с уверенностью, что у меня в тот момент не было никаких помыслов о партизанской борьбе.

23 июня бюро обкома партии приняло решение об оставлении города и отступлении в город Волковыск. На шоссе Белосток — Волковыск мы увидели тяжелую картину: дорога была забита сплошным потоком отступавших наших войск и гражданского населения. Вскоре в небе раздался рев моторов, и на колонны людей обрушился смертоносный груз авиабомб.

В этой до предела накаленной обстановке образец мужества и организованности показали воины-пограничники и сотрудники НКГБ — НКВД. При отходе на Волковыск, а затем на Минск мне не раз приходилось видеть, как воины в зеленых и васильковых фуражках наводили порядок в отступавших колоннах, ликвидировали заторы на дорогах, помогали раненым, подбадривали тех, кто терял уверенность в себе.

Волковыск сильно бомбили. Подъехав к райотделу НКГБ, я увидел, что здание, где он находился, разбомблено. Рядом валялись трупы наших сотрудников. Около здания мы увидели разбросанные секретные документы. Вместе с сопровождавшими меня сотрудниками мы собрали эти документы и сожгли их. Недалеко мы обнаружили бочку с бензином, которым мы заправились, и двинулись дальше.

Так случилось, что белостокская группировка наших войск через некоторое время оказалась в окружении фашистских войск, и почти все время с ожесточенными боями приходилось прорываться на соединение со своими войсками на востоке. В составе этих войск действовали чекисты НКГБ — НКВД Белостокской и других областей оставляемой нами территории.

Вскоре я принял участие в коротком, но ожесточенном бою в качестве старшего оперативного начальника в составе сборной группы пограничников по ликвидации десанта, выброшенного немцами северо-западнее города Зельва.

В ходе боя 50 десантников были уничтожены. Об этом

десанте нам сообщили местные жители. Все вооружение противника было захвачено пограничниками.

Война — жестокая штука. На одной из дорог я увидел мертвую женщину. По ней ползал живой годовалый ребенок. Машины проезжали мимо, и никому не было дела до этой трагедии. Я приказал своему водителю остановиться. Ребенок плакал. Увидев санитарную машину, следовавшую на восток, я вышел на дорогу и поднял левую руку. В правой руке держал маузер так, чтобы шофер «санитарки» видел его. Это была крайняя мера, но иначе я поступить не мог. Машина оказалась забита ранеными красноармейцами. Я попросил шофера взять ребенка. Однако он наотрез отказался. Тогда я сказал ему, что, не сходя с места, расстреляю его, как не выполнившего приказ старшего по званию. Поглядев мне в глаза и поняв, что я, несомненно, исполню свою угрозу, он молча подошел к ребенку, взял его и разместил в кабине водителя. Дальнейшая судьба этого малыша мне неизвестна.

На реке Зельва буквально в 100 метрах друг от друга находились железнодорожный и шоссейный мосты. Последний был взорван гитлеровскими диверсантами. Железнодорожный мост немцы не бомбили, так как, видимо, хотели использовать его в своих нуждах. Около него скопилось огромное количество автотранспорта и живой силы в расчете на переправу и по причине личной безопасности.

Прибыв туда в чекистской форме с одним ромбом в петлицах, что равнялось комбригу или бригадному комиссару, я представился чинам из генеральского и высшего офицерского составов, создал группу по переброске людей и транспорта через железнодорожный мост. Что самое удивительное, на этом мосту стоял эшелон с арестованными поляками из числа врагов Советской власти, отправленный из Белостока. Оказалось, что машинист и его помощники сбежали. Все они были поляками. И теперь этот эшелон мешал эвакуации на другой берег реки.

Я встал на кузов полуторки и громким голосом крикнул в толпу, что мне нужны машинисты паровоза. Образовалась тишина. Я повторил сказанное. Ко мне подбежали 3 человека. Один оказался капитаном Красной Армии, остальные рядовыми. Я им приказал завести паровоз и немедленно начать движение. Капитан спросил: «А куда ехать-то?» Я ответил: «На восток!»

После этого, со второй половины дня и до полуночи, было переброшено огромное количество людей и автотранспорта на левый берег по шпалам. Машины, которые от прыжков по железнодорожным шпалам выходили из строя, я приказал сбрасывать в реку. Моя машина также была выведена из строя и

сброшена в реку с середины моста. Пришлось пересесть в машину начальника НКВД по Белостокской области Фукина, которая благополучно пересекла этот злосчастный мост.

Свою семью в первый день войны я отправил на полуторке в сторону Минска. Вместе с ней ехали семьи двоих моих заместителей — Сотикова и Юрина. Сборы проходили в суматохе. Как всегда бывает в таких случаях, самое главное было забыто. Так, моя жена не взяла ни одного документа, удостоверяющего ее личность.

Кроме того, у нас была тревога за старшего сына Гелика, который находился в пионерском лагере в Друскининкае на территории Литвы. Я хотел выехать за ним, но мне сообщили, что там уже немецкие танки. Его судьба была нам неизвестна, и мы очень переживали за него. Как выяснилось потом, пионерский лагерь в первые часы войны был эвакуирован, детей посадили в эшелон, который увез их в далекий тыл, в Ижевск.

Моей жене пришлось достаточно пережить. Уже в городе Борисове машину, на которой ехали семьи чекистов, конфисковали в пользу фронта. На поездах под постоянной бомбежкой гитлеровской авиации происходила эта эвакуация.

По приказу первого секретаря ЦК КП Белоруссии П. К. Пономаренко я явился на военный совет в Могилев. Совет проходил на открытой местности, на окраине города. Я удивился, когда увидел маршала К. Е. Ворошилова и начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова, и понял, что дела наши не очень хороши. В то время я имел звание майора госбезопасности, что соответствовало в армии званию комбрига (генерал-майор), но без приглашения я не мог подойти к столь большим военачальникам.

Появился Пономаренко и, увидев меня, помахал рукой, приглашая подойти. Увидев незнакомого офицера, Ворошилов спросил меня, кто я такой и откуда прибыл. Узнав мою должность, он нахмурился и спросил, почему я не с личным составом на подчиненной мне территории. Я доложил, что нахожусь здесь по приказанию партийного руководства республики и что под руководством моих заместителей созданы две разведывательно-диверсионные группы. Тогда-то я и услышал от Ворошилова (буквально): «Ну что ж, значит, будут партизанить…»

ЦК компартии Белоруссии на основе вынесенного решения об организации партийного и комсомольского подполья и партизанского движения провело тут же на поляне совещание по конкретному осуществлению этого важнейшего военно-политического мероприятия.

К. Е. Ворошилов на основе своего богатого опыта, вынесенного из Гражданской войны, дал ряд ценных советов организационного порядка и рекомендаций. Компартия Белоруссии прочно взяла в свои руки организацию и руководство этим судьбоносным мероприятием.

В Могилеве я получил назначение на должность заместителя начальника отдела контрразведки (Особый отдел) Западного фронта. В тот же день я включился в работу, твердо зная, что германские спецслужбы сразу будут в массовом порядке засылать свою агентуру в нашу действующую армию и ее тылы. В отделе я встретил опытных военных контрразведчиков, с которыми, как считаю, работал успешно до 30 мая 1942 года.

Военная контрразведка — особая тема, и, к сожалению, о ее людях очень мало и скупо написано. Скажу одно: военные чекисты провели огромную работу по обнаружению и разоблачению шпионов, засылаемых в большом количестве в действующую армию и ее тылы. Совместно с территориальными органами НКВД чекисты ликвидировали немало диверсантов, засылаемых в глубокий тыл, оградили штабы и другие службы действующей армии от шпионов и диверсантов, обеспечив секретность замыслов командования. Нужно сказать, что военные чекисты внесли весомый вклад в нашу Великую Победу.

Минск я застал горящим и разрушенным. Проезжая по городу вместе с Фукиным, я обратил внимание на троих красноармейцев, конвоировавших какого-то человека. Приглядевшись, я узнал в нем начальника одного из горотделов Управления НКГБ по Белостокской области лейтенанта госбезопасности Хлюстова, которого я хорошо знал по службе. На нем было кожаное пальто, сам он был по природе рыжий и в тот момент очень походил на немца.

Я подошел к конвойному и спросил, кого они ведут и куда. Следует заметить, что время было неспокойное, все боялись вражеских диверсантов, я не исключение, и поэтому в руке у меня был маузер в боевом положении. Были случаи, что солдаты, не разобравшись, просто стреляли в советских офицеров.

Один из бойцов ответил мне, что они поймали немецкого диверсанта и ведут его к коменданту. Я им сказал, что это мой подчиненный и чтобы они немедленно освободили его. Проверив мои документы и удостоверившись, что я майор госбезопасности, красноармейцы отпустили Хлюстова под мою личную ответственность.

Хлюстов вскоре возглавил один из партизанских отрядов, был контужен, затем работал в особых отделах ряда фронтов.

Отступая, Красная Армия откатывалась все дальше на восток.

Немцы приближались к Смоленску.

Дело генерала Д. Г. Павлова

Павлов был опытным командующим Белорусским (Западным) особым военным округом. Участник боевых действий в Испании. Считался одним из талантливых военачальников. В Наркомате обороны СССР Белорусский (Западный) военный округ считался на привилегированном положении. В округе были лучшая техника, войска и т. д.

Я не допускаю мысли, что Павлов струсил в первые дни войны. Но некоторая растерянность присутствовала. Это его и сгубило. Павлов недоучел уроков проведенных учений накануне войны.

Мне П. К. Пономаренко рассказывал, что Павлов являлся членом бюро ЦК КП Белоруссии, был героическим человеком, который пользовался всемерным уважением и доверием у руководства республики. Однако в первые дни войны получилось так, что не он искал пропавшие полки и дивизии как командующий округом, а пришлось искать его самого.

Павлова арестовали на территории Белоруссии. Я не участвовал в его аресте и даже затрудняюсь назвать точное место, где это случилось.

Впоследствии Павлов был реабилитирован, но мне никогда не встречались документы, в которых он в чем-то конкретно бы обвинялся. Скорее всего, как я думаю, тогда нужен был козел отпущения за поражение нашей армии в первые дни войны, и Павлов как раз оказался тем, на кого свалили все грехи. Я не исключаю и того, что его арест и последовавший за ним расстрел были показательным примером для других командиров Красной Армии.

Особый отдеЛ

Состав сотрудников особого отдела Западного фронта комплектовался из работников территориальных органов безопасности, военных контрразведчиков, в том числе чекистов, затерявшихся при отступлении. Как всегда, сказывалась проблема кадров.

Надо сказать, что германская разведка работала очень активно, и в нашей прифронтовой полосе было достаточно ее агентов и даже действовали целые агентурные группы.

Вербовали их из пленных бойцов и командиров Красной Армии. В первый период войны из окружения выходило много красноармейцев, и нам приходилось заниматься фильтрационной работой, выискивая агентуру противника. Среди завербованных было немалое количество из офицерского корпуса.

Приходится констатировать, что иногда бывали и перегибы в отношении вышедших из плена у оперативных работников. Из-за некомпетентности и даже малограмотности, стремления быстро заработать награды некоторые сотрудники отдела злоупотребляли своей властью. Но со всей ответственностью хочу сказать, что мной подобные случаи пресекались, а виновные наказывались.

Часто завербованные немцами красноармейцы и командиры нашей армии сами приходили к нам с повинной. Они объясняли, что пошли на сотрудничество с гитлеровцами из-за безвыходности своего положения, т. е. или сотрудничество, или смерть. К каждому из таких людей был индивидуальный подход. В большинстве случаев это были искренние, готовые драться за свою Родину бойцы. Однако были и такие, которые по заданию немецких спецслужб целенаправленно приходили к нам «с повинной». Против таких «патриотов» мы проводили соответствующие оперативные мероприятия и часто ловили их с поличным.

Хочется отметить и такую деталь, что в начальный период войны к разоблаченной агентуре противника применялись самые жесткие меры. Ввиду отступления нашей армии и тяжелейшего положения на фронтах оперативные игры с использованием перевербованных вражеских агентов практически не проводились.

Бомбовый удар по КП

Командный пункт (КП) Западного фронта длительное время находился в районе железнодорожной станции Карсня, севернее Вязьмы. Из-за долгого пребывания на одном месте германской разведке, видимо, не составило труда установить местонахождение КП. Командовал Западным фронтом в этот момент генерал И. С. Конев.

3 октября 1941 года авиация противника нанесла по станции Карсня массированный бомбовый удар. Особый отдел фронта располагал агентурными данными о том, что гитлеровцы знают точное месторасположение КП Западного фронта. Однако надлежащих мер принято не было.

В этот день в районе командного пункта был сбит вражеский

самолет. Летчик, майор люфтваффе, выпрыгнул с парашютом и был захвачен бойцами Красной Армии. Его срочным образом доставили в особый отдел Западного фронта, где его допросил лично Л. Ф. Цанава. Я также присутствовал при этом допросе. Летчик начал давать показания. После допроса Цанава ушел в штаб фронта, поручив мне обработать полученную информацию и направить ее на имя наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия.

Только наш шифровальщик Новиков начал отправлять телеграмму, послышался гул моторов, и началась страшная бомбежка. Немногие успели добежать до бомбоубежищ. Рядом взорвалась бомба и разрушила дом, в котором мы находились. Я потерял сознание. Очнулся на пороге разрушенного дома, головой внутрь комнаты. На мне лежали деревянные обломки. Кое-как освободившись из завала, я попытался добраться до бомбоубежища. Однако мне этого сделать не удалось. Вражеские самолеты шли волна за волной, и бомбежка продолжалась очень долго. За всю войну я не раз попадал под бомбежку, но эта была самая мощная.

По окончании этого ада появились медсестры, оставшиеся невредимыми бойцы и командиры. Из высшего командного состава пропал дивизионный комиссар Лестев. Оказалось, что он завален бревнами, и его нашли только через несколько часов.

Меня, видимо, сильно контузило, так как я почувствовал сильную головную боль и тошноту. От госпиталя я отказался, хотя врач настаивал на этом. В ночь на 4 октября меня вызвал Цанава. Я еще был очень слаб, меня бросало из стороны в сторону. Цанава сказал, что по распоряжению генерала Конева мне и члену Военного совета Хохлову (бывший председатель Совнаркома РСФСР) нужно поехать в район населенного пункта Кардымово и найти 30-ю армию, которая попала в окружение и с которой не было связи.

В сопровождение нам дали двоих автоматчиков. 5 октября на машине мы поехали выполнять задание. Ехали мы лесистой местностью. Ночью услышали автоматные очереди. Фары у нас были выключены. Наши водители научились в ночное время обходиться без них. Мы остановились, вышли из машины и стали слушать. Вдруг в нескольких метрах раздался окрик: «Стой, стрелять буду!» Это были трое красноармейцев, находившихся в авангарде роты охраны. Командир роты нам доложил, что они прикрывают отход остатков 30-й армии. Мы распорядились, чтобы они здесь не задерживались и отходили, ввиду возможного полного окружения.

Мы поехали назад. Стрельбы больше было не слышно. Эта лесная дорога была отмечена на нашей карте. Начало рассветать.

Двигаясь точно на восток, мы въехали в какую-то лесную деревушку. Не доезжая до нее, мы остановились и послали одного своего бойца в разведку. Оказалось, что здесь уже были немцы и, долго не задерживаясь, отправились в сторону Москвы. Таким образом, мы оказались в тылу противника.

В одном месте наша машина застряла в болотистой низине. В соседней деревне мы попросили лошадей или быков для того, чтобы вытащить забуксовавшую машину. Нам дали двух коров, благодаря которым машина выбралась из ямы.

Что самое удивительное, мы не встретили вражеских частей. Мы уже были в Подмосковье. В одном из населенных пунктов меня неожиданно окликнули. Обернувшись, я увидел своего старого друга генерал-лейтенанта Богданова. Впоследствии он стал первым командующим Резервным фронтом.

Мы остановились в одном из домов. После того как мы умылись, хозяйка дома, пожилая женщина, покормила нас.

— Эх, сейчас бы по рюмочке, — хитро посмотрел на меня Богданов.

— У меня пусто, — ответил я.

— Зато у меня есть, — сказал боевой товарищ и вытащил откуда-то полбутылки спирта.

Выпили мы по паре рюмок и заснули как убитые. Наутро двинулись дальше на восток. Как оказалось, КП фронта находился уже в населенном пункте Перхушково, недалеко от Москвы.

Там я разыскал особый отдел. Цанавы на тот момент не было. Переодевшись, мы доложили о своей поездке командованию. Конев нам сказал, что командование 30-й армии уже связалось с ним.

— Хорошо, что вы не попали к немцам, — сказал нам Конев. — Ведь вы практически прибыли из тыла врага.

У меня до сих пор вызывает удивление, с какой легкостью руководство фронта отправило нас, двух генералов, на задание, которое было под стать любому младшему офицеру.

Вскоре командование фронтом принял Г. К. Жуков. Всех сразу облетел ответ полководца, который он дал на вопрос И. В. Сталина.

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву безусловно удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

Эти слова явились мобилизующим моментом для командного состава Красной Армии.

Положение на фронтах было очень серьезным. Сплошной

линии фронта не было. Начали ходить слухи, что командный пункт надо перенести восточнее Москвы. Узнав об этом, Жуков высказался о применении к распространителям таких слухов мер уголовной ответственности. Это еще более укрепило нас в мысли, что столицу мы удержим.

История с 22-й армией

В героической битве за Москву я участвовал от начала и до конца. Мы, военные чекисты-контрразведчики, активно выявляли, задерживали и разоблачали в большом количестве засылаемых к нам гитлеровцами шпионов и диверсантов, мешая тем самым их внедрению в наши войска, фронтовые штабы и глубокие тылы страны, надежно сохраняли в тайне планы и замыслы нашего командования, состояние экономики и др.

Неоднократно мне приходилось в составе группы или одному выполнять особые поручения Г. К. Жукова. На самолете или других средствах передвижения немедленно отправляться в соединения или части для оказания помощи в организации вывода их из окружения, восстановления прерванной связи, установления конкретных лиц, виновных в невыполнении некоторых приказов, объективного изучения и оценки обстановки, предложений в том или ином направлении и др.

В августе 1941 года 22-я армия под командованием генерала Ершакова попала в окружение в районе города Великие Луки. Для вывода ее из окружения и закрытия оставленного без обороны одного из участков Военный совет фронта направил группу в составе члена Военного совета дивизионного комиссара Д. М. Лестева, начальника оперативного управления фронта генерала Г. К. Маландина и меня. Нами были использованы все возможности, и армия по частям и группами стала выходить из окружения. Серьезную помощь в этом оказали великолукские партизаны — отличные проводники, хорошо знавшие местность.

Мы на самолете прилетели в Торопец и выяснили, что там из окружения постепенно выходят небольшие группы бойцов и командиров 22-й армии. Нашелся и начальник Особого отдела этой армии. Он нам доложил, что командующий контужен и направлен в тыл.

Из всех частей и подразделений, вышедших из окружения и обнаруженных в Торопце и ближайших местах, было создано прикрытие образовавшейся бреши. Судьбой генерала Ершакова очень интересовался Г. К. Жуков, и мы донесли, что генерал тяжело контужен и особистами был вынесен на носилках в тыл и

отправлен в госпиталь.

Следует отметить, что положение, где держала фронт 22-я армия, было критическим. Не хватало, прежде всего, живой силы. Надо было выправлять положение. Пришлось создать силы прикрытия за счет выходивших из окружения частей и подразделений, а то и отдельных красноармейцев и командиров.

Рядом держал оборону мой сослуживец по Средней Азии Иван Иванович Масленников. До войны он был заместителем Л. П. Берии по войскам.

Узнав, что я лично знаю, причем близко, командующего 29-й армией, Маландин и Лестев мне сказали: «Сергей Саввич, вы же знакомы с Масленниковым, попросите его помочь нам людьми».

Я поехал в Старую Торопу, это примерно 30 километров южнее города Торопца. Нашел командный пункт И. И. Масленникова. Он очень обрадовался, когда увидел меня, потом сказал, что информирован о достаточно тяжелом положении 22-й армии. Я передал просьбу Маландина и Лестева — помочь закрыть один из участков фронта. Но Масленников сказал, что правый фланг его фронта открыт, есть данные, что немцы в ближайшие часы начнут там наступление и что он сам едет туда для подготовки контратаки. Я знал, что командарм — любитель ночных боев, которые проводил с величайшим умением. Ввиду отсутствия у него лишних людей, помочь он нам ничем не смог.

Возник вопрос о новом командире. Вместо Ершакова наша группа рекомендовала опытного генерала В. А. Юшкевича. Жуков согласился с нашим предложением. Вскоре Юшкевич прибыл в г. Торопец. Мы все вместе решили оценить обстановку на переднем крае. Стрельбы не было слышно. Казалось бы, продвижение на Восток немцев было приостановлено, и мы пошли к окопам, не маскируясь. В этот момент немцы накрыли нас и трассирующими пулями, и плотным минометным огнем. Хорошо, что окопы оказались рядом. Разведка донесла, что где-то в километре от нас в лесочке оказалась разведгруппа противника и по красным лампасам генерала Маландина засекла нас. Так что нам опять повезло.

Поскольку генерал Юшкевич принял командование армией, нам было приказано прибыть на командный пункт фронта.

Смерть дивизионного комиссара, члена Военного Совета фронта Д. М. Лестева

30 ноября 1941 года Г. К. Жуков направил членов Военного совета Западного фронта дивизионного комиссара Д. М. Лестева,

И. С. Хохлова и меня в район Завидово, принять у Калининского фронта 30-ю армию (командующий генерал Хоменко), которая быстро откатывалась к Москве по шоссе Москва — Ленинград.

Задание было ясное: немедленно остановить ее отступление и закрепиться. Штаб армии и наша группа своим участием помогли в решении оргвопросов, добились от Г. К. Жукова необходимой для армии помощи, в том числе небольшого количества танков. Хоменко был снят с должности, а на его место был назначен генерал Лелюшенко.

Во время проведения одного из совещаний мы со штабом попали под массированную бомбежку немецкой авиации. Член Военного совета Д. М. Лестев был убит, а начальник штаба Калининского фронта генерал-лейтенант Е. П. Журавлев ранен. Были и другие убитые и раненые. И. С. Хохлов и я были тяжело контужены. Примечательно то, что я сидел рядом с Лестевым плечом к плечу и остался жив.

Дело обстояло следующим образом. Все мы находились в деревянном доме на окраине небольшой деревни. Начинало светать. Выйдя во двор по своим делам, я услышал гул одинокого самолета. Мы уже научились определять на звук, чей это самолет, наш или немецкий. Это оказался самолет противника. Я понял, что это, скорее всего, разведчик. Так оно и оказалось.

Я зашел в дом и сказал товарищам, что, возможно, скоро мы можем подвергнуться бомбежке. Дом был совершенно не замаскирован. Мое предупреждение оказалось пророческим. Через десять минут на деревню полетели бомбы…

Укрыться было негде. Я сидел за столом и разговаривал с Лестевым, когда бомба упала рядом и снесла дом, где мы находились. Очнулся я в противоположном углу комнаты. Рядом лежал генерал-лейтенант Журавлев, раненный в руку. Я начал подниматься. Получилось это не сразу, так как я оказался контужен. Генерал Лестев был смертельно ранен. Осколок попал ему в затылок. (Впоследствии именем Лестева назвали одну из улиц Москвы.)

Половина людей, находившихся в этом доме, были убиты. Девушке-стенографистке осколком срезало голову…

Корпус П. А. Белова

Были и другие поручения Г. К. Жукова, причем мне лично. Вот одно из них. В декабре 1941 года он вызвал меня на КП, дал несколько телеграмм и сказал: «Читайте». В них генерал П. А. Белов, командующий кавалерийским корпусом, который

действовал в тылу врага, невдалеке от Вязьмы, жаловался на наших летчиков, что не прикрывают его с воздуха, а противник, используя это, систематически бомбит корпус и наносит большие потери. В других же телеграммах командир авиадивизии доносил из Тулы, что его истребители непрерывно прикрывают корпус Белова. Кому верить? Жуков приказал немедленно на самолете У-2 отправляться в Тулу и провести тщательное расследование, узнать, кто обманывает. Вскоре я был на аэродроме в Туле. Встретил меня командир этой дивизии. В тот момент приземлились два истребителя, и при мне летчики доложили командиру, что прикрывали конницу генерала Белова. Документальная проверка и личные опросы летчиков подтвердили, что приказ точно выполняли. Но, учитывая, что корпус все время в маневре и удалялся все глубже в тыл врага, расстояние от аэродрома и обратно увеличивалось. Поэтому летчики, опасаясь нехватки горючего на обратный путь, сокращали время на прикрытие конницы, возвращаясь на аэродром значительно быстрее.

В результате до вылета следующей смены истребителей был значительный перерыв, его использовали немцы и до появления наших истребителей бомбили корпус, особенно лошадей. Этой простой веши не учел командир дивизии и его подчиненные. Вместо немедленного перебазирования вперед наши истребители оставались в Туле. Я немедленно связался с командующим 50-й армией генералом И. В. Болдиным и от имени генерала Г. К. Жукова просил его быстро и безотлагательно, в течение 2–3 часов, принять все исчерпывающие меры к подготовке аэродрома для приема авиадивизии, используя свою технику, состав и местное население. Болдин доложил, что аэродром будет готов. Я приказал немедленно передислоцировать дивизию в район Калуги (город был только освобожден), сейчас же, по тревоге, безотлагательно отправить туда же батальон аэродромного обслуживания. Комдив доложил мне, что у него нет лидера. «Лидер — вы», — сказал я. Через два часа все самолеты совершили там благополучную посадку, и теперь расстояние позволяло прикрывать корпус Белова.

По телефону ВЧ из Калуги я все подробно доложил Г. К. Жукову. Георгий Константинович приказал полковника, командира авиадивизии, привезти к нему, что я выполнил. Мне стало известно, что он хотел его отдать под суд, но т. к. полковник был боевым летчиком, имел много наград, то Жуков понизил его в должности и отправил на фронт. А мне сказал, что теперь самолеты прикрывают корпус хорошо.

Без ложной скромности скажу, что среди многих боевых

наград одной из самых дорогих для себя считаю первый орден Красного Знамени, который был вручен мне лично Георгием Константиновичем в битве за Москву 26 декабря 1941 года. Фронтовую газету с этим указом я бережно храню.

А узнал я о своем награждении от самого Георгия Константиновича. Он меня вызвал и поинтересовался, читаю ли я фронтовые газеты. Я ответил, что если есть время, то, конечно, читаю. «Ну, значит, вы слишком занятой человек, коль не соизволили прочитать даже о своем награждении», — засмеялся командующий. Тут же достал орден, пожал мне руку и вручил его. Сказать честно, я был несколько ошеломлен.

В особом отделе мы отметили это событие. Орден положили в жестяную солдатскую кружку и наполнили ее до краев водкой. Потом пустили ее по кругу. Таким образом, каждому досталось граммов по пятьдесят.

Об отношениях с Л. Ф. Цанавой

Назначение на должность заместителя начальника особого отдела Западного фронта для меня явилось неожиданностью. По службе это было несомненно повышением. У меня часто возникал вопрос, почему Цанава взял меня к себе заместителем. Во-первых, он любил пограничников, к ним у него было особое доверие. Во-вторых, на мой взгляд, его убедило то, что я как начальник Управления оставил Белосток не так, как другие из приграничных областей. Я ушел с нашими отступающими частями.

Цанава был властолюбивым, злопамятным человеком, не стеснялся в выражениях, когда ругался. Вспоминается случай в Белостоке. Цанава приехал для какой-то проверки и зашел ко мне в кабинет. В это время зазвонил телефон. Только я потянулся к нему, как Цанава, опередив меня, взял телефонную трубку и сказал: «Слушаю, Цанава говорит!» Связь была неважная, и на другом конце провода начали переспрашивать, с кем они имеют дело. «Цанава у телефона», — громко повторил нарком Белоруссии. Видимо, абонент опять не понял, с кем говорит. Тогда, разозлившись, мой начальник прокричал в телефонную трубку: «Е… твою мать, Цанаву не знаешь? Цанаву весь Советский Союз знает!» И бросил трубку.

Он не был трусливым человеком. Умел завязывать отношения с командованием фронта и армий, был коммуникабелен. Не выпячивал себя, когда не было в этом особой нужды. Ну, а когда было нужно, он мог разговаривать очень жестко.

Мне нередко приходилось ездить с ним по частям и

соединениям в целях проверки.

Заградотряды

В первый месяц войны заградотрядов не было. Они появились, когда фронт был в районе города Орши. Начиная с этого момента немцы стали нести серьезные потери, так как из нашего тыла стали поступать резервы.

По Уставу Красной Армии командир имел право расстрелять бойца за то, что он покинул поле боя. А в настоящее время стала бытовать точка зрения, что заградотряды — это было плохо и что они не оправдали себя. Скажу твердо, это принципиально неверно. Это была вынужденная мера.

Как-то меня вызвал Цанава и сказал: «Приехал из Москвы начальник Главного управления пограничных войск Григорий Григорьевич Соколов с мандатом за подписью И. В. Сталина. Требуется организовать войсковую охрану тыла из пограничников и войск НКВД. Но есть проблема. Его здесь никто не знает, поэтому я прошу вас оказать ему всемерное содействие». Цанава показал мне мандат, который давал Соколову практически неограниченные права в осуществлении его деятельности. Более того, Жуков лично просил Цанаву оказать ему содействие.

Соколова я знал по Средней Азии лично. Недалеко от Орши я его нашел и доложил, что послан ему на помощь. Заместителем у него был генерал-майор Любый, пограничник. Заместителем по политчасти был полковой комиссар Шевченко, бывший редактор журнала «Пограничник». Всех их я также хорошо знал.

На мой вопрос, где наиболее целесообразно применить мои силы и опыт, Соколов сказал, что на витебском направлении, где ситуация была наиболее сложной.

Основная проблема была, как всегда, в нехватке кадров. Мы среди отступающих находили пограничников, бойцов войск НКВД, сотрудников милиции и сформировывали из них части по охране тыла.

Я подумал, что мне неплохо было бы иметь удостоверение помощника начальника охраны тыла. И Соколов сделал мне такое удостоверение, где было указано, что майор госбезопасности С. С. Бельченко занимается вопросами охраны тыла и всем командирам Красной Армии следует оказывать ему содействие.

В этот момент в Витебске вовсю шла эвакуация промышленных предприятий. Я попросил ответственных за это лиц ускорить это дело, ввиду того, что немцы были уже очень близко.

Я дал указание руководству управлений НКВД и НКГБ по Витебской области задерживать всех пограничников и чекистов, двигающихся с отступающей армией, и направлять их в распоряжение Г. Г. Соколова.

В это время я наблюдал ряд случаев, когда люди, вызванные повесткой в военкомат, обнаруживали, что он уже эвакуирован. Большинство из них, к их чести, не разбежались, а стали двигаться, причем группами по 50–100 человек, на восток, в надежде быть принятыми в Красную Армию. Из этого контингента мы также черпали кадры для войск охраны тыла.

Меня постоянно сопровождал адъютант Глазов. У него тоже очень интересная судьба. Глазов, ввиду того, что не ложился, будучи раненным, в госпиталь, не мог после войны доказать свои ранения комиссии по распределению пенсии. В 1975 году вышел сборник «Фронт без линии фронта», где я в одной из статей писал о своем адъютанте. В военкомате поверили, что он фронтовик и был ранен, но потребовали подтверждения. Глазов попросил меня подтвердить факт ранения, что я и сделал. Пенсию стали платить.

Войсковая охрана тыла Западного фронта состояла из полков. Ввиду необходимости, мы направляли их для сдерживания бегущих от врага армейских соединений. Однако заградотрядами они в то время не назывались. Конечно, отношение войск к охране тыла было отрицательным. Но, повторяю, это была вынужденная крайняя мера, чтобы хоть как-то остановить отступление.

Глава 6
Начало партизанского движения

В последнее время все чаще и чаще можно слышать, что партизанское движение в годы Великой Отечественной войны было малоэффективным с точки зрения помощи Красной Армии. Более того, некоторые авторы позволяют себе называть партизанскую борьбу неправомерной.

Хотелось бы услышать от Вас, с чего началось партизанское движение, кто явился его организатором и руководителем? Особенно интересно было бы узнать о создании и работе Центрального, республиканских, фронтовых и областных штабов партизанского движения. Какие были трудности, какую роль там играли Вы?

После отступления наших войск из Белоруссии группа по руководству партизанским движением и подпольем на территории республики была дислоцирована в деревне Шейно Торопецкого района Калининской области (ныне Тверская область). Руководил этой Северо-Западной группой (так она называлась) секретарь ЦК Компартии Белоруссии Г. Б. Эйдинов, опытный организатор, энергичный и авторитетный работник.

Калининская область приютила тогда у себя штаб и базу белорусских партизан. Дорогой для связи с ними, особенно с партизанами Витебщины, служили так называемые Суражские ворота. Через них перебрасывались вновь сформированные партизанские отряды и группы, боеприпасы, продовольствие, зимняя одежда, а из вражеского тыла эвакуировались раненые и больные: Возглавлял эту работу и представлял интересы калининских партизан начальник опергруппы 3-й ударной армии И. Н. Кривошеее, очень деятельный командир, хорошо контактировавший как с фронтовым начальством, так и с местными органами.

Меня, заместителя начальника особого отдела фронта, по решению Г. К. Жукова и П. К. Пономаренко периодически направляли в группу Г. Б. Эйдинова для проведения занятий с людьми, уходившими в тыл врага, по конспирации, способам выявления вражеской агентуры, методам ведения разведки, приобретению помощников из числа местного населения и т. д.

Естественно, я был знаком и с местными работниками, занимавшимися партизанским движением в области, в частности с секретарями обкома партии И. П. Бойцовым и П. С. Воронцовым.

Попытки централизации партизанского движения

В конце лета 1941 года П. К. Пономаренко по своей инициативе разработал записку «К вопросу о постановке диверсионной работы в тылу врага». Записка после обсуждения в ЦК КП Белоруссии была направлена И. В. Сталину. Ее содержание было основано на трехмесячном опыте партизанской борьбы, показавшем, какую огромную силу представляет диверсионная работа в тылу врага, особенно на коммуникациях. Доказывалась необходимость организации широкой систематической диверсионной работы и предлагались необходимые для этого меры. Указывалось, в частности, на то, что танковый батальон — грозная сила на поле сражения — в эшелоне совершенно беззащитен и может быть легко ликвидирован 2–3 партизанами-диверсантами. Систематическими диверсиями можно закрыть движение на железнодорожных магистралях, ночное движение на автомобильных дорогах и сделать неполноценным дневное движение. Это заставит противника снимать с фронта десятки дивизий на охрану коммуникаций, что в конечном счете затруднит диверсии, но не остановит их.

В записке приводились результаты работы диверсионных пятерок, подготовленных в первые месяцы войны гомельской диверсионной школой при ЦК КП Белоруссии, осуществлявших крушения эшелонов, взрывы мостов и путей, минирование шоссейных дорог и т. п. Делался вывод, что в целом постановка диверсионной работы неудовлетворительна, не соответствует огромным возможностям, которыми располагает страна. Предлагалось от длительной подготовки одиночек или групп «классиков-диверсантов» переходить к широко организованной, планомерной, массовой диверсионной работе, решительно искоренять кустарщину, разобщенность, использовать охотно оказываемую помощь населения.

В записке среди мер, необходимых для развития массовой диверсионной работы в тылу врага, выдвигались: организация сети специальных школ для краткосрочной подготовки партизан-диверсантов; превращение диверсионной школы при ЦК КП Белоруссии в Центральную диверсионную школу; централизация руководства партизанским движением и диверсионной работой в тылу врага; участие фронтов в организации диверсионной работы; подготовка диверсантов в прифронтовых районах в полосе 100–150 км от фронта; налаживание производства взрывателей замедленного действия с диапазоном действия от двух часов до 100 суток.

В декабре 1941 года председатель ГКО и Верховный

Главнокомандующий И. В. Сталин вызвал к себе автора записки. Состоялась двухчасовая беседа по вопросам развития и руководства партизанским движением. Сталин спрашивал о состоянии партизанского движения. Внимательно слушал ответы. Затем стал говорить о том, как должна направляться работа по организации всенародной борьбы на оккупированной немецко-фашистской армией территории страны и что, несмотря на тяжелое положение, ЦК будет решать неотложные вопросы, касающиеся партизанского движения, оказывая посильную помощь оружием, боеприпасами и всем тем, что остро необходимо. Далее он сказал, что не следует развивать иллюзий о возможности полностью централизованного снабжения партизан материальными ресурсами, особенно в настоящее время, а надо ориентировать партизан на то, чтобы они сами решали эту задачу, захватывая трофеи, собирая брошенные отступающими войсками на полях сражений оружие, боеприпасы и т. д.

Вопрос о создании централизованного руководства партизанским движением, который ставили все ЦК и обкомы партии оккупированных областей и республик, а также некоторые Военные советы фронтов, И. В. Сталин считал правильным и своевременным. Центральный Комитет партии пришел к определенным выводам. П. К. Пономаренко было предложено ознакомиться с материалами Главного управления формирований НКО (Главупроформ), которое по поручению ЦК партии разрабатывало вопросы партизанского движения, и высказать по ним свое мнение.

Эти материалы состояли из докладной записки, а также из присланных в Политбюро ЦК ВКП(б) 7 декабря 1941 года проектов решения ГКО и приказа Наркома обороны СССР о создании партизанских армий. В докладной записке сообщалось, что согласно полученным указаниям при Главном управлении формирований НКО СССР создано Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп. Далее излагались задачи этого управления и конкретные предложения по организации партизанских сил и тактике их борьбы. В главных чертах они сводились к следующему.

Первой задачей вновь созданного управления ставились учет и приведение в определенную систему всех формирований, которые возникали стихийно и организовывались на местах партийными и советскими организациями для действий в тылу врага. Эта задача, по мысли автора докладной записки, должна была выполняться на территориях СССР, не оккупированных противником.

Далее следовали первоочередные меры по формированию

партизанских сил. Они заключались в создании на неоккупированной территории Дона, Кубани и Терека 6–7 кавалерийских дивизий численностью 5483 человека каждая, сведенных в конную армию народных мстителей общей численностью в 33 008 человек, возглавляемую Военным советом армии. Предлагалось также создать 5 партизанских дивизий из приволжских, уральских и сибирских партизан и добровольцев на базе ополчения Ивановской, Ярославской и других областей, входящих в Московский военный округ. Эти дивизии предлагалось объединить в, стрелковую партизанскую армию народных мстителей общей численностью 26 481 человек.

В записке подчеркивалось, что оперативное использование партизанской армии целесообразно проводить крупной массой, ибо, как показывает практика боев, «в массе бойцы действуют смелее, решительнее и самостоятельнее». Армии предлагалось действовать по ближним и глубоким тылам противника с юга на запад и северо-запад.

Предложения Главупроформа были нереалистичны и противоречили обстановке, задачам развития народного партизанского движения в тылу врага и тактике борьбы партизан.

Речь шла не об организации народного партизанского движения на захваченных противником территориях, а о формировании партизанских армий в советском тылу, которые следовало ввести затем на оккупированные территории для партизанских действий. Конечно, эти армии на не занятой врагом советской территории можно было создать, но как их ввести на оккупированную территорию? И нужно ли их, вообще говоря, туда вводить? Нужно ли было в тот момент, когда противник занял обширные территории и соотношение людских резервов существенно изменилось, «отсасывать» с советской территории в тыл врага такие силы? Ведь на оккупированной территории находились десятки миллионов советских граждан, и задача состояла в том, чтобы поднять их на вооруженную и другие формы борьбы против захватчиков.

И. В. Сталин, в ответ на все эти соображения, которые были ему высказаны, заметил, что ЦК ВКП(б) отклонил предложения Главупроформа именно как не соответствующие обстановке и задачам организации народного партизанского движения в тылу врага, и созданное Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп на этом закончило свою деятельность. К. П. Пономаренко было предложено немедленно приступить к организации Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования и возглавить этот штаб.

Прежде всего, необходимо было подобрать руководящие кадры для партизанских штабов из числа уже зарекомендовавших себя при организации партизанских отрядов работников партийных органов, политработников Красной Армии и пограничных войск, а также специалистов по радиосвязи, минно-подрывному делу, разводке и т. п. Эта важная задача решалась при помощи ЦК ВКП(б) и партийных органов республик и областей.

Работа по созданию штабов и все намеченные мероприятия проводились нарастающими темпами. Неожиданно в конце января 1942 года по решению ГКО эта работа была приостановлена. Встал вопрос о том, как же быть с уже созданными органами, школами и т. д.? Наиболее сложным он оказался в отношении Центральной радиошколы, занятия в которой шли уже нормально по программе. Теперь она лишалась финансирования и материального обеспечения и должна была быть ликвидирована. На это невозможно было пойти. И выход был найден. Центральную радиошколу перевели на бюджет Совнаркома Белоруссии, который к этому времени хотя и состоял из немногих статей, но в их числе имел статью расходов, позволявшую финансировать мероприятия по развитию партизанского движения. Правда, работа эта уже ограничивалась территорией Белоруссии, но думалось, что она еще сможет получить и общее назначение.

Почему же было отложено создание системы централизованного руководства партизанским движением?

Как выяснилось впоследствии, руководство НКВД, оказавшее сопротивление созданию штабов партизанского движения и имевшие влияние на некоторых членов ГКО, подало И. В. Сталину записку, в которой доказывало нецелесообразность создания ЦШПД. Мотивировалось это тем, что якобы стихийные, разрозненные партизанские выступления населения не могут быть охвачены руководством, да и вряд ли в нем нуждаются. Высказывалось сомнение, что партизанские диверсии могут дать оперативный эффект. Подчеркивалось, что подобные операции под силу лишь квалифицированным диверсантам, для подготовки и руководства которыми специальный штаб не нужен.

18 января было создано 4-е управление НКВД, в задачи которого входила и организация партизанского движения на временно оккупированных территориях СССР. Берия видел в создании ЦШПД несомненного конкурента и пытался доказать Сталину, что целесообразнее готовить партизанские отряды в советском тылу и затем перебрасывать их за линию фронта. Берия

основывался на практике отрядов отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР и территориальных 4-х отделов НКВД, которые в некоторых случаях успешно организовывали и руководили партизанскими формированиями. Но НКВД не могло полностью охватить все партизанское движение, развернувшееся на оккупированной территории СССР.

Однако необходимость совершенствования военно-оперативного руководства партизанским движением назревала все острее, и ЦК партии вновь вернулся к необходимости разработки предложений по организации Центрального и местных штабов партизанского движения.

Разработанные комиссией проекты 30 мая были представлены на рассмотрение ЦК ВКП(б) и ГКО. В тот же день после значительных поправок, вызванных тем, что некоторые пункты проектов ограничивали роль создаваемых штабов как военно-оперативных органов партии по руководству партизанским движением и придавали этому руководству ведомственный характер, вышло решение ГКО. Согласно этому решению, «в целях объединения руководства партизанским движением в тылу врага и для дальнейшего развития этого движения создавался Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования». Этим же решением были образованы Украинский, Брянский, Западный, Калининский, Ленинградский и Карело-Финский штабы партизанского движения.

Впоследствии были также созданы штабы партизанского движения: Южный (Краснодарский) — 3 августа 1942 года, Белорусский — 9 сентября 1942 года, Эстонский — 4 ноября 1942 года, Литовский — 26 ноября 1942 года, Латвийский — 8 января 1943 года, Крымский — в июле 1943 года, Воронежский — в октябре 1942 года.

До осени 1942 года руководство штабом партизанского движения представляло коллегию в составе начальника штаба и двух его членов. Это были представители руководящего партийного органа, НКВД и ГРУ.

Коллегиальность руководства в штабах партизанского движения мотивировалась необходимостью концентрации опыта партийных и специальных органов в вопросах организации партизанского движения, подпольной борьбы, конспирации, связи и т. д., а также опыта борьбы с проникновением в партизанские отряды и подпольные организации агентов врага.

Кроме того, имелось в виду, что подобный состав коллегии будет способствовать наиболее целесообразному использованию

обширной разведывательной информации партизан. Однако очень быстро практика работы показала, что эффективное решение этих задач успешнее достигалось не формальным представительством, а тесной связью и взаимопониманием штабов партизанского движения и соответствующих отделов и управлений органов безопасности и разведки, которые имели место в течение всей войны. Поэтому коллегиальное руководство было упразднено.

Возглавили штабы партизанского движения: П. К. Пономаренко (Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии) — Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, Т. Л. Строкач (НКВД) — Украинский, П. З. Калинин (второй секретарь ЦК Компартии Белоруссии) — Белорусский, С. Я. Вершинин (НКВД) — Карело-Финский, А. К. Спрогис (ГРУ) — Латвийский, М. Н. Никитин (секретарь Ленинградского обкома) — Ленинградский, С. С. Бельченко (НКВД) — Калининский, Д. М. Попов (первый секретарь Смоленского обкома) — Западный, А. П. Матвеев (первый секретарь Орловского обкома) — Орловский (Брянский).

В основной руководящий состав Центрального штаба входили партийные работники, сотрудники органов государственной безопасности, имеющие опыт организации партизанского движения в первый год войны или необходимую для работы в Центральном штабе специальность.

Создание представительств Центрального и республиканских штабов партизанского движения при военных советах фронтов и армий завершило образование системы гибкого руководства партизанским движением.

Моя работа в штабах партизанского движения

Как уже говорилось, Государственный комитет обороны 30 мая 1942 года создал Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования. Начальником его был назначен Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, генерал-лейтенант, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. В сентябре — ноябре был и главнокомандующий партизанским движением К. Е. Ворошилов. ЦШПД в оперативном отношении были подчинены республиканские, фронтовые и областные штабы партизанского движения. Тогда же были назначены и начальники штабов. Я возглавил штаб партизанского движения Западного фронта.

Первой нашей задачей был поиск путей связи с партизанами

за линией фронта. Радиостанций тогда было очень мало, и мы сбрасывали связных на парашютах, посылали через линию фронта пеших связных, искали другие пути. Командующий фронтом Г. К. Жуков и член Военного совета Н. А. Булганин относились к нашим нуждам очень внимательно, чем могли, нам помогали.

Они также еженедельно требовали от нас докладов о борьбе с оккупантами, о разведданных, полученных от партизан. Но я не помню, чтобы Г. К. Жуков хотя бы в чем-нибудь отказал нашему штабу. К партизанскому движению он проявлял особый интерес. Человек он был требовательный, суровый, лени и пустой болтовни не терпел.

А мои дела разворачивались так: в результате контузии, полученной еще в августе 1941 года, я оказался в госпитале, а после выздоровления получил новое назначение представителем ЦШПД, членом Военного совета Калининского фронта.

Перед отъездом на фронт со мной подробно беседовал начальник ЦШПД генерал-лейтенант Пономаренко. Мне было поручено осуществить переброску крупного партизанского соединения П. З. Коляды («Батя») в тыл врага. Это соединение, действовавшее в полосе Калининского фронта, оказалось, по существу, в обороне на неприкрытом левом фланге. Местность там (север и северо-запад Смоленской области) была болотистая. Но партизаны все-таки проникали в тыл оккупантов и с боями, и на разведку. Им бы действовать в тылу неприятеля постоянно, но в резерве командования не было частей, которые смогли бы заменить партизан на фланге. Пришлось ставить этот вопрос перед Ставкой. Регулярные части на этот участок фронта прибыли, а из соединения «Бати» было сформировано 6 небольших бригад, каждой определен район боевых действий, и все они были переброшены за линию фронта. Возглавляли их опытные уже командиры М. И. Байдин, Е. Г. Давыдкин, Ф. Я. Апретов и другие.

«Батя» был человеком незаурядным. Выходец из Сибири, участник партизанского движения времен гражданской войны. По партийной линии он был направлен из Москвы в район Смоленска для организации там партизанского движения. Северо-западнее Смоленска уже действовали местные партизанские отряды. Батя сумел объединить эти отряды и стал руководить ими. Однако за различные злоупотребления он был отстранен от командования партизанами и арестован.

Приказ № 01 от 7 октября 1942 года, подписанный генерал-полковником Пуркаевым и мной, членом Военного совета фронта, положил конец крупному партизанскому соединению Бати. Реорганизация состояла в том, что партизанские бригады должны

были быть усилены и превращались в самостоятельные боевые единицы с непосредственным подчинением представительству Центрального штаба партизанского движения при Военном совете фронта.

Другой важный вопрос, решенный совместно с Военным советом фронта, — дальнейшие действия 1-го Калининского партизанского корпуса. Было решено крупными силами партизан совершить глубокий рейд по тылам оккупантов. В этих целях 20 августа 1942 года был создан Калининский партизанский корпус в составе 9 партизанских бригад и 3 отдельных отрядов. Командиром корпуса стал опытный, хорошо подготовленный в военном отношении капитан В. В. Разумов, комиссаром — батальонный комиссар А. И. Штрахов, умелый тактик партизанской войны, начальником штаба — И. И. Веселов, грамотный штабист. Корпус был обеспечен всем необходимым, партизанская разведка снабжала его ценными данными о противнике. Совершая быстрые маневры, корпус наносил противнику внезапные и чувствительные удары. В течение сентября-октября 1942 года корпус провел 56 боев, разгромил 18 вражеских гарнизонов, подорвал 69 воинских эшелонов и уничтожил около 5 тысяч гитлеровцев. Для борьбы с партизанами гитлеровцы вынуждены были снять с передовой дополнительные силы.

ЦШПД внимательно следил за развитием событий. Немцы готовили силы, чтобы, загнав корпус в «мешок», сокрушить его превосходящими силами в плотном кольце и, применив авиацию, танки, артиллерию, ликвидировать партизан. Такую тактику они уже применяли в других районах. Логика была простая: крупным группам партизан нелегко выйти из окружения. Наше командование согласилось с решением быстро рассредоточить корпус и продолжать бить оккупантов небольшими отдельными формированиями.

Бригады и отряды возглавили опытные, инициативные командиры и комиссары. Назову тех, кто остался в памяти: А. М. Гаврилов, Ф. Т. Бойдин, П. В. Рындин, В. И. Марго, Н. М. Вараксов, С. А. Буторин, В. М. Лисовский, М. К. Карликов, Д. А. Халтурин, П. И. Макаров, И. К. Никоненок, П. Г. Романов, М. А. Ершов, И. С. Борисов, В. Ф. Рыбаков, И. В. Жуков, И. С. Дежин, В. А. Дунаев, Н. В. Васильев, В. Ф. Задерин, А. Е. Сидоренко, А. С. Петров, С. М. Максименко, В. П. Семин и др. Об одних известно больше, о других меньше. Но каждый из них — личность. В ряды народных мстителей они пришли разными путями. Одни были оставлены в тылу врага партией, другие вышли на партизан, пробираясь из окружения, третьи были заброшены в тыл врага

специально. У одних было военное образование, другие постигали науку побеждать в полевых условиях и достигли в этом немалых высот. Но главное, что отличало и объединяло их всех, — беззаветная любовь к Родине, преданность своему народу, жгучая ненависть к врагу.

Помимо того, что я был представителем ЦШПД на Калининском фронте, я являлся еще и членом Военного совета фронта. Я сразу же представился командующему фронтом генералу Пуркаеву. В военном плане человек он был подготовленный. Встретил войну, будучи военным атташе в Германии. По сути дела, он руководил разведывательной деятельностью в Германии по линии ГРУ.

Пуркаев тепло встретил меня. Он знал, что я представитель НКВД и хорошо владею оперативной работой. Первыми были вопросы о совершенствовании партизанской разведки. Особенно это касалось агентурной разведки, которая в первый год войны была у нас на не слишком высоком уровне.

Мне же, вступившему в должность, надо было как можно быстрее познакомиться с партизанами, личным составом штаба. Мой предшественник В. В. Радченко сумел сколотить небольшой, но работоспособный аппарат.

Начальником оперативного отдела был подполковник (впоследствии полковник) П. С. Шеломагин. С ним я встречался еще до войны в Ломжинском погранотряде, которым он командовал. Это был смелый человек, не боявшийся принимать на себя ответственность в решении сложных вопросов. Его старший помощник майор Архипенко, фронтовик с первого дня войны, штабной работой был не удовлетворен, рвался воевать в тылу врага. И вскоре его просьбу я удовлетворил, послав на помощь окруженной карателями группе партизан. Он помог им вырваться без особых потерь, но сам геройски погиб.

Начальником разведотдела штаба я назначил опытного специалиста по агентурной работе И. И. Янушко, ранее служившего в милиции.

По поводу И. И. Янушко у меня как-то произошла небольшая размолвка с П. К. Пономаренко. Пантелеймон Кондратьевич как-то позвонил мне и поинтересовался работой начальника разведотдела. Я ответил, что Янушко работает хорошо, нареканий к нему у меня нет. И тут Пономаренко сказал, что забирает Янушко на должность заместителя начальника разведотдела ЦШПД. Я категорически был против, объяснив своему начальнику, почему этот человек мне нужен именно здесь. Короче говоря, я сказал, что не отдам его в Центр. Пономаренко на меня

сильно обиделся и даже бросил телефонную трубку, прервав таким образом разговор.

Соответствовали занимаемым должностям начальник отдела кадров подполковник Никифоров и его старший помощник капитан Н. Ф. Белоконов. Специалистов партизанским отрядам поставляла наша школа, начальником которой был подполковник А. А. Титок.

Мне же особо хочется отметить наших радистов. Это были специалисты высокого класса. Связь Калининского штаба партизанского движения отличалась высокой надежностью и оперативностью. Важнейшее звено штабной работы — радиоузел. Его начальник И. С. Романов — кадровый связист, человек уже зрелого возраста, высокой культуры — сколотил квалифицированный коллектив, способный работать круглосуточно в любых условиях. Высококлассным специалистом радиосвязи был и его заместитель подполковник Ф. А. Адров. Он стал начальником отдела после геройской гибели в тылу врага полковника Романова, выполнявшего особое поручение.

Наш радиоузел имел устойчивую связь с 16 партизанскими бригадами и одним спецотрядом. По радио, например, как теперь подсчитано, ЦШПД получил от калининских партизан информацию о перемещении и дислокации в период с 1 ноября 1943 года по 15 июля 1944 года 30 вражеских дивизий, 25 бригад, 23 полков, 65 батальонов, 148 полевых почт, двух полевых аэродромов, сведения о расположении 11 аэродромов, 65 складов, 32 предприятий и другие данные, которые, согласитесь, дорогого стоят.

На радиосвязи работали у нас настоящие асы — радисты и шифровальщики Р. Н. Волосатова, А. С. Тихонов, Р. И. Крылова, И. А. Романова и другие. Это благодаря их усилиям летом 1944 года была налажена устойчивая связь между партизанскими аэродромами и Большой землей при эвакуации из-за линии фронта 105 раненых и больных партизан, 1571 ребенка и 93 женщин.

Наличие двусторонней радиосвязи обеспечивало возможность в нужное время давать партизанам конкретные задания и получать от них информацию о результатах работы.

Партизанское движение в тылу врага обладало исключительной возможностью, образно говоря, иметь повсюду свои глаза и уши. Надо было только умело организовать эту работу, знать ее тонкости, уметь внедрять своих людей — агентуру — в интересующие командование места. К сожалению, в предвоенные мобилизационные планы создание партизанской разведки заложено не было. Приходилось начинать с азов. В

партизанских отрядах и бригадах этим делом занимались военные разведчики, чекисты, оперативные работники милиции. Были созданы специальные школы. Весомый вклад в это дело внесла отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР.

В партизанских бригадах были введены должности заместителей командиров по разведке. Все понимали, что вовремя полученные разведданные обретают особую ценность, а бывают моменты, когда им вообще нет цены. Партизанская разведка имела ценную агентуру в администрации оккупантов, в полиции, железнодорожных службах, на складах и базах, среди обслуживающего персонала аэродромов, офицерских пищеблоков, и т. д.

Исключительную роль в сборе сведений о противнике сыграли подростки-партизаны и особенно девушки, женщины. Назову тех, кого запомнил: З. В. Васильева, Н. Е. Григорьева, Т. Т. Иванова, А. С. Горецкая, М. П. Литвинова, О. А. Михайлова, Н. В. Маевская, М. П. Андреенок, Н. К. Бойдина, В. Т. Сумбаров, П. А. Пузиков, О. С. Бышко, А. В. Блинова, С. И. Сенина и другие.

Партизаны Калининского фронта с первых дней своих боевых действий хорошо понимали, что самый чувствительный нерв оккупантов — железнодорожные коммуникации. ЦШПД пришел к выводу, что сокрушительные удары по рельсовым путям — наиболее эффективная форма борьбы. К этому времени появились уже материальные возможности, были готовы люди.

«Рельсовая война» — таково было кодовое название крупнейшей партизанской операции, проведенной 3 августа — 15 сентября 1943 года на оккупированной территории России, Украины и Белоруссии для оказания помощи частям Советской Армии в завершении разгрома фашистских войск в Курской битве. ЦШПД привлек к этой операции 167 партизанских бригад и отрядов, действовавших в тыловых районах групп армий «Центр» и «Север». Общий план был разработан в Центральном штабе. Получили свою боевую задачу и калининские партизаны. Им нужно было сорвать перевозки врага на магистралях от Новосокольников до границы с Латвией и на участке Невель — Клястицы — Полоцк. В тыл врага было сброшено 9565 килограммов тола, 24 тысячи капсюлей, 10 тысяч метров бикфордова шнура — все, вплоть до спичек. Для переброски этого груза понадобилось 24 самолето-вылета.

Все железнодорожные магистрали круглосуточно охранялись противником самым тщательным образом. Но и подготовка к «рельсовой войне» велась в строжайшей тайне. Даже в Центральном штабе партизанского движения о ней знало

ограниченное количество работников. Причем и ЦШПД, и местные штабы предоставили командирам бригад полную самостоятельность в действиях.

В ночь на 4 августа мощным огневым ударом была смята вся вражеская охрана железнодорожных путей, было перебито 5635 рельсов. 4–6 августа дорога бездействовала, а партизаны продолжали наносить удары. В рядах противника возникла паника. Пошли слухи, что Красная Армия прорвала фронт и наступает. Были и другие разговоры — дескать, рельсы взрывают не партизаны, а 8 тысяч специально подготовленных диверсантов-парашютистов.

Вошла в историю партизанского движения савкинская операция. О ней написано много, а еще больше рассказано. Хочу внести ясность в ее историю. Дело в том, что 26 декабря 1942 года мной, представителем ЦШПД, членом Военного совета Калининского фронта, был издан приказ о формировании оперативной группы для усиления руководства боевыми действиями партизан в тылу врага.

В пункте первом приказа начальником опергруппы был назначен старший батальонный комиссар А. И. Штрахов, а его заместителем майор И. И. Веселов. В пункте втором перед опергруппой ставились конкретные задачи, четко указывалось время и силы их выполнения: «Взорвать железнодорожные мосты на магистралях Идрица — Пустошка в д. Савкино; Невель — Полоцк у разъезда Железница. Взорвать мосты на шоссе Идрица — Пустошка у д. Либица и Могильно; Невель — Полоцк у разъезда Железница; уничтожить немецкие гарнизоны д. Савкино, квадрат 4424 и разъезд Железница».

В приказе оговаривалось, что для выполнения этой задачи привлекаются бригады тт. Бойдина, Шиповалова, Семина, Карнаушенко, Гаврилова. Организаторы и руководители операции на месте — А. И. Штрахов и И. И. Веселое. ЦШПД эту операцию держал на контроле, и она была выполнена успешно. Но партизаны понесли тяжелую утрату — погиб Иван Иванович Веселое.

Должен особо сказать об оперативной группе нашего штаба. Нас все время беспокоила мысль об улучшении непосредственной связи с партизанскими отрядами и бригадами. Нередко ответственные работники штаба сами отправлялись во вражеский тыл, особенно во время сложных ситуаций, когда на месте был необходим конкретный совет. Если позволяла обстановка, партизанские командиры прилетали к нам попутными рейсами. Но все-таки в тылу врага было необходимо иметь группу опытных людей, на которых можно было бы положиться как на себя.

Подходящей кандидатурой для этого стал Алексей Иванович Штрахов. Это был образованный человек, профессиональный дипломат и ученый, с твердым характером, отличавшийся смелостью и решительностью. Он сам все время просился за линию фронта. Его авторитет и у партизан, и у командования был особенно высок.

Впервые я услышал фамилию Штрахов в сентябре 1942 года на Калининском фронте, куда меня перевели с Западного фронта. Корпус тогда еще действовал, но свою задачу он в основном выполнил.

Немцы старались окружить и ликвидировать корпус. Опыт тогда показал, что более целесообразно действовать небольшими формированиями, так как немцы даже выигрывали, имея дело с таким крупным формированием как корпус. Собрать против него крупные силы, окружить и разгромить его им было легче, легче было действовать и авиации, и бронетанковым частям. Они обладали преимуществом в скорости маневра и т. д.

Угроза нарастала. Я поставил вопрос о расформировании корпуса. Вскоре на его базе были созданы партизанские бригады, которые были намного маневреннее и боеспособнее.

В марте 1943 года меня отозвали в Москву и назначили заместителем начальника ЦШПД. Я счел целесообразным забрать туда и Штрахова. Исходил из того, что он приобрел богатый опыт, в частности в разведработе. Не помню, сколько он времени работал в ЦШПД, но недолго.

Он хорошо анализировал материалы. Его начальник, старый разведчик, очень хорошо о нем отзывался. А Штрахов заскучал. Я уловил это, спросил:

— В чем дело?

— Да вот, — говорит, — на бумагах сижу…

— Эти бумаги идут знаешь куда? — спрашиваю.

— Знаю, — говорит, — но все равно отпустите меня к партизанам.

Я его уговаривал еще поработать, а он все-таки просил отпустить. Я стал думать, в качестве кого его послать. Потом на манер калининской создали опергруппу ЦШПД. Я доложил Пономаренко, и Штрахов как уполномоченный ЦШПД был откомандирован во вражеский тыл на оккупированных территориях Витебской и Калининской областей.

Как-то от Алексея Ивановича пришла шифровка: он просил выслать самолет на озеро Язно, чтобы забрать ценности, собранные населением партизанского края в фонд обороны.

По нашему звонку генерал Н. П. Дагаев выделил летчика Серафима Григорьевича Фадеева. К сожалению, не все

получилось сразу. То погода была нелетная, то посадочные сигналы перепутали. Удался только третий полет. Но зато, когда летчик вернулся и втащил в мой кабинет тяжелый мешок, мы ахнули.

Чего там только не было! Часы, кольца, портсигары, облигации. Отдельно были сложены партизанские трофеи, захваченные у гитлеровцев. Авторитетная специальная комиссия составила обстоятельный приемочный акт и отвезла ценный груз, предназначенный для финансирования создания новой военной техники, в банк.

Конечно, не будь такой поддержки наших бесстрашных летчиков, партизанское движение вряд ли приобрело бы столь могущественный характер, не смогло бы стать столь важным стратегическим фактором. Я с глубоким почтением вспоминаю бесстрашных авиаторов Мамкина, Тарасова, Денисова, Кузнецова, Ползунова и многих других. Время стерло в памяти их имена, но осталась незабываемой их отвага.

Круг людей, достойных упоминания, велик. Я бы хотел назвать всех, но при всем моем желании объем книги не позволяет это сделать.

Покидая Калининский фронт, на котором провел восемь очень напряженных, непростых месяцев, я сохранил о людях, с которыми воевал, самые теплые чувства. Моим преемником стал И. И. Рыжиков, мой довоенный знакомый, секретарь ЦК Компартии Белоруссии, очень опытный, образованный работник, участник Гражданской войны.

Честно говоря, меня мучили сомнения: справлюсь ли? Там, на фронте, у меня были очень хорошие отношения с командующим М. А. Пуркаевым и начальником штаба М. В. Захаровым. С Матвеем Васильевичем судьба свела меня и после войны, когда он был командующим Ленинградским военным округом, а я начальником погранвойск этого округа. Мы сохранили дружбу и в Москве, куда нас привела служба.

В Центральном штабе я снова стал работать с П. К. Пономаренко. Мне импонировали его всесторонняя образованность, блестящая память, неиссякаемая работоспособность, широкий кругозор, умение выслушать собеседника и быстро войти в суть вопроса.

С высоты ЦШПД я имел возможность сравнивать, сопоставлять результаты действий партизан во многих регионах, на разных фронтах, и за своих калининских товарищей мне, честное слово, никогда не было стыдно.

Главком партизанского движения К. Е. Ворошилов

6 сентября 1942 года был учрежден пост — Главнокомандующий партизанским движением, на который был назначен член Политбюро ВКП(б) Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

Ворошилов попытался, как это было предусмотрено в начале 1930-х годов, военизировать партизанские силы и приступить к осуществлению внезапных крупных операций партизанских сил с целью закрыть пути подвоза войск противника и отрезать их на фронте от источников снабжения. Главком партизанским движением принял меры по укомплектованию ЦШПД опытными военными кадрами.

ЦШПД и подчиненными ему республиканскими и областными штабами партизанского движения проводилась большая работа по подготовке партизанских кадров: радистов, диверсантов, разведчиков. Наладилась радиосвязь с партизанскими формированиями. Принимались меры по снабжению партизан необходимыми им средствами борьбы и связи. Но из-за недостаточного выделения самолетов для доставки грузов партизаны остро нуждались в минно-подрывных средствах и других видах оружия.

П. К. Пономаренко, оценивая деятельность Главнокомандующего партизанским движением маршала К. Е. Ворошилова, говорил, что «благодаря его авторитету, энергии и настойчивости были решены многие важные вопросы партизанского движения, особенно в части боевого и материально-технического снабжения и авиационных перевозок для партизан».

Под руководством Главкома партизанским движением принимались конкретные меры для того, чтобы все же военизировать партизанские формирования. Предполагалось, что весной, когда установится черная тропа, внезапными операциями крупных сил партизан, в состав которых уже намечалось включение и отдельных гвардейских батальонов, будет полностью парализовано железнодорожное и автомобильное движение. В результате враг лишится возможности снабжать и пополнять свои войска на фронте, останется без боеприпасов, без горюче-смазочных материалов. Все это облегчит войскам Красной Армии разгром войск вермахта.

19 ноября 1942 года пост Главнокомандующего партизанским движением был упразднен, на мой взгляд, из-за того, что Ворошилов пытался максимально приблизить руководство

партизанами к армейским стандартам. Разросся командный аппарат. Вместо отделов появились управления. Соответственно, стало больше генеральских должностей. Все это сковывало оперативность управления штабов партизанского движения.

Однако существует и другая точка зрения. Она принадлежит И. Г. Старинову — известному специалисту по диверсиям. Позволю процитировать выдержки из одной его работы:

«На самом деле упразднение поста Главкома партизанским движением было связано с тем, что К. Е. Ворошилов на все ключевые посты в ЦШПД выдвинул не партократов, а опытных военачальников, которые имели опыт руководства войсками, умели планировать действия войск, быстро поняли большие возможности оптимального планирования партизанских сил, так как основные объекты их воздействия — коммуникации — не маневрируют, как войска на фронте, и внезапные операции с массовым применением неизвлекаемых противо-поездных и транспортных мин мгновенного и замедленного действия будут для противника непреодолимы.

П. К. Пономаренко чувствовал себя уязвленным. Его предложение предоставить партизанским командирам максимальную самостоятельность, возражения против военизации партизанских формирований, создания партизанских дивизий и корпусов, которые бы состояли в основном из диверсионных групп, сведенных в роты, отряды, бригады и даже корпуса, не выдерживали критики. Больше того, начальник ЦШПД не раз в узком кругу высказывал мысль, что «партизанским движением надо не командовать, а руководить. А руководит им ЦК партии». Это верно — партизанским движением руководила коммунистическая партия, но партизанскими силами, которые возникли в результате партизанского движения, надо командовать. Это исходило и из ленинского учения о том, что «партизанские выступления не месть, а военные действия».

Какие основания для такого решения были у Сталина? Успех партизанской войны мог вновь поднять авторитет опального маршала. Ликвидируя пост Главкома партизанским движением, Сталин, по сути, принимал на себя руководство партизанским движением как руководитель Коммунистической партии и как Верховный Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами, а партизанские силы были нашим вторым фронтом. Сталин, безусловно, знал, что Первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. К. Пономаренко не имел ни военного образования, ни специальной партизанской подготовки, но Верховный и сам не представлял о том, в какой подготовке нуждались командиры и специалисты партизанских формирований.

Ликвидация поста Главнокомандующего партизанским движением привела к резкому уменьшению возможностей осуществления внезапных сокрушительных ударов по коммуникациям противника. Будучи Главнокомандующим партизанским движением, маршал К. Е. Ворошилов по существу превратился в Главнокомандующего партизанскими силами, так как, будучи членом Политбюро ЦК ВКП(б), мог быстро осуществить согласование действий партизанских формирований, не только руководимых штабами партизанского движения, но отрядами и группами, руководимыми НКВД, ГРУ. После ликвидации поста Главнокомандующего партизанским движением начальник ЦШПД, по сути, остался только с партизанскими формированиями, руководимыми штабами партизанского движения. И это приводило к тому, что на одном направлении иногда в одну ночь проводилось до десятка диверсий, но перерыв движения на участке вызывала только одна диверсия, ликвидация последствий которой была наиболее длительной. Остальные диверсии на пропускную способность участков влияли мало или даже вовсе не влияли и только приводили к расходу сил и средств на ликвидацию последствий диверсий.

После упразднения поста Главнокомандующего партизанским движением деятельность ЦШПД стала как был замирать. Продолжалась только кропотливая и весьма полезная работа по налаживанию радиосвязи с партизанскими формированиями. Планировались, но слабо обеспечивались осенне-зимние операции. Управления ЦШПД были преобразованы в отделы, и из штаба ушли весьма опытные и энергичные работники: генералы Сивков и Хмельницкий».

Комментируя эти выдержки, с горечью хочу отметить, что Илья Григорьевич так и не смог перебороть в себе отрицательные чувства к П. К. Пономаренко. Позволю себе сказать то, что никому никогда не говорил. На мой взгляд, неприязнь И. Г. Старинова к П. К. Пономаренко надо рассматривать через призму отношений последнего с Н. С. Хрущевым. А отношения эти были далеко не безоблачные.

У Пономаренко и Хрущева была давняя антипатия друг к другу. Не могу сказать, откуда пошла эта вражда. Выскажу свое субъективное мнение. И. В. Сталин, не знаю, в силу каких причин, очень хорошо относился к Пономаренко и Хрущеву, как я думаю, в каких-то случаях больше доверял именно ему, чем Хрущеву, а Хрущев завидовал этому.

Как известно, Хрущев добился у Сталина разрешения на то, чтобы Украинский штаб партизанского движения (УШПД) не

подчинялся в оперативном отношении ЦШПД. И все, на мой взгляд, из-за своей непомерной амбициозности. Хотя Старинов упрекает в амбициозности именно Пономаренко. Что ж, история рассудит, кто был прав…

Ну а почему Старинов, критикуя Пономаренко, не трогает Хрущева, я думаю, тоже понятно. Илья Григорьевич продолжительное время работал в УШПД, который курировал Хрущев. Отношения между ними были неплохие. Еще, на мой взгляд, у Старинова осталась обида на то, что его заслуги перед Родиной остались без должной награды. Он много сделал для развития партизанского движения и, конечно, должен был быть награжден высшей наградой Родины.

Глава 7
роль органов Государственной Безопасности СССР в организации партизанского движения

Партизанская война является неизменным компонентом подавляющего большинства войн и вооруженных конфликтов. Многое забыто, в том числе и то, что участие органов государственной безопасности СССР в партизанском движении позволило противопоставить стихийным народным выступлениям четко спланированную, проводимую профессионалами борьбу против гитлеровских оккупантов на временно занятой ими территории. Особенно в первые месяцы войны.

Вы кадровый сотрудник госбезопасности и, наверное, более, чем кто-либо, владеете информацией об участии чекистов в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны.

В начале 90-х годов стала доступнее информация о 4-м управлении НКВД и его руководителе П. А. Судоплатове. Хотелось бы услышать от Вас, что это был за человек, общались ли вы по службе?

Помимо этого, что Вы можете сказать о деятельности отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР, ее роли в развертывании партизанского движения на временно оккупированной территории СССР?

Хочу сразу оговориться: несмотря на огромную роль чекистов в развертывании партизанского движения, руководящая и организаторская роль принадлежала Коммунистической партии Советского Союза. Это не конъюнктурное начало моего последующего рассказа. Это историческая правда. А органы госбезопасности оказали неоценимую помощь партийным и советским органам в организации партизанского движения.

Участие чекистов в партизанском движении подняло на более качественный уровень боевую деятельность партизанских формирований. Да и сама организационная структура руководящих органов партизан свидетельствует о том, что там имелось большое количество сотрудников госбезопасности. Так, решением ГКО из 6 фронтовых штабов партизанского движения 5 возглавили именно чекисты. Заместители командиров партизанских формирований по разведке, как правило, были сотрудниками госбезопасности.

Партизанским движением я как заместитель начальника

Особого отдела фронта, конечно, занимался, но это было не прямой моей обязанностью. Так, в период наступления гитлеровцев на Москву в ноябре 1941 года особым отделом Западного фронта при моем личном участии был сформирован и переброшен в тыл врага партизанский отряд, состоявший только из чекистов и пограничников. Основными задачами этого отряда были разведывательная деятельность, проведение диверсий на коммуникациях противника, обеспечение собственной безопасности.

Без преувеличения скажу, что партизанскому движению придавалось большое значение. При переброске в тыл инструктировал руководство этого отряда непосредственно начальник особого отдела Западного фронта Лаврентий Цанава.

26 сентября 1941 года отряд перешел линию фронта для проведения операций в оккупированных противником районах Смоленской, Витебской и Калининской областей. За 35 суток в тылу врага он имел 21 столкновение с противником. После этого вернулся в наш тыл.

Командование Красной Армии высоко ценило работу чекистов в составе партизанских формирований. Многие из них были награждены высокими боевыми наградами. Приведу пример из личного опыта. В первые месяцы войны, по приказанию командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова, я как заместитель начальника особого отдела был командирован в деревню Шейно Торопецкого района Калининской области, где дислоцировалась оперативная группа ЦК КПБ по организации и руководству партизанским движением.

Первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. К. Пономаренко просил Г. К. Жукова оказать содействие в этой деятельности и направить кого-либо из чекистов. Выбор пал на меня. Помощь моя заключалась в инструктаже партизанских отрядов, готовившихся к переброске в тыл противника, по вопросам разведки, контрразведки, диверсий.

Следует особо подчеркнуть, что все переброски партизанских формирований в тыл противника осуществлялись при непосредственном участии чекистов. Практически во всех готовившихся к переброске партизанских отрядах и оперативных группах имелись представители органов государственной безопасности.

Сразу же после начала войны был создан ОМСБОН НКВД СССР, которым командовали в разное время Гриднев и Орлов. Это войсковое соединение подчинялось особой группе НКВД СССР (создана 5 июля 1941 г.), которую возглавлял П. А. Судоплатов.

С Павлом Анатольевичем Судоплатовым я был знаком лично.

Первый раз встретился с ним при обороне Москвы в Можайске, куда должен был прибыть И. В. Сталин. Судоплатов приехал в этот город, видимо, для обеспечения охраны. У Л. Ф. Цанавы, во время обеда, мы и познакомились. Мне он понравился. В отличие от других представителей Центра, он не зазнавался и не показывал свою значимость. Оказалось, что мы с ним практически земляки. Он родился в Мелитополе, а это рядом с моими родными местами. В разговоре Судоплатов интересовался работой особистов, разоблачением вражеской агентуры и т. д. Он мне показался опытным чекистом, настоящим профессионалом.

Потом, когда я работал в Центральном штабе партизанского движения, мы переписывались, а иногда и перезванивались по служебным вопросам. В целом же Центральный штаб партизанского движения и 4-е управление НКВД работали очень дружно, делились оперативной информацией, помогали друг другу в различных вопросах.

Мне бы хотелось перечислить функции различных чекистских подразделений, занимавшихся партизанским движением.

На особую группу НКВД СССР были возложены следующие функции: разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее сателлитов; организация подполья и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство специальными радиоиграми с германской разведкой с целью дезинформации противника.

25 августа 1941 года приказом НКВД СССР оперативные группы местных органов госбезопасности, призванные противостоять парашютным десантам и диверсантам противника, были преобразованы в 4-е отделы НКВД и управлений НКВД прифронтовых республик, краев и областей, оперативно подчиненные особой группе при НКВД СССР.

Тем же приказом было объявлено Положение о работе 4-х отделов и штатное расписание. Согласно этому документу, перед 4-ми отделами ставились следующие задачи: повседневный контроль за формированием истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, руководство их боевой деятельностью; налаживание связи с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с существующими партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника; организация агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп; разведка тыла противника и мест возможной переправы партизанских отрядов. обеспечение партизанских формирований оружием и

боеприпасами для ведения боевых действий, а также продовольствием, одеждой и другим снаряжением.

Задачами 2-го отдела НКВД СССР и вошедших в его оперативное подчинение 4-х отделов территориальных НКВД и управлений НКВД являлись: формирование в крупных населенных пунктах, захваченных противником, нелегальных резидентур и обеспечение надежной связи с ними; восстановление контактов с ценной проверенной агентурой органов госбезопасности, оставшейся на временно оккупированной советской территории; внедрение проверенных агентов в создаваемые противником на захваченной территории антисоветские организации, разведывательные, контрразведывательные и административные органы; подбор и переброска квалифицированных агентов органов госбезопасности на оккупированную врагом территорию в целях их дальнейшего проникновения на территорию Германии и других европейских стран; направление в оккупированные противником районы маршрутной агентуры с разведывательными и специальными задачами; подготовка и переброска в тыл врага разведывательно-диверсионных групп и обеспечение надежной связи с ними; организация в районах, находящихся под угрозой вторжения противника, резидентур из числа преданных и проверенных на оперативной работе лиц; обеспечение разведывательно-диверсионных групп, одиночных агентов, специальных курьеров и маршрутных агентов оружием, боеприпасами, продовольствием, средствами связи и соответствующими документами.

На 4-е управление возлагались следующие задачи: а). В области разведывательной деятельности: сбор и передача командованию РККА разведданных о дислокации, численном составе противника и вооружении его войсковых соединений и частей; о местах расположения штабов, аэродромов, складов и баз с оружием, боеприпасами и ГСМ; о строительстве оборешительных сооружений; изучение режимных, политических и хозяйственных мероприятий германского командования и оккупационной администрации. б). В области диверсионной деятельности: нарушение работы железнодорожного и автомобильного транспорта, срыв регулярных перевозок в тылу врага; вывод из строя военных и промышленных объектов, штабов, складов и баз вооружения, боеприпасов, ГСМ, продовольствия и пр. имущества; нарушение линий связи на железных, шоссейных и грунтовых дорогах, узлов связи и электростанций в городах и других объектов, имеющих военно-хозяйственное значение. в). В области контрразведывательной деятельности (совместно с органами 2-го управления НКВД—

НКГБ и военной контрразведки): установление мест дислокации разведывательно-диверсионных и контрразведывательных органов и школ германских спецслужб, их структуры, численного состава, системы обучения агентов, путей их проникновения в части и соединения РККА, партизанские отряды и советский тыл; выявление вражеских агентов, подготавливаемых к заброске или заброшенных в советский тыл для проведения шпионско-диверсионной и террористической деятельности, а также оставляемых в тылу советских войск после отступления германской армии; установление способов связи агентуры противника с ее разведцентрами; разложение частей, сформированных из добровольно перешедших на сторону врага военнослужащих РККА, военнопленных и насильственно мобилизованных жителей оккупированных территорий; ограждение партизанских отрядов от проникновения вражеской агентуры.

Отдельная мотострелковая бригада особого назначения формировалась в первые дни войны на стадионе «Динамо». В ОМСБОНе было более 25 тысяч солдат и командиров, из них две тысячи иностранцев — немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, вьетнамцев, поляков, чехов, болгар и румын. В бригаду вступили лучшие советские спортсмены, в том числе чемпионы по боксу и легкой атлетике, они стали основой диверсионных формирований, посылавшихся на фронт и забрасывавшихся в тыл врага.

Формирование отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР проходило в конце июня — начале июля 1941 года. Оно было связано с необходимостью выполнения специальных заданий в борьбе с фашистскими захватчиками, вторгшимися на территорию Советского Союза.

ОМСБОН был призван вести разведывательные и диверсионные действия на важнейших коммуникациях противника, ликвидировать вражескую агентуру, действуя отдельными подразделениями, мелкими группами и индивидуально. Развитие событий выдвинуло еще одну, не менее важную задачу: оказывать всестороннюю помощь в развитии и расширении партизанского движения, создании подполья, сплочении патриотов в тылу врага.

В соответствии с этими целями необходимо было создать такое формирование, подобного которому Красная Армия еще не знала. Его подразделениям предстояло действовать не на одном каком-то участке фронта, как это было с другими воюющими частями, а в самых разных местах всех фронтов — от Баренцева до Черного морей, и, главное, не только на линии самого фронта,

но и далеко за его пределами, вплоть до Берлина.

Комплектование войск особой группы, а затем и бригады началось в связи с указанием ЦК ВКП(б) о мобилизации коммунистов и комсомольцев на фронт. Она состояла в основном из добровольцев: рабочих, студентов, спортсменов, выпускников школ, командиров пограничных и внутренних войск. Пограничники, преподаватели и слушатели Высшей школы погранвойск и Высшей школы НКВД, других учебных заведений НКВД СССР составили костяк командного состава бригады, а рядовые бойцы в основном пришли в бригаду по путевкам ЦК ВЛКСМ. Исполком 3-го Коммунистического интернационала направил в бригаду большую группу коммунистов — эмигрантов из стран Европы и Востока.

С конца сентября 1941 года на подступах к столице развернулись ожесточенные бои. Гитлеровцы развернули генеральное наступление на Москву. Подковой, обращенной концами на восток, двигались вражеские войска к городу.

ОМСБОНу приказывалось закрыть подступы к центру Москвы и Кремлю. Обстановка в самой Москве была весьма сложной и даже драматичной. Началась массовая эвакуация фабрик и заводов, учреждений, научно-исследовательских и учебных заведений, партийных и правительственных учреждений, трудящихся. Столица с каждым днем становилась все безлюднее. Однако утверждения, что город вымер, были бы неверными, и мы, живые свидетели этого, видели, что он жил, но по другим меркам и стандартам, жил, как и всякий другой прифронтовой населенный пункт, с той лишь разницей, что это была жизнь столицы, столицы, осажденной врагом, но не взятой в полное вражеское кольцо.

Уже летом 1941 года командование ОМСБОНа приступило к формированию и заброске в тыл врага первых отрядов и групп. Перед ними, наряду с разведывательными и диверсионными, были поставлены задачи сбора подробной и квалифицированной информации о конкретной обстановке, сложившейся на оккупированной территории; о политике оккупационных властей; о системе охраны тыла гитлеровских войск; о развитии партизанского движения и борьбе подпольщиков, о характере необходимой им помощи.

ОМСБОНу предстояло установить контакты с партизанами, наладить их связь с Москвой, способствовать формированию новых отрядов и активизации боевых действий партизан, также создать на местах базы для развертывания своей деятельности; проверить на практике эффективность предложенных

командованием тактики и методов борьбы в условиях вражеского тыла, выявить новые возможности их развития, накопить определенный опыт для тех отрядов и групп, которые должны были направиться в тыл врага.

При формировании отрядов командование ОМСБОНа руководствовалось рекомендацией ЦК ВКП(б) выделять на посты руководителей партизанского движения боевых, преданных нашей Родине офицеров, имевших опыт партизанской борьбы, разведывательной и диверсионной работы, полученный в годы Гражданской войны, и проявивших себя в истребительных батальонах и в отрядах народного ополчения. Этот принцип оставался основополагающим для командования ОМСБОНа при подборе кадров командиров спецотрядов и спецгрупп на протяжении всех лет войны.

Командирами первых отрядов, ушедших в августе 1941 года в тыл врага, стали чекисты Д. Н. Медведев и А. К. Флегонтов, имевшие опыт партизанской и подпольной деятельности. Под командованием Флегонтова отряд проводил смелые налеты на вражеские кавалерийские разъезды и обозы, осуществил несколько диверсий на коммуникациях противника, собрал ценные разведывательные данные и в октябре 1941 года вернулся в Москву.

С июля по октябрь 1941 года особая спецгруппа ОМСБОНа создавала базы для действий отрядов бригады на территории Гомельской, Брянской, Орловской областей.

Важнейшее значение в эти первые, наиболее трудные месяцы Великой Отечественной войны имела организационная, разведывательная и диверсионная деятельность первого крупного отряда омсбоновцев, вышедшего в августе 1941 года в тыл врага и получившего кодовое наименование «Митя» по имени своего легендарного командира, впоследствии известного писателя Дмитрия Николаевича Медведева.

Как-то у Медведева спросили:

— Кто же вы, Дмитрий Николаевич? Разведчик, партизан или писатель?

— Был и остаюсь чекистом! — ответил он.

К концу зимы и весной 1942 года общая обстановка, сложившаяся на фронте и в тылу противника, способствовала тому, что командование бригады главное внимание переключило на выполнение основных задач, поставленных перед ОМСБОНом Ставкой Верховного Главнокомандования и Наркоматом внутренних дел.

Наступил период интенсивного формирования спецотрядов и

спецгрупп и организации их массового выхода в тыл врага. При этом районы их дислокации и действий определялись стратегическими целями, поставленными Ставкой перед советской разведкой, задачами, стоявшими перед отдельными фронтами, и конкретными условиями, сложившимися в то время на временно оккупированных немецко-фашистскими войсками территориях.

К весне 1942 года партизанское движение стало принимать подлинно всенародный характер. Резко изменилось и отношение к нему руководства гитлеровской Германии. Если в июле 1941 года Гитлер явно недооценивал угрозу, которую представляло партизанское движение для оккупационных властей и фашистской армии, и даже с определенной долей пренебрежения говорил: «… партизанская война имеет свои преимущества: она дает возможность истреблять все, что восстает против нас», — то уже через два месяца он вынужден был признать: «Действия партизан представляют крайнюю опасность коммуникациям».

В начале 1942 года большинство отрядов переходило линию фронта в Калужской области на участках 10-й и 16-й армий. Оттуда уходили на заданные им территории (главным образом в Брянскую и Орловскую области, в районы Белорусского и Украинского Полесья) многие из первых отрядов ОМСБОНа.

Вторым направлением массового выхода отрядов в глубокий тыл врага являлся в тот период путь в Белоруссию и Смоленскую область через лесные массивы западной части Калининской области с центром в Торопце.

Районы действий отрядов определялись по согласованию с Генеральным штабом Красной Армии и штабами фронтов. В числе главных объектов разведывательных и диверсионных действий омсбоновцев стали важнейшие железнодорожные узлы и транспортные коммуникации противника, а также крупные административные и промышленные центры, в их числе Киев, Минск, Ровно, Смоленск, Брянск, Гомель, Витебск, Полоцк, Симферополь, Краснодар и др.

В течение 1942 и 1943 годов отряды и спецгруппы из состава воинов бригады были заброшены на территории почти всех временно оккупированных областей РСФСР, на Украину и в Белоруссию, в республики Прибалтики и на Северный Кавказ. Всем спецотрядам и спецгруппам ОМСБОНа присваивались кодовые названия, и они сохраняли свою самостоятельность в течение всего времени пребывания в тылу врага. В зависимости от характера основного задания отряды то сохраняли свой первоначальный состав, избегая его расширения (преимущественно отряды, имевшие особые разведывательные

задачи), то вырастали в бригады и даже соединения (если основное задание включало такую цель).

Большое значение имел правильный, обоснованный выбор способа переброски того или иного отряда и определение примерного маршрута его движения в заданный район. Учитывались данные фронтовой и партизанской разведок об обстановке на конкретном участке фронта и в зоне маршрута движения отряда; сведения о партизанских базах, отрядах и группах; о гарнизонах регулярной германской армии, частей гестапо и абвера, полицейских. Способы поведения отряда на маршруте движения и степень соблюдения конспирации определялись характером его задания. Немаловажное значение имел учет трудностей, связанных с природными условиями в районе движения отряда (наличие лесных массивов, болот, открытых местностей, транспортных магистралей, плотность заселения и т. д.) и с погодными условиями (сильный мороз, весенняя распутица, темные или лунные ночи, безветрие или метель и т. д.).

С учетом возможных изменений обстоятельств разрабатывались варианты маршрутов движения. Как правило, реальные маршруты, проделанные отрядами ценой героических, подчас нечеловеческих усилий, максимального напряжения и предельной мобилизации внутренних резервов сил и воли бойцов и командиров, значительно отличались от предполагаемых. Но в то же время разработанные маршруты определяли общее направление.

Основным способом переброски отрядов в тыл врага в первое время был переход линии фронта (в зимние месяцы, как правило, на лыжах). Но с середины 1942 года все большее, а впоследствии основное значение приобрел выброс отрядов на парашютах. Для обучения бойцов парашютному делу использовались аэродромы во Внуково, Долгопрудном, Монино. Постепенно ОМСБОН приобрел характер парашютно-десантного соединения.

Основное внимание штаба Западного фронта и командования ОМСБОНа в начале 1942 года было приковано к районам Брянска и Смоленска. Это определялось военно-стратегическим значением этих пунктов и ведущих к ним железнодорожных и шоссейных магистралей.

Эти коммуникации и их крупнейшие узлы — Брянск и Смоленск — являлись жизненно важными для немецко-фашистской группы армий «Центр», обеспечивая переброску живой силы, военной техники, боеприпасов. По ним осуществлялась также переброска воинских частей на различные участки гигантского фронта, шли на Запад эшелоны с ранеными и

награбленным советским добром. В Смоленске и его окрестностях находились штаб группы армий «Центр», тыловые учреждения фронта, командование войсками СС, управление службы абвера и созданные оккупантами школы для подготовки диверсантов и шпионов, засылаемых в тыл советских войск.

Брянские леса к тому времени уже стали крупнейшей на оккупированной территории РСФСР партизанской зоной, там шло активное формирование партизанских отрядов, оттуда направлялись разведывательно-диверсионные отряды и группы в районы Белорусского и Украинского Полесья.

Первым этапом подготовки отрядов к выполнению заданий был подбор их командного состава. Кандидатуры командиров отрядов (групп), их заместителей, начальников штабов и начальников разведки отбирались руководством НКВД по рекомендации командования ОМСБОНа из числа кадровых офицеров-чекистов и пограничников, имевших опыт разведывательной и диверсионной деятельности, в том числе в партизанских условиях, и обладавших качествами, необходимыми для руководства боевым коллективом, которому предстояло действовать в экстремальных условиях вражеского тыла. Из молодых офицеров предпочтение отдавалось тем, кто хорошо проявил себя в битве под Москвой.

Отбор личного состава отрядов был очень тщательным. Командиры отрядов набирали бойцов из разных подразделений 1-го и 2-го полков. Им предстояло пройти вместе по вражеским тылам сотни километров, в течение многих месяцев делить трудности, вместе ходить в разведку и на диверсии, громить вражеские гарнизоны, бороться с карателями.

Необходимо было каждый отряд обеспечить специалистами разного профиля: подрывниками, разведчиками, бойцами-автоматчиками, радистами, врачами и санинструкторами. Подобрать такой состав в ряде случаев было чрезвычайно трудно. Не обходилось и без накладок. Так, недостаточно учитывался психологический фактор. К примеру, боевое содружество бойцов определенных взводов и рот, сложившееся в битве под Москвой и в ходе других фронтовых операций, приводило к затягиванию сроков «притирки» бойцов и командиров друг к другу. Это отрицательно сказывалось на первом этапе боевой жизни отрядов.

Серьезная трудность, которую приходилось преодолевать ОМСБОНу в течение всех лет войны, заключалась в том, что материально-техническое обеспечение бригады далеко не соответствовало масштабам и значимости стоящих перед нею задач. Снабжение ОМСБОНа и созданных на его базе партизанских отрядов и бригад было недостаточным. В этом

нашло отражение состояние снабжения всей Красной Армии в начальный период войны.

Острая нужда испытывалась прежде всего в автоматах, минах различных образцов, взрывчатке. А ведь ОМСБОНу приходилось выделять из своих скудных резервов мины и взрывчатку для местных партизан и подпольщиков. Отряды снабжались устаревшими, громоздкими типами источников питания раций.

В ряде случаев в тыл врага направлялось одновременно несколько отрядов. Каждый отряд или группу отрядов до линии фронта сопровождали представители штаба бригады или командиры полков ОМСБОНа. На них возлагалась задача организации перехода линии фронта, осуществления связи со штабами фронта и армий и с фронтовой разведкой. Последняя выделяла для отрядов ОМСБОНа проводников или же группы разведчиков, одновременно с ними уходивших на задания в тыл врага.

Переход линии фронта в феврале — июне 1942 года осуществлялся в основном на флангах центральной группировки немецко-фашистских армий, противостоящей войскам Западного и Калининского фронтов. Здесь не было сплошной линии фронта. Отдельные узлы обороны чередовались с промежуточными участками — зонами патрулирования и наблюдения. Именно эти участки и избирались для переходов в тыл врага. Их хорошо знали и ими пользовались армейские разведчики — проводники омсбоновских отрядов.

Переходы линии фронта боевыми подразделениями, какими являлись омсбоновские отряды, всегда были сопряжены с неимоверными трудностями, опасностью, риском. Не случайно командиры и бойцы отрядов считали такой переход едва ли не самой трудной частью задания.

К сожалению, подготовка отрядов не включала в программу тактику перехода линии фронта, слабо обобщался опыт предшествующих отрядов. Из-за отсутствия четких разведданных, которыми должна была обеспечить отряды армейская разведка, они нередко сталкивались с непредвиденными обстоятельствами: то на их пути неожиданно возникала глубоко эшелонированная оборона, то оказывалась сплошная линия фронта там, где предполагалось «окно», и т. д.

В результате отрядам нередко приходилось прорываться с боем, неся значительные потери, или откладывать сроки перехода, или изменять его место. Но переход линии фронта был в лучшем случае половиной дела. Отрядам предстояло пройти сотни километров в прифронтовой полосе, густо нашпигованной воинскими частями, охранными отрядами и полицией.

Наиболее опасными на маршрутах движения были переходы железнодорожных и шоссейных магистралей и водных рубежей. Ситуация в прифронтовом тылу часто менялась, отряды сталкивались с неожиданным появлением новых гарнизонов. Их подстерегали засады. Вслед за ними по лыжне, оставлявшей предательский след, устремлялись в погоню охранники и полицейские.

Бойцам ОМСБОНа — «москвичам», как их называли местные жители, «ночным призракам», как их окрестили немцы, — помогали местное население и партизаны. Несмотря на неимоверные трудности, опасности и жертвы, «москвичи» чувствовали себя в партизанских лесах прочно и уверенно. Будучи посланцами Большой земли, укрепляли веру в победу над врагом, в близкое освобождение, вдохновляли сотни и тысячи людей на активную борьбу с оккупантами и предателями и сами черпали силы из родников народного патриотизма. Большое значение для развития партизанского движения и усиления партизанских ударов по врагу на этом этапе имела организаторская работа омсбоновских отрядов по объединению мелких разрозненных групп местных партизан в сводные отряды под руководством наиболее опытных командиров. В ряде случаев руководство новыми отрядами поручалось офицерам и сержантам-омсбоновцам. С лета 1942 года вся деятельность омсбоновских спецгрупп и отрядов координировалась с Центральным, Белорусским и Украинским штабами партизанского движения.

В ходе зимнего наступления 1941–1942 годов Красная Армия нанесла тяжелый урон немецко-фашистским группам армий «Центр» и «Север». Гитлеровцы начали спешную переброску войск с Запада на советско-германский фронт.

В начале 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования и штаб Западного фронта особенно остро нуждались в подробной информации о планах находящегося в Смоленске штаба группы армий «Центр», о расположенных в этом районе тыловых службах и аэродромах противника, об интенсивности и характере военных перевозок по железнодорожным и шоссейным магистралям Орша — Смоленск — Дорогобуж — Вязьма, Витебск — Смоленск, Витебск — Орша. Стратегическое значение этого «треугольника» определялось и тем, что здесь вдоль Минского шоссе проходила (на глубине 1 м) линия связи, соединявшая штаб группы армий «Центр» и фронт с Берлином.

Вместе с тем все эти объекты в смоленском «треугольнике» в очень слабой степени подвергались в то время партизанским

ударам. Плохо работала и партизанская разведка: в Центр поступали лишь отдельные, отрывочные сведения.

Омсбоновские отряды в течение зимы 1941–1942 годов неоднократно направлялись также в распоряжение командующих фронтами и армиями для выполнения конкретных заданий непосредственно на фронте.

Командовавший в начале 1942 года Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков высоко ценил действия омсбоновцев, оказывавших фронту существенную помощь.

На следующем этапе войны, когда определился решающий перевес сил на стороне Красной Армии и стратегическая инициатива целиком перешла к ней, отпала необходимость в непосредственном участии формирований ОМСБОНа во фронтовых операциях.

После Курской битвы помощь ОМСБОНа армиям фронта выражалась главным образом в разведывательных и диверсионных действиях его отрядов в тылу врага. Вместе с тем отряды ОМСБОНа по мере их соединения с наступавшими частями Советской Армии участвовали в решении боевых задач, в подавлении сопротивления окруженных немецко-фашистских частей, в разминировании освобожденных городов и населенных пунктов, в выявлении и обезвреживании вражеской агентуры.

Я знал многих чекистов, забрасываемых в тыл противника. Особенно хочется сказать о М. С. Прудникове. Я был знаком с ним еще до того, как его отряд перешел линию фронта. Это был опытный оперативный работник. Кстати, уже потом, когда я был зампредом КГБ, как-то вызвал его к себе (он еще служил в органах) и спросил, почему он не пишет мемуары. Я ему сказал: «Имея такой огромный жизненный опыт по работе органов госбезопасности в тылу противника, вы просто обязаны написать мемуары». Таким образом, сам того не ведая, я подтолкнул Михаила Сидоровича к написанию его замечательных книг.

В конце зимы 1941–1942 годов командование ОМСБОНа широко использовало для засылки в тыл врага суражские или витебские ворота — лесной коридор на участке армий Калининского фронта, ведущий в лесные массивы Витебщины и северной Смоленщины.

Этим путем, проложенным разведчиками 4-й ударной армии и партизанами, прошли многие омсбоновские отряды. Многие из них находились в тылу врага долгие месяцы, годы, вырастая в бригады и соединения.

Не приходится доказывать, что своевременный учет этих недостатков и упущений способствовал бы более успешным

действиям спецотрядов и групп ОМСБОНа в тылу врага и меньшим потерям.

Но в целом, как отмечали командование и штабы ОМСБОНа и фронтов, командиры спецотрядов и спецгрупп успешно справлялись с поставленными перед ними задачами, а их личный состав проявлял сплоченность, выдержку, энергию, мужество и отвагу.

К лету 1943 года резко возросло количество отрядов и групп бригады, действовавших на оккупированной территории. Некоторые из них, как уже отмечалось, разрослись в бригады и соединения. Состав других, как диктовал характер их задания, оставался стабильным и не превышал 25–30 человек. Обычной стала посылка спецгрупп в составе опытных разведчиков, диверсантов, радистов, минеров в крупные партизанские соединения для обучения партизан и оказания им помощи в выполнении наиболее ответственных заданий.

При переправке отрядов в тыл врага все чаще стали прибегать к помощи авиации. Самолеты чаще стали совершать посадки в расположении отрядов Медведева, Градова, Шестакова, Лопатина. Омсбоновцы пользовались также аэродромами соединений Ковпака, Федорова, Сабурова. Авиация давала возможность для организации смены личных составов отрядов; вызова командиров и комиссаров в Москву для отчетов, обмена информацией, инструктажей; посещения представителями командования ОМСБОНа и его штаба отрядов на местах и оказания им помощи; доставки на Большую землю раненых, военнопленных, важных документов и т. д.

Возможность переброски раненых в Москву имела принципиальное значение, так как обеспечение нормальных условий для хирургического вмешательства и лечения укрепляло моральный дух бойцов отрядов и спецгрупп. В то же время эвакуация раненых увеличивала маневренность и дееспособность отрядов.

Все более весомым становился вклад омсбоновцев в общее дело борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в тылу врага. Начальник Центрального штаба партизанского движения генерал П. К. Пономаренко писал, что большинство спецотрядов, спецгрупп, действовавших в тылу немецко-фашистских войск, было создано в ОМСБОНе и что превращение их в крупные отряды и соединения «способствовало росту партизанского движения, а также в огромной степени расширяло возможности для разведывательной и контрразведывательной работы». Оценивая боевые заслуги воинов ОМСБОНа, П. К. Пономаренко писал далее: «Эти кадры бесстрашных организаторов и бойцов-

чекистов сыграли значительную роль в развитии всенародной борьбы в тылу противника».

Летом 1943 года значительно расширилась география действий омсбоновских отрядов и групп в тылу врага. Они сражались теперь не только в Белоруссии и на Украине, но и в Крыму, Молдавии, Прибалтике, а с начала 1944 года — на территории оккупированных стран Восточной Европы.

Когда по заданию Верховного Главнокомандующего или командования фронта намечались крупные наступательные операции, Центральный штаб партизанского движения для оказания помощи фронту привлекал отряды ОМСБОНа.

ОМСБОН — это часть партизанского движения. И когда я встречаюсь с ветеранами этого соединения, я им всегда об этом говорю. Я утверждаю, что партизанское движение — это явление всенародное, почетное место в котором занял ОМСБОН.

С ветеранами ОМСБОНа я поддерживаю очень близкие отношения. На протяжении многих лет омсбоновцы приглашают меня на празднование Дня Победы и наших совместных юбилеев.

У меня дома часто бывали и бывают бывший комиссар отряда «Неуловимые» Б. Л. Глезин, боец отряда «Решительный» академик А. И. Зевелев, боец «Неуловимых», председатель Совета ветеранов ОМСБОНа Е. А. Телегуев и другие.

Глава 8
Партизанская разведка

Разведывательная деятельность партизан в годы Великой Отечественной войны, насколько я знаю, еще не получила достаточно полного освещения в трудах российских и зарубежных историков. Но, судя по уже опубликованным работам, создается впечатление о масштабности и стратегической важности партизанской разведки.

Будучи заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения, Вы курировали именно деятельность партизанской разведки. Я думаю, что Вы более, чем кто-либо, компетентны в этой сфере. Хотелось бы услышать от Вас о том, что представляла собой партизанская разведка, какие задачи ставились перед ней, в какой мере разведка партизан влияла на ситуацию на фронтах и т. д.

Помимо этого, было бы интересно узнать, какие способы разведывательной работы использовали партизаны, какую помощь они оказывали разведывательным органам Красной Армии, действовавшим в тылу врага, а также о недостатках, если они были, и неиспользованных возможностях партизанской разведки.

Опыт всех стран показывает, что как бы ни была подготовлена и вооружена армия, без хорошо поставленной разведки она не сможет успешно выполнить свои задачи. Разведка стала неизменным и важнейшим спутником войны, и ее не без основания стали считать ключом к победе.

Добыть сведения о противнике и скрыть от него свои силы и намерения — эта основная задача разведки оставалась неизменной во все времена, хотя организация и методы ее работы изменялись и совершенствовались вместе с развитием военного дела. Под разведкой в общем смысле понимают совокупность мероприятий, осуществляемых государственными органами в мирное и военное время с целью добывания сведений об экономическом и политическом положении других государств и состоянии их вооруженных сил.

В более узком, военном, смысле разведка является важнейшим видом боевого и оперативного обеспечения войск и заключается в сборе сведений о войсках противника, местности и других данных, необходимых для успешного ведения войны, операции, боя.

Разведка организуется и проводится всеми видами

вооруженных сил и родами войск.

Вторая мировая война характеризовалась колоссальной численностью и подвижностью участвовавших в ней вооруженных сил. Борьба происходила на огромных пространствах. Огромные армии благодаря моторизации обладали способностью к быстрому маневрированию, к созданию в ходе операций крупных группировок в самые короткие сроки и на различных направлениях. В этих условиях разведывательная работа чрезвычайно усложнилась и превратилась в первостепенный фактор ведения войны.

Причина провала германской разведки и успехов разведки союзников крылась не в неспособности одних руководителей разведки и в талантах других. Она заключалось и в освободительном, прогрессивном характере войны, которую вели союзники против фашистской Германии, и в том, что эта война опиралась на сочувствие и поддержку сотен миллионов людей во всем мире, и в том, что на разведку союзников работали не платные агенты-предатели, что было неизбежным уделом германской разведки, а целые армии движения Сопротивления во всех странах, партизан и подпольщиков в Советском Союзе.

Разведывательная работа советских партизан в первый год войны

Партизанская разведка стала эффективной не сразу. В 1941 году и в начале 1942 года практически все партизанские отряды вели разведку в своих интересах, и лишь сравнительно небольшое количество партизанских отрядов и групп, партизанов-разведчиков, подпольных организаций и их агентов вело разведку для армии. Этот период помимо развития и роста партизанского движения и разведывательной работы партизан характерен и ошибками в организации и проведении этого дела.

Крупнейшим недостатком начального периода являлась чрезвычайно слабая радиосвязь с партизанскими отрядами. Она в это время не получила еще своего развития. Самолеты в тылу в это время садились очень редко. Голубиная почта отсутствовала вовсе. Оставались одни курьеры, которые должны были переходить линию фронта. С момента выхода курьера из партизанского отряда до его прибытия в штаб партизанского движения и даже в штаб дивизии проходило от одной недели до месяца. При таких сроках доставки разведданные, имевшие оперативный интерес, старели и теряли свое значение, а иногда вовсе пропадали.

Курьеры проносили через линию фронта данные о военном, экономическом и политическом положении на оккупированной территории, сведения о мероприятиях противника в полосе фронта и в глубоком тылу и т. д.

Однако такой связи было недостаточно, чтобы обеспечить эффективность разведывательной работы в условиях Великой Отечественной войны.

Другим недостатком было то, что партизаны в этот период имели слабую связь с крупными городами, где были штабы и учреждения врага, где вынашивались его замыслы и через которые непрерывным потоком шли вражеские людские силы и материальные ресурсы.

Ошибка некоторых руководителей подпольных организаций и партизан состояла в том, что они легко заводили большое количество агентов-разведчиков среди патриотически настроенных советских граждан, но не вели сложной работы по внедрению своих агентов в места, где их работа являлась бы наиболее ценной и где она была связана с большими трудностями.

Отсутствием разведывательного опыта в начальный период можно объяснить то, что многие захваченные немецкие документы сжигались партизанами, агентами и подпольщиками, часто не имевшими представления их ценности.

Сообщения о важнейших данных, добытых ценой большого труда и риска, иногда присылались по неопытности в бесполезном виде. В разведку включились сотни тысяч патриотов, готовых на все во имя советской Родины, но у них не было опыта и навыков этой работы. Многие разведчики в начале войны, наблюдая в течение дня все новые и новые войска противника, не только не могли подсчитать их, но даже теряли всякое представление об их количествах и писали в донесениях иногда фантастические вещи.

Эти трудности были преодолены довольно быстро. В отряды и бригады направлялись опытные разведчики, в большей степени чекисты, шел в больших масштабах инструктаж партизан и жителей по вопросам разведывательной работы, разрабатывались ясные и точные директивы о ее способах и задачах. Вскоре выковались кадры превосходных разведчиков и руководителей разведки из партизан.

Развитие разведки советских партизан и подпольщиков в ходе войны, задачи и организация работы

Расширяясь, партизанское движение накапливало опыт. Для бесчисленных партизанских отрядов, бригад, соединений, партийных, комсомольских и антифашистских подпольных организаций разведка становилась огромной необходимостью. Непрерывно расширялась и квалифицировалась разведывательная работа для Красной Армии.

Партизаны и подпольщики, опираясь на традиции большевистского подполья, выработали наиболее эффективные методы разведки.

Центральный комитет ВКП(б) и Ставка Верховного Главнокомандования уделяли огромное внимание развитию народной борьбы в тылу врага, особенно разведывательной работе, ставили задачи в данной области и указывали способы организации этой работы и методы ее ведения.

1 сентября 1942 года во время приема группы командиров партизанских отрядов и организаторов партизанского движения И. В. Сталин указал на что, что советские партизаны действуют при поддержке миллионов советских людей, а значит, имеют прекрасные возможности для разведывательной работы, могут и должны оказать неоценимую помощь Красной Армии в разгроме врага.

Указывалось, что партизаны должны вести разведку передвижения войск противника, добывать сведения об их складах, аэродромах, технике, а также о настроении у солдат и офицеров (о чем говорят, что собираются делать, какие строят планы).

Говорилось о необходимости везде заводить свою агентуру из преданных людей, которые должны были только вести наблюдение и обо всем сообщать, больше ничего не делая. Надо было проникать в учреждения, организации, штабы врага и органы власти. Для этого требовали заводить и усиливать связи в городах, через которые проходили коммуникации, шло движение войск, где находились учреждения и штабы и где ковались замыслы врага. Подчеркивалось, что нельзя забиваться только в лес —. многое оттуда не увидишь. Задачи и принципы разведывательной деятельности партизан были изложены в знаменитом приказе № 00 189 от 5 сентября 1942 года, ставшим программой партизанского движения Великой Отечественной войны.

Было принято решение руководство разведывательной работой партизан в тылу врага сосредоточить в одних руках, в штабах партизанского движения. Решением Государственного Комитета Обороны в Центральном штабе, республиканских, фронтовых и областных штабах партизанского движения были

образованы разведывательные отделы.

Специальным приказом Верховного Главнокомандующего исходя из опыта движения были назначены заместители командиров по разведке во всех партизанских соединениях, бригадах и отрядах. Этим приказом была дана полная и стройная организация партизанских разведывательных органов в тылу врага. С этого времени начался огромный и неуклонный размах партизанской разведки и рост качественных показателей ее работы.

Среди обязанностей заместителя командира по разведке были подбор и внедрение агентуры, вся практическая работа с нею, систематическое совершенствование разведывательной работы и непрерывное ее расширение, получение разведывательных данных, их отбор, первичная обработка, дополнительная в случае нужды проверка и представление разведывательных данных по назначению.

Заместитель командира по разведке и его помощники — это люди, которые должны были знать о. враге все, что необходимо для боевой деятельности, передвижения, расположения и отдыха партизанских отрядов.

Заместитель командира отряда по разведке руководил также и контрразведывательной работой партизан, сводившейся в основном к предотвращению проникновения в отряды агентуры врага, ее разоблачению, а также выявлению подготавливавшихся вражеских агентов для заброски в советский тыл.

Заместитель командира партизанского отряда по разведке стал одной из важнейших фигур в движении, от его работы во многом зависел не только успех боевой деятельности, а порой и само существование отряда.

Разведка партизан и подпольных организаций осуществляла: установление точного месторасположения, наименования и нумерации войск и штабов врага, а также учреждений и органов оккупационных властей; наблюдение за передвижением войск и грузов противника по железным и фунтовым дорогам, выяснение численности, рода войск и нумерации частей, количества и характера боевой техники, направления движения и времени следования; установление мест расположения аэродромов противника, количества и типов самолетов, постоянно или временно базировавшихся на конкретном аэродроме, аэродромного оборудования, вспомогательных и специальных автомашин, запасов горючего и масла, а также наземной и противовоздушной обороны аэродромов; установление в городах и крупных населенных пунктах количества войск в гарнизонах, численности по родам войск, наименования, нумерации,

командования, системы противовоздушной обороны войск, складов и мастерских военной промышленности, высшей военной и гражданской администрации; выяснение сведений об оборонительных рубежах, уже построенных и строившихся, их оборудовании в инженерном отношении, вооружении, фиксирование результатов бомбардировок нашей авиации; установление расположения крупных складов боеприпасов, горючего, продовольствия, определение ориентиров, по которым авиация могла бы их обнаружить с воздуха, несмотря на маскировку; установление и захват образцов новых видов вооружения; наблюдение за складами отравляющих веществ, за подготовительными мероприятиями врага к газовой войне, захват образцов отравляющих веществ, противогазов и других защитных средств; метеорологические наблюдения на оккупированной территории.

Партизанская разведка охватывала все виды деятельности вражеской армии, все военные, политические и экономические мероприятия оккупационных германских властей. Она часто раскрывала замыслы противника в самом зародыше и оказывала тем самым неоценимую услугу Родине.

Верховное Главнокомандование Красной Армии, штабы фронтов, армий и соединений, а также разведывательные органы Вооруженных Сил СССР получали от советских партизан систематическую информацию стратегического значения.

Центральный штаб партизанского движения, получавший из тыла посредством более 400 радиостанций огромную разведывательную информацию, выпускал ежедневно на ее основе сводку большого объема и отправлял в Ставку Верховного Главнокомандования, Генштаб, штабы фронтов и в разведывательное управление.

Попытка Центрального штаба уменьшить объем сводки путем отбора и обобщения материала вызвала резкое нарекание Ставки, потребовавшей присылать всю сводку полностью, независимо от ее объема. Такая заинтересованность Ставки подтверждала ценность разведывательной работы партизан.

Разведка намерений противника

Разведка являлась важнейшим средством всех видов политической и иной деятельности партизанских отрядов и соединений и их безопасности в любых условиях. Успех любой партизанской операции (засада, нападение на гарнизон и штаб врага, крупная диверсия, уничтожение вражеских генералов

высшей администрации и их ставленников) мог быть достигнут только в связи с всеобъемлющей разведкой партизан. Непрерывная и глубокая разведка — это то, без чего партизанский отряд не мог ни существовать, ни бороться успешно с противником.

Суровая действительность заставила понять не только командный и политический состав, но и всех партизан, что без непрерывной и тщательной разведки партизанский отряд слеп, подвержен всяким случайностям с риском быть неминуемо разбитым или захваченным врагом.

Поэтому разведке сил и намерений врага придавалось исключительное значение. Организация разведки была первейшей обязанностью командира отряда во всех условиях, перед операцией, во время операции, после операции, до, во время и после марша, на отдыхе и т. д.

Качество работы штаба бригады или отряда определялось умением организовать разведку для подготовки и проведения операции и охраны партизан. Партизаны вели разведку непрерывно и круглосуточно. Если отряды или бригады располагались на значительных расстояниях друг от друга и не имели соседей, то разведка, как и охрана, велась по всем направлениям, т. е. была круговой. Если несколько отрядов или бригад располагались вблизи друг друга и зона, разделяющая их, не контролировалась противником, то разведка координировалась. Каждый отряд получал определенный сектор разведки.

Агенты партизан находились во всех селах и городах, гарнизонах и учреждениях противника. Разведывательные группы партизан всегда располагались в 1–2 километрах от интересующих их населенных пунктов и гарнизонов врага и до 25 километров от своих отрядов или бригад. Зоркий глаз партизанской разведки просматривал все дороги, тропы, переправы, просеки и т. д.

Партизаны знали почти все и почти обо всем. Сотни тысяч глаз со всех сторон наблюдали за немцами и доносили об их положении, силах, действиях и намерениях.

Все сведения, добывавшиеся разведкой партизан для Красной Армии, годились и для нужд самих отрядов, но собственная разведка была гораздо шире и детальнее. Отряд должен был знать все действующие против партизан части, расположение их штабов, вооружение, связи, все силы местных гарнизонов, местной полиции, занятые ими дома, все рубежи местной обороны, замыслы и планы врага в отношении партизан вообще и

отряда в особенности, места отдыха, способы охраны, подходы к гарнизонам и пунктам, минные поля, возможных агентов врага — трудно перечислить то, что должен знать партизанский отряд, чтобы быть неуязвимым самому и лишать врага покоя и днем и ночью.

Прибытие, например, на определенный участок новой дивизии врага, установленное партизанами, интересовало командование Красной Армии и партизан, а сообщения агента о том, что в селе Заозерье немецкий гарнизон составлял 19 человек плюс 10 местных полицейских, или к кому в гости ходил начальник полиции и куда бургомистр ездил за взятками, и т. д. и т. п., конечно, советское командование не интересовали, а для партизанской разведки подобные сведения были неоценимы.

Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, Украинский, Белорусский и другие штабы партизанского движения сосредоточивали данные о неприятельских силах, действовавших против партизан, составляли общую картину борьбы, обобщали ее способы, своевременно предупреждали партизанские бригады и отряды о действиях противника, и, снабжая их информацией, полученной на других участках, о движении в те или иные районы новых сил и т. д., обобщали способы борьбы и предупреждали партизан, еще не сталкивавшихся с теми или иными приемами.

Партизанская разведка полностью вскрыла численность и дислокацию полицейских, охранных, жандармских и других частей и соединений, предназначенных для борьбы с партизанами и населением; полностью была осведомлена о расположении их штабов, передвижении, потерях и пополнении частей солдатами и офицерами, вооружении и боеприпасах.

В огромном количестве случаев разведка выведывала намерения противника в отношении партизан и населения, узнавала о планах и намечаемых операциях, благодаря чему захватчики терпели поражение, партизаны выходили из-под ударов, население спасалось от уничтожения.

Противник ощущал на себе результаты действий партизанской разведки и трезво оценивал ее значение, о чем говорят бесчисленные приказы и указания по этому поводу. Вот некоторые из них.

Штаб 2-й немецкой танковой армии в специальном приказе от 30 января 1942 года так описывал разведывательную деятельность партизан: «По данным нашей разведки известно, что теперь, как и раньше, осуществляется тесное взаимодействие партизан с частями Красной Армии. Русские регулярно получают подробные сведения от партизан о начертании немецкого

переднего края, о занятии отдельных населенных пунктов, о местонахождении штабов, виде, размахе и направлении движения, количестве и вооружении отдельных войсковых частей. Огромная опасность такого вида деятельности партизан вполне ясна».

В директиве Венгерского королевского генерального штаба «Об опыте текущей войны», опубликованной в 1942 году, говорилось: «Весьма развитая разведывательная и информационная служба и связь партизан действуют чрезмерно быстро и отлично. О событиях на фронте, как это установлено, они часто узнают раньше, чем тыловые охранные войска оккупированных территорий. Однако даже наималейшее движение последних не остается в тайне для них».

В приложении к особым распоряжениям по разведслужбе Главного командования немецкой армии за № 51 от 6 сентября 1942 года отмечалось: «У партизан прекрасно организована разведслужба. Уже через три дня после начала операции партизаны были информированы о боевом составе и дислокации действовавших частей».

Командующий 3-й танковой армией в донесении № 1200 от 29 февраля 1944 года сообщал в Ставку: «Центр тяжести в партизанской деятельности состоял в наступательных атаках партизан на немецкие опорные пункты, причем местность ими была до подробности изучена, силы и род охраны выяснены».

Оценивая таким образом разведывательную работу советских партизан, захватчики тем не менее не чувствовали ее полного размаха и значения.

Повседневная разведывательная работа партизан и подпольных организаций, сливавшаяся в огромный поток разведывательной информации, позволявшей сделать необходимые обобщения и выводы, дополнялась значительным количеством захваченных документов противника, представлявших неоценимое значение.

Украинские партизаны в 1942 году захватили директиву главного начальника СС и полиции на Украине, подписанную начальником штаба Мюллер-Брункхорстом. В ней были указаны организация, состав и дислокация полицейских частей, боровшихся против партизан и подпольных организаций на Украине, по состоянию на конец июля 1942 года.

Партизаны захватили также документы, раскрывавшие численность и организацию находившихся на Украине управления полиции и СС Кубани, управления СС и полиции города Симферополя, команды охраны для города Орджоникидзе,

полицейских частей для Северного Кавказа, полицейских частей для Калмыкии.

Это было выдающимся достижением разведки украинских партизан, раскрывших организацию и численность полицейских сил не только на Украине, но и в ряде других областей, в том числе подготовленных для еще не оккупированных областей. На основании этих данных Центральный штаб партизанского движения смог ориентировать руководящие органы ряда областей, какие полицейские силы прибудут туда в случае оккупации.

Белорусской партизанской бригадой «Железняк» был захвачен в плен начальник связи полицейского полка СС Иохим Рехберг. У него была изъята кодовая таблица руководителя СС и начальника полиции центральной России и Белоруссии — ценнейший разведывательный документ. Таблица представляла собой список действовавших против партизан команд охранной полиции, полицейских бригад, полков, отдельных батальонов СС, учреждений и организаций врага с их условными кодовыми названиями. Она дала возможность установить структуру полицейских эсэсовских частей и соединений, боровшихся против партизан, их нумерацию, определять, от кого и кому исходит дешифрованная нашими органами переписка, установить характер этих частей и их технические средства.

С помощью таблицы впервые была установлена организация полицейского полка. Полицейский полк СС состоял из 3 батальонов, роты связи, оружейной батареи и танковой роты. Были установлены специальные полицейские танковые роты, моторизованные жандармские взводы, отдельные артиллерийские полицейские дивизионы, голубиные станции в Могилеве и Минске.

10 августа 1943 года на станцию Авраамовская (60 км восточнее города Мозырь) белорусскими партизанами был разгромлен венгерский гарнизон, состоявший из штаба и подразделений 9-го рабочего батальона Венгерской армии. Было захвачено более 150 солдат и офицеров, а также важнейшие оперативные документы.

Обшая численность союзных войск Германии и иностранных легионов, боровшихся против советских партизан, соответствовала более чем 70 дивизиям. Все подсчеты, производившиеся ранее, в особенности во время войны, основывались на неполных данных необработанных материалов, поэтому ошибочны.

Против советских партизан действовали некоторое время и так называемые восточные формирования, в том числе РОА

(«Российская освободительная армия») бывшего советского генерал-лейтенанта А. А. Власова и восточные легионы.

Разведка состава и дислокаций соединений и частей противника

Среди всех видов разведки партизанская разведка в деле установления дислокации и состава соединений и частей, действующих на советско-германском фронте, играла основную и главную роль. Как правило, партизанской разведкой, наряду с ее другими видами, устанавливались и подтверждались все соединения и части германской армии и ее союзников, прибывавшие на восточный фронт.

Летом 1942 года перед советскими фронтами было установлено 240 дивизий противника: немецких — 179, румынских — 22, финских — 14, венгерских — 13, итальянских — 10, словацких — 1, испанских — 1.

На 1 июля 1943 года перед Советскими фронтами было установлено 245 дивизий противника, в том числе: немецких — 211, финских — 20, румынских — 9, венгерских — 3, словацких — 1, испанских — 1.

Последующие послевоенные данные разведки подтвердили точность этих сведений с небольшими отклонениями.

Под постоянным наблюдением партизанской разведки находилось не менее 2500 крупных и средних гарнизонов противника, все узловые и крупные станции и все без исключения коммуникации.

Большую роль сыграла партизанская разведка в установлении на территории Германии и оккупированных ею стран количества соединений и частей противника, их дислокации, характера и состава.

Захват пленных, курьеров и документов, сообщения перебежчиков, засылка агентов и т. п. позволяли разведке партизан заглядывать в глубь территории врага и в оккупированные им страны.

Было разведано, что на 1 июля 1943 года, помимо Восточного фронта, в Германии и оккупированных ею странах находилась 91 дивизия, из них: в Норвегии— 12, Австрии — 4, Дании — 1, Голландии — 2, Польше — 6, Бельгии — 4, Югославии — 9, Франции — 29, Греции — 4, Германии — 13.

Партизанская разведка установила дислокацию и состав резервных соединений и запасных частей неприятельской армии, расположенных непосредственно в Германии. Так, были

установлены пехотные, кавалерийские, артиллерийские, саперные, авиационные, железнодорожные, строительные и другие запасные полки и батальоны в Мюнстере, Кобленце, Вене, Бадене, Оснабрюке, Брауншвейге, Люксембурге, Бунцлау, Альтенбурге, Зоммерфельде, Кельне, Раштенау, Эслингене, Шваненбрюке, Лежене-на-Рейне, Хемберштадте, Арноберге, Браунсберге, Миндене, Ронингене, Анстахе, Херфорде, Констанце и других местах.

Вскрытие перегруппировок и крупных сосредоточений вражеских войск

От партизанской разведки не укрывалось ничего, что касалось сосредоточения или передвижения немецко-фашистских войск. Стоило только немецкой дивизии, следующей на Восточный фронт, показаться головными эшелонами из-за Варшавы или Кенигсберга, партизанская разведка уже наблюдала ее и систематически доносила о ее следовании, а также о месте разгрузки.

20-я немецкая механизированная дивизия была на автомашинах переброшена из района города Рославль на киевское направление. 27 ноября 1944 года она вступила в бой, а 28 ноября в районе Юшки (8 км северо-западнее Ртищево) из разведотдела дивизии был уже захвачен пленный, подтвердивший эту переброску.

По показаниям захваченного партизанами в плен немецкого обер-ефрейтора было установлено, что 22 и 23 марта 1943 года по железной дороге через Жлобин на Новгород-Северский проследовала 3-я горнострелковая дивизия в составе 126-го и 138-го пехотных полков, приданного им артиллерийского полка, саперного батальона и батальона связи. Дивизия на 90 процентов укомплектована австрийцами, остальные — немцы. Командный состав, начиная с командира роты и выше, — исключительно немцы. Ранее дивизия участвовала в боях в районе городов Мурманск, Волхов, Великие Луки.

Партизанская разведка отмечала крупные перевозки частей, боевой техники и боеприпасов в период подготовки германской армии к летнему наступлению с орловского плацдарма против нашей Курской дуги.

В ходе наступательных боев Красной Армии в 1943–1944 годах партизаны систематически устанавливали рокировку дивизий противника. Ими же в 1943 году были установлены

вывод из первой линии управления 2-й танковой армии и переброска управления в Западную Европу.

Наибольшую активность партизанская разведка проявила в период подготовки Красной Армии к полному освобождению территории Белоруссии. Только за первое полугодие 1944 года, т. е. до момента перехода в наступление 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов Красной Армии, было установлено более 220 скоплений вражеских войск численностью от 1000 до 36 000 человек, что составляло в общей сложности 550 000 человек, подготавливавшихся вражеским командованием для ввода в бой или замены частей, уже участвовавших в боях против Красной Армии.

В этот период большое значение для командования Красной Армии имели отмеченные партизанской разведкой сосредоточения и переброски войск противника из состава группы армий «Север» через брестский железнодорожный узел в Венгрию и Румынию. Были отмечены переброски с могилевского и бобруйского направлений на витебское трех немецких пехотных дивизий (167-я, 263-я и 131-я) и с правого фланга 4-й немецкой армии двух пехотных дивизий (52-я и 197-я) в районе западнее Витебска, а также с витебского направления двух пехотных и одной танковой дивизии.

Всего за этот период было взято партизанской разведкой под наблюдение 26 пехотных дивизий и отдельных полков и 5 танковых дивизий и бригад, перегруппированных германским командованием на центральном участке фронта.

Примером значительной и точной работы партизанской разведки является обнаружение передислокации немецкой 6-й пехотной дивизии.

По данным штаба Западного фронта, на вторую половину мая 1943 года значилось, что 6-я пехотная дивизия противника обороняла участок автострады Ярцево — Вязьма. Однако 18 мая 1943 года в районе юго-западнее города Людиново брянскими партизанами была захвачена почта, принадлежавшая 58-му пехотному полку 6-й пехотной дивизии.

20 мая 1943 года в районе населенных пунктов Косилов, Любяжка, Путь культуры у убитых партизанами немцев были изъяты документы 58-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии. Агентурными данными партизан было установлено, что 6-я дивизия прибыла из района Смоленска.

Совокупность этих данных не оставляла никаких сомнений в том, что данная дивизия в районе Ярцево сменена другими частями. Разведывательные данные партизан о 6-й пехотной дивизии и сделанные выводы Центрального штаба партизанского

движения были включены в разведсводку. Однако разведотдел штаба Западного фронта отнесся с недоверием к этим данным и доложил об этом командующему фронтом.

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин вызвал начальника Центрального штаба партизанского движения и заявил, что командующий Западным фронтом считает данные партизан о передислокации 6-й пехотной дивизии неверными и дезориентирующими. И. В. Сталин потребовал уточнения этих данных и порекомендовал проявлять большую разборчивость при оценке разведывательных данных партизан.

В свою очередь, Центральный штаб партизанского движения потребовал от партизанских отрядов и бригад строгой проверки данных, касающихся 6-й пехотной дивизии.

Брянские партизаны представили дополнительные документальные показания пленных о передислокации этой дивизии. Они прислали оперативную карту 58-го полка 6-й пехотной дивизии, захваченную партизанами 27 мая, из которой было видно, что в боях против партизан участвовала 6-я пехотная дивизия в полном составе. Операция дивизии против партизан рассчитывалась на 6 дней.

4 июня 1943 года разведкой украинских партизан было установлено, что 6-я пехотня дивизия из района Орджоникидзеграда выбыла в направлении Рославля и далее на юг по Мглинскому шоссе. Это уже развеяло остатки сомнений, и начальник ЦШПД П. К. Пономаренко официально подтвердил факт передислокации 6-й пехотной дивизии.

Получив подтверждение, командующий Западным фронтом приказал забросить в тыл врага сильную войсковую разведывательную группу для проверки этого факта и, если он подтвердится, установить, какими же частями обороняется автострада на участке, где, по данным штаба, находилась 6-я пехотная дивизия.

29 мая на этом участке автострады разведывательной группой были захвачены пленные, которые показали свою принадлежность к 95-й пехотной дивизии и заявили, что в ночь с 3 на 4 мая 1943 года они сменили 6-ю пехотную дивизию, убывшую в неизвестном для них направлении.

Характерным примером партизанской разведки может служить обнаружение переброски 223-й немецкой пехотной дивизии с мглинского направления Ленинградского фронта через Новоржев — Идрицу на полтавское направление.

Партизанская разведка сообщила, что с 25 по 30 мая 1943 года от станции Дно на Чихачево проследовали 224 вагона с войсками противника. 16 июня 1943 года партизаны сообщили о

сосредоточении в районе юго-западнее Новоржева дивизии противника неустановленной нумерации. Вскоре в этом районе партизаны подобрали солдатскую книжку, принадлежавшую немецкому солдату 425-го пехотного полка 223-й пехотной дивизии, а 11 июля партизаны захватили в этом же районе пленного из 344-го полка 223-й пехотной дивизии. На допросе солдат подтвердил переброску 223-й пехотной дивизии с мглинского направления.

Далее было установлено, что с 16 по 19 июля от города Локня на город Опочка прошла пехотная дивизия неустановленной нумерации. В период с 1 по 4 августа соединение неустановленной нумерации прибыло в район Идрицы. Вскоре партизанами было установлено наличие 223-й пехотной дивизии со штабом в Идрице. Они же установили 11 августа уход дивизии из этого района.

В середине августа эта дивизия появилась на полтавском направлении. Пленные, захваченные 15 августа в районе города Богодухов, показали весь путь дивизии, подтверждающий сообщения партизан полностью.

Дивизия, показали пленные, прибыла на Восточный фронт в ноябре 1941 года и действовала южнее Ладожского озера до апреля 1943 года. 9 апреля 1943 года дивизию направили в район Идрицы для борьбы с партизанами, развившими там большую деятельность. 14 августа 1943 года дивизия была погружена в железнодорожные эшелоны и отправлена на полтавское направление по маршруту Идрица — Люблин — Мозырь — Полтава.

Следует отметить, что разведотдел Ленинградского фронта до начала июня числил 223-ю пехотную дивизию на переднем крае, не считаясь с совершенно достоверными донесениями партизан.

Крупнейшее достижение разведки партизан — вскрытие германского плана отхода войск под давлением Красной Армии зимой 1943 года на московском направлении.

13–15 февраля 1943 года Центральным штабом партизанского движения были получены от калининских и белорусских партизан сообщения, основанные на показаниях захваченных пленных, разговорах немецких солдат между собой и с населением, на наблюдении мероприятий военных и оккупационных властей, о предполагавшемся в ближайшие дни, по приказу Гитлера, отходе германских войск на запад (на московском направлении — на 100 км, на брянском — на 200 км, южном — 300 км). Это сообщение, переданное в Ставку

Верховного Главнокомандования Красной Армии, вызвало там большой интерес. События полностью подтвердили данные партизанской разведки.

В ночь на 2 марта противник на оленинском направлении начал отвод на юг соединений 23-го корпуса, на ржево-сычевском направлении на запад и юго-запад 72-й и 95-й пехотных дивизий, на направлении Вязьма — Рославль на запад (свыше 100 км) 260-й и 183-й пехотных дивизий. На ржевском направлении начался отход главных сил 27-го корпуса в южном и юго-западном направлениях. В следующие дни подтвердился отход других соединений германской армии.

Таким образом, партизанская разведка сообщила советскому командованию точные сведения о предполагавшемся отходе немецко-фашистских войск на Центральном направлении за 18 дней до начала отхода.

В партизанскую бригаду Захарова (Освейский район Витебской области) поступили сообщения от партизанской агентуры о том, что в городе Дрисса (ныне Верхнедвинск) среди немецких солдат офицеры проводят беседы на тему «На каких условиях Германия хотела бы заключить мир с Советским Союзом» и при этом демонстрируют географические карты.

Партизаны провели операцию и захватили в городе Дрисса немецкого фельдфебеля с картой. Карта была издана литографским путем в количестве 20 тысяч экземпляров. На ней были нанесены желательные для Германии границы с Советским Союзом. С Финляндией предусматривались старые границы 1940 года, а далее они шли по Чудскому и Псковскому озерам, г. Остров (исключительно), г. Себеж (исключительно), через г. Дрисса, г. Докшицы (включительно), г. Борисов (исключительно), г. Лунинец (включительно), г. Сарны (включительно) и поворот линии на восток — г. Ельск (исключительно), г. Носовка (включительно), г. Прилуки (исключительно), г. Ахтырка (исключительно), г. Красноград (исключительно), г. Лозовая (исключительно), г. Мариенфельд (включительно), г. Осипенко (исключительно).

По карте большая часть Белостокской области отходила к Восточной Пруссии, Бессарабия — к Румынии, остававшиеся у немцев Прибалтийские республики и часть Белоруссии образовывали рейхскомиссариат «Остланд», а часть Украины — рейхскомиссариат «Украина».

Подобными картами были снабжены все офицеры и фельдфебели, проводившие беседы всюду.

20 декабря 1943 года карта была доставлена в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования.

Из факта издания такой карты и проведения бесед в войсках Германской армии следовало, что Германия окончательно похоронила надежды на свою победу. Это было вызвано и усталостью от войны, и ее безнадежностью, и все более овладевающим солдатами стремлением к миру.

Поэтому для поднятия боевого духа в германских войсках рекомендовалось проводить открытые беседы с солдатами и офицерами на тему: «На каких условиях Германия хотела бы заключить мир с Советским Союзом».

Издание карты и обсуждение этого вопроса потребовались германскому командованию, в известной степени, и для оправдания вынужденного отхода войск под ударами Красной Армии на рубежи, якобы выдвигаемые условиями для заключения мира.

Не исключалась и возможность, что германское командование рассчитывало на то, чтобы карта попала в руки советских людей и была представлена советскому правительству. Не являясь официальным документом, она в то же время как бы косвенно указывала на готовность германского правительства приступить к мирным переговорам.

Карта и связанные с ней обстоятельства интересны как свидетельство того, что противник в тот период уже понимал безуспешность войны, искал пути для выхода из нее, но при этом был не прочь извлечь некоторые преимущества на Востоке, используя оккупированные им значительные советские территории.

Последующие удары Красной Армии выбили эти иллюзии у германского командования.

Разведка новых видов вооружения и средств борьбы

Хотя немецко-фашистские войска и не применяли химических средств войны против Красной Армии, тем не менее, они постоянно держали свои части в боевой химической готовности и могли прибегнуть к этому способу ведения войны в любое время. Именно поэтому с особенной настойчивостью велась партизанами разведка химической подготовки противника.

Помимо выявления складов и баз с отравляющими веществами или военно-химическим имуществом партизанской разведкой в 1943 и 1944 годах отмечалось усиленное обучение гитлеровских войск средствам химической войны. Военнослужащие германской армии и чиновники из

оккупационных учреждений получили противогазы с новыми усовершенствованными фильтрами и произвели замену фильтров у противогазов старого образца. Офицеры войсковых немецких частей, специально выделенные для обучения химическому делу, совместно с военными врачами проводили занятия по изучению материальной части средств химической войны, проходили газоокуривание, изучали дегазацию и способы преодоления зараженной местности, тренировались в боевых действиях в противогазах.

Партизаны захватили несколько образцов немецких противогазов, находившихся на вооружении армии, предметы военно-химического имущества, образцы отравляющих веществ и документы по военно-химической подготовке. Все это доставлялось на самолетах через линию фронта и для дальнейшего изучения и анализа направлялось в Главное военно-химическое управление Красной Армии.

Разведка партизан активно занималась выявлением новых видов вооружения, появлявшихся у противника. Во второй половине июля 1943 года ею были установлены наличие на вооружении германской армии новых танков типа «Тигр» и «Пантера», их технические и тактические данные.

В середине июля в районе г. Пустошка Калининской области (ныне Псковской области) было установлено наличие бесшумного автомата. В партизанскую бригаду Гаврилова агентурой был доставлен немецкий солдат 3-го полка бранденбургской дивизии с таким бесшумным автоматом. По заданию ЦШПД в августе этот автомат был доставлен в Москву и передан артиллерийскому управлению.

27 июля 1943 года было установлено наличие во 2-м полку бранденбургской дивизии на вооружении 100-мм гаубицы выпуска 1943 года без откатных приспособлений. При выстреле ее отдача ослаблялась выходом газа через задний раструб. Скорострельность — 8 выстрелов в минуту, масса снаряда — 16 кг.

Партизанами была захвачена секретная инструкция по обращению с новым неприятельским средством борьбы с танками — так называемым «фаустпатроном-2». Вскоре после этого был захвачен пленный, который дал подробные показания об устройстве и действии этого патрона.

От белорусских партизан в конце 1943 года были получены разведданные о наличии в германской армии 10-ствольных минометов, снарядов реактивного действия 75 мм калибра и новых танков типа «Иста».

Одно из самых выдающихся достижений разведывательной

работы — раскрытие белорусскими партизанами изготовления и испытания немцами самолетов-снарядов и предполагавшегося обстрела Англии.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль в своих мемуарах писал, что экспериментальная работа по ракетным снарядам и самолетам-снарядам ввиду британских бомбардировок была перенесена немцами на территорию Польши:

«Там за ней пристально следили наши польские агенты. В середине января 1944 г. приступили к испытаниям нового оружия; наши агенты вскоре узнали его радиус действия и направление огня, но, конечно, ракеты ложились на расстоянии многих миль друг от друга. Германские патрули всегда бросались в том направлении, где они падали, и собирали осколки, но однажды одна ракета упала на берегу реки Буг и не взорвалась. Поляки попали туда первыми, столкнули ее в реку, подождали, пока немцы прекратят поиски, а затем вытащили ее и разобрали под покровом ночи. Когда эта опасная задача была выполнена, польского инженера подобрал в ночь на 25 июля 1944 г. английский самолет «Дакота» и доставил в Англию вместе с обширной технической документацией и важнейшими частями нового оружия, весившими более 100 фунтов. Этот отважный человек А. Косьян возвратился в Польшу и тут был схвачен гестапо и казнен в Варшаве 13 августа 1944 года»1.

Разведка советских партизан проникла в эту немецкую тайну гораздо раньше.

23 ноября 1943 года в партизанскую бригаду им. Фрунзе соединения В. И. Козлова партизанской агентурой был доставлен унтер-офицер германской армии М. Р.

М. Р. рассказал, что он в составе 4-й батареи 155-го артполка в местечке Бруснерорт на побережье Балтийского моря близ населенного пункта Пенемюнде (Германия) проходил обучение и занимался испытанием изобретенного немецкими инженерами нового оружия, предназначенного для разрушения британских городов и промышленных центров с далекого расстояния. Оружие называлось условно «Флак ценгельрот».

М. Р. сделал подробное описание оружия и установок для запуска, представил и изготовил схемы, позволявшие полностью определить характер, технические и боевые данные этого оружия. По сведениям пленного, батареи в полном составе после окончания испытаний начали отбывать на французское побережье. 4-я батарея, в которой служил М. Р., отбыла в город Сент-Омер, находящийся на побережье Ла-манша между Гавром и Кале.

Все эти сведения, чертежи и схемы, а также сам М. Р. были доставлены в Москву и переданы Главному артиллерийскому управлению.

Как показали дальнейшие события, все данные, добытые партизанской разведкой, были точными и давали правильное представление о немецких само1 Черчилль У. Вторая мировая война. Мемуары: В 6 т. — М.: 1955. — Т. 5. — С. 238. летах-снарядах, установках для их запуска, местах их применения, изготовления и т. д.

6 июля 1944 года У. Черчилль выступил в палате общин со специальным заявлением об этих самолетах-снарядах. В заявлении было указано, что британская разведка ранее получала неопределенные сообщения о том, что немцы работают над новым боевым дальнобойным средством для обстрела Лондона. Затем удалось обнаружить в Пенемюнде на Балтийском побережье главную экспериментальную станцию «летающих бомб». Черчилль сказал далее, что разведка обнаружила сооружения по запуску ракет дальнего действия на французском побережье между Гавром и Кале.

16 июля 1944 года британский министр Г. С. Моррисон заявил в палате общин, что Германия утром 13 июля начала применять против Великобритании управляемые на расстоянии самолеты-снаряды.

Вполне очевидно, что в предупреждении британцев о готовящемся обстреле сыграли роль разведывательные данные советских партизан. Во всяком случае, дальнейшие события и послевоенные данные подтвердили, что в ноябре 1943 года, за 7 месяцев до первого применения самолетов-снарядов против Великобритании, разведка советских партизан раскрыла это оружие — его боевые свойства и предполагавшееся применение.

Разведка оборонительных рубежей и сооружений

В период наступления и продвижения немецко-фашистских войск командование Красной Армии не проявляло внимания к рубежам и оборонительным сооружениям врага. Поэтому разведка партизан также не занималась сбором сведений о них.

После первого же поражения и бегства их из-под Москвы в германских войсках появились первые саперные части и началось возведение оборонительных сооружений.

После того как в ожесточенных боях 1942–1943 годов гитлеровцы потерпели крупнейшие поражения, особенно после

Сталинградской битвы, мощь их была подорвана и инициатива перешла к Красной Армии. Строительство оборонительных рубежей, укрепление городов и подступов к ним в германском тылу приобрело огромный размах на всей глубине вплоть до самой Германии. Целые саперные армии, миллионы пленных и мирных жителей были согнаны на эти работы.

Возводившаяся врагом система укреплений представляла собой опорные пункты и узлы сопротивления, соединенные между собой окопами и траншеями, которые, в свою очередь, были связаны ходами сообщения. Пункты и узлы сопротивления оборудовались дзотами, блиндажами и железобетонными огневыми точками. Для усиления многих участков обороны немцы применяли бронеколпаки и довольно часто вкапывали в землю танки, превращая их, таким образом, в доты.

В промежутках между узлами сопротивления строились отдельные полевые укрепления и противотанковые заграждения. Вся эта система предусматривала прикрытие фланкирующим пулеметным огнем с соседних опорных пунктов и огнем артиллерии из глубины. Если к этому добавить строительство и широкое применение противотанковых рвов, лесных завалов, надолбов, противопехотных препятствий и противотанковых минных полей, то станет совершенно очевидной вся мощь линий обороны противника, о которую, по мысли германского командования, должны были разбиться наступательные усилия советских войск.

Разведка партизанами оборонительных сооружений врага приобрела исключительное по важности значение. Она должна была облегчить наступательные действия Красной Армии и сократить неизбежные в боях на оборонительных рубежах потери.

Партизаны понимали, что чем шире и точнее их разведка обороны противника, тем меньше прольется крови советских людей, тем быстрее будет разгромлен враг. Партизаны с честью выполнили эту задачу.

Не было такого рубежа или линии обороны, о котором командование советских войск не получило бы подробнейших и исчерпывающих разведывательных данных от партизан.

Эти данные оказали неоценимую помощь Красной Армии в ее операциях.

Перед летним наступлением 1944 года 1-й, 2-й и 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты получили от партизанской разведки полные данные об укреплениях противника, составлявших в общей сложности линию обороны протяженностью около 2700 км.

Оборонительные укрепления противника, нанесенные партизанской разведкой в деталях на карты и схемы, серьезно помогли Красной Армии в успешном наступлении и полном освобождении территорий Украины и Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Высокую оценку своей работы партизанская разведка получила непосредственно от командования Красной Армии на фронтах. Например, разведчики партизанской бригады Кирпича в апреле и мае 1944 года разведали и составили план укреплений противника по реке Днепр на участке Орша — Трибухи общей протяженностью до 70 км с указанием всех огневых точек. При этом план оказался самым точным и получил отличную оценку военного совета 3-го Белорусского фронта. Начальник разведотдела штаба фронта генерал-майор Алешин дал следующую оценку этой работы: «Схемы укреплений противника по правому и левому берегам р. Днепр на участке Орша — Трибухи выполнены партизанами, по состоянию на 1 мая 1944 года представляют большую ценность. Благодаря добросовестному отношению к этой работе схемы выполнены с большой точностью и почти целиком совпадают с данными аэрофотоснимков».

Партизанами были разведаны и полностью освещены перед советским командованием следующие важнейшие оборонительные рубежи.

Рубеж обороны по восточному и западному берегам Чудского и Псковского озер, с мощным узлом сопротивления — городом Нарва. Этот рубеж враг готовил как главную линию обороны на случай отхода.

По реке Великая на участке Псков — Остров— Опочка — Курица с наиболее мощной полосой инженерных сооружений на участке Псков — Остров. Этому рубежу противник придавал особо важное значение и предполагал использовать как главную линию обороны.

По реке Западная Двина на участке Двинск — Полоцк, создававшийся с лета 1943 года.

По реке Десна на участке Ельня — Жуковка— Брянск — Трубчевск — Новгород-Северский с выявленными промежуточными рубежами Людиново — Дятьков — Орджоникидзеград, с особенно сильными опорными пунктами в глубине Рославль — Почеп — Унеча — Стародуб — Клинцы — Новозыбков, строившийся с лета 1942 года.

По реке Сож до Смоленска на север по Днепру с наиболее мощными узлами обороны Хиславичи — Кричев — Чериков — Чечерск — Гомель.

На участке Городок — Витебск — Орша и далее на юг по западному берегу реки Днепр. Этот рубеж противник готовил как главную линию обороны на центральном участке фронта. Поэтому партизанская разведка придавала ему особое значение и вела систематическую его разведку на всем протяжении.

В районе смоленских ворот между реками Западная Двина и Днепр, строившийся с начала 1942 года.

На участке Барановичи — р. Щара — Огинский канал и далее на юго-запад до Пинска (мощный узел обороны), давно готовившийся в тылу.

По реке Птичь протяженностью 180 км.

На линии р. Припять — Днепровско-Бугский канал.

По линии Витебск — Полоцк — Дрисса — Краслава.

Линии и узлы обороны на Украине, в том числе на Западной Украине и в Крыму, в особенности линия обороны на Днепре.

По старой польской границе и позициям Первой мировой войны.

Старые польские укрепления немцами не только были приведены в порядок, но и усилены вновь возведенными оборонительными сооружениями. Польские укрепления в районе Молодечно и укрепления 1914–1918 годов в районе Вишнев — Воложин были усовершенствованы и постоянно охранялись германскими солдатами.

Было установлено, что города Минск, Полоцк, Витебск, Могилев, Орша, Бобруйск, Шклов, Быхов, Борисов, Барановичи, Брест, Слуцк, Лида и многие крупные пункты превращены в мощные узлы сопротивления и мощные пункты обороны. Большинство из них имели до 3 оборонительных линий и были подготовлены для ведения уличных боев.

Партизанами были переданы Красной Армии 143 плана городов, подготовленных немцами к обороне, с нанесенными оборонительными объектами противника.

Разведывательные органы партизан располагали также подробными данными о возведенных противником оборонительных сооружениях, прикрывавших подступы к коммуникациям и населенным пунктам с крупными немецкими гарнизонами. Последние именовались опорными пунктами и при наступлении Красной Армии были использованы полевыми частями противника в общей системе их оборонительных рубежей.

В целом, в течение всей войны, и особенно во время наступления Красной Армии в 1944 году, украинские, белорусские и ленинградские партизаны обеспечили такую разведку оборонительных рубежей, что Генеральный штаб и

фронты могли составлять свои планы и чертежи так же смело, как если бы эти сооружения были в их собственном тылу.

Разведка аэродромов, авиационных сил и средств ПВО противника

Разведывательная деятельность партизан охватывала почти все аэродромы противника. На них была внедрена широкая сеть агентов — обслуживающего персонала из местных жителей. Ставилась задача не только нанести на карту места расположения аэродромов противника, но и выяснить количество, типы самолетов, направление боевых вылетов, запасы горючего и боеприпасов и состояние аэродромов.

Германское главное командование, в силу своих больших потерь, было вынуждено солдат, работавших на обслуживании военных объектов, в том числе и аэродромов, забирать и отправлять на фронт. Замена производилась русскими военнопленными так называемых вспомогательных рабочих команд, что давало возможность партизанам устанавливать надежные связи, производить вербовку наиболее смелых и решительных из них и добывать интересующие Красную Армию данные, а также производить диверсионные акты. Многие данные об аэродромах добывались захватом в плен летчиков, а также солдат и унтер-офицеров команд обслуживания.

За годы Великой Отечественной войны партизанской разведкой было взято под постоянное наблюдение 338 аэродромов и полевых посадочных площадок, из них: на Карело-Финском фронте — 33, в районах группы армий «Северной» — 83, в полосе группы армий «Центр» — 198, группы армий «Юг» — 74.

Разведкой было установлено, что до 1943 года на территории Белоруссии против центрального участка советско-германского фронта действовала оперативная группа германских военно-воздушных сил «Ост-Митте». В 1943 года эта группа была реорганизована в 6-й воздушный флот гитлеровской Германии с соответствующим его усилением.

Наиболее полно органами партизанской разведки были учтены и взяты под контроль действовавшие в составе 6-го воздушного флота Германии 51-я и 53-я истребительные эскадры, авиачасть Штеффеля и истребительная эскадра «Мельдерс».

В апреле 1943 года смоленскими партизанами был сбит при перелете Смоленск — Идрица немецкий самолет. Взятый в плен летчик унтер-офицер Фридрих Гофман показал, что на смоленском аэродроме по состоянию на 1 июня 1943 года

базировалось до 200 самолетов «Хейнкель-111» и «Мессершмитт-109», на орловском аэродроме базировалось до 100 самолетов «Мессершмитт-109».

Крупные аэродромы германской авиации и посадочные площадки, располагавшиеся в районах городов Бобруйск, Борисов, Минск, Смоленск, Орел, Брянск, Барановичи, Пуховичи и др., не только были во всех деталях разведаны, но благодаря умелым действиям нашей агентуры на них производились диверсионные акты, порча или уничтожение материальной части.

Штаб командующего авиацией дальнего действия и штабы воздушных советских армий на протяжении всей войны широко информировались о перегруппировках и сосредоточениях крупных сил вражеской авиации.

Благодаря партизанской разведке советская авиация наносила мощные удары в те моменты, когда на аэродромах скапливалось наибольшее количество вражеской авиации.

Для отвлечения ударов советской авиации немцы довольно широко практиковали устройство ложных аэродромов, на которых устанавливались макеты самолетов, имитировалась сигнализация, строились ложные ангары. При появлении советских самолетов над этими аэродромами и в случае их бомбежки небольшие группы немцев устраивали ложные пожары, пытаясь обмануть советских летчиков. Однако почти все ложные аэродромы противника быстро брались на учет партизанской разведкой, и данные о них передавались командованию советской авиации.

На советские карты были нанесены ложные аэродромы, расположенные в районах юго-западнее Витебска, северо-восточнее города Борисов, в районах городов Могилев, Бобруйск, Докшицы, Калинковичи и других.

Железнодорожные узлы, города и крупные военные объекты немцы прикрывали мощной системой противовоздушных средств. Партизанская разведка вскрыла и вела постоянное наблюдение за объектами ПВО. Партизанским разведывательным органам удалось нанести на карты и планы точки расположения зенитных батарей, звукоулавливающих и прожекторных установок и пулеметных гнезд. Командованию Красной Армии после детального изучения объектов противовоздушной обороны рекомендовались наиболее выгодные подходы к объектам бомбардировки.

За годы войны была установлена дислокация 10 крупных зенитно-артиллерийских частей, среди которых 12-я, 18-я и 28-я германские зенитно-артиллерийские дивизии. Так, например,

Минск прикрывался 43 батареями, 6 прожекторными установками и 3 звукоулавливающими точками по нескольку аппаратов в каждой.

В течение 1943 и 1944 годов, в связи с возросшей активностью нашей бомбардировочной авиации, ее мощными непрерывными ударами по тылам противника, разведывательные органы партизан непрерывно следили за результатами бомбардировок крупных военных объектов, промышленных объектов, железнодорожных станций и узлов, мест скопления вражеских войск. Поблизости от военных объектов противника находились специальные группы разведчиков, которые непрерывно держали связь с партизанскими отрядами и бригадами и через их радиостанции немедленно передавали командованию Красной Армии данные о размерах ущерба, причиненного противнику в результате бомбардировок.

Особенно ценными для командования ВВС Красной Армии были указания партизан на недостатки, неточности или ошибки наших летчиков, что давало возможность своевременно исправлять допущенные промахи. Партизанские агенты, фиксировавшие работу советских летчиков, были своего рода корректировщиками действий советской бомбардировочной авиации.

Командование ВВС получило сотни донесений о результатах крупных массированных налетов нашей авиации на военные объекты.

Успешные бомбардировки объектов, указанных партизанской разведкой, повысили интерес партизан к такого рода разведывательной работе. Разведчики старались быстрее определить результаты бомбардировок и выявить не задетые бомбардировкой или новые объекты.

Взаимодействие партизанской разведки с нашей авиацией дало положительные результаты. Летчики, вооруженные подробными данными об объектах бомбардировки, аэродромах и противовоздушной обороне, наносили точные удары. Например, разведчики партизанских отрядов могилевского соединения вели систематическое наблюдение за немецко-фашистскими воинскими резервами и штабами частей, расположенными в Могилеве и его районе.

В мае 1943 года было установлено скопление крупных сил противника, живой силы и техники на железнодорожном узле Могилев, в самом Могилеве и в военном городке Ямницы, что в 12 км юго-западнее Могилева, где расположились танковые части. На план Могилева и карту его окрестностей Белорусский штаб партизанского движения, на основании радиодонесений

партизанской разведки, нанес военные объекты и представил эти документы командующему авиацией дальнего действия.

В ночь на 28 мая 1943 года советская авиация нанесла массированный удар по железнодорожному узлу Могилев, по военным объектам в городе и танковым частям, расположившимся в Ямницах. Как донесли на следующий день партизаны, результаты бомбардировки оказались весьма хорошими. Бомбометание велось с большой точностью, поражая наиболее важные объекты, выявленные партизанской разведкой.

Бомбежка вызвала среди немецко-фашистских войск большую панику. Солдаты, теряя много убитых и раненых, бросились бежать из города в направлении деревни Добросневичи, что в 8–10 км западнее Могилева. В то же время другие соединения советских самолетов подвергли бомбардировке танковые части, расположенные в военном городке Ямницы. Солдаты и танкисты из объятого пожаром военного городка бросились бежать в сторону той же деревни Добросневичи, расположенной между Могилевом и Ямницами, т. е. как раз навстречу немцам, бегущим из Могилева. В темноте ночи они приняли друг друга за партизан и завязали между собой бой, продолжавшийся полтора часа. В результате этого необычного боя было много убитых и раненых. Воспользовавшись паникой, партизаныразведчики указывали советским летчикам ракетами и фонарями объекты бомбометания.

В итоге налета было убито и ранено более 3000 немецких солдат и офицеров и разбиты 3 эшелона с живой силой противника на станции Могилев, 3 эшелона с орудиями и танками, совершенно уничтожены здания двух штабов крупных воинских соединений, взорвано несколько складов с боеприпасами и горючим, здания гестапо и областной комендатуры, разбито несколько казарм и ряд зданий штабов, располагавшихся в городе. 28 мая, после уборки трупов, основные части противника покинули Могилев.

Не менее важные результаты были достигнуты при бомбардировках военных объектов в районах Минска, Гомеля, Орши, Витебска, Полоцка и других городов.

Выявление баз снабжения, крупных складов и предприятий, работавших на немецко-фашистскую армию, коммуникаций и линий связи

Партизанская разведка занималась на всей оккупированной территории выявлением баз снабжения, крупных складов и

предприятий, работавших на германскую армию, что позволяло установить общую картину обеспечения германской армии, источники питания и наличие запасов.

Эти сведения были крайне необходимы, так как на них основывались диверсионные действия и нападения партизан на базы снабжения. Эти данные служили также основным источником для действий бомбардировочной авиации по этим объектам.

Особенным вниманием партизанской разведки пользовались крупные склады и базы на железнодорожных узлах, предприятия, работавшие на германскую армию, склады и базы боеприпасов, горючего, отравляющих веществ и химических авиабомб, новые коммуникации и линии связи.

Разведка этих объектов производилась двумя способами: через агентуру, которая насаждалась вблизи, а порою и на самих объектах в качестве обслуживающего персонала (прачки, кухонные работники, уборщицы), а также путем наблюдения группами партизан-разведчиков, которые также располагались вблизи объектов.

Партизанская разведка непрерывно наблюдала за строительством новых и расширением старых коммуникаций и линий связи.

Большую ценность для Наркомата путей сообщения и управления железнодорожных войск Красной Армии представляли добытые партизанской разведкой в 1943 году совершенно секретные документы с подробными схемами состояния железнодорожных узлов в городах Брест, Белосток, Минск и др., частично перестроенных и расширенных немцами на свой лад. Агентурная разведка добыла фотокопии и технические описания построенных ими железнодорожных мостов на многих участках железнодорожных линий в восточных областях Белоруссии, что впоследствии помогло железнодорожным войскам быстрее восстанавливать и подготавливать к эксплуатации эти участки дорог.

Партизанской разведкой было установлено наличие подземного кабеля, связывающего ставку германского командования с группами армий «Северной» и «Центральной».

Партизанами были установлены кабель Рига — Таллин, проложенный по восточной стороне шоссе Таллин — Пярну — Айнажи — Салацгрива — Рига; 12-жильный кабель Каунас — Вильнюс, проложенный на глубине 1 метра вдоль шоссе Каунас — Раконты — Вильно; подземный кабель Новогрод-Волынский — Житомир; установлен был также 12-жильный подземный кабель

на глубине 1,25 метра возле автомагистрали, идущей из Германии через Минск — Борисов — Оршу к Смоленску. В районе Борисова и Орши этот кабель неоднократно вырубался партизанами. Образец вырубленного кабеля был доставлен в Москву и направлен в Главное управление связи Красной Армии.

Метеорологическая разведка

Широкое применение авиации в Великой Отечественной войне, естественно, потребовало хорошо организованной метеослужбы, кратковременных и длительных прогнозов погоды, но не только для авиации, а также для командования Красной Армии, на фронтах крайне необходимы были сведения о погоде.

Ввиду оккупации противником областей Белоруссии Главное управление гидрометеорологической службы лишилось возможности получать сведения о состоянии погоды на обширной территории. Чтобы заполнить этот пробел, в 1943 году в тыл противника в районы расположения партизанских бригад было отправлено 20 человек метеоразведчиков, специально подготовленных для работы в условиях тыла противника.

Таким образом, начиная с 1943 года вся территория Белоруссии была охвачена метеоразведкой. Ежедневно через радиостанции партизанских бригад и отрядов метеоразведчики передавали свои наблюдения в Белорусский штаб партизанского движения, который немедленно их передавал Главному управлению гидрометеорологической службы. Эти же метеорологические сводки по мере их поступления передавались 16-й воздушной армии и отдельно 7-му корпусу авиации дальнего действия. Кроме того, 7-й корпус через дополнительную радиостанцию был связан с метеоразведчиком, находившимся в партизанском соединении Пинской области, которым командовал товарищ Корж. Оттуда в корпус передавались все необходимые данные о погоде, которые ′ определяли возможность полетов советской авиации в этом направлении.

Крупные военные аэродромы Военно-воздушных сил Красной Армии, расположенные в районе Москвы, а также авиачасти на 1-м, 2-м, 3-м Белорусских и 1-м, 2-м, 3-м Прибалтийских фронтах ежедневно обеспечивались сводками партизанской метеоразведки о состоянии погоды на территории противника.

В 1943 и 1944 годах из тыла противника было получено около 2000 метеорологических сводок.

Серьезную услугу наша партизанская метеоразведка оказала

летчикам, совершавшим ночные полеты в глубокий тыл противника: для бомбардировки военных объектов и на партизанские посадочные площадки. Каждый партизан знает, какую огромную роль сыграли советские самолеты, снабжавшие партизан боеприпасами, медикаментами, оружием и вывозившие тяжелораненых и больных на Большую землю.

Белорусский штаб партизанского движения постоянно следил за работой метеоразведчиков в тылу врага и оказывал им необходимую помощь. В бригадах и отрядах им были созданы все необходимые условия для нормальной работы. Метеоразведчики, как правило, располагались в районах партизанских аэродромов, что давало возможность своевременно пересылать в советский тыл отчетные и сводные материалы, доставлять на самолетах различные метеоприборы взамен выбывших из строя.

Метеорологическая разведка являлась делом совершенно новым, она никогда не применялась в прошлые войны, поэтому, обобщая опыт ее работы в период Великой Отечественной войны, следует сказать, что она вполне оправдала себя, а люди, заброшенные в тыл противника в качестве метеоразведчиков, вполне справились со своей работой.

Методы разведывательной работы партизан

Главным и основным методом разведывательной работы партизан являлся сбор сведений о противнике партизанской агентурой из местного населения, проникавшей по заданию партизан и подпольных организаций на заводы, фабрики, станции железных дорог, пристани, телеграфы, телефонные станции, аэродромы, базы, склады, в депо, в учреждения врага, в личную охрану должностных лиц, в школы, полицию, гестапо, штабы врага.

Партизанские разведчики проникали во все структуры военного, политического, административного и хозяйственного аппарата захватчиков. Даже в воинских частях, разведывательных и контрразведывательных органах, дешифровальных пунктах и т. п. работало значительное число агентов партизан и подпольных организаций из числа советских граждан и немецких солдат.

Преданные советской Родине агенты, действовавшие по поручению подпольных организаций и партизанских отрядов в самом логове врага, были главным источником огромной и ценнейшей разведывательной информации.

Партизанские бригады и отряды имели в городах, на

предприятиях, в оккупационных учреждениях и крупных гарнизонах противника десятки тысяч агентов. В разведывательной работе партизан участвовали сотни тысяч граждан, проживавших на оккупированных территориях.

О размахе работы и расстановке агентурно-осведомительской сети в тылу у немцев можно судить на примере любого партизанского соединения и отряда.

Минское соединение В. И. Козлова охватывало своей агентурной сетью более 500 местечек и крупных населенных пунктов и городов, расположенных на важных железнодорожных и шоссейных коммуникациях, в том числе: Минск, Слуцк, Бобруйск, Дзержинск, Старые Дороги, Негорелое, Осиповичи и другие, где в общей сложности насчитывалось 2192 агента и осведомителя.

Барановичское соединение Чернышева охватывало своей агентурно-осведомительской сетью до 30 городов, местечек и крупных населенных пунктов на важных железнодорожных узлах и магистралях, в том числе: Барановичи, Лида, Новогрудок, Столбцы и другие, в общей сложности насчитывавшие 582 разведчика и осведомителя.

В Минске работало не менее 6500 агентов от разных бригад, отрядов и разведывательных групп, окружавших город, а также разведчики городской подпольной организации.

Огромную разведывательную сеть имели брянские партизаны. Наибольшую сеть имела бригада товарища Дуки, имевшая в Брянске более 600 агентов.

Разветвленной и сильной являлась разведывательная сеть Ковпака, достигавшая Киева и Ковеля. Сеть смоленских партизан обслуживала Смоленск, Ярцево, Вязьму, Рославль и другие города.

Ни один важный военный или административный и промышленный объект, где бы он ни располагался на оккупированной территории, не мог ускользнуть из поля зрения партизанской разведки.

Много разведчиков погибло в застенках гестапо, казематах гитлеровской разведки и контрразведки, и часто неизвестны их имена и героические подвиги. Память о них является святой и не померкнет в веках.

Партизанские разведчики умели наблюдать, слушать и проникать всюду. Немецкие захватчики часто выражали удивление, каким образом партизаны ухитрялись узнавать то, что говорилось при закрытых дверях в избранных аудиториях.

Гитлеровцам не часто удавалось провести собрание, на

котором бы не присутствовал партизанский агент.

559-я полевая комендатура в директиве от 10 августа 1943 года указывала: «Снова констатируется тот факт, что в немецких учреждениях, районных комендатурах, сельскохозяйственных управлениях и т. д. русские переводчики сидят в комнатах начальников этих учреждений или в отделенных от них лишь тонкими стенками. Таким образом, они знают обо всех телефонных переговорах и вообще обо всем, происходящем в учреждении».

В Витебске в 1942 году агент партизанской разведки присутствовал на всех совещаниях местных властей и органов полиции, обсуждавших вопросы борьбы с партизанами.

Важное значение в разведке партизан имели агенты, завербованные из неприятельской среды. Эта агентура служила часто источником таких разведывательных данных, которые вряд ли можно было бы получить другим путем.

Партизанской разведкой было завербовано значительное число агентов из числа солдат и офицеров германских воинских частей, а также в воинских частях и учреждениях словаков, французов, венгров, румын, болгар, итальянцев и т. д.

Для примера можно указать лишь некоторые факты.

Сотрудничавший с партизанами немецкий офицер Т., занимавший важный пост в оккупационной администрации, на другой день после уничтожения гауляйтера В. Кубе предупредил работников подполья, с которыми он был связан, о предстоявших ночью массовых арестах и репрессиях, посоветовал уезжать им немедленно из Минска с семьями, выдал множество охранных свидетельств и пропусков.

102-й словацкий полк, дислоцировавшийся на участке железной дороги Житковичи — Мозырь, подвергался усиленной обработке нашей разведкой, в результате в полку было завербовано до 50 человек агентов-осведомителей, в том числе ряд офицеров полка. Впоследствии весь полк вместе с офицерами, взорвав объекты порученной ему охраны, перешел на сторону украинских и белорусских партизан.

Выдающееся значение имела работа на партизан двух курьеров из германского генерального штаба, шестерых сотрудников из германских штабов по борьбе с партизанами, многих сотрудников германской администрации в Минске, Могилеве, Бобруйске, Барановичах и других местах, сотрудника дешифровального отдела в Пскове, сотрудников органов германской контрразведки и других агентов.

Центральному штабу партизанского движения были известны

194 агента из числа неприятельских солдат и офицеров, работавших с белорусскими и украинскими партизанами. Вполне очевидно, что немало таких агентов остались неизвестными.

Опыт войны показал, что военнопленные и перебежчики являются источниками ценнейшей разведывательной информации, часто оперативного и стратегического значения.

За годы Великой Отечественной войны партизаны Белоруссии захватили в плен 23 128 немецких солдат, офицеров и генералов. Партизаны захватывали пленных в боях, в засадах, у железнодорожных станций, отставших от колонн пеших, конных и мотоциклистов, привозили их из городов и сел и т. д.

Пленные допрашивались в партизанских отрядах и бригадах, а полученные от них данные использовались в боевой деятельности партизан и немедленно передавались в штабы партизанского движения, которые информировали заинтересованные организации.

Значительное количество пленных, интересовавших командование Красной Армии, было доставлено из расположения партизан самолетами через линию фронта и передано органам Красной Армии. Были переданы захваченные в плен партизанами генерал-майор Клаус Мюллер-Бюллов, генерал-майор Иохим Энгель, полковник Георг Раух, подполковник Забель Вольф, офицеры германской армии и германского воздушного флота Шмидт, Каниг, Баер, заместитель командира 310-й команды абвера Рааб Ганс, начальник разведывательной школы, известный германский разведчик барон фон Файт.

Они дали ценные показания о деятельности германской разведки и контрразведки против Советской Армии. Были переданы также захваченные партизанами на оккупированной территории изменники, служившие в гестапо, — бывший генерал-майор Богданов и генерал-майор Будыхо.

1 сентября 1943 года на Алтуховском шоссе в районе Брянска из засады, устроенной группой партизанской бригады «За Родину» под руководством заместителя командира бригады по разведке Ковалева, были убиты командир 442-й пехотной дивизии особого назначения генерал-лейтенант Карл Борнеман и сопровождавшие его штабные офицеры и охрана. Адъютант генерала Борнемана был взят живым. При этом были захвачены исключительной ценности оперативные документы. Среди них карта обстановки всего Брянского фронта с указанием номеров действовавших соединений, разгранлиний между ними, с нанесенным на карту расположением тыловых частей и штабов. Эти сведения имели исключительно большое значение. Были захвачены последние бюллетени германского генштаба и разные

другие документы.

Партизанской бригадой «Железняк» Минской области в районе населенного пункта Бегомль была уничтожена большая группа солдат и офицеров 6-й немецкой авиаполевой дивизии. Среди убитых — командир дивизии генерал-лейтенант Рудольф Пешель. Группа офицеров штаба во главе с подполковником Забелем Вольфом была взята в плен. Подполковник, офицеры и ценнейшие документы штаба дивизии доставлены немедленно в штаб партизанского движения.

Партизанским отрядом имени Кутузова (командир Василевский) в районе деревни Богданово Сеннонского района Витебской области в бою с большой группой немцев захвачены в плен 150 немецких солдат и офицеров. Среди них захвачен в плен командир 246-й пехотной дивизии 3-й танковой армии генерал-майор Клаус Мюллер-Бюллов, начальник штаба этой дивизии Георг Раух, 12 офицеров и штабные документы. Пленные и документы переданы командованию 1-го Прибалтийского фронта.

Партизанской бригадой под командованием товарища Дерюго в 28 км северо-западнее Березино, в районе деревни Слобода, захвачены в плен 14 немцев. Среди захваченных командир 45-й пехотной дивизии генерал-майор Иохим Энгель. Пленные и документы были доставлены по указанию штаба партизанского движения в расположение 49-й армии 2-го Белорусского фронта.

Разведчиками партизанского полка Гришина весной 1944 года был захвачен в плен командир 1-го взвода 2-й роты 589-го полка связи. По изъятым документам и показаниям были установлены состав и дислокация всех частей и соединений, входивших в состав 4-й армии противника.

3 марта 1944 года Гитлер издал из своей главной квартиры приказ, касавшийся усиления большевистской агитации в связи с отходом германских войск и указывавший способы борьбы с этой агитацией.

В марте же партизанами брестского соединения был захвачен немецкий фельдъегерь, в почте которого находился этот приказ за подписью Гитлера, адресованный ставкой в 23-ю мотодивизию. Таким образом, Советское Главнокомандование, благодаря партизанам, располагало этим приказом гитлеровской ставки раньше, чем он дошел до полков немецких дивизий.

В партизанские отряды переходило немало перебежчиков — солдат и офицеров врага, главным образом, из числа прогрессивно настроенных людей, антифашистов и т. д. Но было немало фактов перехода на сторону партизан и членов национал-социалистической партии, солдат и офицеров СС, разуверившихся

в победе германского оружия, а также из числа недовольных режимом и зверствами на оккупированных территориях.

В один из партизанских отрядов Белоруссии явился перебежчик эсэсовец роттенфюрер Ханзен. Перебежчик принес с собой важные документы и дал ценнейшие показания. Ханзен сообщил организационную структуру гестапо Смоленска, Минска и Бобруйска, указал фамилии и адреса главных сотрудников (офицеров) и сообщил интересные сведения о приемах их работы.

Ханзен раскрыл полностью организацию и осуществление операции «Веттермельдунг» («Метеосводка»), заключавшейся в отрывании массовых могил и сожжении трупов расстрелянных, производившихся по указанию германского главного командования, чтобы скрыть следы страшных преступлений.

Ханзен раскрыл состав и организацию передовой команды «Москва», следовавшей вместе с частями немецко-фашистской армии и имевшей задачу ворваться с передовыми частями в Москву и занять здания НКВД.

За время войны партизанской разведкой через штабы партизанского движения представлено в штабы, разведорганы советских вооруженных сил и в ставку Верховного Главнокомандования более 30 тысяч документов врага, захваченных при засадах и нападениях, изъятых у пленных солдат, офицеров и генералов, найденных на поле боя и доставленных агентурным путем. Многие документы имели выдающееся разведывательное значение.

Среди них были приказы и материалы частей, соединений, штабов армий, фронтов, главного командования, оккупационных органов министерств и других органов Германии, приказы и распоряжения за подписью Гитлера, Геринга, Гиммлера, Кейтеля, Йодля, Браухича, Розенберга, Фон Клюге, Гелена, Вах-Зелевского и многих других.

Помощь советских партизан разведывательным органам Красной армии

Оперативная и тактическая разведка Вооруженных сил СССР довольно тесно соприкасалась с партизанской разведкой.

В начальный период войны Центральный штаб партизанского движения представлял собой коллегиальный орган. Одним из его членов был представитель Главного разведывательного управления. Смысл его пребывания в составе ЦШПД заключался в координации разведывательной работы. Однако по мере развития разведывательной работы партизан его пребывание в штабе было

признано нецелесообразным ввиду известного различия в задачах, методах и направлениях работы.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования коллегиальный принцип штаба был упразднен и представители других органов из его состава ушли. Центральному штабу партизанского движения вменялось в обязанность оказывать необходимую помощь разведорганам в их работе в тылу.

Партизанские отряды и их разведка оказывали разведывательным группам армий и фронтов огромную помощь. Они принимали их представителей и группы на своих аэродромах и базах. Партизаны снабжали их документами на право проживания или передвижения по районам оккупированной территории, помогали оседать и легализоваться на железнодорожных станциях, в городах и т. д., помогали заводить самостоятельную агентуру, переправляли их донесения, переводили агентов через линию фронта, осуществляли вооруженное сопровождение разведчиков, идущих на задание или в новые районы, и т. д. Партизаны передавали разведывательным группам армейских органов огромнейшую информацию, заботясь лишь о том, чтобы она как можно быстрее дошла по назначению и принесла бы пользу. Чаще всего, особенно на первых порах, разведывательные группы ГРУ ГШ Красной Армии посылали эту информацию в свои учреждения и штабы от своего имени. Это было не особенно этично, но тем не менее информация передавалась по назначению. Труд партизанских разведчиков, тревоги и опасности не пропадали даром.

Я как-то сказал об этом начальнику ГРУ Ф. Ф. Кузнецову. Но он от разговора ушел, оправдываясь, что делаем мы общее дело.

Широкая разведывательная и контрразведывательная работа партизан позволяла осуществлять контроль за результатами работы многих разведывательных групп армейской разведки, подмечать недостатки, иногда крупные, в организации дела и поведении и помогать разведывательным органам в их устранении. Разведка партизан доносила факты, свидетельствовавшие о том, что в некоторых звеньях военной разведки существовал только профессиональный подход к подбору разведчиков и радистов и пренебрегался подход политический, из-за этого в их число попадало некоторое количество людей неустойчивых, трусливых, пассивных и искателей приключений. Некоторые разведывательные группы, неудачно составленные, политически неподготовленные, неправильно проинструктированные, плохо вели себя по отношению к населению и партизанам, особенно до создания штабов партизанского движения и когда еще подпольные

партийные комитеты не охватили своим влиянием некоторые местности.

Партизанская разведка по мере собственного роста, исправляя свои ошибки, подмечала и помогала исправлять ошибки профессиональных разведчиков.

Ею было установлено, что штаб германской армии в октябре 1941 года разослал следующее указание: «… паспорта серии II КТ и с номерами, приближающимися к числу 685 000, считать недействительными… и лиц, у которых имеются такие паспорта, арестовать». Такие паспорта в большом количестве были выданы одним из органов разведки своим агентам, направлявшимся в тыл врага.

Партизанам стало известно, что разведотдел 246-й немецкой пехотной дивизии, состоявший из опытных контрразведчиков, летом 1943 года задержал группу агентов нашей разведки ввиду того, что выданные якобы несколько лет назад справки выглядели новыми. Бросались в глаза также пометки в паспортах, сделанные в разных местностях, но одинаковыми чернилами и одинаковым почерком. Бывали случаи задержания агентов, имевших при себе банкноты, пронумерованные по порядку.

Партизанские отряды, действовавшие в ближайшем полку немцев, во многих случаях оказывали большую непосредственную помощь разведывательным подразделениям и группам частей и соединений Красной Армии.

Одним из примеров такой помощи является совместная операция отряда донских партизан и разведотряда советской стрелковой дивизии.

В период наступательных действий Красной Армии зимой 1942–1943 годов отряд донских партизан, имевших связь со стрелковой дивизией, сообщил штабу дивизии, что 29 декабря 1942 года с запада через деревню Рыновка, юго-восточнее Миллерово и далее на восток проследует штаб неизвестной немецкой части.

У начальника штаба дивизии возникли сомнения: не являются ли эти сведения партизан результатом дезинформации немцев с целью устроить западню разведчикам. Начальник разведки Ромчевский, имея от партизан немало разведывательных данных, всегда оказывавшихся достоверными, настаивал на проведении операции. Группа из 10 разведчиков дивизии под командованием младшего лейтенанта Хижняка и 200 партизан ночью подошла к деревне Рыновка и к утру установила через жителей, знакомых партизанам, что в деревне немцев нет. Командир группы решил организовать засаду в самой

деревне.

Во втором часу дня по дороге в направлении Рыновки показалось несколько машин. Они шли медленно на укороченных дистанциях и, войдя в деревню, замедлили ход. За ними подошло несколько легковых и штабных автомашин. Как только машины поравнялись с засадой, на врага, по сигналу командира, из окон, с чердаков изб, из палисадников и канав полетели ручные и противотанковые гранаты, а также бутылки с горючей жидкостью. Партизаны закрыли выход из деревни и разгромили прорвавшиеся машины. Пленных захватить не удалось, все немцы были убиты.

Среди убитых оказались командир 574-го полка полковник Хюнтен, его начальник штаба и 11 штабных офицеров. Штаб пехотного полка перестал существовать. Были захвачены радиостанции и оперативные документы штаба 574-го полка.

30 декабря документы были доставлены в штаб дивизии. При разборе оказалось, что документы принадлежат 304-й мехдивизии, которая только что прибыла на Восточный фронт из Бельгии. Из приказов было выяснено, что пехотная дивизия прибывала и поэшелонно выгружалась и сосредоточивалась в районе города Каменск-Шахтинский в Ростовской области. Из приказа были установлены части дивизии, средства усиления, маршруты, рубежи занимаемой обороны, расположение штабов батальонов, полков и штаба дивизии.

Командование получило документы чрезвычайной важности, раскрывшие силы и планы немецкой дивизии. Дальнейший захват пленных подтверждал все эти данные.

Пользуясь тем, что командир немецкой дивизии, несмотря на уничтожение штаба 574-го полка и захват документов, ничего не изменил в расположении частей дивизии и их задачах, советская авиация произвела эффективные налеты, ночные и дневные, на расположение штаба дивизии, а разведчики дивизии в ночном налете уничтожили телефонную станцию и узел связи штаба.

В силу ясности обстановки именно этот участок обороны 304-й пехотной дивизии был избран генералом Д. Д. Лелюшенко для нанесения главного удара при последовавшем вскоре выступлении. Этот удар был исключительно успешным. Прорвав оборону 304-й пехотной дивизии, наши танковые войска раздробили ее на отдельные группы, а подошедшие стрелковые части завершили уничтожение. К исходу второго дня наступления наши войска ворвались в Каменск-Шахтинский.

Шестерка славных донских партизан была забыта в огромных битвах войны. Но их блестящая разведывательная работа лежала в основе принятых решений и последовавшего разгрома 304-й

пехотной дивизии и захвата города Каменск-Шахтинский.

Недостатки и неиспользованные возможности разведывательной работы партизан

Несмотря на огромный размах разведывательной работы партизан и ее выдающееся значение для боевой деятельности партизанских отрядов и соединений, а также операций Красной Армии, в этой работе имели место и недостатки, и неиспользованные возможности.

Крупнейшим недостатком было отсутствие у партизанской разведки технического вооружения. Она не имела средств радиоперехвата, телефонного подслушивания, портативных фотоаппаратов, не говоря уже об аппаратах для фотографирования ночью. Партизаны легко преодолели отсутствие приборов для телефонного подслушивания, однако они не смогли организовать подслушивание обмена сообщениями по кабелям связи между главным командованием и штабами армий и групп армий.

Одиннадцать раз в течение войны партизаны вскрывали в разных местах подземный кабель гермайского командования ставка — фронт и вырезали из него куски, чем, конечно, значительно затрудняли связь. Куски вырванного кабеля как образцы доставлялись даже в Москву. Это говорит о том, что партизаны могли организовать систематическую запись каблограмм германского главнокомандования, фронтов и армий, последствия и значение которой были бы неоценимы. Однако эта возможность была упущена из-за отсутствия средств записи.

Упущенной возможностью следует считать также то, что партизанская разведка не практиковала перехват, дешифровку и использование данных радиосвязи противника.

Немецкая служба радиоперехвата считала, что перехват радиограмм и радиопереговоров, проводившихся в сетях стрелковых полков и танковых частей, не имел смысла, так как обстановка на фронте все время менялась, а расшифровка требовала времени, и ценность этих всегда запаздывавших материалов оказывалась ничтожной.

Ввиду этого радиосвязь на оккупированной территории между частями и штабами противника производилась по упрощенным кодам и таблицам, легко поддававшимся дешифровке. Естественно, радиостанции этих частей не могли не интересовать партизанскую разведку. Для партизанского движения эти данные представляли колоссальный интерес.

Например, в соединении Ковпака перехватывались и дешифровались радиограммы венгерских частей, боровшихся против партизан. Всего было дешифровано несколько сот радиограмм.

Белорусские партизаны перехватили и дешифровали более 500 радиограмм частей, расположенных в районе Брест — Барановичи, в том числе радиограммы, шедшие через радиоузел 143-й запасной дивизии, занятой борьбой с партизанами. Другие примеры неизвестны, но и эти говорят о том, что если бы радиоперехват и дешифрование были организованы в системе партизанской разведывательной службы, результаты были бы значительными.

Другим крупнейшим недостатком было нарушение принципа строгой специализации работы разведывательной агентуры. Дело обстояло таким образом, что разведчику, работавшему в городе, гарнизоне или учреждении врага, поручали выполнять множество других самых разнообразных заданий. И ценнейшие разведчики иногда, не будучи разоблаченными в разведывательной деятельности, погибали или оказывались пойманными при распространении листовок или при попытках достать что-либо, нужное партизанам.

Разведчики приносили в партизанские отряды бумагу, типографские краски, шрифты, медикаменты, пишущие машинки, переводили и уводили людей, распространяли пропагандистские материалы.

Погибшая разведчица «Таня» из бригады Ливенцева на протяжении двух лет обеспечивала связь бригады с подпольными партийными организациями и резидентурами города Бобруйска. Каждый раз ей давали пачки партизанских газет, листовок, которые она разбрасывала в городе, лично расклеивала на зданиях гестапо, полиции и других учреждений. За ее поимку гестапо объявило крупную сумму денег. В 1943 году «Таня» увела из Бобруйского восточного запасного полка РОА взвод музыкантов в составе 30 человек.

Минская разведчица Оля наряду с разведывательной работой передала партизанам более 180 кг медикаментов, более 15 кг хирургических инструментов, аппарат Боброва, около 200 кг писчей бумаги и т. д.

Многих командиров недостаточно заботила возможная судьба разведчика. Они позволяли знать работавшего разведчика. большому количеству партизан, посылали на связь к нему разных лиц, допускали появление разведчика днем в отряде так, что его видели многие, записывали, не шифруя, фамилии разведчиков в записные книжки.

В конце 1941 года был убит командир партизанского отряда Брянский. После войны из документов гестапо стало известно, что немцы у убитого взяли записную книжку, в которой были записаны фамилии лиц, поддерживавших партизан и сообщавших в отряд сведения о немецких агентах и изменниках. Все эти люди были расстреляны после зверских истязаний.

Один из борцов с захватчиками, участник минской подпольной организации профессор Б. Клумов, работавший в больнице, погиб, будучи выданным партизанским связным, получавшим от Клумова медикаменты для отряда.

В некоторых случаях не проявлялась забота о своевременном перемещении разведчиков, когда их дальнейшая работа становилось явно опасной.

Крупнейшим недостатком также было отсутствие у разведывательных групп и резидентур портативных радиоаппаратов ближнего действия, по которым они могли бы, получая срочные и важные разведывательные сведения, передавать их в штаб отряда или бригады. Получалось так, что передать эти сведения из отряда или бригады в Москву было намного легче, чем пронести из города и гарнизона врага в отряд или находившуюся где-либо поблизости разведывательную группу. Это приводило к удлинению сроков поступления сведений и стоило жизни некоторым разведчикам.

Глава 9
Боевые операции белорусских партизан и подпольщиков

Сергей Саввич, боевые операции советских партизан и подпольщиков, по мнению некоторых исследователей партизанского движения, являлись просто ненужными из-за того, что после гибели высокопоставленных гитлеровских чиновников начинался террор против местного населения. В частности, этой точки зрения придерживается ветеран партизанского движения Илья Григорьевич Старинов.

Хотелось бы услышать Ваше мнение по этому вопросу, на примере хотя бы ликвидации гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. Было бы интересно также узнать о других малоизвестных боевых операциях партизан и подпольщиков.

Партизаны провели немалое количество боевых операций против немецко-фашистских захватчиков и их пособников. Мне хотелось бы остановиться на боевой деятельности партизан Белоруссии, так как я наиболее осведомлен о ликвидации палачей и предателей партизанами этой республики.

Спецоперации советских партизанских формирований, в том числе и террористические акты в отношении высших нацистских сановников и предателей Родины, являлись одним из направлений партизанской борьбы, развернувшейся на временно оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны.

Подготовка и совершение каждого такого акта требовали большого опыта, смелости, терпения и находчивости. Необходимы были точное знание и учет конкретной обстановки, в частности, сложной системы охраны гитлеровских палачей. На них — инициаторов и руководителей злодейских акций, жертвами которых были сотни тысяч зверски замученных и убитых мирных граждан и военнопленных, в первую очередь и были направлены акты справедливого возмездия. Каждому из них предшествовала тщательная разведка, поиск конкретных исполнителей, разработка различных вариантов приведения их в действие.

Организаторам и исполнителям терактов в отношении гитлеровцев и их приспешников приходилось прикладывать неимоверные физические, а в большей степени психологические усилия. Зачастую все проходило не так гладко, как это писалось в

отчетах и докладывалось руководству. Казнь палача белорусского народа Вильгельма Кубе не исключение.

Задание на ликвидацию Кубе получили все действующие в районе Минска партизанские командиры. На протяжении всего лета и сентября 1943 года велась охота на гауляйтера Белоруссии. Однако все покушения остались безрезультатными. За Кубе охотились долго и настойчиво партизаны многих отрядов, в том числе С. А. Ваупшасова, П. Г. Лопатина, И. Ф. Золотаря, Д. И. Кеймаха и др. Общее руководство и координацию действий осуществляли Центр и Минские областной и городской комитеты КП Белоруссии.

Так, 22 июля 1943 года раздался взрыв в одном из театров Минска. По достоверным данным ЦШПД и ГРУ, было убито 70 и ранено 110 солдат и офицеров противника. Но Кубе за несколько минут до взрыва покинул театр.

Летом 1943 года разведчица В. В. Гуринович из бригады Ваупшасова (подпольная кличка «Градов») установила, что Кубе часто ездит в одну из своих загородных резиденций в совхоз Локшица. Группа партизан-разведчиков проникла на южную окраину Минска, несколько дней просидев в засаде на шоссе Минск — Локшица, в районе которого была эта резиденция. Однако в эти дни машина гауляйтера на этой дороге так и не появилась.

В конце августа 1943 года «Градов» вновь направил в Минск группу «охотников»: стало известно, что на 6 сентября намечен большой банкет по поводу 10-летия прихода Гитлера к власти. Тогда-то и был осуществлен взрыв в офицерской столовой. Погибло 36 высокопоставленных фашистских офицеров и чиновников. Но Кубе на банкет не явился. Вскоре на прием к Кубе удалось попасть одному из подпольщиков, но его поведение вызвало подозрение охраны, и он был убит при возникшей перестрелке.

Непосредственными исполнительницами акта возмездия принято считать трех Героев Советского Союза — Елену Мазаник, Марию Осипову и Надежду Троян.

Елена Григорьевна Мазаник родилась 4 апреля 1914 года в деревне Поддегтярная, Пуховичского района Минской области (Белоруссия), в семье крестьянина. Белоруска. Член КПСС с 1946 года. В начале войны пыталась уйти от наступающих фашистов. Однако, как и многим другим, ей пришлось вернуться в Минск. Чтобы не умереть с голоду, Мазаник сначала работала на черных работах в немецких воинских частях: стирала белье, убирала помещения и т. д. Участница Великой Отечественной войны с

сентября 1943 года. В ликвидации Кубе явилась непосредственным исполнителем. Герой Советского Союза. В 1948 году окончила Высшую республиканскую партийную школу при ЦК КП Белоруссии, в 1952 году — Минский государственный педагогический институт. В 1952–1960 годах — заместитель директора фундаментальной библиотеки Академии наук БССР.

Мария Борисовна Осипова родилась 27 декабря 1908 года в поселке Серковицы, Толочинского района Витебской области, в семье рабочего. Белоруска. Служащая. Окончила в 1935 году Высшую сельскохозяйственную школу и юридический институт в Минске. В годы Великой Отечественной войны — руководитель подпольной группы в Минске. Лично осуществила передачу мины Елене Мазаник, ликвидировавшей гауляйтера Белоруссии. После войны являлась членом Верховного Суда БССР. Почетный гражданин Минска.

Надежда Викторовна Троян родилась 24 октября 1921 года в городе Верходвинск Витебской области, в семье служащего. Белоруска. Член КПСС с 1946 года. С начала Великой Отечественной войны на подпольной работе в городе Смолевичи. С июля 1942 года — разведчица и медсестра партизанского отряда «Буря» Смолевичского района 4-й партизанской бригады «Дядя Коля» Минской области. Участвовала в операциях по взрыву мостов, нападениях на вражеские обозы, не раз вступала в бой с карателями. Звание Героя Советского Союза присвоено 29 октября 1943 года. В 1947 году окончила 1-й Московский медицинский институт. Кандидат медицинских наук, доцент. Работала директором НИИ санитарного просвещения Министерства здравоохранения СССР.

Зная о том, что Мазаник имела доступ в комнаты, где работал и отдыхал гауляйтер Белоруссии, руководством партизанской бригады «Дядя Коля» (командир — капитан государственной безопасности П. Г. Лопатин) была сделана попытка использовать это обстоятельство для покушения на Кубе.

Первой вышла на Елену Мазаник с предложением ликвидировать гауляйтера резидент разведотдела бригады «Канская» — Надежда Троян. Однако Мазаник испугалась, что Троян могла быть не партизанкой, а агентом гестапо, и перестала встречаться с ней.

За две недели до взрыва, покончившего с гауляйтером, на Мазаник вышла подпольщица Мария Осипова. Встреча была организована директором одного из кинотеатров Минска Николаем Васильевичем Похлебаевым. В первые дни войны он был тяжело ранен. В бессознательном состоянии его подобрали немцы и поместили в Минске в больницу для военнопленных.

После выздоровления при помощи одной медсестры Похлебаев скрылся. Позднее ему удалось устроиться на работу в кинотеатр, где вскоре он стал директором.

По предварительной договоренности на встречу с Осиповой должны были прийти Елена Мазаник и ее сестра Валентина Шутская, работавшая в казино. Однако в назначенное время они не явились. Осипова высказала Похлебаеву свое сомнение по поводу благонадежности Гали (партизанский псевдоним Мазаник), так как имелась информация о том, что «она с немцами гуляет».

Осипова мучительно ожидала свидания с сестрами, так как срыв первой встречи в напряженной обстановке оккупированного города произвел на нее тягостное впечатление.

Вот как описывает встречу с Осиповой Елена Мазаник: «Твердой и надежной явилась связь с Марией Осиповой и через Николая Похлебаева. Когда сестра познакомила меня с Николаем, я почему-то сразу почувствовала большую симпатию к этому человеку. Он, Николай-то, и познакомил меня с Марией Осиповой. Он отрекомендовал ее как связную из отряда «Дима», причем сказал прямо: «Девушки (он имел в виду меня и сестру), я вам доверяю и открою вам секрет: я с Осиповой встречался несколько раз в отряде «Дима», и мы оба получили там задания. Конечно, они различны, но цель одна — борьба с врагом, надеюсь, что и вы будете нам помогать». Я ответила: «Спасибо за доверие, будем работать сообща»… Как-то в солнечный день мы с Валентиной спустились по Потемкинской лестнице к реке Свислочь. Здесь нас ждали Николай с Марией, они прогуливались под руку, будто влюбленная пара. Мы подошли к ним, поздоровались как со старыми друзьями, хотя я видела Марию впервые. Николай с Валентиной отошли, а мы с Марией стали говорить о деле. Мария на меня произвела хорошее впечатление, она была спокойной, серьезной женщиной. Когда я ей сказала, что начну подготовку при условии, если она с Валентиной сходит в отряд вместе, Мария охотно согласилась».

Несколько иную картину мы видим в рассказе Марии Осиповой. «Я с Галей отошла в одну сторону, а Валя с Николаем в другую. Я Гале сказала, что у меня с вами разговор будет короткий. Николай вас, очевидно, предупредил, с кем он вас знакомит и что я от вас хочу. У меня была взята с собой отрава. Я думала передать ее Гале, но она мне сказала, что Николаю не доверяет, а меня вообще не знает, хочет видеть кого-либо из начальства отряда. После этого она рассказала, что к ней приходила какая-то Надя, предлагала деньги за убийство Кубе, от которых она отказалась, и что Надя вызывает у нее подозрение

своим поведением, так как открыто носит по городу листовки и держит себя развязно. На это я Гале ответила, что у меня денег нет, за них я покупать вас не собираюсь, а надеюсь на вашу сознательность».

Как мы видим, два рассказа об одном и том же эпизоде значительно отличаются друг от друга. На мой взгляд, воспоминания Марии Осиповой более объективны и максимально приближены к той сложной оперативной обстановке в оккупированном Минске.

Объективны и опасения Мазаник, которая хотела точно знать, что с ней связались именно представители партизан. Работая продолжительное время в канцелярии гауляйтера, она наверняка была осведомлена о том, что гитлеровские спецслужбы имели разветвленную агентуру из числа местных жителей. И она, конечно, боялась, что к ней могут подослать агентов гестапо для выявления ее благонадежности.

Видя, что разговор может закончиться безрезультатно, Осипова сказала Мазаник: «Вы прекрасно понимаете, в какой обстановке мы находимся. Близится час, когда каждый из нас, оставшийся в тылу противника, должен будет отчитаться перед Родиной, что он сделал для ее освобождения от проклятого фашизма».

Мазаник настояла на встрече с руководством партизанского отряда. Осипова согласилась на это, предупредив, что придется идти пешком километров сорок. Однако Мазаник, сославшись на занятость, сказала, что вместо нее пойдет ее сестра Валя.

На следующий день (это была суббота 10 сентября) в шесть часов утра Валентина встретилась с Марией Осиповой, и они ушли в партизанский отряд.

Из отряда они возвратились благополучно на следующий день.

13 сентября, по договоренности, Мария Осипова пошла на встречу с сестрами, но они в назначенное время не явились. Подождав некоторое время, чтобы не вызвать подозрения, она ушла.

На следующий день, 14 сентября, Николай Похлебаев организовал очередную встречу. На этой встрече было принято решение ликвидировать Кубе, заложив мину в его кабинет или спальню. От первоначального плана убить Кубе путем отравления решили отказаться, так как первыми в доме принимали пищу его дети.

Итак, договоренность с возможным исполнителем теракта была достигнута. Осталось принести из партизанского отряда

мины и передать их Елене Мазаник.

Ликвидация Кубе явилась приказом Центра для всех партизанских формирований. Возникает вопрос, который не дает покоя историкам отечественных спецслужб: кто приложил руку к убийству гауляйтера, военная разведка или органы государственной безопасности?

Последней инстанцией, где Осипова получила мины, явился действовавший в районе Минска спецотряд «Дима» Главного разведывательного управления, которым руководили Д. И. Кеймах, К. Корниенко и Н. П. Федоров.

Мария Осипова ходила на связь под видом спекулянтки. Из города несла разную одежду, будто менять на хлеб, а на самом деле в ней были зашиты нужные сведения. Из деревни (то есть из отряда) возвращалась с продуктами якобы для продажи, а под продуктами часто проносила листовки и взрывчатку.

Получив в отряде «Дима» две небольшие на вид мины, Осипова положила их в корзинку, засыпала брусникой, сверху положила яйца и вареную курицу. На подходе к Минску она была остановлена полицейскими. Вот как она сама рассказывала про это: ««Чего несешь?» — спросили полицаи. — Я сделала глуповатую физиономию, пожала плечами и говорю, что несу ягоды, яички и курицу. Один из полицейских спросил: «Что под ягодами?» Я улыбнулась глуповато и говорю: «Да что там может быть?» Полицейский приказал высыпать ягоды из корзины. Я стала плакаться, что детей у меня много, а ягоды перепачкаются в песке, у меня их никто не купит. Откупилась от полицейских курицей, яйцами и 25 марками. После этого еле дошла до места, так как была в состоянии стресса».

Можно только догадываться, что пережила отважная подпольщица за этот короткий промежуток времени общения с полицаями. При обнаружении мин Осипова, несомненно, была бы доставлена в гестапо и наверняка расстреляна.

В пятницу 16 сентября Мария Осипова, как было условлено, направилась на встречу с Мазаник, предварительно завернув мину в газету и положив ее в сетку, а сверху прикрыв рваными туфлями. Мазаник на встречу не явилась. Состояние Осиповой в этот момент было на грани срыва.

Оказывается, Мазаник не пришла на встречу ввиду отъезда Кубе в командировку.

Очередная встреча Осиповой и Мазаник произошла на квартире последней в воскресенье 19 сентября 1943 года. Мазаник сообщила, что жена гауляйтера во вторник поедет за покупками, и, возможно, в этот день может сложиться благоприятная ситуация для закладки мины.

В понедельник 20 сентября вечером произошла их контрольная встреча, на которой Осипова отдала Мазаник мину.

Во вторник 21 сентября в шесть часов утра Елена Мазаник, положив в сумку мину, направилась в последний раз на работу в дом гауляйтера Кубе. С сестрой они договорились о том, что если в доме гауляйтера внезапно появится гестапо, это будет означать, что операция потерпела крах, и Елене надо будет немедленно уходить.

Как вспоминала Мазаник, у них с сестрой имелся яд, который предполагалось принять в случае провала.

Содержимое сумки было покрыто красивым носовым платком. Помимо этого, Мазаник несла также портфель с мочалкой и полотенцем, будто она собралась мыться в душе.

На входе в дом Кубе прислугу всегда обыскивали. В этот день, на счастье Елены Мазаник, дежурил солдат, с котором она была в хороших отношениях. Обыск прошел формально.

Придя к себе, Мазаник переоделась, а мину подвязала под платье ниже груди. Поверх платья надела фартук, но не завязала его сзади, чтобы он висел на ней свободно — так мина была совсем незаметна. Таким образом отважная женщина ходила с миной до 11 часов.

В 9 часов утра Кубе, его жена и дети проснулись. Кубе, встретив Мазаник на лестнице, поинтересовался причиной ее бледности. Она ответила, что не спала всю ночь из-за больного зуба, и попросила у него разрешения пойти к зубному врачу и на работу в тот день больше не приходить. Кубе отреагировал положительно и распорядился, чтобы ее отвели к немецкому зубному врачу.

Кубе со своим адъютантом Виленштейном уехали на службу. Жена гауляйтера с младшим сыном Вилли уехали в магазин за продуктами. Двое старших сыновей Кубе отправились в школу.

В доме оставались горничные и дежурный офицер СД, который с утра до поздней ночи дежурил у телефона. Его комната находилась как раз напротив спальни Кубе. Он редко покидал свой пост, особенно когда Кубе и его жена уходили из дому.

В спальне Мазаник быстро заложила мину между матрацем и пружинами, ближе к головной части кровати. Затем села на кровать — проверила, не чувствуется ли мина, нет, все было хорошо — на матраце лежала еще тонкая перина. И вот тут-то все чуть не сорвалось…

Только она успела встать с кровати, как в дверях спальни появился дежурный офицер. Он подозрительно посмотрел на нее и спросил, что она здесь делает одна, почему находится в комнате, уборка которой поручена другой горничной.

Офицер внимательно осмотрел спальню, заглянул в тумбочку, открыл гардероб, поднял на кровати подушку, одеяло и сказал Мазаник: «Можешь идти, русская свинья, чтоб твоего духу здесь больше не было!»

Марию Осипову, Елену Мазаник и ее сестру Валентину Шутскую вывез за город Николай Фурс — шофер кинотеатра, возглавляемого Николаем Похлебаевым. Затем они самостоятельно добрались до партизан.

Кубе вернулся домой в первом часу ночи, сказал, что плохо себя чувствует, и сразу лег в постель. В 00 часов 40 минут 22 сентября 1943 года в спальне генерального комиссара и гауляйтера Вильгельма Кубе взорвалась мина, в результате чего у него разорвало левую сторону груди и оторвало левую руку. Ранения были, безусловно, смертельные. Его труп в полуобгоревшем состоянии был вынесен из охваченной пожаром спальни поднятой по тревоге дежурной командой.

Сразу же после покушения была создана большая особая комиссия, которую возглавил штурмбаннфюрер СС Бондорф.

Руководствуясь материалами расследований, проведенных подобными особыми комиссиями по поводу взрывов мин в важных немецких учреждениях, было установлено, что в данном случае найденные фрагменты взрывного устройства являлись остатками замедлителя магнитной мины неопределенного срока действия английского производства.

Дознание ограничилось в первую очередь немедленной установкой круга лиц, которые в течение последнего дня перед покушением что-либо делали в доме гауляйтера. На месте происшествия были задержаны работавшие и занятые в домашнем хозяйстве 4 горничные. Проверка вначале не показывала какой-либо связи их с покушением.

Уже утром 22 сентября 1943 года комиссия установила, что Елена Мазаник была единственной служанкой, которая не жила в доме Кубе. Была вскрыта ее квартира в Минске по улице Театральной, 48, квартира 10, дома она отсутствовала. Оказалось, что и вещей там практически не было.

В квартире не было и ее сестры Валентины, проживающей по этому же адресу.

Комиссией было установлено, что при приеме на работу, по просьбе Кубе, Е. Мазаник почему-то не была проверена через гестапо. Также у следствия вызвал удивление тот факт, что Мазаник лечила зубы по особому распоряжению гауляйтера у немецкого врача, несмотря на то, что была белоруской.

При дальнейшей проверке круга знакомых обеих сестер

следствие натолкнулось на «любовника» Мазаник по имени Степан, который был установлен в лице Стефана Тиллнера, руководителя почтового отделения в генеральном комиссариате. У него была изъята годная к репродукции фотография Мазаник.

Расследуя это дело, гитлеровцы довольно быстро вышли на Николая Дрозда, оказывающего определенные услуги подпольщикам и партизанам. В его деревянном сарае в штабеле дров было найдено два детонатора, которые, по показаниям Дрозда, принесла некая Мария, по прозвищу Черная Мария. Позже она была установлена как Мария Осипова.

Хозяин усадьбы Николай Дрозд, а также его жена Елена и их дочь Регина были арестованы незадолго до их подготовленного бегства.

Дрозд признался, что 18 сентября 1943 года на мосту в Минске его ждали, когда он возвращался из деревни Вячи со сбора ягод, Мария Осипова и Мария Дуброва (Грибовская), от которых он получил две мины. Эти мины он принес домой, а Осипова спрятала их в его саду.

Находившаяся под арестом Дуброва вынуждена была подтвердить, что эти данные соответствуют действительности и что она получила эти мины в лесу недалеко от деревни Вячи от неизвестного мужчины. Этот неизвестный мужчина имел отношение, по словам Дубровой, к партизанам.

В ходе дознания было установлено, что Осипова с апреля 1943 года, проживая у Дрозда, неоднократно предпринимала так называемые служебные поездки, а также вела усиленную антифашистскую пропаганду среди своих знакомых.

Следствием был установлен и связной Марии Осиповой Георгий Куликов, который собирал для нее разведданные о настроениях среди местного населения, в немецких частях, месторасположении отдельных подразделений вермахта и др.

При этом ему содействовал Владимир Сибко. Работая музыкантом в немецком доме, он заставлял знакомых официанток показывать ему письма от немецких солдат, выписывал из них номера полевых почт и другие важные подробности, а также всеми возможными методами пытался добыть сведения о германских войсках. Оба были арестованы.

Проводившийся розыск Мазаник, ее сестры и Марии Осиповой не завершился успехом. Следствию практически сразу стало известно, что Мазаник с сестрой после выполнения специального задания были отправлены с помощью Осиповой в Москву на самолете из ближайшей партизанской области. Это еще раз подтверждает то, что гитлеровские спецслужбы имели

своих информаторов в партизанских отрядах.

Комиссия пришла к выводу, что Мария Осипова действовала по заданию Москвы, а именно НКВД, к которому имела отношение и непосредственная исполнительница Елена Мазаник.

Нацисты жестоко отомстили за смерть гауляйтера Кубе. Взятый в плен 7 мая 1945 года бригадефюрер СС Герф Эбергард, на момент убийства Кубе начальник полиции порядка в Белоруссии, показал: «Страшные злодеяния в Минске после убийства Кубе были совершены по приказу высшего начальника СС и полиции- Готтберга… В последующие дни полицией совместно с СД были проведены облавы. Схваченные на улицах и в домах ни в чем не повинные люди, в том числе женщины и дети, были расстреляны… В этих облавах было расстреляно две тысячи человек, и значительно большее число заключено в концлагерь».

Как уже отмечалось, за Кубе охотились и НКВД, и ГРУ, и ЦШПД. После получения данных о его ликвидации было еще не ясно, кто же конкретно осуществил акт возмездия. Некоторые поспешили доложить в Центр, что именно их агентура ликвидировала гауляйтера. В частности, мой бывший подчиненный, начальник особого отдела партизанских отрядов Витебской области капитан госбезопасности Юрин, агенты которого также были задействованы в убийстве Кубе, поспешил отрапортовать своему руководству в Москву об этом. Он доложил в Центр, что убийство гауляйтера осуществлено его людьми. После этого он был вызван в Москву и арестован за очковтирательство. Ему дали 6 лет лагерей. И только благодаря моим ходатайствам Юрин отсидел всего 1,5 года.

Убийство Кубе воспринимается историками неоднозначно. В связи с уничтожением нацистами большого количества мирных жителей, не имеющих отношения к смерти гауляйтера, некоторые авторы придерживаются точки зрения отрицания террора в ходе боевых действий.

Я склоняюсь к тому, что Кубе был казнен (не убит, а именно казнен по приговору советского народа) правомерно. Свою точку аргументирую тем, что в рамках глобальной войны, когда стоял вопрос о выживании целых народов, ликвидация Кубе явилась закономерным ответом на его злодеяния. Помимо этого, после совершенного правосудия был объявлен траур в Берлине, а на фронтах и в тылу наблюдалась полная деморализация личного состава противника. Будем объективны, если бы этот палач остался в живых, то совершил бы еще больше злодеяний. И поверьте, я не одинок в своих суждениях по этому вопросу. Большинство ветеранов-партизан поддержат меня.

Об убийстве Кубе знают, наверное, все, кто прошел курс средней школы. Но партизаны ликвидировали также и отъявленных предателей Родины. Убийство Фабияна Акинчица было не исключением.

Германия с первых дней захвата власти фашистами готовила шпионские и диверсионные кадры для засылки в Советский Союз.

В 1934 году для этих целей гестапо завербовало некоего Фабияна Акинчица, 1895 года рождения, уроженца Пинской области, белоруса, который в 1920 году эмигрировал на территорию Польши и до 1938 года находился в Вильно (ныне Вильнюс). В Виленском университете он преподавал в качестве доцента белорусскую литературу. Семья его состояла из жены и двоих детей, проживала в небольшом личном поместье в Гродненском уезде Белостокской области.

С 1925 года Акинчиц являлся одной из видных фигур в белорусском национал-демократическом движении за границей. В Вильно вокруг него концентрировалась белорусская молодежь, главным образом студенты Виленского университета. В этот же период из нацдемов с ним совместно работали доктор Тумаш, ксендз Годлевский, ксендз Мицкевич, Адамович и др.

Деятельность нацдемов в Польше в те годы выражалась в организации собраний, издании и распространении различного рода нацдемовской литературы, выпуске отдельных статей и пр. В дни разгрома в Польше Белорусской крестьянско-рабочей громады в 1928-м году, будучи юристом этой массовой (стотысячной) противопольской революционно-демократической организации трудящихся Западной Белоруссии, Фабиян Акинчиц, путем предательства своих товарищей по партии, добился для себя снисходительного приговора польского суда и вскоре был совсем освобожден.

В 1930–1931 годах Акинчиц снова появляется на Виленском политическом горизонте, выступая с клеветническими и погромными статьями, направленными против Советской Белоруссии.

В 1934 году во время проезда из Парижа через Берлин в Польшу Акинчиц был задержан гестапо и доставлен к А. Розенбергу, который завербовал его в число агентов гестапо под кличкой Белорус. По заданию гестапо Акинчиц на территории Польши должен был создать под видом белорусских нацдемовских организаций несколько разведывательных резидентур, которые выполняли бы разведывательную работу на территории СССР и Польши и вели профашистскую пропаганду среди вовлеченных в эту деятельность лиц.

Кроме Акинчица, в качестве резидентов гестапо были завербованы: преподаватель Виленского университета, редактор «Минской газеты» Козловский (кличка Козловщик) и Николай Щорс из Столбцовского района Барановичской области, врач.

Основную разведывательную резидентуру Акинчиц создал в 1936 году в Вильно и руководил ею лично. Позднее созданные резидентуры в городах Столбцы, Барановичи и Новогрудок возглавил Щорс, а в Варшаве — Козловский. От этих резидентур были установлены связи с некоторыми нацдемами в Минске. Для распространения фашистской пропаганды в Польше Акинчиц использовал легальную печать. Так, лично им была написана брошюра «Наши задачи», изданная на польском и белорусском языках. В ней он сформулировал основные задачи фашистских нацдемов по созданию с помощью Германии «независимого белорусского государства», в границы которого включалась часть Смоленской и Ленинградской областей. Также лично им был отредактирован и выпущен «Белорусский календарь», собранный из статей профашистского содержания. Указанная литература распространялась в Польше и в некотором количестве была заброшена на территорию СССР.

В связи с раскрытием в Варшаве польской контрреволюционной резидентуры, возглавляемой Козловским, в мае 1939 года польская полиция имела распоряжение об аресте Козловского, Щорса и Акинчица. Но они опередили это мероприятие, выехав нелегально в Германию.

В ноябре 1939 года в Берлине был организован Белорусский комитет самопомощи (БКС), финансируемый германским правительством. Во главе БКС стал Акинчиц, его заместителем — Козловский. Было сформировано Руководящее бюро БКС, в которое вошли доктор Ермаченко, Кожур и др.

Одновременно в городах и крупных населенных пунктах, расположенных вблизи вновь установленной советско-германской границы против Белорусской ССР, были организованы отделения (филиалы) БКС: в Варшаве, возглавляемое Щорсом, Бело-Подляске, Тирасполе, Сувалках и других пунктах.

БКС был создан якобы для оказания культурно-просветительной помощи белорусам, проживающим за границей. В действительности же все организации БКС были подчинены гестапо, которое и инструктировало все их мероприятия. Основное назначение БКС было в выполнении разведывательной деятельности и проведении фашистской агитации на территории СССР, в подборе и вербовке кадров разведчиков для гестапо из среды белорусов, проживавших за границей. Об этом достаточно полно сообщали заброшенные на нашу территорию в период

1939–1941 годов в большом количестве агенты и различного рода связники, направленные БКС из Варшавы, из Берлина, завербованные лично Акинчицем.

По заданию гестапо БКС уделял особое внимание установлению связей с белорусскими нацдемовцами, находившимися на нашей территории. Большинство связников имели задание посетить Минск, Барановичи, Столбцы, Новогрудок, Вильно, Вилейку и другие населенные пункты основных концентраций белорусских национал-демократических формирований. Многие из них были снабжены литературой, автором которой был Акинчиц. Особенно активизировалась деятельность БКС перед войной.

В апреле 1941 года на заседании руководящего бюро БКС был намечен состав будущего «белорусского правительства», которое должно было состоять из президента (это место оставалось вакантным), и кабинета министров. Так, Николай Щорс был намечен министром иностранных дел, Козловский — министром земледелия. На заседании этого же руководящего бюро было утверждено положение белорусской национал-социалистической партии (БНСП). Положение предусматривало БНСП как единственную руководящую партию при новом белорусском правительстве. Руководителем белорусской национал-социалистической партии был утвержден на руководящем бюро Фабиян Акинчиц.

Ненавидя фашистских оккупантов и их пособников — предателей вроде Акинчица и Козловского, белорусский народ, организовываясь в партизанские отряды, повел с ними решительную борьбу.

Немецко-фашистские захватчики получали одновременно удары от партизан и их агентов, которые, в силу различных причин или выполняя спецзадания, работали в немецких учреждениях и на предприятиях.

Ликвидацию Фабияна Акинчица осуществил подпольщик А. Л. Матусевич, 1902 года рождения, белорус, беспартийный, в прошлом литературный работник. После захвата Белоруссии немцами Матусевич остался в подполье, а затем поступил на работу в качестве технического редактора фашистской газеты «Минскер цейтунг» с диверсионными и разведывательными целями.

Оставаясь советским патриотом, Матусевич после неоднократных попыток в конце 1942 года через товарища Сосновского установил связь с подпольным райкомом партии Логойского района, а затем с командованием партизанской

бригады Воронянского.

Выполняя ряд заданий подпольного райкома партии и командования бригады Воронянского, Матусевич одновременно осуществлял подготовку уничтожения предателей Козловского и Адамовича.

Первая попытка уничтожить Козловского и Адамовича из-за использования слабого яда успехом не увенчалась.

Выполняя задание, Матусевич совместно с Григорием Игнатовичем Страшко и Афанасием Ивановичем Прилепко 5 марта 1943 года в Минске застрелил предателя Акинчица.

В конце февраля 1943 года Матусевич, Страшко и Прилепко, получив соответствующий инструктаж о проведении этой операции, отправились в Минск.

Расправа с этим бандитом была проведена таким образом. Рано утром в 7 часов трое партизан подъехали на автомашине к зданию редакции на площади Свободы, расположенному рядом с полицией. Хотя шофер был надежным человеком, но Матусевич все же решил оставить в машине партизана Прилепко, а сам со Страшко (первый с наганом, второй с пистолетом) пошли на 3-й этаж.

Перерезав телефон и разложив по столам партизанские летучки (листовки), в одной из комнат они обнаружили уборщицу, которую, угрожая оружием, заставили молчать и сидеть в запертой ими комнате.

Затем они постучали в квартиру Козловского, который жил на 3-м этаже рядом с редакцией. В квартире оказался и сам Акинчиц. Он еще был не одет и открыл дверь после двух-трех вопросов.

Матусевич прошел во вторую комнату, чтобы убедиться, нет ли там еще кого из опасных гостей. В квартире оказалось только двое. Продолжая начатый разговор о своем отъезде якобы в Барановичи, Матусевич вышел в переднюю и скомандовал: «Тишка, начинай». В этот момент Страшко выстрелил в Акинчица и побежал в другую комнату, где был Козловский.

Акинчиц же с воем бросился на правую руку Матусевича, но тот успел произвести 4 выстрела. С минуту Акинчиц метался, отбиваясь руками, потом бросился бежать и упал на пороге.

Услышав выстрелы, Козловский схватился за свой револьвер и, после того как пистолет Страшко отказал (из-за перекоса патрона), начал стрелять в партизан из своей комнаты.

Размышлять и действовать дальше было уже некогда, так как вся операция производилась на глазах у полиции и немцев (дом полиции за 10 метров по другой стороне, а на 2-м этаже дома, где проводилась операция, жили немцы, и во дворе стоял пост).

Выбежав на улицу, партизаны быстро сели в подготовленную грузовую 3-тонную немецкую машину и помчались за город.

Заканчивая эту тему, хочу сказать, что с одним из организаторов ликвидации Кубе Героем Советского Союза Надеждой Викторовной Троян я поддерживаю самые теплые отношения.

Глава 10
Нарком республики

Сергей Саввич, почти десятилетний период Вашего пребывания на посту наркома, а затем министра внутренних дел Белоруссии практически неизвестен. Это назначение произошло в бытность Вашу заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения. Что послужило причиной назначения Вас на столь ответственный пост?

Вместе с тем, хочется услышать о задачах, стоявших перед Наркоматом внутренних дел Белоруссии в период освобождения республики от немецко-фашистских оккупантов, о других проблемах, стоявших перед Вашим ведомством.

Во время Вашей службы в Минске произошло убийство видного еврейского общественного деятеля С. М. Михоэлса. Что предпринималось для расследования этого громкого дела?

Некоторые историки, отрицательно относящиеся к партизанскому движению, голословно заявляют о том, что после освобождения Белоруссии многие отряды продолжали «партизанить», кормясь за счет местного населения. Но, насколько я знаю, это были не советские партизаны, а разведывательно-диверсионные группы гитлеровских спецслужб, оставленные ими для выполнения заданий в тылу наших войск. Прошу подробнее остановиться на этом вопросе.

В результате осенне-зимнего наступления 1943–1944 годов Советские Вооруженные Силы освободили полностью или частично 36 районов Белоруссии, 36 районных и 2 областных центра — Гомель и Мозырь.

После освобождения Гомеля туда немедленно переехали правительство республики и Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии. Там же расположился и штаб 1-го Белорусского фронта, командовал которым генерал армии К. К. Рокоссовский, а начальником штаба был генерал-полковник М. С. Малинин.

Гомель, до войны один из красивейших городов Белоруссии, лежал, как и вся республика, в руинах. Люди ужасно бедствовали: жили в землянках, погребах, голодали, т. к. оккупанты ограбили их до нитки. Каждая семья в этой войне потеряла своих родных и близких. Многие из них были зверски замучены и уничтожены немецкими карателями, вымещавшими злобу на населении за те потери, которые они несли от ударов народных мстителей — партизан.

Партизанская разведка имела достоверные данные о том, что германское командование, зная о неизбежном своем отступлении под ударами Красной Армии, заранее подготовило большое количество диверсионно-террористических групп для активных действий в тылу наших войск. Эти формирования были хорошо вооружены, а в труднодоступных местах среди болот и лесов было запрятано все необходимое, в том числе продовольствие, медикаменты и теплая одежда. Ликвидация их в кратчайший период была возложена на наркомат, руководимый мною: я получил назначение на пост наркома внутренних дел Белоруссии.

Я был очень удивлен и поинтересовался у начальника ЦШПД и первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко, почему выбор остановился на мне. Он ответил, что меня хорошо знает еще с периода моей работы в Белостоке и, помимо этого, так решило Политбюро ЦК партии.

После беседы с Пономаренко мне по телефону позвонил начальник секретариата НКВД СССР Мамулов и сообщил, что меня вызывает Берия. В приемной я ожидал минут пятнадцать, после чего меня пригласили к наркому.

Войдя в кабинет, я представился по полной форме: «Товарищ народный комиссар, комиссар государственной безопасности Бельченко по вашему приказанию прибыл». Это была моя первая встреча с Л. П. Берия. Лаврентий Павлович вышел из-за стола и поздоровался со мной за руку. Меня поразили его быстрые глаза, пронзительно рассматривавшие меня из-под пенсне.

«Вам объявили решение Политбюро?» — спросил меня Берия. Я ответил утвердительно. Нарком продолжил: «Я поздравляю вас с этим высоким и ответственным назначением. Однако работа у вас будет очень сложная. Белоруссия скоро будет освобождена, но республика полностью разрушена. Люди живут в землянках и погребах. Все это вы и без меня знаете. Вам придется работать в очень непростых условиях. Жилья вашим сотрудникам мы предоставить из-за его отсутствия не можем. В первое время придется жить в бараках. По служебным вопросам звоните напрямую мне или моим заместителям в любое время. Самое главное, что я хочу сказать: по нашим данным, отступая, немцы оставляют хорошо подготовленные разведывательно-диверсионные формирования. Они состоят из немецких пособников, предателей, уголовного элемента и прочего сброда». После непродолжительной беседы мы расстались. Я был удовлетворен состоявшимся разговором. Берия показался мне высоким профессионалом своего дела.

Заместитель наркома по кадрам Б. П. Обручников выдал мне на руки штатное расписание. У меня должно было быть пять

заместителей. Появилось новое управление — по борьбе с бандитизмом.

Когда меня назначили наркомом внутренних дел Белоруссии, возник главный вопрос — подбор кадров.

Две наиболее боеспособные партизанские бригады вообще не расформировали, а создали из них две дивизии для борьбы с бандитизмом. Партизаны, помимо борьбы с гитлеровскими оккупантами, лжепартизанскими отрядами, боролись и с различными националистическими бандформированиями, в том числе и польскими националистами — аковцами (АК — Армия Крайова действовала в 1942–1945 годах под руководством польского эмигрантского правительства).

Моим первым заместителем был И. Н. Иващенко (бывший начальник ЭКО УНКВД по Белостокской области), заместителем по кадрам был полковник Хоняк, по милиции — комиссар милиции С. Д. Красненко, по хозяйственно-административной части — полковник И. Я. Карпов, по исправительно-трудовым лагерям и колониям — А. Л. Клименко.

Вскоре по прибытии в Гомель мне позвонил П. К. Пономаренко и пригласил вместе с ним поехать к командующему 1-м Белорусским фронтом генералу К. К. Рокоссовскому. Надо сказать, что уже к тому времени его имя обрело широкую популярность в армии и народе. Встретил он нас любезно, запросто. Здесь же присутствовал и его первый заместитель — начальник штаба генерал-полковник М. С. Малинин. Я о нем был наслышан очень хорошо. Известный на фронтах военачальник, он пользовался уважением и авторитетом и у военных, и у гражданского населения.

Командующий рассказал о положении дел на вверенном ему фронте, о предстоящих тяжелых наступательных операциях. Нашей общей задачей была подготовка и налаживание четкого взаимодействия партизан и действующей армии, отработка контакта боевых действий и партизанского движения на отдельных участках фронта. Рокоссовский и Малинин оба подчеркивали то обстоятельство, что противник оставляет в тылу наших войск много банд, и обещали помогать в их ликвидации. Обратило внимание на себя то, что нередко генерал Малинин дополнял конкретными фактами то или иное положение. Складывалось впечатление, что они дружно работают в одной упряжке, с полуслова понимая друг друга.

Рокоссовский сказал, что Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин часто звонит, дает указания, советуется, а когда надо, вызывает его и Малинина в Москву. Оба они выражали удовлетворение боевыми и разведывательными действиями

белорусских партизан и подпольщиков. Особое значение приобрел разговор о дальнейшей роли белорусских партизан в помощи фронту. М. С. Малинин, как показал обмен мнениями, очень хорошо знал силу и мощь полумиллионной армии белорусских партизан и подпольщиков. Он на карте отметил районы и объекты, по которым партизаны должны были нанести сокрушительные удары, дезорганизуя тем самым работу тылов противника. Обозначил при этом и точные сроки действий партизан. Штаб фронта, руководимый генералом Малининым, в тесной связи с Белорусским штабом партизанского движения, начальником которого был П. З. Калинин — второй секретарь ЦК КП Белоруссии и мой верный друг, от начала и до конца операции «Багратион» образцово взаимодействовали по намеченному плану.

Позднее Г. К. Жуков дал высочайшую оценку боевой и разведывательной деятельности партизан при освобождении Белоруссии. Он сказал, что партизаны разрушили по существу всю тыловую службу противника: коммуникации, связь и не давали ему покоя ни днем, ни ночью. Это в значительной степени облегчало нашим частям их задачи.

Блестяще подготовленной и талантливо проведенной операцией под кодовым наименованием «Багратион» вскоре полностью была освобождена республика. Здесь был проявлен высокий героизм солдат, офицеров и генералов. Обогащенные опытом войны, они в короткий срок выполнили стратегическую задачу исторического значения. Большую помощь при проведении операции оказали белорусские партизаны.

Малая частица освобожденной Белоруссии город Новобелица встречал прибывшее руководство — членов правительства и ЦК Компартии Белоруссии с неподдельной радостью, с большими надеждами на скорое и полное изгнание оккупантов с родной земли. Сердечными были и мои встречи с людьми, которые знали меня до войны по работе в Западной Белоруссии, а также во время войны как одного из организаторов и руководителей подполья и партизанского движения и по моей деятельности в Центральном штабе партизанского движения.

Рядом, через реку Сож, лежал в развалинах Гомель — один из красивейших городов республики до войны.

Гомель мне дорог тем, что в нем в братской могиле похоронен мой младший брат Петр, героически погибший в боях за Родину, и одна из улиц названа именем Петра Бельченко, заместителя начальника разведотдела Белорусского штаба партизанского движения.

Во время освобождения Белоруссии две партизанские бригады должны были соединиться с частями Красной армии. Мой брат обеспечивал эту операцию. Незадолго до его гибели я говорил с ним и предупреждал о появившихся на смежной с Белоруссией территории Украины бандах Организации украинских националистов (ОУН). Оуновцы изредка заходили даже на территорию Белоруссии. Я запретил Петру ездить на машине ночью, так как это было опасно. Но он меня не послушал. Ночью он со своими сослуживцами попал в засаду оуновцев. Они обстреляли машину у заброшенного кладбища. Брат, видимо, погиб от первых выстрелов. Он сидел рядом с водителем.

Смерть младшего брата болью отозвалось в моем сердце. Мой старший брат Иван вскоре прислал мне письмо, где клялся жестоко отомстить врагам за гибель Петра. Но вскоре и он погиб при освобождении Румынии у небольшого городка Арад, на границе с Венгрией. Во время бомбежки он был смертельно ранен в живот осколком. Так я остался без своих родных братьев.

Руководство Белоруссии понимало, какая трудная и огромная по масштабам работа ложится на него и на весь многострадальный народ, чтобы поднять республику из руин. Мы знали, что скоро она будет полностью освобождена. Вселяло уверенность то, что И. В. Сталин и другие руководители страны пообещали П. К. Пономаренко всемерную помощь в восстановлении городов, сел и всей экономики. Мы верили в это, и оно сбылось. Без братской помощи всех республик СССР Белоруссии долго пришлось бы лежать в руинах, а народу страдать в нищете.

Зная, что с формированием Наркомата внутренних дел БССР будут серьезные кадровые трудности, я заранее поставил этот вопрос и получил разрешение ЦК компартии Белоруссии комплектоваться за счет личного состава партизан, выходящих на освобождаемую территорию.

Пользуясь правом заместителя начальника ЦШПД, в конце ноября 1943 года я забросил к партизанам в тыл врага три небольшие группы с рациями для ведения разведки, а заодно, чтобы они, общаясь с партизанами и их командованием, выявили и взяли на учет бывших чекистов и других партизан, достойных работать в органах внутренних дел. Они хорошо справились с этими заданиями, взяв на учет около 200 человек.

По согласованию с П. К. Пономаренко я командировал более 10 работников в выходящие в наш тыл отряды и бригады, где вместе с их командирами и комиссарами они отобрали более 200 лучших партизан и с учетом качеств каждого из них назначили на

соответствующие должности в НКВД республики. Могу сказать, что аппарат и особенно милиция на 90 процентов были укомплектованы бывшими партизанами. Все они включились сразу в практическую деятельность. Работая, учились.

Германское командование и его спецслужбы, предвидя неизбежное отступление, создали диверсионно-террористические формирования из числа предателей Родины — полицейских, участников лжепартизанских и карательных отрядов, из немцев-колонистов, проживавших ранее на территории СССР, изменивших нашей стране и служивших потом уже в германской армии, националистов всех мастей, уголовно-преступных элементов, чиновников администраций, верно служивших оккупантам, и немцев, хорошо знавших русский язык. Личный состав был хорошо обучен и вооружен. В лесах имелись достаточные запасы запрятанного оружия, боеприпасов, радиостанций, продовольствия и всего другого, необходимого для совершения диверсионно-террористической и разведывательной деятельности в тылу наших войск на территории БССР. К ним потом присоединялись и немцы, оказавшиеся в окружении и не сумевшие выбраться из него, но в плен не сдавшиеся. Партизанская разведка своевременно доносила в ЦШПД об этих формированиях.

После разгрома витебской, бобруйской и минской группировок немецко-фашистских войск, оказавшихся в окружении, в лесах большими и малыми группами, по неточным данным, скрывалось около 30 тысяч гитлеровцев, стремившихся прорваться к своим.

На НКВД и оперативный состав НКГБ с привлечением пограничных и внутренних войск, нерасформированных партизанских формирований, а также тыловых частей Красной Армии была возложена задача пленить их, а при сопротивлении — ликвидировать. В течение незначительного времени эта задача была успешно выполнена. Во время проведения этой операции в некоторых местах Восточной, а чаще в Западной Белоруссии нашим подразделениям оказывалось ожесточенное сопротивление с потерями с обеих сторон. Было установлено, что в составе окруженных частей противника оказались и те, кого заранее готовили для совершения терактов, диверсий и разведки.

Чем дальше на запад уходили наши наступающие войска, тем активнее начинали проявлять себя банды и сотрудничавшие с ними аковцы. По распоряжению из Лондона польского эмигрантского правительства Николайчика сбрасывались на парашютах его эмиссары, вооружение, боеприпасы и др. Аковцы особенно активизировались после вступления наших войск на

территорию Польши.

Судя по их взаимодействию, мы сделали вывод, что руководят ими из одного центра. В Западной Белоруссии проводили особенно активные диверсионно-террористические действия банды Рагнера, Котвича, Сибиряка, Германа и др. Они взрывали железнодорожные и шоссейные мосты, рельсы, водокачки, базы, убивали местных советских и партийных работников, особенно жестоко уничтожали местный актив и даже лиц, сочувствующих советскому строю. Из засад убивали наших военнослужащих, следовавших небольшими группами и в одиночку. Словом, наносили ощутимый урон тылам наших наступавших войск и восстановлению разрушенных, освобожденных от оккупантов районов.

Как я уже говорил, с начала освобождения БССР от оккупантов приказом НКВД СССР на меня лично была возложена ответственность за ликвидацию бандитизма в республике. Для более четкого руководства и взаимодействия со всеми задействованными частями и подразделениями был создан Белорусский округ внутренних войск, командующим которым был назначен боевой опытный генерал-майор В. И. Киселев, прошедший школу гражданской войны в Испании. Сформированный и руководимый мною штаб дислоцировался в городе Лида Гродненской области. Следует отметить, что Гродненская, Брестская, Полесская, Барановичская, Молодечненская области были наиболее поражены бандитизмом. Борьба велась по четко разработанному плану. В районы, где наиболее активно действовали бандиты, нами были поставлены гарнизоны подразделений, хорошо укомплектованные оперативным и командно-политическим составом, имеющим опыт борьбы с бандами.

Чекисты внедряли свою агентуру в бандформирования, и мы имели достоверные данные об их планах и намерениях. Преобладала тактика внезапного, скрытого нападения на места появления незаконных вооруженных формирований. Через хорошую агентуру мы вели разложение банд, в результате которого начинались «разборки» среди них, кончавшиеся убийствами своих и уходом из банд сначала одиночек, а потом групп. Особо следует подчеркнуть, что разложение банд изнутри являлось наиболее действенным средством.

От боестолкновений бандиты стали все чаще и чаще уходить, так как несли значительные потери. Заготовленные заранее продовольствие и боеприпасы истощались, в результате из дня в день росло число грабежей населения, а отсюда увеличивалось и недовольство потерпевших.

Банды орудовали везде, даже, казалось бы, в относительно спокойных восточных областях Белоруссии. Так, в Бобруйской области действовала одна банда, в которую продолжительное время мы не могли внедрить своего человека. Главарем там был бывший председатель сельсовета, ярый националист. Банда состояла из 40 человек.

С какой только стороны мы не подходили к этой банде. Все наши меры по внедрению в нее агентуры успехов не имели.

Из Центра мы получили директиву арестовывать и выселять, как правило, в Сибирь всех, кто служил немцам: бывших полицейских, старост и т. п.

Я вызвал к себе начальника Управления по борьбе с бандитизмом полковника Гранского и двух его заместителей Лисовского и Желтовского и потребовал в кратчайший срок ликвидировать бобруйскую банду. «В Западной Белоруссии, — сказал я им, — имеются определенные условия для существования бандформирований, особенно националистического толка. А в бывшем партизанском районе действует вооруженная банда. Даю вам пару дней для принятия решения о способах ликвидации этих бандитов».

И способ вскоре действительно был найден. Выселяли мы бывших полицейских из Бобруйской области. И нашли одного такого, который являлся родственником главаря банды. Мы его завербовали. Ему придумали легенду, что якобы при высылке он сумел сбежать с этапа и проживает на нелегальном положении. Не следует думать, что было все так просто. С этим агентом велась долгая кропотливая работа. Занимался с ним даже не рядовой оперативник, а начальник управления и его заместители.

Затем через ближайших родственников этого человека свели с главарем банды, который долго его расспрашивал о побеге и о том, как удавалось столь продолжительное время скрываться. Легенду агент знал твердо, поэтому ему поверили и взяли в банду.

Но для завоевания полного доверия нашему агенту приходилось выполнять поручения бандитов под их негласным наблюдением. В конце концов ему поверили.

Чтобы не «засветить» своего человека, нами было принято решение осуществлять с ним только безличную связь через тайники. Все закончилось классическим примером. Агент подвел банду под удар нашей засады, где в бою она была полностью ликвидирована. Ее расстреляли в упор из пулеметов.

Оставалось последнее — вывести агента из игры. Был пущен слух, что он понесет суровое наказание. На самом деле его с

семьей тайно вывезли на территорию РСФСР и поселили в одном из провинциальных городков. Причем выделили для него жилье.

Всего оперировало на территории Белоруссии около 300 банд. Крупные бандформирования были ликвидированы только в 1947 году. Более мелкие ушли в подполье, и борьба с ними была возложена на МГБ Белоруссии.

Особое беспокойство после войны вызывало в республике большое количество сирот. Партийные и советские органы считали необходимым в первую очередь определить этих детей в детские дома. Но их не было, гитлеровцы практически все после себя разрушили.

Поэтому жены руководящих работников Белоруссии В. Г. Пономаренко, Л. А. Ганенко, Н. П. Бельченко (моя супруга) и другие возглавили общественную комиссию, которая много сделала для обустройства этих детей. Комиссия организовывала столовые, собирала для детей продукты питания, одежду, обувь, проводила воспитательную работу в создаваемых детских учреждениях.

Известно, что фашисты в детских домах у наиболее здоровых детей брали кровь для своих раненых солдат, проводили на детях всякие медицинские эксперименты, а некоторых даже учили совершать диверсионные акты на нашей территории. Так, вскоре после освобождения Минска было взорвано два паровоза. Были приняты активные меры для розыска диверсантов. Ими оказались двое бывших детдомовцев.

Как-то патруль задержал ночью подростка, который по заданию гитлеровцев занимался поджогами. Я его лично допрашивал, и он рассказал, что его научили заниматься поджогами немцы, а согласился он потому, что якобы его мать и отца убили партизаны. И таким образом он начал мстить за них, хотя отец его сам был партизаном и погиб в одном из боев, а мать погибла от немецкой бомбежки. Таких подростков мы определяли во вновь организованную колонию в г. Бобруйск.

Активно проводимая партийно-комсомольскими организациями и армейскими политработниками работа среди населения давала положительные результаты. Население все больше и активнее оказывало помощь нашим подразделениям.

Сбрасываемая на парашютах немцами помощь бандам становилась все меньше и беднее. В одной из операций мы захватили сброшенного немцами радиста с рацией. Перевербовав его, мы начали радиоигру. Немцы тщательно проверяли, свой ли работает. Потом, поверив, определяли новый лесной массив для сбрасывания просимых грузов. А мы их потчевали

дезинформацией — «липой». Все попадало в наши руки. Но это отдельная тема, и она представляет огромный интерес.

День Победы я встретил в боевых условиях. Западнее города Лида в лесном массиве я руководил операцией по ликвидации крупной группировки, состоявшей из двух банд — Рагнера и Котвича. Окруженные плотным кольцом бандиты, пытаясь вырваться, отчаянно сопротивлялись. В этот момент наш радист доложил мне о капитуляции Германии. Эта радостная весть была доведена до каждого нашего бойца. Воодушевленные таким известием бойцы ринулись вперед, и в короткой кровопролитной схватке банды были уничтожены. Гитлеровский агент Рагнер был захвачен живым.

Наряду с политическим бандитизмом быстрыми темпами в Белоруссии стал разрастаться уголовный, причем по дерзости, формам и видам не уступавший политическому, а главное, сопровождавшийся убийствами.

Необходимо подчеркнуть, что уголовно-преступные элементы пополнялись частично за счет разгромленных банд. По линии МВД СССР был издан ряд приказов и директив, требовавших в кратчайший срок ликвидировать преступность. Эта функция тогда и теперь возложена главным образом на милицию.

Как ни странно, но общий уровень уголовной преступности того времени ни в какое сравнение не идет с уровнем теперешнего времени реформ. Сегодня этот уровень до предела страшен своей жестокостью, коварством, особенно заказными убийствами.

В результате наших возрастающих активных действий число бандформирований становилось все меньше и меньше. Как я упоминал ранее, были полностью ликвидированы самые крупные банды: Рагнера, Котвича, Сибиряка, Германа и др.

Бандиты целенаправленно охотились за мной. В Минске 16 октября 1946 года снайпер из расположенного рядом с домом сарая, целясь через чердачное окно в окно моей спальни, выстрелил в меня. Это случилось на рассвете, вскоре после того, как я вернулся домой. Так как я был укрыт в тот день купленным Надеждой Павловной одеялом, пуля, летевшая в меня, не пробила толщу ваты, а, свернув ее в комок, застряла там, нанеся в области живота удар и слабый ожог. Стрелявший быстро скрылся, да и активных мер поиска не принималось, т. к. убийств было тогда немало и отвлекать силы я не разрешил.

* * *

Лаврентий Цанава каким был, таким и остался. Надменным, нагловатым… Он считал себя в Белоруссии вторым человеком после П. К. Пономаренко.

Цанаву арестовали в 1952 году по делу С. М. Михоэлса.

Михоэлс был ликвидирован в январе 1948 года. Этой операцией на месте руководили первый заместитель В. С. Абакумова С. И. Огольцов и министр госбезопасности Белоруссии Л. Ф. Цанава. Михоэлса и сопровождавшего его знакомого Голубова заманили на дачу Цанавы под предлогом встречи с ведущими белорусскими актерами, сделали смертельный укол и бросили под колеса грузовика, чтобы инсценировать бандитский наезд на окраинной улице Минска. За рулем грузовика сидел сотрудник транспортного отдела МГБ по Белорусской железной дороге.

А. П. Судоплатов пишет в своей книге, что Голубов был агентом МГБ в среде творческой интеллигенции, чего Михоэлс, конечно, не знал. В той ситуации, однако, он оказался нежелательным свидетелем, поскольку именно с его помощью удалось привезти Михоэлса на дачу. Я этого утверждать не могу, поскольку такой информацией не обладаю.

Рано утром у разрушенного в годы войны стадиона «Динамо» оперативники моего ведомства обнаружили трупы Михоэлса и Голубова. Об этом мне доложил по телефону мой заместитель, комиссар милиции Красненко. Михоэлс находился в Минске по общественным делам. Это известие очень встревожило меня. Убийство было не рядовое.

Я сам лично выехал на место происшествия. Там вовсю шли следственные действия. Был составлен протокол осмотра. На трупах и на дороге (был снег) отчетливо виднелись отпечатки протекторов шин автомобиля.

Приехав к себе, я вызвал всех своих заместителей и в жесткой форме потребовал в кратчайшие сроки найти машину, послужившую причиной смерти этих людей.

Уже во второй половине дня Красненко мне доложил, что оперативники МВД обнаружили разыскиваемый автомобиль. Когда же я стал его расспрашивать, как проходил поиск и где обнаружили машину, мой заместитель ответил, что автомобиль стоит в гараже МГБ республики. Я поинтересовался, не могло ли это быть ошибкой. Красненко сказал, что его люди тоже сомневаются, но им не дали провести более тщательную проверку сотрудники госбезопасности.

Заподозрив неладное, я позвонил министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову и доложил об этом происшествии. Он был страшно удивлен и приказал мне активизировать розыск

преступников. Мне ежечасно докладывали, как проводится розыск.

Меня вызвали в ЦК, и один из секретарей попросил принять все меры по розыску убийц. Встал вопрос об отправке трупов в Москву. Я поручил заниматься этим Красненко. Вскоре подъехал и Цанава. Я его хорошо знал, и поэтому его поведение меня удивило. Он был слишком любезен со мной. Цанава взял меня под руку, отвел в сторону и сказал: «Я знаю, что твои люди были у меня в министерстве в гараже. Это была не слишком хорошая идея. Я прошу тебя не производить больше каких-либо действий против моих людей. Население может нехорошо подумать о нас. Делом занимайся, убийц ищи, но не лезь ты, куда тебя не просят». Подозрения мои еще больше усилились.

Из министерства я снова позвонил Круглову и доложил о том, что в гараже МГБ Белоруссии была обнаружена машина, переехавшая Михоэлса и Голубова. Министр выслушал меня и сказал, чтобы поиск преступников продолжали, но не особенно популяризируя это дело. Вообще, голос у Круглова был какой-то вялый, и я удивился, что начальник не стал, как это бывает в таких случаях, «рвать и метать», чтобы ему быстрее представили результат. Тем более меня удивил конец нашей беседы. «Вы, в общем, не особо там копайте», — сказал министр и положил трубку телефона.

Сопоставив разговоры с Цанавой и Кругловым и не зная, естественно, подоплеки этого дела, я занял выжидающую позицию. Розыск велся, но подчиненных своих я не подстегивал.

Будучи министром госбезопасности Белоруссии, Цанава в близких ему кругах не раз говорил об Абакумове как о неграмотном человеке (у того было якобы 4 класса образования). Но когда он переехал в Москву и стал заместителем В. С. Абакумова, то переменил свою точку зрения. В приватных беседах Цанава говорил мне о своем шефе как о талантливом человеке. Не знаю, насколько он был искренен.

У меня был конфликт с Цанавой. Из Центра пришел приказ передать милицию в ведение МГБ. Вначале в 1947 году в МГБ передали Управление по борьбе с бандитизмом. И это было правильно. Крупные банды были разгромлены, и борьба с мелкими была передана в ведение МГБ. Начальником Управления был Гранский. Заместителями у него остались Лисовский, Жуковский и Гредасов.

Лисовский был личностью легендарной. Еще в годы Гражданской войны он был внедрен в одну из крупных банд, вошел в доверие к главарю и затем подвел ее под разгром. За этот подвиг на 1-м съезде Советов Белоруссии он был награжден

орденом Красного Знамени.

Жуковский тоже был опытным чекистом, разработал не одну операцию по ликвидации уголовных банд.

С. Н. Гредасов с 17 лет начал работать в органах госбезопасности. До войны он возглавлял райаппарат в Граево Белостокской области. Закончил он свою карьеру министром внутренних дел Якутской АССР.

Была создана комиссия по передаче милиции в МГБ, в которую вошли Д. С. Гусев — заместитель Цанавы, и мой заместитель С. Д. Красненко. Когда происходит дележ такого рода, то, как правило, не обходится без конфликтов. Всегда тот, кто принимает, хочет забрать как можно больше, а тот, кто отдает, хочет больше оставить. Практически всегда на этой почве между руководителями возникают конфликты.

Цанава попросил у меня дополнительно 12 человек работников милиции и одного заместителя начальника ХОЗУ подполковника Пономарева. Красненко мне доложил об этой просьбе, но сказал, что не видит оснований для ее исполнения.

Мне позвонил Цанава и начал говорить, что Красненко не отдает ему людей. Я в ответ сказал, что это не совсем порядочно забирать у нас сотрудников больше, чем ему положено. «Хорошо, сейчас я к тебе подойду», — сказал Цанава и повесил трубку. Министерства находились рядом. Пришел, поздоровались. Цанава начал просить у меня этих людей. Я ответил отказом. Тогда Цанава промолвил: «Ну, если ты не согласен, то мне у тебя делать нечего». Развернулся и ушел.

В конце дня мне позвонили из ЦК КП Белоруссии и пригласили на заседание бюро, причем немедленно. Я спросил о повестке дня. Мне сказали, что я узнаю на месте. Председательствовал первый секретарь ЦК КП Белоруссии Гусаров. Он и начал меня стыдить, что я не могу решить элементарный кадровый вопрос, поделиться со своим коллегой кадрами. Он продолжил: «Мы же не можем по таким пустякам каждый раз собирать бюро». Тогда я сказал: «А я вас и не просил его собирать». Конечно, я не сдержался.

Гусаров сразу разозлился, повысил тон. Началось голосование, и все проголосовали за то, чтобы я отдал своих людей Цанаве. Я поднялся и сказал, что это решение неправильное. Тогда Гусаров мне сказал: «Ну жалуйтесь на нас». А я ответил: «На ЦК никогда не жаловался и не собираюсь». Мне пришлось подчиниться.

Один из секретарей ЦК КП Белоруссии М. В. Зимянин, а мы с ним дружили, тоже проголосовал против меня. Я решил после заседания зайти к нему и поинтересоваться, почему он так

поступил. Только я с ним начал разговаривать, как вдруг входит Цанава. Довольный, он обратился ко мне с такой речью: «Сергей Саввич, ну что ты обижаешься? Ты же знаешь, как я тебя уважаю. Но в этом вопросе ты не объективен». Я стал ему возражать, но толку уже было мало.

При выходе из здания ЦК Цанава предложил мне доехать до места на его машине. Я поблагодарил и вежливо отказался. Но он стал настаивать. В конце концов, он махнул рукой и сказал: «Зря ты, Сергей Саввич, обижаешься, зря».

Вскоре Цанава был назначен на должность заместителя министра госбезопасности СССР и уехал в Москву.

Арест Цанавы, несомненно, был вопросом политическим. Формально его взяли за убийство С. М. Михоэлса. По делу Цанавы меня никто не вызывал. Но, как я думал, обо мне собирали сведения. И я не ошибся. Как-то я был на юбилее одного из заместителей председателя КГБ, уже работая в Москве. Во время застолья ко мне подсел один из работников ЦК КПСС и завел разговор на тему ареста Цанавы. Он сообщил мне, что мной очень интересовались после его ареста. У определенного круга лиц возникли вопросы по поводу того, что Цанава хорошо ко мне относился. Была создана комиссия, вызывались и допрашивались относительно меня и моих отношений с Цанавой люди, но ничего плохого обо мне комиссия от них не услышала. Я понял, что тогда в любой момент мог подвергнуться аресту и, вполне возможно, был бы расстрелян или получил бы большой срок.

Глава 11
Служба в Москве и Ленинграде (1953–1956 гг.)

Для органов государственной безопасности 1950-е годы были непростыми. Аресты видных руководителей, постоянные реорганизации…

Расскажите о своей службе, о людях, с которыми пришлось работать.

Коснулся ли Вас арест Л. П. Берия?

Вы были первым начальником Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Каким образом Вы получили это назначение? Какие отношения сложились у Вас с руководством Ленинградской области?

В 1950 году министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов вызвал меня в Москву. Причину я не знал. При встрече министр спросил, как дела в БССР, а потом сказал, что есть предложение назначить меня его заместителем. Дополнил, что с ЦК КПСС вопрос согласован.

Я поблагодарил его за доверие и сказал, что прошу оставить меня в Минске потому, что со стороны ЦК партии, правительства претензий ко мне нет, да и мой недавний отчет о работе МВД БССР на коллегии союзного министерства не вызвал особой критики, плохой оценки. Он сказал, что поэтому и хотел меня перевести. Я заметил, что он не ожидал отрицательного ответа и был несколько удивлен.

— А может, вы подумаете, а завтра скажете? Какие более убедительные причины есть у вас?

Я сказал, что у меня два сына и оба учатся, старший в институте, а младший в средней музыкальной школе при Минской консерватории. «Здесь проблем я не вижу, — сказал он, — поможем перевести». Я подтвердил, что это меня очень сильно беспокоит.

Круглое сказал: «Подумайте хорошо, а завтра в 10.00 приходите, вернемся к этому вопросу». Я понимал, что это повышение, более высокое доверие, но работа не самостоятельная, к которой я привык.

И вдруг меня осенила мысль. П. К. Пономаренко в это время из Минска, где работал первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, был переведен в ЦК КПСС на должность одного из секретарей, и я знал, что в сферу его деятельности входил и

отдел административных органов ЦК и МВД СССР. Значит, без него этот вопрос не обсуждался. Я зашел в управление кадров, позвонил по вертушке (правительственный телефон) П. К. Пономаренко и попросил его принять меня.

— Приезжайте, — сказал он.

Я рассказал ему о предложении Круглова и привел те же доводы, почему прошу не делать этого. Пономаренко знал меня очень хорошо и сказал, что он был уверен, что я соглашусь. Он был несколько удивлен моим отказом и сказал, что товарищ И. В. Сталин недавно высказал мысль, что более пяти лет не следует держать ответственных работников на одном и том же месте, чтобы не засиживались, целесообразно переводить в другое место, так как слишком привыкают они к обстановке, к людям, а те к ним, — теряется острота в работе и т. д. Однако я стоял на своем.

Я убедил Пономаренко в том, что более нужен в Белоруссии, и Пантелеймон Кондратьевич обещал переговорить относительно меня с Кругловым.

На другой день к 10.00 я был у Круглова. Я прочитал на его лице неудовлетворение моим поведением. «Мне звонил П. К. Пономаренко, — сказал он. — Ну что ж, поезжайте в Минск, работайте, это весьма важное направление».

Я поблагодарил его и в тот же день уехал в Минск. Надежда Павловна была очень обеспокоена моей поездкой и очень рада была возвращению, особенно когда я сказал ей о причинах вызова. Мы снова продолжали жить и работать в Белоруссии, ставшей для нас второй Родиной.

Вскоре я попал с должности министра на должность начальника 3-го спецотдела МВД, а затем КГБ при СМ СССР. Но отдел этот котировался как управление. Должность была генерал-майорская. Это было еще при Л. П. Берия. С. Н. Круглова назначили министром объединенного министерства. Произошло это следующим образом.

В ЦК КП Белоруссии возник вопрос, кого оставить министром в республике: министра госбезопасности генерал-майора Баскакова или меня — министра внутренних дел. На совещании в ЦК мнения разделились. При голосовании оказалось, что и за меня и за Баскакова проголосовало равное количество членов ЦК. Однако первый секретарь ЦК КП Белоруссии Н. С. Патоличев поддержал кандидатуру М. И. Баскакова, и это было решающим моментом для его назначения на эту должность.

Мне об этом рассказал К. Т. Мазуров, когда он стал заместителем председателя Совета Министров СССР. Мы отдыхали вместе с ним в одном из домов отдыха в Белоруссии,

где он и поведал мне эту историю. Оказывается, Баскаков был человеком Патоличева.

Мне позвонил близкий друг Н. С. Патоличева, секретарь ЦК КП Белоруссии П. А. Абрасимов, будущий посол Советского Союза в ГДР. Он мне сказал, что руководство республики не хочет, чтобы я покидал Белоруссию. Мне был предложен пост министра юстиции БССР. А я за день до этого экстерном сдал экзамены и получил диплом юридического института. Я ему объяснил, что мне придется уйти из органов госбезопасности, что не входило тогда в мои планы. Но Абрасимов продолжал настаивать. Тогда я напомнил о существовавшей практике в органах госбезопасности оставлять сотрудника в действующем резерве, в то время как он исполняет другие обязанности.

Абрасимов сказал, что в тот же день Патоличев пошлет телеграмму Берии с просьбой внести меня в действующий резерв в связи с назначением министром юстиции. Что и было сделано. На следующий день пришел ответ Берия, где он отказывал в просьбе ЦК КП Белоруссии, аргументируя тем, что забирает меня для работы в Центральный аппарат в Москву.

В тот же день мне позвонил заместитель министра по кадрам Обручников и вызвал меня в Москву. Приехав в столицу, я явился в управление кадров. При слиянии двух министерств, естественно, произошло сокращение должностей, в большей степени руководящих.

Когда я сидел у Обручникова, позвонил замминистра Б. З. Кобулов и спросил его о моем новом назначении. Когда он узнал, что меня еще никуда не назначили, то сказал, чтобы я поднялся к нему в кабинет. Пришел я к Кобулову, поздоровались. Он сказал, что управление кадров ничего подходящего для меня не нашло. Единственное, что мне могли предложить, это должность начальника 3-го спецотдела МВД СССР.

Новая служба увлекла меня. Отдел, который я возглавил, был под стать управлению. У меня было трое заместителей. Важность этого отдела была бесспорной. Это подразделение занималось изготовлением оперативных документов для работников нашего ведомства. В него входила шифровальная группа. В общем, работы хватало.

Я собрал своих сотрудников, представился им. Следует сказать, что сначала у меня даже не было помещения, подходившего по своим размерам для совещания. Но я решил этот вопрос, выбив себе большой кабинет.

У меня на груди был значок депутата Верховного Совета СССР. От МВД депутатами еще были Круглов и начальник Главного управления пограничных войск.

Сотрудники отдела поразили меня тем, что являлись специалистами высочайшей квалификации. Среди них было немало кандидатов и докторов наук. Я честно им сказал, что раньше с такой работой напрямую не сталкивался и поэтому мне придется многому учиться у них. В конце моей непродолжительной речи кто-то попросил рассказать о себе, что я и сделал.

Хозяйство у меня оказалось большое. Службы располагались в различных районах Москвы. Мне приходилось ездить по ним, знакомиться с личным составом, в общем, заниматься текущей работой.

Прошло непродолжительное время, и я попал на совещание руководящих работников МВД СССР, которое проводилось в ведомственном клубе на Лубянке в связи с арестом Л. П. Берии. Проводил собрание министр МВД С. Н. Круглов, КПСС представляла второй секретарь МГК Е. А. Фурцева, будущий министр культуры СССР. Она выступила с сообщением об аресте Л. П. Берии. Упор в ее докладе делался на задачи, которые состояли в кадровом очищении от «бериевцев» и коренном улучшении чекистской работы. Она вынесла проект постановления, который должна была утвердить редакционная комиссия. Встал вопрос о председателе этой комиссии. И вдруг, совершенно для меня неожиданно, кто-то высказался за мою кандидатуру. И меня избрали председателем редакционной комиссии по делу Л. П. Берии.

Редакционная комиссия ознакомилась с проектом постановления по докладу Е. А. Фурцевой и вынесла свою резолюцию, которую я как председатель зачитал всем присутствовавшим.

По характеру работы мне приходилось бывать у Л. П. Берии не один раз. Незадолго до своего ареста он меня вызвал к себе. В его кабинете находились Серов, Круглов и Обручников. Берия сказал, что в ЦК КПСС принято было решение освободить первого секретаря ЦК КП Белоруссии Н. С. Патоличева. Однако пленум ЦК КП Белоруссии с этим не согласился. И Берия предложил мне возглавить объединенное министерство в республике.

Я понял, что Берия хотел убрать М. И. Баскакова как человека Патоличева. Я отказался, понимая, что меня пытались втянуть в грязные политические интриги. Аргументом для отказа послужило то, что я не знал белорусского языка. А в то время практиковалось ставить во главе ведомств национальные кадры.

Мой отказ от этой должности уберег меня от ареста во время чистки послебериевского периода.

Вместе с Берией арестовали ряд высокопоставленных сотрудников нашего ведомства. Это П. А. Судоплатов, Мамулов, братья Амаяк и Богдан Кобуловы, Гоглидзе и др. У меня было нехорошее предчувствие в отношении себя после этих арестов. Я мог тоже попасть в эту мясорубку. Вопрос об аресте того или иного руководителя органов безопасности рассматривался узким кругом людей. Ходили разговоры, будто перед арестом Берии кто-то из посвященных сказал, что у того под рукой огромный аппарат МВД. Г. К. Жуков на это невозмутимо заметил, что под его началом вся армия. И я думаю, Н. С. Хрущев крепко запомнил эти слова. Боялся он Жукова, сильно боялся. Утвердившись во власти, он незамедлительно подверг полководца опале.

Вскоре после совещания по делу Берия меня вызвал С. Н. Круглов и сообщил о моем назначении начальником пограничных войск Ленинградского округа.

Я тяжело переживал свой уход из пограничных войск, но это было уже давно. В ответ на все мои аргументы Круглов сказал, что вопрос согласован в ЦК и мне придется ехать, хотя будет нелегко. В это время объединялись два пограничных округа — Северо-Западный и Ленинградский.

Я пришел к начальнику Главного управления пограничных войск генерал-майору П. И. Зырянову. Он знал уже о моем назначении. Был он какой-то скучный, разговаривал со мной вяло. Как потом оказалось, он хотел видеть на этой должности исполняющего в то время обязанности начальника Ленинградского пограничного округа А. М. Леонтьева, бывшего начальника Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР.

По приезде в Ленинград я представился первому секретарю Ленинградского обкома партии Ф. Р. Козлову. Он принял меня хорошо, обещан свою помощь в работе. После этого я поехал в управление. Встретился с Леонтьевым. Тот сидел в кабинете начальника и выглядел озабоченным. Я ему сказал, что не просился на эту должность и для меня это назначение тоже было неожиданным. Леонтьев ввел меня в курс дела, хотя ему это сделать было далеко не просто. Он очень переживал, что не его назначили на эту должность.

Я познакомился с руководством управления. Уже под вечер мне позвонил помощник первого секретаря Ленинградского обкома партии и сообщил, что Ф. Р. Козлов ожидает меня в Смольном. Козлов был со мной на «ты», да я и не возражал. Он сказал, что меня заочно избрали на бюро обкома членом Ленинградского областного комитета партии.

Территория, в которую входил Ленинградский пограничный

округ, включала в себя сухопутную, морскую и воздушную границу. Буквально через несколько дней я с первым заместителем министра внутренних дел С. Н. Переверткиным поехал в отряды на границы. Начали с советско-финляндской границы. Это всегда был сложный участок из-за спорных территорий между Финляндией и СССР. Хотя открытых конфликтов не возникало, но мы знали настроения на сопредельной стороне.

Занимая эту должность, практически все время я инспектировал погранотряды. Хочется отметить, что слияние Северо-Западного и Ленинградского погранокругов в один было глупой затеей. Протяженность границы увеличилась практически в два раза. Реорганизация, несомненно, отвлекала от непосредственной службы — охраны государственной границы СССР. Но при Н. С. Хрущеве было достаточно нелепостей, например необоснованное сокращение армии и флота, отдача Украине бывшего в юрисдикции РСФСР полуострова Крым и т. д.

В гостинице «Астория», где я временно проживал, встречать Новый год мне пришлось с А. М. Леонтьевым. Я приехал в декабре. Леонтьев вскоре попросился на пенсию, в отставку. Я возражал, так как мне нужен был помощник такого ранга. Но поделать я ничего не мог и отпустил его на лечение, после которого Леонтьев уволился из органов.

Ознакомление с погранотрядами и другими службами на границе сказалось на моем здоровье.

В одной шинели приходилось долго находиться на морозе, и я сильно простудился. Врачи настаивали на госпитализации, так как обнаружили воспаление легких. Я отказался и болезнь перенес на ногах.

У меня сложились хорошие отношения с Ленинградским обкомом партии и, в частности, с первым секретарем Фролом Романовичем Козловым. Мне часто приходилось докладывать ему о своей работе. Он помог мне с жильем. На проспекте Сталина, ныне Московской улице, в районе парка Победы сдавался дом, где я получил квартиру.

Весной 1954 года произошла очередная реорганизация ведомства, в ходе которой образовались КГБ при Совете Министров СССР и МВД СССР. В апреле мне позвонил И. А. Серов и сказал, что я назначен начальником Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Я был поражен этим известием, так как оно было для меня неожиданным. «Иван Александрович, — сказал я Серову, — ведь это нелепо, я только приступил к новой службе, а меня без моего согласия назначают

на новую должность». На что председатель КГБ ответил вопросом: «А что, Сергей Саввич, раньше много вас спрашивали, когда назначали на новую должность? Это решение Политбюро ЦК КПСС».

Сразу после этого позвонил Ф. Р. Козлов и поздравил с новым назначением. Я ему высказал свое неудовлетворение, но он мне сказал буквально: «Это ты напрасно так говоришь».

До меня возглавлял объединенные органы МВД и госбезопасности Богданов, которого назначили министром МВД РСФСР. Козлов при назначении меня на должность начальника Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области сообщил, что с Богдановым были определенные трудности. Когда я поинтересовался, какие, Фрол Романович сказал, что на Богданове большой грех, так как в 1937 году, будучи начальником НКВД одного из районов области, он наворотил там дел. Нарушал революционную законность. И этот вопрос висит над ним как дамоклов меч. И действительно, вскоре Богданова уволили из органов.

Так что управление КГБ по Ленинграду и Ленинградской области, которое я возглавил, было сформировано при моем непосредственном участии. Ленинград уже был отстроен после разрушений минувшей войны. Ф. Р. Козлов на очередной встрече порекомендовал мне переселится в другую квартиру. Он сказал: «В этой квартире всегда жили начальники органов госбезопасности, начиная с 1920-х годов, и я вам рекомендую туда переселиться. Она просторная. К вам наверняка будут приезжать родные и знакомые, так что вопрос об их размещении отпадет. В настоящее время она пустует».

Я вызвал начальника хозяйственного отдела, и он действительно подтвердил, что на балансе управления имеется квартира, о которой мне говорил первый секретарь обкома партии.

Квартира размещалась на улице Петра Лаврова. Мы пришли на квартиру. Ключи, естественно, были. Но как мы ими ни вертели в замках, дверь не открывалась. Тогда вызвали одного из наших специалистов, мастера, перед которым любой профессиональный «медвежатник» вряд ли устоял бы. А я уже был со своей супругой, она приехала и тоже захотела посмотреть квартиру. Гляжу, а с мастера сошло уже семь потов, а воз и ныне там. Он мог открыть любой сейф, а дверь квартиры не поддавалась. Дверь была обшита металлом и снаружи, и изнутри. Я ему говорю: «Вы сильно волнуетесь, давайте я пойду в управление, а когда откроете, то позвоните мне». Спустя час

мастер позвонил и сказал, что открыл. Секрет двери оказался в потайном замке, который находился в верхнем углу двери. Это была узкая щелочка, только при открытии которой остальные замки приходили в рабочее состояние.

Когда я зашел в квартиру, то поразился тому, какая она была большая: 6 комнат, одна из них гостиная. Помимо основного, в квартире имелся черный ход с кухни во двор. Отопление было паровое и печное. Мне говорили потом, что до революции здесь жил высокопоставленный царский чиновник.

Квартира оказалась совершенно пустой. Надежда Павловна отказывалась въезжать в нее. Мебели у нас было немного, и столько комнат нам было совершенно ни к чему.

Я позвонил Ф. Р. Козлову и сказал, что эта квартира рассчитана на очень большую семью, а нас всего трое (старший сын остался в Москве). Он мне ответил буквально: «Слушай, ты, ЧК! Это квартира традиционно руководителей органов госбезопасности города Ленинграда. Мы никого туда вселять не будем. Это твоя квартира, а мебель купишь, зарплата тебе позволяет».

Ленинград по своим масштабам являлся настоящей республикой. Это был высококультурный экономический и политический центр. Ознакомившись с городом и его пригородами, я был поражен его величием, исторической значимостью, великолепием архитектуры.

Через два месяца в Ленинград приехала комиссия из центрального аппарата КГБ инспектировать управление. При подведении итогов прибыл председатель КГБ И. А. Серов. Особое внимание, по мнению комиссии, нужно было уделить агентурной работе, особенно в ленинградском порту и на предприятиях оборонной промышленности. По завершении работы комиссия сделала некоторые выводы, в частности, что процесс восстановления работы органов госбезопасности в Ленинграде шел активно. Конечно, был выявлен и ряд недостатков, которые нужно было исправлять.

Как член бюро Ленинградского обкома партии я был занят и партийной работой. Приходилось ездить в районы. Я старался совмещать свою профессиональную деятельность с партийной.

Продолжительное и сложное время у нас занял период, когда произошла широкая амнистия репрессированных в 1937–1939 годах. В Ленинград стали возвращаться и троцкисты, и зиновьевцы, и правые, и левые, и националисты. Их оказалось очень много. Меня включили в созданную специальную комиссию (сначала я был ее председателем), в которую еще входили

прокурор области, начальник особого отдела Ленинградского военного округа, представитель от торговли и т. д. Кстати, торговые работники нужны были для выдачи амнистированным на первом этапе самого необходимого.

Трудности были огромные. Вновь прибывшим бывшим заключенным, помимо восстановления в правах, требовалось в первую очередь предоставить жилье.

В Ленинграде проходил закрытый процесс по делу В. С. Абакумова. Я с ним был знаком с 1941 года. По сути, он был моим начальником. Когда я работал в особом отделе Западного фронта, Абакумов являлся начальником Управления особых отделов НКВД СССР.

Во время суда он держался мужественно, но когда огласили приговор, как-то обмяк. Приговор военного трибунала был более чем строг. Высшая мера наказания без права обжалования. Причем исполнение немедленное, без права пересмотра дела. На совести Абакумова было немало невинных жертв, расстрелянных или посаженных в тюрьмы по его приказу.

В январе 1956 года мне позвонил Серов и сказал, что я назначен заместителем председателя КГБ при Совете Министров СССР. Я спросил, кому сдавать дела. Серов ответил, что мне на замену едет Миронов, бывший заместитель начальника 3-го Главного управления КГБ СССР. Попал он в органы по партийной линии и был в очень хороших отношениях с Л. И. Брежневым, еще в бытность последнего первым секретарем Днепропетровского обкома партии. По сути дела, мы были земляки. Забегая несколько вперед, скажу, что Миронов пытался меня ввести в круг Л. И. Брежнева. Предложил мне пойти на какой-то вечер, по сути дела, пьянку высокопоставленных партийных чиновников. Я отказался, на что он сильно обиделся. Но я имел уже информацию о ближайшем круге Брежнева и посчитал для себя ненужным заводить с ним близкое знакомство.

Узнав о моем новом назначении, Ф. Р. Козлов поздравил меня. Я ему сказал, что уезжаю с большой неохотой, так как мне сильно понравился Ленинград. Козлову тоже не хотелось, чтобы я уезжал. Мы за короткий срок хорошо сработались.

Приехав в столицу, я пришел к И. А. Серову и доложил о своем приезде. Председатель принял меня хорошо. В короткий срок обещал помочь с квартирой, которую вскоре я получил в районе Лубянки, недалеко от места работы.

С И. А. Серовым я встречался еще во время войны. Серов был заместителем Г. К. Жукова по гражданской администрации в Германии. Помимо этого Серову была поручена борьба с аковцами, которые сильно активизировались ближе к окончанию

войны в западной части Белоруссии. Серов приезжал в Белоруссию из Берлина для ознакомления с этой проблемой на месте. Я, нарком внутренних дел, соответственно, докладывал ему оперативную обстановку. Помню, Минск в это время подвергнулся сильной бомбежке со стороны гитлеровцев. Дом, где первоначально должен был разместиться Серов, был разрушен, и только стечение обстоятельств (Серов задержался в наркомате) спасло ему жизнь.

Серов был деятельным и довольно смелым человеком. Он мог запросто принять участие в ликвидации националистической банды. О его личной смелости свидетельствует и эпизод во время венгерских событий 1956 года: во время обстрела неизвестными демонстрации в Будапеште он не покинул площадь, а под пулями пытался прекратить начавшуюся панику.

Серов вопросы решал быстро, в том числе и самые сложные. Дела у него не залеживались.

Серов был человеком Хрущева. На Украине в период репрессий 1930-х годов Серов вместе с Хрущевым и прокурором Руденко составляли «тройку», и на их совести немалое количество ни в чем не повинных жертв.

Кончил он плохо. Будучи на посту начальника ГРУ, в связи с арестом Пеньковского, с которым был близок (Пеньковский возил в служебную командировку в Англию жену и дочь Серова), был снят с должности, разжалован с генерала армии до генерал-майора и назначен заместителем командующего Приволжским военным округом. Потом оказался в Средней Азии. Вскоре его исключили из партии, но генеральскую пенсию оставили. Я думаю, Хрущев по старой памяти дал ему военную пенсию.

Из всех заместителей председателя КГБ опытней всех был, на мой взгляд, П. И. Ивашутин. Он и Лунев являлись первыми заместителями. Лунев был выходцем из партийной среды. Опыта работы не имел вообще. Я по значимости считался третьим.

Несколько слов хочется сказать о Н. С. Хрущеве. Я в качестве приглашенного присутствовал во время его доклада на XX съезде партии. Доклад его всех шокировал. Я не был исключением. Последствия этого выступления пришлось расхлебывать органам государственной безопасности, в частности мне, во время тбилисских событий.

В мою бытность начальником Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области Хрущев дважды приезжал в Ленинград. Собирал совещание актива. Потом ездил по колхозам. Я вместе с руководством обкома сопровождал его. В одном большом хозяйстве Хрущев поднял вопрос о посеве кукурузы. Председатель колхоза пытался объяснить ему, что климат Ленинградской

области не пригоден для этой сельскохозяйственной культуры. Но Хрущев рассердился и сказал, что сеют кукурузу и в более северных районах. Самодуров и карьеристов хватало. Некоторые из них рапортовали, что посадили кукурузу за Полярным кругом. Хрущев наказал колхозникам, чтобы в следующем году у них была одна кукуруза. На что они беспрекословно согласились.

Хрущев в моем сопровождении посетил секретные лаборатории оборонных заводов города. Я удивился, что генсек так хорошо осведомлен о производстве ракет стратегического назначения.

На мой взгляд, Хрущев не любил органы госбезопасности. Такой маленький штрих: когда мы встречали его в аэропорту Пулково, он даже не пожал мне руки.

В 1958 году поехала делегация в ГДР. В нее из органов госбезопасности были включены Серов и я. Серов почти сразу же уехал. Хрущев делал вид, что как будто меня рядом нет. Видимо, моя работа в Белоруссии с П. К. Пономаренко вызывала его крепкое неудовольствие.

В ГДР мне пришлось неоднократно беседовать с Анастасом Микояном. Я раньше встречался с ним в санатории на курорте в Железноводске. Микоян интересовался, как у меня складываются отношения с Серовым. Я отвечал, что отношения рабочие, деловые. И тогда Микоян заметил, что Серов очень смелый человек, и привел пример из времен мятежа в Венгрии.

Я думаю, пришла пора обратиться к этой теме.

Глава 12
Мятежный Будапешт

Сергей Саввич, я не являюсь специалистом по истории Венгрии, в том числе и кризиса 1956 года. В этой связи я готов выслушать все, что Вы расскажете о тех событиях.

Во время Второй мировой войны Венгрия являлась фашистским государством, сателлитом Германии.

События в Венгрии привлекли к себе внимание всех, кому было дорого дело социализма. Там мы имели военную группировку под командованием маршала И. С. Конева.

Разгромом контрреволюционного мятежа была устранена угроза установления фашистской диктатуры в Венгрии, сорваны замыслы внутренней контрреволюции и агрессивных империалистов. Дан решительный отпор попыткам империалистических кругов подорвать единство социалистического лагеря.

Политическая оценка событиям в Венгрии дана в опубликованном сообщении о встрече в начале января 1957 года в Будапеште представителей коммунистических и рабочих партий и правительств Болгарии, Румынии, Советского Союза и Чехословакии, в заявлении Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства, в решениях руководящих органов коммунистических партий Италии, Чехословакии, Франции, в статьях советской печати.

К чему сводится анализ событий в Венгрии, в чем их сущность?

Силы внутренней и империалистической реакции, используя серьезные ошибки, допущенные бывшим руководством Венгерской партии трудящихся и правительством ВНР, тщательно подготовили и осуществили кровавую попытку совершить контрреволюционный переворот, установить фашистскую власть и империалистическое господство в Венгрии.

Если бы дело было только в том, чтобы устранить даже самые большие ошибки и недостатки в строительстве социализма, никогда не дошло бы до вооруженного насилия.

Действительность такова, что в Венгрии с самого начала инициативу взяли в свои руки, заранее подготовили организованные и руководимые из одного центра группы, которые в своих контрреволюционных интересах использовали справедливое недовольство венгерского народа.

Безусловно, это не означает, что можно закрывать глаза на грубые недостатки и ошибки бывшего руководства во главе с Ракоши, нанесшие определенный ущерб интересам государства и трудящегося народа в деле строительства социализма.

М. Ракоши являлся известным деятелем революционного движения и длительное время возглавлял Венгерскую Коммунистическую партию. Более двадцати лет содержался в тюрьме за свою деятельность. И когда Венгрия была освобождена Красной Армией, он встал во главе государства.

Ракоши был еврей. Соответственно, он поставил на руководящие посты в государстве много евреев, что многим венграм не нравилось. Хотя евреи в этой стране и были причислены к мадьярам, т. е. к венграм. И я, будучи в Будапеште, антисемитских настроений не наблюдал.

Ракоши в глазах народа обанкротился.

Основным источником многих серьезных трудностей в развитии Венгерской Народной Республики было то, что бывшее руководство партии и правительства игнорировало естественные и экономические условия страны, оторвалось от масс, решало многие вопросы строительства социализма без учета потребностей страны. Оно создавало, например, такие промышленные отрасли, как металлургическая, для развития которых не было необходимых сырьевых и других предпосылок, чрезмерно увлекалось развитием тяжелой промышленности, причем пренебрегало сельскохозяйственным производством.

Эта ошибочная линия в экономическом строительстве страны вызвала серьезное напряжение в распределении национального дохода и вела к искажению основной цели социалистического строительства.

Однако в Венгрии все же были достигнуты немалые результаты в развитии промышленного производства и улучшении жизни народа.

Внутренней реакцией были использованы серьезные нарушения принципов социалистической демократии и социалистической законности, особенно в период 1949–1952 годов.

В том положении, когда руководство партии и правительства не наметило ясной программы, все чаще появлялись различные программы и требования, которые исходили не из интересов рабочего класса, которые критиковали недостатки не с позиции социализма, а с позиции буржуазного либерализма, все больше в них проявлялось влияние национализма, шовинизма, антисоветских настроений, и поэтому они стали желанной идеологической платформой, на которой реакция укрепляла свое

влияние и формировала силы для подготовки контрреволюционного переворота.

Необходимо сказать, что венгерская реакция имеет богатый контрреволюционный опыт. Ведь Венгрия, как я уже ранее упоминал, в течение многих лет жила под властью фашизма, который создал там сильный аппарат власти, активные фашистские организации и т. п.

Венгерские реакционные силы еще в 1919 году осуществили контрреволюционный переворот, произошло падение Венгерской Советской Республики, и в стране установилась фашистская диктатура М. Хорти, просуществовавшая до 1944 года.

Красная Армия во время освобождения стран Западной Европы уничтожила фашистский режим в Венгрии и освободила от него венгерский народ, поэтому реакционные элементы вынашивали непомерную злобу и ненависть к Советскому Союзу.

СССР с первых дней установления народно-демократического строя в Венгрии оказывал народу этого государства всемерную помощь в деле строительства основ социализма, в борьбе с внутренней реакцией и империалистической агентурой. Сейчас мы живем в другой стране, с другим общественным строем. Но тогда мы отстаивали свои социалистические интересы, и я до сих пор убежден, что действовали мы правомерно. Мы боролись со своим идеологическими противниками — США и их союзниками, которые, используя временные трудности в Венгрии, пытались осуществить там государственный переворот.

Без всего этого нельзя будет понять правильно события в Венгрии и дать им необходимый политический анализ.

Подготовка к контрреволюционному мятежу в Венгрии велась продолжительное время.

Реакционные элементы использовали для этого различные легальные организации, и прежде всего среди интеллигенции, молодежи, студенчества.

Враждебное влияние на молодежь началось задолго до мятежа.

В 1956 году при молодежном клубе им. Л. Кошута центральное руководство Союза трудящейся молодежи Венгрии (ДИС) образовало кружок им. Ш. Петефи, в котором большое влияние имели правые элементы Венгерской партии трудящихся (ВПТ), реакционные литераторы и националистически настроенные элементы.

В результате этого кружок им. Ш. Петефи превратился в активно действующий центр националистической и антисоветской пропаганды, проводившейся под видом борьбы с культом личности и критики ошибок руководителей партии и

страны.

Особенно бурную деятельность этот кружок начал после XX съезда КПСС. На его заседаниях в апреле — мае 1956 года, на которых присутствовало 1000 и более человек, под предлогом демократического обсуждения различных вопросов текущей жизни страны (планирование, марксистско-ленинская теория и др.) проводились антидемократические и антисоветские дискуссии, в открытой форме выражалось недовольство существующим строем, Коммунистической партией и дружбой с Советским Союзом.

Так, например, 27 июня 1956 года на заседании кружка, проходившем в Доме офицеров, присутствовало свыше 5 тысяч человек. В повестке дня стоял вопрос о печати и информации. Во время выступлений членами кружка, писателями, был произнесен ряд антисоветских речей с призывом к новой революции, с угрозами «о выходе на улицу», где должны решаться назревшие вопросы, и т. д.

Чтобы дать более полную характеристику кружку им. Ш. Петефи, необходимо указать, что в его состав входили, например, такие писатели:

Геза Лошанци — ярый антисоветчик, бывший социал-демократ, арестовывался, но в 1956 году был освобожден и реабилитирован, входил в состав правительства Имре Надя, а 4 ноября укрылся вместе с ним в югославском посольстве;

Тибор Дери — автор ряда идейно-порочных статей, в том числе о Венгерской партии трудящихся, о роли Коммунистической партии в рабочем движении;

Тибор Тардош — выступал с открытыми нападками на партию, против дисциплины в партии, единства ее рядов, восхвалял буржуазную демократию;

Ацел Тамаш — лауреат Сталинской премии, автор ряда подстрекательских антисоветских и антипартийных статей, он опубликовал в литературной газете стихотворение «Ода к Европе», после разгрома мятежа бежал в Югославию, а затем в США;

Золтон Зелк — поэт, исключенный из ВПТ, враждебно настроенный к Советскому Союзу, один из руководителей Союза писателей Венгрии, 6 октября 1955 года организовал демонстрацию с антисоветскими лозунгами;

Танцош — руководитель кружка им. Ш. Петефи, исключенный из ВПТ за высказывания националистического порядка.

Реакционные элементы из этого и других возникших кружков

молодежи, главным образом в высших учебных заведениях, все более настойчиво стали призывать к выступлению перед правительством с рядом требований.

В первые же дни мятежа эти контрреволюционные элементы стали создавать различные комитеты и действовать как руководители от имени всего студенчества Будапешта. Они давали различную информацию иностранным журналистам, дважды принимали представителя югославского посольства в Будапеште.

Таким образом, как было установлено, основную роль в идеологической подготовке внутренней контрреволюцией мятежа в Венгрии сыграли профашистские и реакционно настроенные писатели и журналисты.

Внутри Союза писателей и журналистов до октябрьского мятежа существовало несколько антикоммунистических и антидемократических группировок, участники которых в печати и на собраниях интеллигенции так же, как в кружке им. Ш. Петефи, проводили активную враждебную пропаганду.

Наиболее значительными из них были: группа Дери Тибора, участники которой в своих выступлениях и заявлениях отрицали руководящую роль партии в области печати и вели антидемократическую пропаганду; группа Мераи и Ацела Тамаша, установившая связь со студенческой молодежью, участники ее выезжали на периферию и промышленные предприятия, где выступали с подстрекательскими речами; группа так называемых народников, состоявшая из бывших приверженцев фашизма, распространявших среди своего окружения стихи антисоветского и антидемократического содержания; ряд групп, пропагандировавших правые оппортунистические и антисоветские взгляды, восхвалявших Имре Надя.

Как правило, эти группировки состояли из лиц, недовольных народно-демократическим строем, подвергавшихся репрессиям, бывших хортистских офицеров.

Реакционно настроенные писатели и журналисты на своих сборищах, которые они проводили под видом творческих дискуссий, высказывали антисоветские и антидемократические взгляды и распространяли провокационные слухи о якобы предстоящем изменении в Венгрии государственного строя.

Во время контрреволюционного мятежа они развили большую активность, разъезжали по заводам и студенческим общежитиям, призывая рабочую и студенческую молодежь к выступлениям против демократического строя.

Писатели Петер Вереш, Петер Куцка, Телкеш и другие выступили перед демонстрантами с антисоветскими статьями и подстрекательскими речами.

На страницах газет, как издававшихся ранее, так и возникших во время мятежа, печатались антисоветские и антикоммунистические статьи и стихотворения, а также читались по радио.

В редакции ряда газет нашли пристанище такие преступные элементы, как Лазар Микдюш, отец которого был министром при хортистском режиме, а дядя — одним из руководителей радио «Свободная Европа». Этот деятель участвовал с оружием в руках в мятеже, а в печати выступал с призывом к расправе над работниками органов госбезопасности.

Редактор газеты Центрального комитета ВПТ «Сабад-Неп» Хорват Мартон помещал в этом партийном органе антисоветские статьи, выступал против подавления мятежников, являясь членом кружка им. Ш. Петефи, выступил с резкой антипартийной речью.

Правительственный комиссар в правительстве Надя журналист Селл Ене во время мятежа вел по радио антисоветские передачи и выступал с контрреволюционными призывами.

Группа писателей Фея Геза и Иштвана Шинка создала партию им. Ш. Петефи (имя венгерского поэта Шандора Петефи реакционерами использовалось очень широко), которая пыталась распространить свое влияние на крестьянство. Деятельность этой партии носила антисемитский и шовинистический характер.

Многие из реакционных писателей и журналистов поддерживали постоянную связь с сотрудниками дипломатических представительств империалистических государств в Будапеште и иностранными журналистами.

Так, венгерский журналист Миклош Гимеш находился в тесной связи с британской дипломатической миссией.

1 ноября 1956 года реакционно настроенные журналисты создали революционный комитет, призывавший своих коллег к антидемократической деятельности.

Необходимо также сказать о роли Союза трудящейся молодежи.

Задолго до начала контрреволюционного мятежа эта организация попала под влияние реакционно настроенной интеллигенции и, фактически, как коммунистическая организация молодежи, прекратила свое существование.

Союз трудящейся молодежи Венгрии был организован в 1950 году путем объединения нескольких разрозненных молодежных организаций в высших учебных заведениях, на предприятиях, в сельской местности и насчитывал в своих рядах 840 тысяч

человек.

Механическое слияние молодежных организаций привело к тому, что вновь созданный Союз (ДИС) не мог удовлетворять запросов молодежи. В его составе находились лица, не только не сочувствующие коммунизму, но и выступавшие против народно-демократического строя.

Вследствие этого коммунистическое влияние, особенно среди студенческих молодежных организаций, падало и переходило в руки антидемократически настроенных преподавателей учебных заведений.

За несколько дней до мятежа в середине октября 1956 года Центральный комитет ДИС с согласия Центрального комитета ВПТ принял решение восстановить существовавшие ранее самостоятельные студенческие, рабочие и крестьянские молодежные организации.

К началу мятежа студенты, выступавшие против ДИС в учебных заведениях Будапешта, начали создавать свою организацию студентов Союз студентов (МЕФЕС).

От имени студентов МЕФЕС выработал ряд требований, направленных в основном на реорганизацию учебного процесса, но в ходе мятежа эти требования дополнялись революционными лозунгами и, использовав их, контрреволюция вовлекла значительную часть молодежи в вооруженную борьбу против народно-демократического строя.

В первый же день мятежа, который начался 23 октября 1956 года демонстрацией под лозунгами в поддержку антиправительственных выступлений в Польше, контрреволюционные элементы, использовав недовольство масс, выдвинули свои контрреволюционные лозунги, а уже к вечеру этого дня организовали глумление над памятником Сталину, над могилами советских воинов, уничтожили красные флаги, советские книги, газеты, коммунистическую печать, захватили радио, телеграф и ряд правительственных учреждений.

В последующие дни выступления контрреволюционеров носили форму вооруженной борьбы против коммунистов, работников органов безопасности и честных патриотов, поддерживавших народно-демократический строй в Венгрии.

В Будапеште и ряде других городов Венгрии была организована настоящая охота за коммунистами и работниками органов госбезопасности, многих из них зверски убивали, вешали прямо на улице, на трамвайных мачтах, телеграфных столбах, на деревьях, так же, как и в зловещие дни Гитлера, устраивали костры из книг, при этом выступали с антикоммунистическими и антисоветскими речами, требовали вывода советских войск,

ликвидации народно-демократического строя, уничтожения всех работников органов безопасности и партийных организаций.

В высших учебных заведениях Будапешта, в учреждениях, министерствах стали возникать революционные комитеты, которые, прикрываясь левой фразеологией о борьбе за независимую социалистическую Венгрию, по существу боролись за ликвидацию в Венгрии социалистических завоеваний.

Такие комитеты были созданы даже в органах прокуратуры, суда, министерстве иностранных дел, министерстве торговли и других учреждениях.

Они выносили решения о смещении со своих постов руководящих работников, коммунистов и назначении на эти должности реакционных элементов, реабилитированных контрреволюционеров и всех тех, кто выступал против народно-демократического строя и Советского Союза.

Студенческие революционные комитеты организовали выпуск газет «Университетская молодежь» и «Венгерское будущее», изготавливали и распространяли большое количество листовок и воззваний, а в первых числах ноября создали вооруженные отряды из числа студентов. Был создан специальный военный центр, возглавлявшийся бывшим генерал-майором Даниялом Гергени и начальником военной кафедры Политехнического института подполковником Иштваном Марианом.

Как представитель студенчества Мариан входил в состав так называемого военного комитета в Венгрии, а затем стал заместителем генерала Керая Бела — бывшего начальника будапештского гарнизона — по руководству объединенными вооруженными силами Будапешта.

После вступления советских войск в Будапешт часть студентов сложила оружие, а другая примкнула к вооруженным отрядам мятежников и оказывала сопротивление советским частям.

На сторону мятежников полностью перешла 7-я венгерская дивизия.

Бывший командир этой дивизии Мечеери показал, что он вместе с заместителем начальника политотдела и начальником штаба дивизии явились к одному из руководителей контрреволюционного мятежа военному министру последнего состава правительства Имре Надя — Мащеру (был впоследствии арестован), которому заявили о своем переходе на сторону мятежников.

30 октября в первой половине дня большие массы мятежников начали осаду здания городского комитета партии. На

помощь партийным работникам и офицерам, защищавшим здание горкома, было послано 6 танков венгерского танкового полка из 7-й дивизии под командой майора Гало.

Прибыв к зданию городского комитета партии, командиры танков вместо защиты горкома открыли орудийный и пулеметный огонь по зданию и тем самым обеспечили его захват мятежниками.

Над захваченными партийными работниками и офицерами была учинена зверская расправа. Их выводили на площадь, издевались над ними, избивали, плевали в лицо, глумились, а затем расстреливали и трупы подвешивали за ноги на деревьях.

В результате таких зверств в Будапеште были замучены второй секретарь городского комитета партии Мезе, полковник Пап и другие партийные работники, офицеры и солдаты.

Вот что показал один из допрошенных нами свидетелей: «Из здания выволокли человека, который уже не мог кричать, но был еще жив. Здесь же у подъезда его стали вновь зверски избивать, плевали на него, причем какие-то садисты танцевали вокруг него, испытывая, по-видимому, наслаждение от такого зрелища».

Чтобы усилить издевательство и окончательно захватить горком, мятежники вызвали пожарную команду, которая заливала подвалы здания водой, и таким образом расправлялись со своими жертвами.

В первые дни контрреволюционного выступления мятежниками были заняты стратегически выгодные здания у кинотеатра «Корвин» и военные казармы им. Килияна Дьердя, где размещался штаб руководства восстанием и вооруженными отрядами.

В связи с декретами Имре Надя от 28 октября 1956 года об образовании так называемой национальной охраны были созданы вооруженные отряды, которые заняли здания райкома партии, райисполкома и др.

Отряды национальной охраны комплектовались из враждебных лиц, авантюристов и освобожденных из-под стражи уголовников.

Арестованный участник мятежа Имре Пензем, 1936 года рождения, отбывавший наказание в будапештской тюрьме за хулиганство, показал, что он в конце октября вместе с 200 заключенными был освобожден из-под стражи, при этом 120 преступников изъявили желание вступить в национальную охрану, где были обмундированы и вооружены.

Эти уголовники принимали участие в боевых операциях против советских войск, в арестах венгерских граждан и грабежах.

В Будапештском районе Будапешта хортистскими офицерами и контрреволюционными элементами был создан революционный комитет, который организовал вооруженную борьбу против Советской Армии и венгерского народа. Возглавлял этот комитет бывший хортистский офицер Коша, исключенный в 1948 году из ВПТ, владелец частного предприятия.

В комитет входили также арестованные впоследствии Ласло Габор, без определенных занятий, проживавший по подложным документам; Лихтенштейн, судимый за растрату государственных средств; Карой Чехи, салашист, осужденный за контрреволюционную деятельность к пожизненному заключению, и др. Рассчитывая на поддержку венгерских контрреволюционных эмигрантских организаций на Западе, этот комитет на своих заседаниях принимал решения об установлении связей с капиталистическими государствами и с этой целью направил в Австрию своего представителя.

Была установлена связь с нелегально прибывшим в дни мятежа в Венгрию представителем радиостанции «Свободная Европа», которого снабдили сведениями о деятельности мятежников и оказали помощь в нелегальном возвращении на Запад.

Подготавливая почву для вмешательства во внутренние дела Венгрии, империалистические государства через будапештский комитет изготовили большое количество листовок на французском, немецком и других языках с призывом об оказании помощи мятежникам и в начале ноября 1956 года через представителя Международного Красного Креста отправили их в Австрию.

Большое количество листовок было изготовлено и распространено среди населения Будапешта с призывом к борьбе против народно-демократического строя.

Для организации вооруженной борьбы комитет сформировал и вооружил ряд банд общей численностью более 1,5 тысячи человек. Руководство ими было поручено бывшим хортистским офицерам, а общее командование возложено на бывшего подполковника хортистской армии. Члены комитета выезжали в воинские части для ведения переговоров о переходе их на сторону мятежников, в результате чего им удалось склонить моряков Дунайской флотилии и военнослужащих войсковой части в городе Кечкемет. Из этих частей были получены оружие и радиостанции.

31 октября по указанию председателя комитета Коша группа мятежников в составе 150 человек и 3 танков оцепила тюрьму, арестовала ее сотрудников и освободила более 800 человек,

осужденных за контрреволюционные и уголовные преступления, значительная часть их была затем зачислена в банды мятежников.

Через Международный Красный Крест из США, Великобритании, Австрии и Франции мятежники получали оружие, обмундирование, продовольствие, медикаменты. Границы были прозрачные. Грузовики под эгидой Красного Креста из Австрии ввозили в Венгрию огнестрельное оружие.

Бывшие лидеры буржуазных и других политических партий в Венгрии для захвата власти в стране в период контрреволюционного мятежа предпринимали активные попытки воссоздать распущенные до этого партии, такие как: Крестьянско-демократическую, Национально-крестьянскую, Венгерскую партию свободы и Независимую венгерскую партию клерикального направления, основная задача которой заключалась в восстановлении монархии во главе с кардиналом Миндсенти.

Официально США по событиям в Венгрии заняли нейтральную позицию. Но на деле поддерживали мятежников. Так, кардинал Миндсенти с самого начала мятежа перебрался в посольство США и оттуда руководил восставшими.

Перед органами госбезопасности и мной лично встал вопрос о нейтрализации этого кардинала. Однако это было сделать не так просто. Мы даже вели такую работу, чтобы американцы тайно вывезли его из страны. Была информация, что они в багажниках автомобилей вывозят нужных им людей. Мы не препятствовали, аргументируя это тем, что еще одной сволочью в Венгрии будет меньше. Но Миндсенти все время находился в посольстве. Только спустя время, когда в стране установились нормальные отношения, он вышел оттуда и приступил к своим непосредственным обязанностям священнослужителя. Свыше была директива его не трогать. Скорее всего, это было правильно. Если бы его арестовали, ситуация в Венгрии могла опять стать напряженной.

Особо активную деятельность проводили правые элементы партии мелких сельских хозяев (ПМХ) и социал-демократической партии (СДП).

30 октября после ухода советских войск из Будапешта правые деятели ПМХ организовали митинг бывших членов этой партии, на котором присутствовало свыше тысячи человек.

На митинге выступил освобожденный из тюрьмы бывший депутат парламента Тамаш Пастор с требованиями передачи власти этой партии.

На заседаниях центрального комитета ПМХ его члены

предлагали создать такое правительство, в котором эта партия заняла бы руководящее положение и взяла в свои руки вооруженные силы.

Руководители ПМХ выдвинули лозунг о создании в каждом районе филиалов своей партии и о завоевании большинства в созданных рабочих советах. Ими же было принято решение восстановить такие организации, как союз торговцев и союз инженерно-технических работников.

В первые дни мятежа многие периферийные деятели ПМХ прибыли в Будапешт, где им было дано указание о создании вооруженных групп и ячеек ПМХ в областях и деревнях.

Пресс-агентство этой партии заняло типографию газеты Отечественного народного фронта ВНР «Мадьяр Немзет» и стало выпускать свою газету «Киш-Уйшаг» резко враждебного направления.

Исполнительный комитет ПМХ установил связь с дипломатическими миссиями западных государств и систематически информировал их о происходивших событиях в стране.

Один из лидеров ПМХ Золтан Тильди, являвшийся государственным министром, призывал «вырвать руководящую роль из рук коммунистов».

Бывший член ПМХ Иожеф Дудаш (казненный по приговору Будапештского суда), возглавивший повстанческую банду в районе кинотеатра «Корвин», требовал, чтобы советские войска вышли из страны с белыми флагами. Под его руководством издавалась газета крайне реакционного содержания.

Член исполкома ПМХ Тамаш Пастор специально выезжал в Австрию для установления связи со сбежавшими туда в свое время деятелями ПМХ.

Активизировали свою деятельность во время мятежа и правые социал-демократы.

На заседании 25 октября был организован центральный комитет СДП и принята программа, основные пункты которой сводились к тому, чтобы «сохранить существующее в стране экономическое статус-кво, проводить политику по образцу западных социалистических партий, расторгнуть Варшавский договор и объявить Венгрию нейтральной страной».

Руководитель отдела ЦК СДП по осуществлению связи с западными социал-демократами Анна Кетли вскоре после 23 октября выехала в Вену на переговоры с деятелями Социалистического Интернационала.

В дни мятежа правая группировка СДП во главе с председателем ЦК Келеменом начала создавать свои ячейки

среди рабочих промышленных предприятий Будапешта.

Некоторые деятели СДП, ранее работавшие по линии молодежи, подстрекали студентов к вооруженным выступлениям, а затем поддерживали тесный контакт с повстанческими группами.

Правительство Имре Надя не только поощряло мятежников, но фактически прикрывало контрреволюционную сущность мятежа демагогическими фразами о происходящей в Венгрии революции, направленной против М. Ракоши и за дальнейшую демократизацию.

Достаточно сказать, что этим правительством были приняты решения о выплате бастующим рабочим заработной платы в двойном размере, а также требования о выводе советских войск, расторжении Варшавского договора, объявлении Венгрии нейтральной и т. п.

С 23 октября правительство Имре Надя несколько раз реорганизовывалось, и каждый раз оно становилось все более правым.

Последнее правительство состояло из представителей нескольких партий. В его состав в качестве военного министра был включен один из руководителей мятежа Малетер. Было оставлено место для представителя СДП Анны Кетли.

К концу мятежа, сбросив с себя маску лояльности к Советскому Союзу, правительство Имре Надя активно поддерживало мятежников и ставило своей задачей создать из них вооруженные отряды для борьбы против Советской Армии. Но самые отъявленные реакционеры считали, что во главе фашистской Венгрии должен находиться не Имре Надь.

В последние дни мятежа они строили планы создать венгерское правительство во главе с кардиналом Миндсенти. Он торжественно был доставлен мятежниками в Будапешт и 3 ноября выступил по радио с программной речью, в которой заявил, что ведет борьбу за восстановление в Венгрии буржуазно-помещичьего строя, ликвидацию всех социалистических завоеваний и дружбу с империалистическими государствами.

Надо сказать, что такое выступление Миндсенти несколько отрезвило отдельных венгров, обманутых мятежниками и, наконец, понявших истинный смысл происходящих событий.

Контрреволюционные выступления прошли также в большинстве городов Венгрии, где мятежниками были учинены расправы над руководящими партийными работниками, сотрудниками органов госбезопасности и другими патриотами.

Но основным центром выступления являлся Будапешт, откуда

контрреволюционные элементы на периферии получали соответствующие указания по радио и через своих связников.

Трудовое крестьянство Венгрии в своем большинстве участия в контрреволюционном мятеже не принимало.

Активно поддерживали контрреволюционеров лишь кулаки и другие реакционные элементы деревни.

На 1 октября 1956 года в Венгрии насчитывалось 3930 сельскохозяйственных кооперативов, из которых к 30 ноября 1956 года распалось 1890, что составляло 45,3 процента всех кооперативов. Распались в основном кооперативы высшего типа, а также кооперативы, созданные в недавнем прошлом, нерентабельные, имевшие задолженность перед государством.

В ряде районов страны были отмечены факты самочинного роспуска кооперативов и растаскивания общественного имущества.

Вернулись бывшие помещики, кулаки, которые с оружием в руках добивались возврата конфискованных у них поместий и требовали вернуть изъятые земли.

В стране имелось 300 госхозов, которые сохранились полностью, несмотря на попытки мятежников развалить и разделить их земли. Сохранились также и машинно-тракторные станции.

Мятежникам удалось увлечь значительные слои неустойчивой части рабочего класса, при этом были использованы демагогические лозунги: повышение заработной платы, отмена норм выработки, увольнение с предприятий директоров-коммунистов, передача власти в руки рабочих советов.

Если в учреждениях и в учебных заведениях возникали различные революционные комитеты, то на фабриках, заводах и даже мелких кустарных предприятиях создавались рабочие советы, которые объявляли себя революционными представителями и полностью захватывали судьбу предприятия в свои руки.

Таким образом, подготовленный международными империалистическими силами и внутренней реакцией контрреволюционный мятеж поставил венгерский народ перед серьезной опасностью восстановления фашизма и ликвидации социалистических завоеваний, В заявлении Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства от 6 января этот период характеризуется так: «Контрреволюционные силы хотели свергнуть правительство Венгерской Народной Республики и создать фашистско-помещичье капиталистическое государство, зависящее от крупного капитала международного

империализма и опирающееся на его поддержку. Опираясь на империалистические силы, они хотели создать на территории нашей Родины очаг войны».

Следует сказать, что Венгерская партия трудящихся во время мятежа распалась. При правлении Ракоши многие ее деятели сидели в тюрьме, в том числе и Янош Кадар. Ракоши видел в нем явного соперника по власти. Несмотря на это, Я. Кадар после освобождения начал борьбу с мятежниками.

Надо сказать, что к Кадару, а также к доктору Мюнниху советские лидеры приглядывались. В конце концов, Я. Кадар стал первым секретарем Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), а Ф. Мюнних — председателем Совета Министров ВНР и министром внутренних дел.

Венгерский народ не был сломлен контрреволюционерами, он нашел в себе силы создать новое правительство, которое призвало на помощь Советскую Армию.

3 ноября 1956 года было принято решение ввести советские войска в Будапешт. Командовал войсками маршал И. С. Конев, начальником штаба был мой хороший знакомый генерал армии М. С. Малинин. Таким образом, ранг командования был очень высокий.

С Коневым я был знаком еще с 1941 года. Это был простой в общении человек, доступный для подчиненных. Видимо, сказывался опыт политработника. Забегая вперед хочу сказать, что мы с ним пришли к соглашению составлять нашему руководству по линии КГБ и Министерства обороны совместные донесения, для того чтобы не было параллелизма и различных толкований. Сотрудничали мы хорошо, разногласий не было никаких.

Когда передовые части Советской Армии вошли в пригород Будапешта, то встретили ожесточенное сопротивление мятежников. Сам я непосредственно участвовал в штурме Будапешта. По распоряжению генерала М. С. Малинина мне был предоставлен танк Т-34.

В районе острова Чепель находился штаб советских войск. Оттуда мы и двинулись. В одном из районов города танк, в котором я находился, был подбит из зенитного орудия, расположенного в подвале многоэтажного дома. Так что мятежники были хорошо вооружены и подготовлены к нашему приходу. Мне помогли выбраться из дымящейся машины и отбежать в безопасное место. Шедший за нами второй танк был также подбит, но выстрелом из своего орудия подавил огневую точку противника.

Части советских войск в течение нескольких дней разгромили

контрреволюционный мятеж в Венгрии, уничтожили или изгнали из страны значительную часть мятежников.

Начальнику Главного управления пограничных войск КГБ П. И. Зырянову была поставлена задача: с началом штурма Будапешта советскими войсками ворваться с возглавляемой им оперативной группой советских и венгерских сотрудников органов безопасности в парламент и арестовать Имре Надя и его правительство. Группа П. И. Зырянова опоздала, и Имре Надь со своими сторонниками успел спрятаться в югославском посольстве.

Югославы поддержали мятежников. Иосип Броз Тито стоял на той точке зрения, что все происшедшее в Венгрии — это закономерный процесс. К этому времени у Советского Союза с Югославией были натянутые отношения.

Перед нами встал вопрос, как из югославского посольства заполучить Имре Надя. Посольство находилось под нашим оперативным наблюдением. Через агентуру, имевшуюся там, мы получили информацию о том, что Надь и его сторонники в один из дней тайно покинут посольство и попытаются убежать в Югославию.

Поздним вечером к посольству подъехало два автобуса, и мятежники, как только сели в них, сразу же были захвачены. Для них это было полнейшей неожиданностью. Сопротивления они не оказали. Их сразу же отвезли в какую-то казарму и стали с ними работать. Отношение к ним было весьма деликатным.

Сразу же информировали об этом Хрущева. Через некоторое время последовал приказ депортировать Имре Надя и его правительство в Румынию, с руководством которой уже была достигнута договоренность. На самолете мятежников доставили в Румынию и поселили в одном из пансионатов. Их, конечно, охраняли, но режим охраны существенно отличался от тюремного. Питание было хорошее. Генерал-лейтенант Федотов со своей группой полностью контролировали задержанных, зная, о чем они говорят, что замышляют и т. д. А замышляли они связаться с посольством какой-нибудь капиталистической страны и попросить там политического убежища.

Через какое-то время я получил информацию о замышлявшемся среди них заговоре с целью освобождения. Я доложил об этом И. А. Серову, который, проинформировав Н. С. Хрущева, получил от него указание передать задержанных силовым органам Венгерской Народной Республики. Непосредственное исполнение указания генсека было поручено мне.

Я сообщил об этом Яношу Кадару, причем сказал, что перевезти мятежников в Будапешт и начать над ними следствие должны представители Министерства внутренних дел ВНР. К этому времени государственные органы Венгрии уже работали самостоятельно. Так и сделали. Кадар спросил меня, что делать с Имре Надем и другими его сподвижниками. Я ему ответил: «Когда человек сидит в тюрьме, то на него заводят уголовное дело и ведут следствие».

После следствия был закрытый суд, в ходе которого Имре Надь был приговорен к смертной казни, другие получили различные сроки заключения. Но меня уже в Венгрии не было. Я еще раз хочу заметить, что судили и приговорили к повешению сами венгры, их органы правосудия.

Первое время я жил в посольстве, так как в гостинице было небезопасно. Несколько дней пришлось жить вместе с Ю. В. Андроповым в его комнате. Надо сказать, что я с ним во время тех событий хорошо подружился. Мы даже оба могли быть убиты одним выстрелом снайпера. Мятеж уже шел на убыль, стрелять в городе практически перестали. Мы сидели вдвоем в его кабинете друг против друга, я затылком к окну. Во время нашей беседы раздался выстрел. Пуля прошла впритирку с моим ухом и дужкой очков Ю. В. Андропова, ударила в стену и отрикошетила. Выстрел был произведен с крыши соседнего дома. Мы отошли в безопасное место. А я приехал в посольство на танке. У меня спросили разрешения произвести выстрел по предполагаемому нахождению из танкового орудия. Я категорически запретил. Снайпер мог уже скрыться, а невинные люди могли пострадать. Агентурные данные подтвердили, что в нас действительно стрелял снайпер.

Как-то позвонил мне И. А. Серов и говорит: «Никита Сергеевич просит узнать мнение руководства Венгрии по поводу нашего посла Ю. В. Андропова. Хотят ли они видеть его на этом посту?» А это уже было начало 1957 года. Задание было очень деликатным.

На одной из встреч я задал этот вопрос Яношу Кадару. Он ответил не сразу. Выдержал паузу, затем сказал: «Товарищ Андропов очень достойный человек, профессионал своего дела. Но он был в сильной дружбе с Ракоши, поэтому, если это возможно, мы хотели бы видеть на его месте другого человека».

Я передал это пожелание А. И. Серову, он, в свою очередь, Н. С. Хрущеву. Ю. В. Андропова отозвали и направили на другую работу. Уже в СССР мы с ним поддерживали теплые отношения, но через некоторое время они как-то охладели. Я долго думал,

почему так произошло. В конце концов я понял, что кто-то рассказал ему о моей беседе с Я. Кадаром по поводу его замены на посту посла. «Доброжелателей» в этом мире всегда достаточно.

Еще один раз мы встретились с Андроповым, когда он уже долгое время был председателем КГБ. В то время председателем Советского комитета ветеранов войны был генерал армии в отставке П. И. Батов. И мы с ним вручали «Почетный знак ветерана войны» Ю. В. Андропову в его кабинете на Лубянке. Встретил он нас очень тепло, меня даже обнял. За чаем мы вспоминали нашу совместную работу в Венгрии, особенно выстрел снайпера.

Руководители мятежников придумывали различные психологические трюки для дестабилизации обстановки. Чего только стоил марш женщин в черном. В один из дней мне позвонил мой работник и сообщил, что в сторону центра Будапешта движется большая колонна женщин, одетых в траурное одеяние, с букетами цветов. Причем без сопровождения полиции, как бывает в таких случаях.

Я немедленно выехал к месту предполагаемого движения колонны. Я был в штатском, водителю приказал заехать в переулок. Действительно, вскоре показалась черная колонна. В ней были одни женщины, в основном молодые. Цель этой демонстрации мне была неизвестна. Но я знал, что женщины могут спровоцировать мужчин на необдуманные поступки. Вспомнить хотя бы начало Февральской революции 1917 года в России. Несомненно, трогать, тем более разгонять их ни в коем случае было нельзя.

Я вернулся к машине и направился к Яношу Кадару. Для меня к нему вход был всегда свободный. Выслушав меня, он спросил, что же делать. Я сказал, что ему, как руководителю страны, должно быть виднее. А из министерства внутренних дел ему вообще об этом не доложили. Свое мнение я все-таки высказал. Я рекомендовал никоим образом не трогать женскую колонну. А уже поступила информация о том, что эти женщины хотят возложить цветы к памятнику «Тысячелетие Венгрии», выразив таким образом скорбь по погибшим в ходе массовых беспорядков. Кадар согласился со мной. Как только цветы были возложены, женщины развернулись и пошли обратно.

Запомнился такой случай. Мне позвонил один венгерский профессор и попросил аудиенции. Даже не знаю, откуда он достал мой номер телефона. Я его встретил. Гость достаточно хорошо владел русским языком, поэтому мы общались без переводчика. Он сказал: «Я пришел к вам, как может показаться, по простому и никчемному вопросу, но прошу все же выслушать

меня, так как для венгров, только не смейтесь, это вопрос жизни». Профессор высказал мысль, что продолжающиеся беспорядки в Будапеште происходят и оттого, что в магазинах невозможно купить кофе. А кофе для венгров — национальный напиток. Далее он развил мысль, что если в магазинах появится кофе, то население немедленно успокоится.

Я поблагодарил его и, после того как мы распрощались, крепко задумался. Сам я не был искушен этим напитком, но мне показалось, что восстановление снабжения кофе столицы Венгрии косвенно может снизить социальную напряженность.

Я позвонил А. И. Серову и рассказал ему об этом случае. Серов не удивился и пообещал помочь. Вскоре он мне позвонил и сказал, что поезд с четырьмя вагонами кофе уже вышел из Москвы и направляется в Будапешт. Я проинформировал об этом Яноша Кадара. Рассказал ему также о встрече с профессором. Он ничуть этому не удивился и совершенно серьезно сказал, что верит в то, что с появлением кофе беспорядки пойдут на убыль.

Это более чем удивительно. На следующий день после прибытия вагонов в Будапешт кофе был распределен по торговым точкам. И тогда я впервые увидел улыбки на лицах граждан венгерской столицы.

После провала мятежа в Венгрии империалисты и контрреволюционеры не успокоились. Продолжая политические атаки и провокации с выдвижением демагогических лозунгов, сосредоточили все свои силы на том, чтобы уничтожить и, по крайней мере, чтобы разложить и ослабить венгерское рабоче-крестьянское государство, дискредитировать его правительство, центральные и местные органы власти, вызвать экономический хаос в стране.

Перед правительством и Венгерской партией трудящихся встали задачи: быстрее нормализовать положение в стране, наладить промышленное производство и торговлю, организовать ремонт разрушенных зданий и др.

Главное же состояло в том, чтобы оздоровить политическую обстановку в стране.

Между тем, реакционные элементы открыто выступали против правительства, требовали возвращения правительства Имре Надя, выдвигали лозунги о повышении заработной платы, роспуске органов госбезопасности и т. п.

Правые и буржуазно настроенные националисты и писатели открыто отказались признать правительство Яноша Кадара и стали призывать созданные во время мятежа в учреждениях и институтах революционные комитеты и рабочие советы на

предприятиях к борьбе против правительства.

В ноябре и в декабре 1956 года были проведены собрания журналистов и писателей, которые носили ярко выраженный антиправительственный и антисоветский характер.

На этих собраниях они пытались вооружить контрреволюцию идеологическими лозунгами, утверждая, что в Венгрии была революция, а не контрреволюция, обвиняли Советский Союз во вмешательстве во внутренние дела Венгрии и делали ряд других клеветнических высказываний и заявлений.

В связи с тем, что попытки отдельных студенческих групп проводить нелегальную антиправительственную и антисоветскую работу в ряде случаев оканчивались провалом и все более решительно пресекались органами госбезопасности, к концу ноября среди членов временного исполкома союза студентов произошел раскол. Часть участников этой организации стала высказываться за сотрудничество с ВСРП в поддержку правительства.

Решительные действия венгерского правительства в этой ситуации вызвали одобрение честных рабочих и служащих, тем более что в рабочих советах и революционных комитетах было много реакционеров, хортистских офицеров, бывших фашистов, авантюристов.

Однако контрреволюционеры и дальше продолжали использовать рабочие советы промышленных предприятий в борьбе против мероприятий партии и правительства.

11 января контрреволюционное подполье пыталось организовать демонстрацию рабочих Чепельского металлургического и машиностроительного комбината. В результате решительных действий венгерской полиции и войск венгерской охраны демонстрация была не допущена.

Политическое положение в стране с каждым днем становилось прочнее, промышленные предприятия полностью работали, шла учеба в начальных и средних школах, постепенно приступали к занятиям высшие учебные заведения, а с 1 февраля 1957 года начались занятия в Будапештском университете.

На предприятиях, в учреждениях и в сельской местности стали создаваться организации ВСРП. По состоянию на 15 января 1957 года Венгерская социалистическая рабочая партия насчитывала в своем составе 130 тысяч членов.

Во многих случаях члены партии активно выступали за претворение в жизнь решений правительства, требовали усиленной борьбы с контрреволюционными элементами и постепенно завоевывали авторитет и доверие у народа.

Наряду с этим на отдельных предприятиях и в учреждениях,

где еще было сильно влияние контрреволюционеров, рабочие советы запрещали создавать партийные организации, предоставлять им помещения, проводить собрания и т. п.

Но эти противодействия контрреволюции были ее последними открытыми выступлениями.

Под влиянием реакционных передач радио «Голос Америки», «Свободной Европы» и других, а также провокационной пропаганды и различных слухов значительное количество венгров пыталось уйти на Запад.

Нужно сказать, что слабость идеологической работы как до мятежа, так и после него была одной из причин того, что контрреволюционерам удалось увлечь за собой значительную часть молодежи, рабочих и служащих, искренне поддерживавших социализм, демократию и дружбу с Советским Союзом.

В заключение хочу сказать, что долгое время переписывался с Яношем Кадаром. Его письма я храню как память о том противоречивом периоде мировой истории.

Глава 13
События в Тбилиси после XX съезда партии

Мы подошли с Вами к печальным событиям в Тбилиси, которые произошли после XX съезда КПСС. Прошло достаточно много времени, чтобы осознать весь трагизм того периода нашей истории. Вы как представитель власти, посланный на урегулирование этого конфликта, стали непосредственным его свидетелем.

Прошу Вас рассказать об этих событиях так, как Вы считаете нужным.

25 февраля 1956 года Н. С. Хрущев на закрытом заседании XX съезда КПСС озвучил секретный доклад о культе личности Сталина и преступлениях сталинского режима. Слухи о том, что великий и безгрешный Сталин объявлен чуть ли не врагом народа, быстро распространились по стране. Подробностей поначалу никто не знал, а сам доклад Хрущева так и оставался долгое время секретным.

Доклад произвел шокирующее впечатление даже на привычных ко всему старых коммунистов. Многие так и не смогли по команде нового лидера понять и принять правду о Сталине.

В Грузии же скандальные разоблачения задели не только политические амбиции, но и национальные чувства.

Поезда, следовавшие из Тбилиси в Москву, зачастую приходили с разбитыми камнями окнами. Таким образом грузины протестовали против решений XX съезда партии. Я полагаю, что ЦК партии, Политбюро ЦК не ожидали такой острой реакции грузинского народа. По тревоге была сформирована и послана в Грузию для наведения там порядка группа работников: от ЦК партии во главе с А. Ю. Шелепиным, от КГБ — с генерал-полковником С. С. Бельченко, от МВД — с Героем Советского Союза генерал-полковником С. Н. Переверткиным.

На месте наша группа обнаружила, что органы госбезопасности и внутренних дел не полностью владеют обстановкой.

Нам, руководителям группы, буквально на ходу пришлось принимать меры.

В наведении порядка участвовали партийные, советские и силовые органы, также были привлечены части внутренних войск,

пограничники и армейские подразделения. Я лично и мои товарищи отметили, что ЦК КП Грузии во главе с первым секретарем В. П. Мжаванадзе, грузинские органы госбезопасности во главе с председателем генералом Инаури и министром внутренних дел не растерялись и в основном владели обстановкой, хотя она была чрезвычайно сложной.

В марте 1956 года жители Тбилиси протестовали не только против очередного непонятного политического решения высшей власти, но и против нанесенного Москвой национального оскорбления. Существенное значение имел опыт стихийных митингов, собраний, выступлений и возложений венков к памятникам и монументам, которые прошли в марте 1955 года без всякого противодействия властей.

События стали принимать угрожающий характер 8 марта, достигли апогея 9 и закончились 10 марта 1956 года.

Движущей силой в этих событиях были молодежь и студенты. Особенно активную роль сыграла группа не работавших выпускников вузов, не захотевших уезжать по распределению из столицы Грузии в сельские районы. Среди них были и дети высокопоставленных родителей — высших партийных и советских чиновников, творческой интеллигенции и т. д.

5 марта в 16.00 в ЦК КП Грузии состоялось заседание, на котором присутствовали руководители министерств, газет и журналов. Открыл заседание первый секретарь ЦК Мжаванадзе. Зачитали закрытое письмо ЦК КПСС «О культе личности». С документом предполагалось ознакомить всех коммунистов и комсомольцев.

Молва быстро разнесла слухи об этом по городу. Национальные чувства грузин были задеты.

Утром 7 марта студенты Тбилисского государственного университета им. И. В. Сталина вместо лекций вышли на улицы. Их поддержали студенты сельскохозяйственного, политехнического и некоторых других институтов. Участвовали в манифестации и школьники.

Милиция пыталась остановить шествие или изменить его маршрут, но не смогла. Направленная к месту событий оперативная группа приостановить движение демонстрантов тоже не сумела.

У монумента Сталину вновь начался стихийный митинг. Выступавшие обрушились с проклятиями в адрес «очернителей» Сталина. Неизвестный молодой человек в форме железнодорожника заявил: «Сегодня предоставляется нам право выступать и говорить все, что имеется у нас на душе. Некоторые хотят очернить Сталина, но мы будем бороться против них и не

допустим этого». Толпа была настроена агрессивно.

К концу дня число манифестантов достигло 70 тысяч человек.

Под утро 8 марта в студенческий городок явился неизвестный, заявивший, что у монумента И. В. Сталину якобы снимают венки. В ответ на это сообщение большая группа студентов к 4 часам утра собралась у монумента.

Утром 8 марта город частично не работал. Одни просто не явились на службу, другие в течение дня оставляли рабочие места и выходили на улицы. В Верховном суде республики отменили слушание назначенных к рассмотрению дел.

После того как один из выступавших после полудня на митинге на площади Ленина сказал с трибуны, что все принадлежит народу, в том числе и транспорт, начался захват машин и автобусов. Произошло несколько столкновений участников беспорядков с работниками милиции, пытавшимися останавливать захваченные машины.

Когда задержали одного из участников этих беспорядков, от стихийного митинга у монумента Сталину отделилась толпа в 700–800 человек, которая начала избивать сотрудников ГАИ на площади Меликишвили, а затем окружила отделение милиции и потребовала освободить всех задержанных. Сотрудникам милиции, пытавшимся останавливать захваченный автотранспорт, участники беспорядков оказывали упорное сопротивление. Стычки чаще всего заканчивались в пользу толпы.

Демонстрации приобрели массовый характер. Их участники потребовали выступления первого секретаря ЦК КП Грузии «по вопросу текущей политики и в связи с решениями XX съезда КПСС».

В 12 часов дня перед собравшейся толпой на площади Ленина выступил первый секретарь ЦК Компартии Грузии Мжаванадзе. Это выступление видели и слышали тысячи людей. Мжаванадзе долго разговаривал с демонстрантами. Обещал всячески поддержать их и свою речь закончил словами: «Мы нашего дорогого Сталина в обиду никому не дадим!»

Слова эти передавались из ряда в ряд, раздавались громкие выкрики и оглушительные овации.

После выступления первого секретаря собравшиеся предъявили властям следующие требования:

— 9 марта объявить нерабочим траурным днем.

— Во всех местных газетах поместить статьи, посвященные жизни и деятельности И. В. Сталина.

. — В кинотеатрах демонстрировать кинофильмы «Падение Берлина» и «Незабываемый 1919 год».

— Пригласить на митинг представителя Китайской Народной

Республики Чжу Дэ.

— Исполнять гимн Грузинской ССР в полном тексте.

После речи Мжаванадзе толпа захотела услышать маршала Китайской Народной Республики Чжу Дэ, который гостил в Грузии после участия в XX съезде КПСС.

По просьбе руководителей республики Чжу Дэ дважды выступил с приветствиями. Однако толпа не расходилась и требовала приема ее представителей. Пятеро студентов встретились с маршалом КНР. Посетить монумент Сталину в Тбилиси он отказался. Но двое других членов китайской делегации вместе со вторым секретарем ЦК КП Грузии М. П. Георгадзе отправились к монументу, где один из китайских гостей выступил на митинге.

Милиция очень вяло реагировала на происходящее. На вопрос руководства МВД СССР о том, почему в самом начале беспорядков не были приняты необходимые профилактические меры, министр внутренних дел Грузии Джанджгава ответил не очень вразумительно: «По указанию ЦК КП Грузии 7 и 8 марта мы обеспечивали порядок, чтобы не допустить на демонстрациях хулиганских действий, драк и прочего, что нами и было сделано. Демонстрации проходили спокойно и без эксцессов. 9 марта мы уже были бессильны что-либо сделать».

Утром 9 марта власти попытались наконец взять инициативу в свои руки и придать траурным манифестациям законный характер. Газеты вышли с передовыми статьями «Третья годовщина со дня смерти И. В. Сталина» и с фотографией Ленина и Сталина в Горках в 1922 году. Было объявлено о проведении в 13 часов траурных митингов на всех предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях республики. Это было уступкой местной власти митингующим. Ведь по всей стране в это время в закрытых «коммунистических» аудиториях читали письма ЦК КПСС о культе личности Сталина.

Митингующие активисты насильно заставляли людей высказывать восторги в адрес Сталина. Были случаи избиений неизвестными лицами работников органов внутренних дел.

Уже на дневных митингах прозвучали политические требования: «о немедленной смене руководителей партии и правительства», которые сопровождались угрозами перейти к открытой борьбе; «о необходимости захвата почты, телеграфа, редакций», «даже если потребуется пролить кровь за это». Кроме того, демонстрантами была принята «телеграмма с обращением к 16 республикам с просьбой оказать им помощь и поддержку».

Вечером 9 марта на митинге около монумента Сталину был зачитан некий документ, содержавший политические требования.

На митинге в это время присутствовали некоторые партийные и советские руководители республики, направленные по решению ЦК КП Грузии «для овладения трибуной».

Вечером 9 марта еще одним центром событий стала Колхозная площадь, куда некие неизвестные молодые люди направляли толпу. В центре этой небольшой площади «была сооружена импровизированная трибуна. Сменяя друг друга, выступали какие-то молодые люди, лица которых в темноте невозможно было разобрать. Они кричали очень громко, но их не было слышно из-за всеобщего гвалта. Где-то запели давно запрещенный грузинский национальный гимн. Затем появились листовки с призывами о выходе Грузии из состава СССР. Это было что-то действительно новое. Здесь же выступил с речью об отсоединении Грузии от СССР агроном Кипиани. После этого он незамедлительно скрылся. Впоследствии, когда он был задержан и арестован, я беседовал с ним, пытаясь понять причину его поступка. Но ничего вразумительного я не услышал. Мотивы его действий остались для меня непонятны. Кипиани судили и приговорили к 3 годам лишения свободы.

Тон лозунгов и заявлений в разных местах митингующего города становился все более решительным и вызывающим. Многие горожане, втянутые в события на волне всеобщего энтузиазма, почувствовали страх и тревогу. Теперь они боялись, что одними восхвалениями Сталина дело не ограничится.

Вечером 9 марта Тбилиси, по существу, был во власти стихии. Никакого порядка. Полная анархия. Транспорт — легковые и грузовые автомобили, такси, автобусы, троллейбусы — находился в руках толпы. Машины разъезжали по городу с непрерывными гудками. Митингующими был предъявлен ультиматум — заменить республиканское правительство. Выражалось недовольство верхами. Во время митинга у монумента Сталину раздавались даже призывы к погромам: «Бить армян!», «Вон отсюда русских!»

Из города Гори приехало на грузовиках около 2 тысяч человек; головная машина была оформлена под броневик. На ней стояли два человека, загримированные под Ленина и Сталина, в окружении одетых в матросскую форму людей с пулеметными лентами через плечо.

9 марта ближе к вечеру появилось «Обращение к коммунистам, комсомольцам, к рабочим и служащим, ко всем трудящимся Тбилиси!». В обращении говорилось, что «дни с 5 по 9 марта были для трудящихся Тбилиси днями траура, когда отмечались скорбные даты кончины и похорон И. В. Сталина». Однако «нашлись бесчестные люди — дезорганизаторы и

провокаторы». Они «встали на путь бесчинств, нарушений общественного порядка с целью помешать нормальной работе учреждений, предприятий, учебных заведений и жизни города». Зачем «бесчестным людям» это понадобилось, обращение не объясняло. Короткий документ заканчивался призывом «восстановить полный порядок в городе» и «обуздать дезорганизаторов и провокаторов». «Обманутым» предлагали «немедленно вернуться к обычным занятиям». Приказом № 14 начальника Тбилисского гарнизона с 0 часов 10 марта вводилось военное патрулирование. Оба документа передавали по радио 9 и 10 марта каждые 15–20 минут на грузинском и русском языках. Только утром 10 марта приказ был расклеен на улицах. Кое-где его немедленно срывали.

Люди почувствовали надвигавшуюся угрозу. Началось бегство многих участников митинга из центра города.

Еще во время митинга у монумента Сталину было принято решение послать группу приблизительно в 10 человек к Дому связи (около 400 метров от монумента) для отправки какой-то телеграммы в Москву. Их впустили в здание и задержали для «выяснения личности». Когда об этом стало известно у монумента, часть толпы бросилась на выручку. Между 23 и 24 часами произошло кровавое столкновение.

Путь к зданию, естественно, преградила охрана. Кто-то из задних рядов стал стрелять в автоматчиков, одного солдата ударили ножом. Толпа наседала, пришлось отбиваться прикладами. Хулиганы все пустили в ход: кулаки, ножи, камни, пояса. В воздух дали предупредительные залпы. Выстрелы в упор повторились из толпы, дезорганизаторы продолжали наседать. У бойцов выхода не было, жизнь их находилась под угрозой. Пришлось принять оборонительные меры, и только после этого толпа была рассеяна. При штурме Дома связи были жестоко избиты несколько офицеров милиции.

На проспекте Руставели выросли две баррикады из троллейбусов и автобусов: одна — возле гостиницы «Тбилиси», вторая — около Дома связи.

Одновременно с попыткой захватить Дом связи демонстранты попытались (безуспешно) захватить редакцию республиканской газеты на грузинском языке «Комунисти» («Коммунист»). Около полуночи возбужденная толпа (около 3 тысяч человек), возвращавшаяся от Дома связи, начала осаду городского управления милиции — «с целью разоружения работников милиции и захвата оружия». В ход пошли камни и палки, были выбиты окна и двери в дежурном помещении, некоторые

сотрудники милиции избиты.

Только с помощью танков было рассеяно скопление людей на площади Ленина. Многие разбежались по домам.

У Дома правительства, который охраняли пограничники, еще митинговала толпа около 500 человек. В числе лозунгов можно было услышать: «Да здравствует Берия!»

Митинг у монумента Сталину, на котором, по некоторым оценкам, около 1 часа ночи 10 марта присутствовало приблизительно 5 тысяч человек, продержался дольше всех остальных. Митинговавшие выкрикивали некие «призывы к свержению центрального правительства». Особенно резко нападали на Хрущева, Микояна и Булганина.

В район монумента были направлены бронетранспортеры. Но рассеять митингующих здесь было труднее, чем в других местах. Вынужденные меры нельзя было применить. Провокаторы воспользовались тем обстоятельством, что монумент находился в парке и был окружен большим количеством деревьев.

Вражеские элементы стали подстрекать людей, воздействуя при этом на национальные чувства.

Подошедшие воинские части, окружив парк, предложили разойтись. В ответ послышались насмешки и оскорбления. На неоднократные предупреждения показывались кулаки и ножи. И когда около трех часов ночи митингующих стали оттеснять, то хулиганы и провокаторы оказали сопротивление — стали нападать на солдат, вырывать автоматы. Среди военных появились раненые. Снова пришлось применить оружие.

Солдаты попытались рассеять толпу, им было оказано сильное физическое сопротивление, солдат били камнями, палками, металлическими прутьями, бутылками и другими предметами, называя военнослужащих фашистами, гестаповцами, извергами. Солдаты открыли огонь вверх без команды офицеров, а через минуту, уже по команде, прекратили его.

В адрес пограничников, принимавших участие в разгоне толпы у Дома правительства, раздавались выкрики: «Зачем вы пришли сюда?», «Здесь армия не нужна!» «Русские, вон из города!», «Уничтожить русских!». Когда по городу разнеслись слухи об убитых, прозвучал лозунг: «Кровь за кровь!»

За ночь в городе было арестовано около 200 человек (на следующий день — еще 100), главным образом учащейся молодежи. У некоторых были отобраны револьверы или холодное оружие — кинжалы, финки, ножи. Задержанные оказались во внутренней тюрьме КГБ под усиленной охраной. Они были возбуждены ночными событиями, вели себя достаточно смело, время от времени выкрикивали: «Сегодня нас придут и

освободят», «Скоро придут союзники и помогут нам».

Утром 10 марта жители Тбилиси обсуждали ночной расстрел, обвиняли правительство и русских солдат. Вокруг монумента в несколько рядов стояло оцепление из автоматчиков. По основным улицам, на перекрестках, мостах, на выездах с магистралей располагались войсковые пикеты с пулеметами, на машинах. Люди пытались собираться в группы (особенно у монумента Сталину и у вокзала), но их разогнали патрули.

Около 12 часов дня группа демонстрантов, собравшаяся на мосту, бросилась к монументу, но предупредительные выстрелы в воздух рассеяли толпу.

В течение дня более двух тысяч человек, по данным милиции, выехали из города в деревню. После 23 часов народ с улиц разошелся.

В массовые беспорядки были вовлечены и школьники. Сотрудники моей оперативной группы выявили самых активных зачинщиков среди молодежи и задержали их, около 40 человек. В ходе работы с ними был выявлен актив из 8–10 человек. Хочется отметить, что никто из них арестован не был. После допроса все были отпущены. Мы вызвали их родителей, в основном за своими детьми приходили отцы. Внушение родителям было сделано довольно серьезное. Процесс был не из приятных, но профилактика наша сработала. Думаю, что после испытанного стыда вряд ли кто-то из этих молодых людей захотел бы бунтовать.

В начале марта 1956 года на родине Сталина, в городе Гори, на площадь Сталина пришло около 50 тысяч человек, главным образом молодежь. Кто-то организовал почетный караул. Шел стихийный митинг, на котором читали стихи о Сталине и выступали с хвалебными речами. В последующие дни к жителям города присоединились делегации (организованные группы) жителей других городов и районов республики, в том числе Тбилиси.

По данным Прокуратуры СССР, на площади Сталина в Гори «произносились речи антисоветского характера и провозглашались призывы к учинению массовых беспорядков». Выступавшие уверяли толпу, что они не одиноки, что подобные митинги проводятся и в других городах СССР. Заодно ругали Хрущева и все московское начальство за клевету на Сталина.

Во второй половине дня площадь Сталина и прилегающие улицы были заполнены народом (до 70 тысяч человек). Вечером с трибуны прозвучало требование освободить задержанных милицией демонстрантов. Огромная толпа (около 5 тысяч человек) окружила городское отделение милиции. «Во избежание

осложнения и нежелательных последствий», как говорилось в спецсообщении МВД Грузии МВД СССР, задержанные были отпущены.

Несколько машин с рабочими комбината уехало в столицу республики. Большинство было задержано в пути заслонами войсковых частей и милиции. Некоторые к утру пробрались в Тбилиси и с портретами Ленина и Сталина, транспарантами и венками попытались подойти к монументу Сталину. Угрозами и уговорами их вернули обратно.

События в Сухуми развивались как зеркальное повторение волнений в Тбилиси и Гори, хотя и протекали в менее агрессивной форме. Косвенно это свидетельствует о возможности общенациональной координации действий лидеров и руководителей стихийных митингов и манифестаций.

С утра 5 марта 1956 года в центральном парке Сухуми у памятника Сталину стали собираться группы учащихся грузинских школ с венками. Это продолжалось до 9 марта. Ежедневно кто-то из митингующих покупал в ресторане «Сухуми» по 20–30 литров вина, которое распивали в парке и которым (по ритуалу) поливали памятник.

С каждым днем количество митингующих увеличивалось (до 2–2,5 тысячи человек). Они беспрерывно выступали с речами и читали стихи. Когда вечером 6 марта рабочая цветочного магазина (русская) по распоряжению начальства попыталась убрать принесенные венки и цветы, толпа набросилась на нее и стала избивать. Женщину спасло вмешательство переодетых работников милиции, дежуривших у памятника. С этого момента участники стихийного митинга установили у памятника свою охрану.

7 марта митинг продолжался с неослабевающей силой. 8 марта митингующие установили в парке прожекторы, а для укрытия от дождя натянули два брезентовых полога. До поздней ночи с чтением стихов выступали школьники, студенты и взрослые.

Твердо убежден, что если бы не было принято должных активных мер, жертв было бы значительно больше. После наведения порядка вместе с председателем КГБ Грузии генералом Инаури мы провели совещание оперативных работников и сделали твердые выводы, что эти события имели националистическую окраску. На итоговом оперативном совещании я ожидал, что будут другие оценки, но возражений на мой вывод не было. Эту же точку зрения я изложил в ЦК Компартии Грузии.

Надо отдать должное группе чекистов, прибывших со мной в Грузию. Настоящие профессионалы, с чувством высокой ответственности, они активно занимались наведением порядка, не нарушая советской законности. Фамилии, к сожалению, многих забыл. Осталась в памяти одна фамилия. Это был подполковник Ф. Д. Бобков, который, продолжая работу в органах КГБ, потом стал генералом армии, первым заместителем председателя КГБ СССР.

Глава 14
События в Грозном в августе 1958 г.

Тема Чечни сегодня актуальна как никогда. Национальная политика Советского государства на Кавказе в 1940-х годах заложила бомбу замедленного действия, которая разорвалась в начале 1990-х.

Однако в массовых беспорядках в Грозном в августе 1958 года были повинны русские. Расскажите о причинах этого конфликта, его движущих силах. Какова была роль органов государственной безопасности в его локализации?

Конфликтные ситуации на Кавказе не редкость. Что уж говорить о Чечне. После XX съезда КПСС (15–25 февраля 1956 года) депортированные в 1944 году чеченцы стали возвращаться из Казахстана в родные места. Однако их дома были заселены другими людьми, среди которых было много и русских. Естественно, вины последних не было никакой. Они вселились в дома по распоряжению властей.

В этой связи обстановка в республике сильно накалилась. Особенно в сельской местности — традиционном месте расселения чеченцев.

Столица Чечено-Ингушской АССР город Грозный был довольно большим промышленным городом, с преобладанием русского населения.

Однако и в Грозном чувствовалось напряжение. До жителей доходили слухи о конфликтах и столкновениях в сельской местности. Через город шел поток послевоенных переселенцев, возвращавшихся на родину. В сельской местности «историческая давность» была целиком за чеченцами. Иначе было в Грозном. Город построили русские. Он был основан как военная крепость в начале XIX века. В 1920-е годы, при создании автономии, в высших эшелонах власти прошла даже легкая дискуссия о придании Грозному особого статуса (самостоятельная административная единица) — на этом настаивали руководители местных нефтепромыслов.

В 1930-е годы экономическая жизнь в Грозном по-прежнему была связана с нефтепромыслами, на которых в то время чеченцы работать не хотели, да, наверное, и не могли. Депортация чеченцев и ингушей в 1944 году опустошила сельские районы республики.

В 1950-е годы большую часть населения Грозного составляли рабочие различных национальностей, занятые в нефтяной

промышленности.

В городе доминировали не чеченцы, но и они, представители многонационального населения столицы восстанавливаемой автономии, как и все на Кавказе, имели обостренную этническую чувствительность.

В 1956–1957 годах в ходе массового возвращения в республику чеченцев и ингушей никаких серьезных изменений, учитывающих специфику ситуации, в работе правоохранительных органов Грозного сделано не было. Наружная служба милиции работала неэффективно. В Грозном совершалось более 50 % всех преступлений, зарегистрированных на территории республики.

В связи с неспокойной обстановкой в августе 1958 года в Грозном я был командирован в этот город. Со стороны МВД прибыл генерал-полковник С. Н. Переверткин.

Беспорядки в городе начались с «интернациональной» выпивки, которая привела к убийству. В попойке участвовали трое чеченцев и русский. Разогретый спиртным чеченец стал требовать от русского, чтобы тот «поставил» еще одну бутылку водки. Завязалась ссора. Русский, получив легкое ножевое ранение в живот, добрался до общежития и лег в постель. Остальные продолжали пьянствовать. Вскоре один из чеченцев, Везиев, отправился в общежитие проведать раненого. Затем туда же пришли еще двое. Они попытались наброситься на раненого с ножом. Расправе помешал один из этих чеченцев, который, защищая жертву, сам получил ножевое ранение в руку.

Раздосадованные и агрессивные хулиганы отправились на танцы в Дом культуры, где встретились с демобилизованным моряком, рабочим химического завода Е. Степашиным и его товарищем и ровесником А. Рябовым — военным моряком, приехавшим из Севастополя в отпуск к родителям. Пьяные чеченцы начали ссору из-за девушки, избили Рябова и ушли. Возбужденный моряк собирался отомстить, но, когда они со Степашиным увидели невдалеке группировавшихся других молодых чеченцев, сочли более благоразумным удалиться. Чеченцы, обладая явным численным превосходством, начали преследование молодых людей. Рябову удалось забежать за угол дома и скрыться, а Степашин поскользнулся и упал. Преследователи настигли его, жестоко избили и нанесли пять ножевых ранений. Молодой рабочий умер на месте. Оба преступника были арестованы и помещены в камеру предварительного заключения.

Жестокое убийство получило широкую огласку. Активизировались античеченские разговоры. Создалась психологическая атмосфера для морального оправдания

«жестких» античеченских высказываний.

Пока по городу носились слухи об убийстве, а будущие участники беспорядков копили злобу на чеченцев и на весь мир, в доме убитого готовились к похоронам.

Понимая значение и общественный резонанс происшедшего, дирекция химического завода попыталась придать похоронам Степашина как бы более высокий статус — превратить их в официальное мероприятие. Этого же хотели и друзья убитого. Они обратились к председателю комиссии по организации похорон, созданной решением дирекции завода, с просьбой установить гроб для прощания в заводском клубе. Однако начальство тут же увязло в бюрократических согласованиях. Председатель завкома (он же глава комиссии по похоронам) начал переговоры сначала с дирекцией, потом вместе с друзьями покойного отправился в райком и горком партии.

Обиженные и разочарованные друзья убитого взяли организацию похорон на себя. Власти инициативу упустили. Когда около 3–4 часов дня гроб с телом Степашина привезли из морга, друзья «вопреки указаниям горкома партии» установили его в саду перед домом невесты в поселке Черноречье. Там жила основная масса рабочих химического завода. В родном доме гроб все равно поставить не могли (узкий коридор), а в разрешенном горкомом Красном уголке — не хотели.

Стихийно у молодых людей созрело решение превратить прощание с другом в митинг протеста. Были написаны и расклеены на видных местах в поселке и на заводе объявления о митинге. Начальство объявления сняло, но подготовка митинга продолжалась.

Большинство этих молодых людей были комсомольцами и, в общем-то, привыкли к тому, что указания горкома не обсуждались, а выполнялись. Однако на сей раз решение власти вызвало неприятие у комсомольцев. Чересчур силен был шок от беспощадного убийства, и слишком несправедливым показалось запрещение установить гроб для прощания в клубе. Люди хотели потребовать у властей защиты, а те, руководствуясь какими-то своими соображениями (может быть, и правильными: не разжигать межнациональной розни), попросту отмахнулись от настроений рабочих.

Митинг уже нельзя было запретить. У гроба Степашина начались стихийные выступления. Инициатива исходила от заслуженных, уважаемых и вполне законопослушных людей.

Уже ночью во время дежурства у гроба близкие знакомые и товарищи Степашина договорились, что если будет запрещено проведение митинга в Черноречье, то гроб с телом они понесут на

руках к обкому партии, где и проведут митинг.

Наутро участники ночного разговора сказали об этом решении матери убитого. И она согласилась с ними.

Утром 26 августа стихийная самоорганизация жителей Черноречья и рабочих химического завода продолжалась — стали появляться петиции к властям.

К часу дня в поселок Черноречье прибыло партийное начальство — секретарь обкома КПСС и 4 работников аппарата обкома. Вместе с ними приехали 15 работников милиции, 10 из них были в гражданской одежде. Там же были и сотрудники КГБ. Следует сказать, что оперативная группа сотрудников КГБ под моим руководством уже прибыла в Грозный. От МВД почти в одно время с нами приехал заместитель министра генерал-полковник С. Н. Переверткин.

Секретарь обкома запретил митинг перед выносом тела. Тогда собравшиеся вспомнили о ночном плане друзей Степашина. В толпе начались разговоры, что надо идти к обкому и там устроить митинг.

Обстоятельства этому благоприятствовали. Мать Степашина собиралась уехать к родственникам в Горький (ныне Нижний Новгород) и хотела, чтобы за могилой его был присмотр. Поэтому решила похоронить сына на городском кладбище Грозного — там находилась могила тетки невесты и было кому ухаживать за могилой Степашина. Дорога на городское кладбище из Черноречья (окраина Грозного) проходила близко от центральной площади.

При выносе гроба с телом убитого собралось до тысячи жителей поселка. На кладбище отправилось около 200 человек.

Траурная процессия тронулась в путь в 15 часов 30 минут. Ей предстояла дальняя дорога: 10 километров от Черноречья до центра Грозного и оттуда еще 5 километров до городского кладбища. Организаторы и участники похорон имели твердое намерение сделать остановку около обкома КПСС и провести траурный митинг там.

26 августа гроб с телом Степашина его товарищи понесли сами, на руках. От всех предложений похоронной комиссии завода и работников милиции везти гроб на машине участники процессии категорически отказались.

В пути процессия обрастала новыми людьми. Она постепенно превращалась в античеченскую демонстрацию. Раздавались угрожающие выкрики. Наибольшую активность проявляла пожилая женщина, член КПСС с 1927 года. Она же постоянно призывала идти к обкому.

Обком, со своей стороны, сделал все для того, чтобы

направить траурную процессию в обход центра Грозного. Подступы к центральной площади были перекрыты нарядом милиции и автомашинами.

Некоторые участники похорон возмущались и кричали: «Почему не разрешают нести гроб там, где хочется?» Наконец, группа женщин, около 50 человек, побежала вперед, обогнала идущих с венками, прорвала оцепление милиции и с криками повернула толпу на улицу, ведущую в центр. Дальше толпа женщин (до 300 человек) шла впереди и не давала милиции перекрывать подступы к центру города. Около продовольственного рынка кто-то из женщин стал звать народ на митинг.

К 5 часам вечера похоронная процессия, обросшая множеством случайных людей (за гробом шло уже около 800 человек), подошла к обкому. Там организаторы и участники похорон потребовали открытия траурного митинга и выступления на нем руководителей.

Площадь была запружена людьми — собралось около 4 тысяч человек (один из участников событий, оказавшийся на площади несколько позже, говорил уже о 6–7 тысячах). Было много пьяных, а также воров и хулиганов, которые присоединились к похоронной процессии на рынке. В собравшейся толпе носились разные слухи. Когда мать покойного упала в обморок, распространилась молва, что она от перенесенного горя умерла. Постоянно раздавались выкрики и призывы к расправе над чеченцами.

Чернореченцы, наконец, поддались на уговоры властей, перебрались от здания обкома на площадь Орджоникидзе и оттуда, уже на машинах химического завода, отправились на кладбище. На церемонии погребения присутствовал один из секретарей обкома. Все прошло спокойно. Вероятно, участники похорон и сами были напуганы произведенным эффектом. Их отвезли в Черноречье. Там на улице были установлены столы и устроены поминки.

Никакого участия в массовых беспорядках чернореченцы не принимали, состава преступления в их действиях не было.

На площади же у обкома осталось большое количество обывателей, не имевших никакого отношения к похоронам, пьяных и хулиганов, пришедших с рынка. Там же вертелось много подростков 15–16 лет, а также учащихся ремесленного училища, известных в городе своими хулиганскими выходками.

Толпа продолжала требовать открытия митинга и выступления секретарей обкома КПСС. В конце концов митинг возник стихийно. На нем прозвучали уже не только

античеченские, но и антисоветские мотивы, недовольство Хрущевым и его политикой, даже призывы к забастовке.

Толпа, собравшаяся на стихийный митинг, поначалу готова была к диалогу с властью и выдвижению осмысленных политических требований. Однако ближе к ночи зеваки и любопытные, то есть более здравомыслящая публика, отправились по домам. А агрессивная и незаконопослушная часть толпы откололась от митинга и начала штурм обкома. Привлеченная для усиленной охраны здания группа работников милиции действовала вяло.

Ворвавшись в здание, бунтовщики «бесчинствовали, открывали служебные кабинеты, искали секретарей обкома». К полуночи милицией и подразделением войск МВД обком был очищен от хулиганов. Но толпа наиболее агрессивных и подогретых спиртным людей не расходилась. Во втором часу ночи оцепление было снова прорвано, и нападавшие рванулись в здание.

Главной ударной силой была молодежь во главе с известными местными хулиганами — учащимися ремесленного училища. Поснимав с себя поясные ремни и взмахивая пряжками, они бессмысленно носились по коридорам и кабинетам, вряд ли отдавая себе отчет в том, зачем они это делают.

Силами милиции и КГБ здание было вновь очищено от хулиганов. К трем часам ночи утомленная толпа разошлась, а мелкие группы были рассеяны. Милиция задержала 20 человек, в основном пьяных, 11 из них посадили в камеру предварительного заключения. После выяснения личности всех отпустили. Милицейское начальство, полагая, что общественный порядок наконец восстановлен, успокоилось.

К 10 часам утра на площади вновь собралась большая толпа. Раздавались выкрики с требованием вызвать представителей из Москвы. Все сотрудники обкома КПСС, в том числе секретари, как обычно явились на работу, в это же время в обкоме находились секретарь горкома и руководители МВД республики. В 10 часов утра часть собравшейся толпы, несмотря на уговоры, оттеснила охрану и через главный подъезд ворвалась в здание.

Секретаря горкома Шепелева на руках вытащили на площадь и заставили выступать перед собравшимися. Как это часто бывает в подобных случаях, действия толпы не отличались логичностью. Когда Шепелев наконец начал говорить, раздались «дикие выкрики и свист» — теперь его не хотели слушать. Ворвавшихся снова вытолкали из здания обкома. Но толпа не расходилась, готовилась к новым атакам — у нее уже был опыт многократных «прорывов».

К полудню на площади у здания обкома собралось уже более 1000 человек. Здесь же оказалась грузовая автомашина, в кузове которой стоял стол и был установлен микрофон. У микрофона выступала некая женщина в возрасте 20–25 лет, среднего роста, полная, одетая в розовое платье. Она призывала направить делегацию на заводы и фабрики с требованием остановить работу и не приступать к ней до тех пор, пока не освободят 50 задержанных рабочих. Она же объявила, что химический завод и завод «Красный молот» уже остановлены, хотя на самом деле они продолжали работать. С автомашины также выступал неизвестный мужчина, старше 40 лет, среднего роста, в хлопчатобумажном костюме темного цвета и черной кепке, призывая к выселению чеченцев и ингушей, требуя освободить задержанных и прекратить работу на заводах.

Примерно в час дня от митингующих снова откололась большая группа хулиганов, ворвалась в обком и заполнила все помещения. Неоднократные попытки удалить хулиганов из здания не имели успеха, они продолжали погром: ломали мебель, били стекла в окнах, выбрасывали на улицу деловые бумаги, календари и т. п., кричали, свистели, некоторые из них призывали бить чеченцев и «устранить» руководителей местных республиканских и партийных органов.

Часть нападавших пробралась на крышу здания и стала жечь там бумагу. Другая группа заполнила галерею балкона 3-го этажа и оттуда выкрикивала «провокационные призывы». Зал заседаний обкома, рассчитанный на 250 человек, также был заполнен до предела хулиганами. В служебных кабинетах нападавшие разливали чернила, били графины и стаканы, рвали настольные календари и бумагу, срывали с окон занавески.

В столовой обкома были открыты все водопроводные краны и краны газовых горелок. К счастью, коммунальные службы довольно оперативно прекратили подачу газа в здание.

Погромщики попытались использовать местную радиотрансляционную сеть для выступлений перед толпой. Однако одному из коммунистов удалось вывести радиовещание из строя.

Опасались захвата оружия. Участники нападения действительно искали комнату, где оно хранилось. К счастью, его успели перенести в безопасное место. Напуганные работники обкома просили вооружить их для самообороны. Этого тоже, к счастью, не сделали, — не было разрешения первого секретаря.

Попытки уговорить нападавших ни к чему не привели. Толпа набрасывалась на «начальников», избивала их, рвала одежду. Некоторые руководящие работники обкома КПСС и Совета

Министров автономной республики укрылись от хулиганов в подвальных помещениях обкома, кое-кому удалось уйти через запасные выходы.

В это же время на улицах города отдельные группы участников беспорядков останавливали автомашины — искали чеченцев. Напугана была даже милиция. Как докладывал впоследствии генерал-полковник Переверткин министру внутренних дел СССР, «руководящий состав и значительная часть сотрудников МВД и райотделов милиции сняли форменную одежду из-за боязни возможного избиения их хулиганами».

На протяжении всех этих событий около 400 коммунистов, посланных Сталинским и Ленинским райкомами партии города Грозный, пытались воздействовать на толпу. Их не слушали, им угрожали, и ничего сделать эти люди не сумели.

Волнения шли своим чередом.

Около пяти часов вечера группа хулиганов набросилась на заместителя министра внутренних дел республики Шадрина и стала требовать списки задержанных 26 августа. Затем насильно вытащила его на площадь, требуя освобождения задержанных. Туда же привезли руководящих работников обкома и заставляли выступать перед толпой. Заверениям, что всех задержанных выпустили еще утром, не поверили. Переодетые сотрудники милиции попытались освободить заместителя министра, но им это не удалось (у него сумели только вытащить пистолет из заднего кармана брюк). Шадрина силой повели в МВД и, несмотря на сопротивление охраны, всей толпой ворвались в здание.

Оружие сотрудники МВД не применяли, пытались уговаривать. Их не слушали, открывали двери служебных комнат, искали задержанных. Около здания МВД был избит милиционер. Примерно 250 человек с криком и свистом, сорвав металлические ворота, а часть — по крыше здания, проникли во двор, а затем в КПЗ. В камере предварительного заключения в это время находилось 16 задержанных, в том числе и убийцы рабочего Степашина. Однако на них почему-то не обратили внимания, хотя, казалось бы, должны были отреагировать на чеченцев. Интересовались только задержанными за ночное хулиганство. Поверили, что всех отпустили, только после заверений сидевших в камерах. Потребовали у начальника КПЗ адреса освобожденных.

Пробыв в КПЗ около полутора часов и получив адреса, толпа ушла из помещения. На прощание разбили телефонный аппарат и сорвали погоны с начальника КПЗ. Затем потребовали машину и отправили группу погромщиков по городу — проверять сообщение об освобождении. Остальные вернулись на площадь к

обкому.

В 18 часов 30 минут заместителем министра внутренних дел республики были вызваны 2 пожарные машины якобы для тушения пожара. Одну тут же опрокинули, у другой повредили электропроводку и выпустили воздух из шин.

Около 8–9 часов вечера в захваченное здание обкома пришел некто Георгий Шваюк и принес написанный им «проект резолюции». Так на сцене появился еще один документ, выражавший недовольство русских жителей республики.

В «проекте» говорилось:

«Учитывая проявление со стороны чечено-ингушского населения зверского отношения к народам других национальностей, выражающего в резне, убийстве, насиловании и издевательствах, трудящиеся города Грозный от имени большинства населения республики предлагают:

1. С 27 августа переименовать ЧИ АССР в Грозненскую область или же многонациональную советскую социалистическую республику.

2. Чечено-ингушскому населению разрешить проживать в Грозненской области не более 10 % от общего количества населения.

4. Лишить всех преимуществ чечено-ингушское население по сравнению с другими национальностями с 27.08.58 г.».

Этот шовинистический документ был немедленно размножен на пишущих машинках и оглашен участникам беспорядков. Нашли его через несколько часов в здании обкома вместе с копиями, отпечатанными на обкомовских бланках.

Около 9 часов вечера толпа, убедившись, что задержанные прошлой ночью на свободе, загорелась новой целью: немедленно добиться «главной правды» у «верховного арбитра» — Правительства, ЦК КПСС. Под красным знаменем или транспарантом, взятым в здании обкома, что, очевидно, имело символический смысл для погромщиков и как бы превращало их действия из уголовного преступления в «слово и дело государево», бунтовщики направились на городскую радиотрансляционную станцию.

Хотели говорить с Москвой.

Возглавлявший эту группу мужчина лет пятидесяти, одетый в спецовку синего цвета, в соломенной шляпе, кричал, что он житель поселка Черноречье и «ему надоело терпеть бесчинства чеченцев, из-за которых нельзя вечером выйти на улицу». Что делал чернореченец в Грозном, когда весь поселок справлял поминки по убитому, почему следствие настойчиво утверждало, что чернореченцы в беспорядках не участвовали, кто, наконец,

был этот странный руководитель погромщиков в соломенной шляпе — еще одна загадка грозненской истории.

Охранявшие станцию солдаты (всего три человека) толпу в здание не пустили — загородили вход. Погромщики, натолкнувшись на отпор, повели себя необычно — насилие применять не стали, а мирно удалились. Отправились попытать счастья в другом месте — на междугородную телефонную станцию.

На этот раз они действовали более решительно, но охрана применила оружие и ранила двоих — супружескую пару. Муж вскоре умер в больнице, а жене пришлось ампутировать руку. Еще одна женщина получила случайное ранение. Толпа хотела расправиться со стрелявшими солдатами, но они сумели укрыться в помещении. Ворвавшись в здание, погромщики потребовали соединить их с Москвой. Особенно активна была некая молодая женщина 19–20 лет, одетая в костюм темного цвета, «которая с дерзкой настойчивостью требовала немедленного соединения с Москвой».

«Разговора с правительством» на этот раз не было. Работники телефонной станции заявили, что повреждена линия связи. Зато у двух телефонисток после этого визита пропали дамские сумочки.

Лишь с третьей попытки участники волнений дозвонились с городской почты в Москву. Разговор вел автор «проекта резолюции» Шваюк. Именно он, по мнению суда, был «инициатором разговора по телефону с приемной секретариата ЦК КПСС». Сам Шваюк рассказывал так: «Телефонистка соединила нас с Москвой, но так как по телефону некому было говорить, то мне передали трубку. Я стал разговаривать с Москвой, с приемной 1-го секретаря ЦК партии. Я у него спросил: «Знаете ли вы о том, что творится в Грозном, что народ ждет представителей из Москвы, что нужно положить конец зверским убийствам, что дело дошло до требований возвратить Грозненскую область и выселить чеченцев?»«Что Шваюк услышал в ответ (наверное, обещание «разобраться») и с кем он на самом деле разговаривал — неизвестно.

Пока участники беспорядков добивались связи с Москвой, на площади у обкома произошел странный эпизод, очень похожий на провокацию. В 22 часа 30 минут к обкому подъехал автобус. Его водитель взобрался на крышу машины и заявил, что он якобы в автобусе перевозил убитых людей и их кровью испачкан весь салон. Люди бросились к машине, кто-то хотел задержать водителя. Толпа заступилась, и он вскоре уехал. Личность водителя была установлена, его делом занимался КГБ.

Все под тем же красным знаменем около 300 человек прямо с

почты отправились на городской вокзал. За полчаса линейное отделение милиции на станции получило предупреждение от МВД. Однако подготовиться к встрече не успели.

Толпа почти на два часа задержала отправление пассажирского поезда Ростов — Баку. На рельсы набросали камни, костыли, похитили ключи от двух стрелок. Большая часть толпы оказалась возле паровоза. Раздавались античеченские выкрики.

Некоторые агитировали пассажиров, другие бегали по вокзалу в поисках чеченцев, встретив которых, избивали. Кто-то продолжал целеустремленно добиваться связи с ЦК КПСС — хотели послать телеграмму. Наряд милиции сумел эту телеграмму изъять.

В полночь в Грозный были введены войска. Через 20 минут они оказались на станции. Толпа сопротивлялась — забрасывала военных и железнодорожников камнями. Солдаты, действуя прикладами и не открывая стрельбы, быстро подавили сопротивление. На вагонах были стерты надписи, с путей убрали посторонние предметы, и меньше чем через час поезд отправился по назначению.

Беспорядки были прекращены. Четыре дня в городе действовал комендантский час. До 30 августа охрану важнейших объектов и патрулирование по городу осуществляли армейские подразделения.

Напряжение в городе спало не сразу. 29 августа на городском рынке пьяный безработный Ковалев фактически повторил и «озвучил» все, что во время беспорядков выкрикивала возбужденная толпа. Как сообщалось в заключении по этому делу прокурора, осужденный Ковалев 29 августа 1958 года на центральном рынке г. Грозный и в вытрезвителе «выражался нецензурными словами в присутствии множества граждан; вследствие буйного поведения он был связан».

В результате беспорядков пострадало 32 человека, в том числе 4 работника МВД республики. Два человека (из числа гражданских) умерло, 10 было госпитализировано. В числе пострадавших оказалось много официальных лиц — секретарь обкома КПСС, заместитель министра внутренних дел республики, заместитель начальника районного отделения милиции, 2 оперативных уполномоченных милиции, лектор Грозненского горкома КПСС, а также 2 преподавателя Нефтяного института.

В списке пострадавших очень мало людей с чеченскими фамилиями — лишнее доказательство того, что волнения, начавшиеся под античеченскими лозунгами, явно переросли рамки этнического погрома и превратились в бунт против власти.

Отсюда и вывод МВД: «Беспорядки в городе Грозный, имевшие место 26–27 августа 1958 года, спровоцированы антисоветским и уголовно-преступным элементом, использовавшим шовинистические и националистические настроения отдельных людей, вовлекшим в это неустойчивую часть женщин и молодежи, и по своему характеру являлись антисоветским выступлением».

После событий органы КГБ и МВД тщательно «профильтровали» город. На поддержку приехало много квалифицированных оперативников из Москвы, а также из других автономных республик и областей. Была создана специальная следственная группа, занимавшаяся расследованием и «выявлением главных организаторов и подстрекателей беспорядков». Группа работников уголовного розыска своими методами, с использованием агентуры, занималась тем же самым.

Все сотрудники правоохранительных органов были ориентированы на выявление участников беспорядков, лиц, ведущих провокационные разговоры среди населения города, и задержание разыскиваемых. Через участковых уполномоченных вели наблюдение за обнаруженными зачинщиками. К 15 сентября было взято на оперативный учет 273 участника массовых беспорядков. Задержано к этому времени было 93 человека, из них арестовано 57, взята подписка о невыезде у 7 человек. 9 человек были переданы в КГБ, 2 человека — в прокуратуру. КГБ арестовал 19 организаторов и активных участников беспорядков.

Органами милиции было возбуждено 58 уголовных дел на 64 человека.

Милиция не только «профильтровала» население города, но и «почистила» его. Выявлялись «лица, не занимающиеся общественно-полезным трудом, ведущие паразитический образ жизни и склонные к совершению уголовных преступлений, для решения вопроса об удалении из г. Грозный». На 15 сентября 1958 года таких оказалось 365 человек (167 ранее судимых, 172 не работавших, 22 проститутки, 32 нищих и т. д.).

Секретариат обкома КПСС и Совет Министров республики обратились в ЦК КПСС и Совет Министров РСФСР с просьбой о введении особого паспортного режима на всей территории г. Грозный и Грозненского района. Одновременно начали активно вербовать новых членов в добровольные бригады содействия милиции (в сентябре было принято около 300 человек).

15–16 сентября состоялся суд над убийцами рабочего Степашина. Один из них был приговорен к расстрелу, другой — к

10 годам лишения свободы и 5 годам «поражения в правах». Эксцессов во время суда в городе не было.

В заключение скажу, что, проанализировав эти события, я и генерал-полковник Переверткин пришли к выводу, что органы КГБ и МВД в Грозном не сумели упредить массовые беспорядки, опоздали с конкретными мерами. Я твердо утверждаю, что органы госбезопасности должны иметь информацию о возможном развитии подобных событий и принимать меры по их предупреждению.

Глава 15
Жизнь продолжается…

По официальной версии, в отставку Вы ушли по болезни. Неужели Вы так тяжело заболели, что не смогли выполнять свои обязанности? Или, может быть, были другие причины?

Расскажите о том, чем Вы стали заниматься после ухода на пенсию.

После смещения И. А. Серова в 1958 году на пост председателя КГБ пришел А. Н. Шелепин. Многие старые работники аппарата госбезопасности особо не обрадовались. Человек пришел неопытный, в органах никогда не служил. Опасения вскоре подтвердились.

Серьезной ошибкой Шелепина было то, что он с самого начала не скрывал своего недоверия к кадровым сотрудникам органов госбезопасности, и не только к тем, кто был в чем-то повинен, а ко всем без исключения. Это сразу насторожило коллектив. Шелепин поспешил убрать многих проверенных и опытных чекистов, а на их место привел своих людей из комсомола, у которых не было ни житейского опыта, ни серьезной профессиональной подготовки, а кое-кто оказался просто карьеристом.

К сожалению, большую часть «лично известных» новому главе КГБ людей он отбирал вовсе не по деловым качествам.

Второй просчет Шелепина состоял в том, что он чуть ли не с первого дня пребывания на этом посту начал перекраивать органы госбезопасности, при этом действовал так решительно, точно уже полностью вошел в курс дела. Он не считался ни с научными авторитетами, ни с опытными профессионалами и был убежден, что будто сам все знает. Шелепин энергично принялся перетасовывать кадры, менять структуру КГБ.

Не хочу сказать, что структура была идеальной. Однако перестройка, которую затеял Шелепин, требовала вдумчивого и взвешенного подхода.

Итак, Шелепин, пришедший в КГБ в конце 1950-х годов, решил создать новую структуру КГБ. В соответствии с этим были ликвидированы все оперативные подразделения, занимавшиеся конкретными направлениями: экономикой, идеологией, транспортом и т. д., и образовалось единое Главное управление контрразведки. Сама идея такой реорганизации, как мне кажется, была разумной, но проводилась она без достаточной подготовки и отрицательно сказалась на оперативной работе.

К недостаткам Шелепина можно отнести и то, что, заняв пост председателя КГБ, он готов был исполнить все пожелания партийного руководства, а по сути Н. С. Хрущева.

С Шелепиным у меня было несколько серьезных конфликтов. Все они были из-за его бездумных приказов сократить все, что можно. Я напрямую отказывался их выполнять, считая это преступлением. В ходе противостояния со своим руководителем складывалась совершенно нерабочая обстановка. Шелепин как-то сказал, что вряд ли сработается со мной. Я придерживался такого же мнения и попросил отставки. Председатель КГБ поинтересовался мотивами моего решения. Я сказал, что болен, выслуги у меня более 40 лет, поэтому хочу уйти на пенсию. Он обещал подумать.

Вскоре вышло решение Политбюро ЦК КПСС о моей отставке по болезни. Так, в 1959 году закончилась моя служба в органах госбезопасности…

Во время Великой Отечественной войны и после нее мне пришлось встречаться и общаться с рядом выдающихся военачальников — полководцев СССР. Это К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошников, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, Л. А. Говоров, Р. Я. Малиновский, А. И. Еременко, И. Х. Баграмян, Ф. И. Голиков, В. Д. Соколовский, И. Т. Пересыпкин, Ф. С. Октябрьский, Н. Е. Чибисов, П. И. Батов, И. В. Тюленев, И. И. Масленников, П. А. Артемьев, А. В. Хрулев и др.

Каждый из них легендарная личность и может служить образцом истинного патриотизма. Многие из них написали свои воспоминания, которые с каждым годом вызывают все больший интерес. Во время войны все эти люди помогали партизанам чем могли, а особенно начальник Главного управления тыла Красной Армии А. В. Хрулев. Работая в ЦШПД, я связан был с ним почти повседневно по тем или иным нуждам партизан. Особенно внимателен он был к снабжению партизан взрывчаткой и всем необходимым, до спичек включительно, при подготовке проведения рельсовой войны. Были случаи, когда он по своей инициативе выделял то, что надо, но нами было упущено.

Очень жаль, что не о всех этих людях написаны книги. Я верю, что новые поколения писателей напишут о каждом из них.

Мне нужно было где-то встать на партийный учет, так как в КГБ, где ранее числился, я уже не служил. Я встал на партийный учет в ВСО «Динамо». Я ведь состоял в этом спортивном обществе с 1927 года. Не успел я себя ощутить пенсионером, как у меня дома раздался телефонный звонок. Приятный женский голос мне сообщил, что со мной сейчас будет говорить маршал Тимошенко. Он был в то время председателем Советского комитета ветеранов

войны (СКВВ). И сразу же я услышал голос маршала: «Здравствуй, дорогой Сергей Саввич! Что же ты молчишь? До нас дошел слух, что ты на пенсии. К нам не заходишь, а это неправильно. Что ж, мы с тобой разве незнакомы?» Я ему ответил: «Семен Константинович, я ведь уже занимаюсь общественной работой в ВСО «Динамо»«. На что Тимошенко сказал, что работа в «Динамо», конечно, важна, но комитет ветеранов войны занимается вопросами куда более серьезными, в частности борьбой за мир. В общем, сагитировал он меня.

Таким образом началась моя долгая общественная деятельность в Советском комитете ветеранов войны. В комитете была секция партизан. Возглавлял ее Герой Советского Союза генерал-майор Сабуров. Меня назначили его заместителем.

Но и в такой серьезной организации, как Советский комитет ветеранов войны, бывали конфликтные ситуации. В основном из-за поездок за рубеж. Поехать хотелось многим, но часто ездили одни и те же лица. К примеру, сам Сабуров частенько злоупотреблял положением руководителя секции и бывал за границей.

Вскоре я был избран членом президиума Советского комитета ветеранов войны и председателем организационной комиссии. Организационная комиссия была как бы штабом комитета.

В комитете активно работали и помогали мне контр-адмиралы Скутский Петр Арсеньевич и Куделя Андрей Сергеевич, главный редактор журнала «Ветеран» Знаменский Юрий Александрович, генерал армии Батов Павел Иванович, Терехов Геннадий Александрович (прокурор, который вел дело Л. П. Берия), бывшая летчица Герой Советского Союза Маркова Галина Ивановна, мой секретарь Егорова Нина Федоровна и многие другие. Прошу прощения у тех, кого не назвал.

Работая в комитете ветеранов, мне приходилось бывать в различных странах. Два раза я побывал в Румынии, где посетил могилу своего старшего брата Ивана в городе Арад.

Не забывал я и родное спортивное общество «Динамо». Продолжительное время я возглавлял совет ветеранов этого общества. На протяжении почти 30 лет я избирался членом президиумов Центрального и Московского городского общества «Динамо». В настоящее время являюсь почетным председателем совета ветеранов и почетным членом общества «Динамо». Все годы своей жизни я был связан с этим спортивным обществом и по мере своих сил участвовал и участвую в его работе. Скажу больше. Если я когда-либо нуждался в какой-нибудь помощи, то руководство ВСО «Динамо» всегда оказывало мне ее. Большое спасибо выражаю бывшему и настоящему руководству общества

— генерал-майорам А. М. Романову, В. А. Кудеярову, полковникам Е. А. Школьникову, Ю. Н. Бойцову, Ш. К. Шакирову и др.

В 1980-х годах меня привлекли к работе Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Возглавлял этот комитет Мирза Аджар-оглы Ибрагимов, а первым заместителем у него был Александр Сергеевич Дзасохов, впоследствии ставший президентом Северной Осетии. Фактически вся работа комитета лежала на нем. Дзасохов пришел с комсомольской работы и проявил себя на новом поприще прекрасным администратором. Он пользовался большим уважением. Умел находить новые формы общения с зарубежными партнерами.

Являясь в годы Великой Отечественной войны одним из руководителей партизанского движения, я никогда не уходил от нужд ветеранов-партизан и в мирное время. Мне никогда не приходилось слышать от кого-либо, да и в печати не встречались отрицательные оценки и суждения о партизанах в годы ВОВ. За исключением опубликованной в 1996 году в газете «Известия» статьи Светланы Алексиевич, в которой белорусская писательница характеризовала наших народных мстителей как откровенных бандитов.

Но ветераны не стали молчать. Когда газета «Известия» отклонила их просьбу напечатать опровержение, ими был подан иск в суд, который обязал газету опровергнуть измышления Светланы Алексиевич.

Не могу не сказать добрых слов о своем друге М. С. Малинине. Какова роль партизанского движения, Михаил Сергеевич знал еще по гражданской войне. Но в Великую Отечественную войну, когда оно стало всенародным, он придавал ему исключительно большое значение. Он говорил, что при умелом руководстве движением и при надлежащей помощи ударами партизан можно потрясать тылы противника. Поэтому, будучи в разное время начальником штабов пяти фронтов, генерал Малинин считал непреложным правилом держать постоянные связи с республиканскими, областными и фронтовыми штабами партизанского движения. (Кстати, последние всегда дислоцировались рядом.) Все разрабатываемые штабом генерала Малинина фронтовые операции включали в себя конкретные боевые и разведывательные действия партизан и подпольщиков. Когда же возникала задача провести в тылу противника крупного масштаба операцию в интересах фронта, Михаил Сергеевич связывался с начальником Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования П. К. Пономаренко или со мной — его

заместителем. Разрабатывали детальный план, с привлечением объединенных крупных сил партизан, а для координации действий на месте направлялась в тыл противника группа опытных офицеров ЦШПД. Такие согласованные и четко во всех деталях продуманные операции партизан оказывали фронтам бесценную помощь.

Можно сказать, что во время операции «Багратион» самый непосредственный контакт между мной и начальником штаба Михаилом Сергеевичем Малининым способствовал успеху операции. К тому же, П. К. Пономаренко, мой непосредственный начальник, был членом военного совета 1-го Белорусского фронта. Контакты были самые тесные. Взаимодействие было великолепное. Я думаю, что в операции «Багратион» был представлен образец взаимодействия партизан и наступающей нашей армии.

Михаил Сергеевич как начальник штаба фронта ведал и разведкой. Без разведки ничего не сделаешь. Разведка — глаза и уши. А штаб — это мозг. Я разведкой занимался перед войной, а на фронте — контрразведкой. Мы делились опытом, мыслями. Операция по освобождению Белоруссии была очень сложной, и об этом много писали, но далеко не все сказано. Там были окружения в районах Витебска, Бобруйска, Минска…

Отмечу, что после освобождения Минска, во время очередной встречи по подведению итогов и постановке новых задач, мы специально обсуждали с К. К. Рокоссовским вопрос о 100 тысячах немцев в котле восточнее Минска. В конце встречи Константин Константинович сказал, что фронт приложит все усилия, чтобы помочь героическому белорусскому народу как можно скорее восстановить свою экономику. И это свое обещание он с честью выполнил, а всю практическую организационную работу в этом деле исключительно добросовестно осуществлял генерал Малинин. Забегая вперед, скажу, что по предложению Советского комитета ветеранов войны, горячо поддержанного общественностью, в знак благодарности за его огромнейший труд одна из красивейших улиц возрожденного из пепла Минска была названа именем М. С. Малинина.

На той встрече я впервые узнал, что секретарь ЦК Компартии Белоруссии, председатель Верховного Совета БССР Надежда Григорьевна Грекова является супругой Михаила Сергеевича. Надежду Григорьевну я знал еще с довоенного времени, работая в городе Белостоке начальником областного управления НКВД, а затем Управления НКГБ. Туда часто приезжали из Минска руководящие работники для оказания помощи местным партийным и советским органам. Она была совсем еще молодой,

деятельной и красивой женщиной. Запомнил, как хорошо выступила она на пленуме ЦК КП Белоруссии. Кстати, следует сказать, что в то время женщина в должности секретаря ЦК компартии республики была редким явлением.

В то время мне не раз приходилось встречаться с М. С. Малининым в неофициальной обстановке. Помню, как однажды П. К. Пономаренко и я были приглашены им на ужин. Доброй хозяйкой была супруга Михаила Сергеевича, Надежда Григорьевна. Мы узнали друг друга, вспомнили о встречах в Белостоке и на других довоенных мероприятиях в Минске. Глядя на них, я подумал: самой судьбой было угодно найти им друг друга, чтобы вместе плечом к плечу переносить тяготы военной поры, быть взаимной опорой…

В операции по разгрому Берлинской группировки врага, как и во всех других предшествующих операциях, проявились выдающиеся организаторские способности генерала Малинина. Обладая бесценным даром полководца — разгадывать планы и намерения противника, Михаил Сергеевич брал ответственность на себя за самые сложные операции, а порученное дело доводил до конца. Он был образованным военачальником, с отличием окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и отлично знал штабную работу соединений, объединений, а потом и Вооруженных Сил СССР. Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский имели неограниченную возможность подобрать себе начальника штаба, но остановились на кандидатуре генерала М. С. Малинина. Они доверяли ему, полагались на его высокий профессионализм. Эти его качества высоко ценили не только известные советские полководцы, но и полководцы бывших наших союзников.

Он был великолепный товарищ. Несмотря на заслуги, награды и положение, как говорится, сердце шерстью не поросло. Он не очерствел: он был внимателен к людям. Всегда доходил до рядового бойца и всегда подчеркивал, что солдат решает судьбу сражения. И уделял исключительное внимание именно передовому бойцу. Заботясь, чтобы он был накормлен, одет, обут. Армии и соединения, которые входили в состав фронта, никогда не были хуже обеспечены, чем какие-то другие объединения.

Когда взяли Берлин, он проявлял заботу и о немецком населении, заставлял наши тыловые службы кормить людей, постоянно следить, чтобы у населения были вода, хлеб. Этому он уделял колоссальное внимание.

Мне отрадно знать, что высоко чтут память о Михаиле Сергеевиче его земляки на малой родине — в Костромской области. В поселке Антропово создан музей его имени.

Односельчане и жители прилегающих деревень часто посещают этот музей, а особенный интерес к нему проявляет молодежь. Это вселяет надежду, что его имя не будет забыто. В Москве, на Новодевичьем кладбище, где похоронен М. С. Малинин, на пьедестале стоит отлитый из бронзы бюст генерала, лежат цветы. Память о славном сыне нашей Родины будет жить вечно в сердцах народа.

Работа на общественном поприще принесла мне немало интересных встреч. В 1966 году по приглашению комитета ветеранов войны в СССР прибыла польская делегация во главе с генералом Яном Рачковским. В Москве делегацию встречали председатель СКВВ Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и ответственный секретарь комитета Алексей Маресьев, тот самый «настоящий человек», о котором написал свою повесть Борис Полевой.

Как оказалось, Ян Рачковский в годы Великой Отечественной войны был разведчиком в одном из партизанских отрядов в Белоруссии, где его знали под фамилией Орлов. По просьбе Рачковского состоялась встреча с его боевыми товарищами. Я наблюдал, как тепло они его принимали. С их слов, Ян Рачковский неоднократно проявлял доблесть и отвагу в боевых операциях против гитлеровцев. Но как ни странно, он не имел ни одной награды.

Я решил исправить эту несправедливость, и 15 сентября 1968 года написал письмо в ЦК Компартии Белоруссии, где, со слов очевидцев, описал боевую деятельность отважного польского товарища и в конце выдвинул предложение представить к правительственной награде Союза ССР Яна Рачковского. Вскоре он был награжден орденом Ленина.

После ухода со службы мне десятки, а скорее всего, сотни раз приходилось подтверждать место службы моих бывших подчиненных.

Несколько слов хочется сказать о первом секретаре ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машерове. Петра Мироновича сильно боялись в ЦК КПСС. Он был самым молодым из первых республиканских секретарей. В годы Великой Отечественной войны он прошел хорошую жизненную школу. Был комиссаром, а затем и командиром крупного партизанского соединения, действовавшего в Белоруссии. За боевые действия против гитлеровцев Машерову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В ЦК КПСС Машеров сильно отличался от дряхлеющих руководителей государства. За новые идеи, да и за независимость поведения многие его боялись и ненавидели. На мой взгляд, в

Политбюро он выглядел «белой вороной».

Не случайно несчастный случай (он погиб в автокатастрофе) часто комментировался многими как хорошо спланированное убийство.

Я не теряю связи с ветеранами войны, особенно с омсбоновцами. В 1997 году ко мне пришли ветераны ОМСБОНа Б. Л. Глезин и А. И. Зевелев. После обмена приветствиями они сказали, что будут хлопотать, чтобы мне дали недавно введенный в Российской Федерации орден Жукова. Эта награда является полководческой. Я не стал возражать, хотя был не особенно уверен, что им удастся этого добиться. Но упорные мои товарищи сделали все возможное для того, чтобы я получил этот орден. В 1998 году мне вручил его первый заместитель директора ФСБ России генерал В. А. Соболев. Во время этой церемонии я впервые увидел и нынешнего директора ФСБ Н. П. Патрушева.

Несколько слов скажу о своей семье. В годы Великой Отечественной войны моя семья при эвакуации попала в г. Ташкент.

Когда я был назначен заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения, у меня возникла мысль забрать семью к себе в Москву. Сколько я буду в ЦШПД, было неизвестно, но я был уверен, что комната у нас будет — мне как заместителю начальника обязаны были предоставить жилье. И на самом деле я получил комнату в трехкомнатной коммуналке, на Гончарной набережной.

Я посоветовался с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко по поводу приезда моей семьи в столицу. А его жена и сын были в Москве. Поскольку сын был болен, они не эвакуировались. Он сказал: «Подумайте хорошенько! Война еще идет. И Москву бомбят».

В конце концов, хотя у меня не было квартиры, я решил забрать семью из эвакуации. Вопрос этот решился не сразу. С большим трудом они там собрались — билеты, то, другое. Из имущества у них было только то, что они смогли приобрести в Ташкенте.

Потому что как эвакуировались моя жена и дети, я вам уже рассказал. Все то, что было в узле, взятом из Белостока, осталось в Минске. Когда Минск подвергся ожесточеннейшим бомбардировкам, он горел, его не стало как города.

И я, и моя жена с сыновьями были безмерно рады встрече — почти два года не виделись. И Надежда Павловна, и ребята плохо выглядели, похудели, дети были плохо одеты. У меня возникли проблемы обустройства семьи: в трехкомнатной квартире, где у

меня была комната, жило три семьи. Но я не стал просить другую квартиру, подумал, что это создаст дополнительные проблемы. Но все трудности затмевала радость, что все живы, хотя прошли горнило войны, что моя семья, которая могла погибнуть, и не один раз, снова была рядом со мной.

Видимо, судьба благоволила ко мне. И я благодарен ей, что прожил долгую жизнь.

В мае 2000 года не стало моей любимой супруги Надежды Павловны. Это была для меня непоправимая потеря…

Мои сыновья достигли в жизни определенных успехов. Сергей служил в МВД, ушел на пенсию в чине полковника. Валентин заслуженный артист России, преподает в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных. У них свои семьи. У меня уже есть правнуки.

В настоящее время вместе со мной живет племянница, дочь моего старшего брата Таисия Ивановна. Она помогает мне во всем, за что я ей очень благодарен.

9 января 2002 года, когда книга уже версталась, Сергей Саввич Бельченко умер в возрасте 99 лет. Он надеялся, что успеет подержать в руках свою книгу, но этого, к сожалению, не случилось. Не хватило всего нескольких месяцев…

Приложение

АБАКУМОВ ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ (1908–1953), видный деятель органов государственной безопасности СССР. В 1939 начальник Управления НКВД по Ростовской области. С 27 апреля 1939 заместитель наркома внутренних дел СССР. В годы Великой Отечественной войны начальник Управления особых отделов НКВД СССР, заместитель наркома обороны СССР, начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО СССР.

После войны — начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ Министерства Вооруженных Сил СССР. С 1951 министр госбезопасности СССР.

Член ВЛКСМ с 1922, член КПСС с 1930. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва.

Арестован в 1951. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 19 апреля 1954 в Ленинграде к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован. Последнее звание — генерал-полковник.

Награжден: 2 ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й и 2-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды, знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ», 6 медалей.

АНДРОПОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1914–1984), видный деятель КПСС, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1982–1984, одновременно с июня 1983 председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Совета обороны СССР, Герой Социалистического Труда (1974). Член КПСС с 1939. Учился в Петрозаводском государственном университете, окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Трудовую деятельность начал рабочим в 16-летнем возрасте. С 1936 на комсомольской работе. В 1938–1940 первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1940–1944 первый секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР. С первых дней Великой Отечественной войны активный участник партизанского движения в Карелии. В 1944–1947 второй секретарь Петрозаводского горкома партии, в 1947–1951 второй секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. В 1951–1952 на ответственной работе в ЦК КПСС. В 1953–1957 посол СССР в Венгерской Народной Республике. В 1957–1967 заведующий отделом ЦК КПСС. Член ЦК КПСС с 1961. В 1962–1967 секретарь ЦК КПСС. В 1967–1982 председатель Комитета государственной безопасности СССР. Генерал армии (1976). В мае — ноябре 1982 секретарь ЦК

КПСС. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1967–1973. Член Политбюро ЦК КПСС с 1973. Депутат Верховного Совета СССР в 1950–1954 и с 1962.

Член Президиума ВС СССР с 1982.

Награжден: 4 ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Красного Знамени, 3 ордена Трудового Красного Знамени.

Похоронен у Кремлевской стены.

АНТИПЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (19011986), генерал-лейтенант интендантской службы (1943). Член КПСС с 1921. В Советской Армии с 1920. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1940), Военную академию Генштаба (1951). Участник Гражданской войны. В Великую Отечественную войну интендант армии, заместитель командующего армией по тылу, с 1942 начальник тыла — заместитель командующего фронтом по тылу.

После войны начальник Главного строительно-квартирного управления ВС СССР, на преподавательской работе в Военной академии Генштаба, в 1958–1960 на научно-исследовательской работе. Доктор исторических наук.

АРТЕМЬЕВ ПАВЕЛ АРТЕМЬЕВИЧ (1897–1979), генерал-полковник (1942). Член КПСС с 1920. В Советской Армии с 1918. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1938), Высшие курсы Военной академии Генштаба (1949). С 1941 начальник Управления оперативных войск НКВД: В июне 1941 генерал-лейтенант. В ходе Великой Отечественной войны командовал войсками Московского военного округа, одновременно — Московской зоной обороны (окт. 1941–окт. 1943). Под руководством Артемьева проводились мероприятия по укреплению тыла Московской зоны обороны, подготовке резервов для Западного фронта, созданию оборонительных рубежей и заграждений на ближних подступах к Москве.

После войны продолжал командовать войсками Московского военного округа, в 1953–1960 заместитель и 1-й заместитель командующего войсками Уральского военного округа. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952–1956. Депутат ВС СССР в 1946–1954.

Награжден: 2 ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Красной Звезды.

БАГРАМЯН ИВАН ХРИСТОФОРОВИЧ (1897–1982), Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944 и 1977). Член КПСС с 1941. В Советской Армии с 1920. Участник установления Советской власти в Армении и Грузии. Окончил

Военную академию им. М. В. Фрунзе (1934), Военную академию Генштаба (1938). С 1940 начальник оперативного отдела штаба армии, затем оперативного отдела штаба Киевского особого военного округа. В июне 1941 полковник.

В ходе Великой Отечественной войны начальник оперативного отдела — заместитель начальника штаба Юго-Западного фронта, начальник штаба этого фронта (с апр. 1942), одновременно возглавлял штаб войск юго-западного направления, командующий 16-й (позже 11-й гвард.) армией (с июля 1942), 1-м Прибалтийским фронтом (с ноября 1943), Земландской группой войск (с февр. 1945) и 3-м Белорусским фронтом (с апр. 1945).

Войска под командованием Баграмяна участвовали в Курской битве, в Городокской, Белорусской, Полоцкой, Шяуляйской, Рижской, Мемельской, Восточно-Прусской и других операциях.

После войны командовал войсками Прибалтийского военного округа, главный инспектор Министерства обороны СССР (с 1954), заместитель министра обороны (с 1955), начальник Военной академии Генштаба (с 1956), заместитель министра обороны — начальник тыла Вооруженных Сил СССР (1958–1968). С 1968 в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952–1961. Член ЦК КПСС с 1961. Депутат ВС СССР в 1946–1982.

Награжден: 7 орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени.

Похоронен в Кремлевской стене.

БАТОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ (1897–1985), генерал армии (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). Член КПСС с 1929. В Советской Армии с 1918. Участник Гражданской войны. Окончил курсы «Выстрел» (1927) и Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба (1950). Участвовал в советско-финляндской войне 1939–1940.

С 1940 заместитель командующего войсками Закавказского военного округа. В июне 1941 генерал-лейтенант. В ходе Великой Отечественной войны командующий отдельным стрелковым корпусом в Крыму, заместитель командующего (с авг. 1941), командующий (с нояб. 1941) 51-й армией, одновременно (окт. — нояб. 1941) заместитель командующего войсками Крыма по сухопутным войскам, командующий 3-й армией (янв. — февр. 1942), помощник командующего Брянским фронтом (февр. — окт. 1942). С октября 1942 до конца войны командовал 65-й армией.

После войны командующий армиями, войсками ряда военных округов и Южной группой войск, в 1962–1965 начальник штаба Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского договора, с 1965 в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, в 1970–1981 председатель Советского комитета ветеранов войны. Депутат ВС СССР в 1937–1950, 1954–1966.

Награжден: 7 орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, 3 ордена Красного Знамени, 3 ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, орден «Знак Почета».

БЕЛОВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ (1897–1962), генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). Член КПСС с 1925. В Советской Армии с 1918, участник Гражданской войны. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1933), Высшие академические курсы (1949). В июне 1941 генерал-майор.

В ходе Великой Отечественной войны на Юго-Западном, Брянском, Центральном, 2-м Белорусском, 3-м и 1-м Прибалтийским и 1-м Белорусском фронтах. Командующий 2-м (позже 1-м гвардейским) кавалерийским корпусом (июнь 1941 — июнь 1942). С июня 1942 до конца войны командовал 61-й армией.

После войны командовал войсками ряда ВО, в 1955–1960 председатель ЦК ДОСААФ. Депутат ВС СССР в 1946–1962.

Награжден: 5 орденов Ленина, 3 ордена Красного Знамени, 3 ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени.

БОЛДИН ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ (1892–1965), генерал-полковник (1944). Член КПСС с 1918. В Советской Армии с 1919. В Гражданскую войну командир полка. Окончил курсы «Выстрел» (1923), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1936). С 1938 командующий войсками ряда ВО, с 1940 заместитель командующего войсками Западного особого ВО. В июне 1941 генерал-лейтенант. В начале Великой Отечественной войны командующий оперативной группой войск, в ноябре 1941 — феврале 1945–50-й армией. С апреле 1945 заместитель командующего 3-м Украинским фронтом.

После войны командующий армией, войсками Сибирского военного округа. С 1958 в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Награжден: 2 ордена Ленина, 3 ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, 2

ордена Красной Звезды.

БАБКЕВИЧ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ (1900–1938), в Красной Армии с августа 1920.

В органах ВЧК — ОГПУ-НКВД с 1921. С 1926 начальник Управления пограничной охраны и войск ГПУ Полномочного представительства ОГПУ по Средней Азии.

С 1932 начальник Управления рабоче-крестьянской милиции Полномочного представительства ОГПУ по Московской области. В 1933 председатель ГПУ Туркменской ССР. С 1937 начальник УНКВД Бурят-Монгольской АССР, затем нарком внутренних дел Бурят-Монгольской АССР.

Арестован 8 июля 1938; приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 1939 к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован. Последнее звание — капитан госбезопасности.

Награжден: знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ».

БАСКАКОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (1905–1966), генерал-майор. В органах ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД с 1933. Нарком внутренних дел Карельской АССР — Карело-Финской ССР (1938–1941). Нарком госбезопасности (1941) и нарком внутренних дел Карело-Финской ССР (1941–1943). Начальник Управления НКГБ — МГБ Горьковской области (1943–1946). Министр госбезопасности Узбекской ССР (1946–1951). Начальник Управления МГБ Хабаровского края (1951–1952). Министр госбезопасности БССР (1952–1953). Министр внутренних дел БССР (1953–1958).

На хозяйственной работе в 1958–1965. Заместитель начальника Главного управления строительства в Западно-Сибирском экономическом районе Министерства строительства РСФСР (1965).

Награжден: 3 ордена Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени, орден Боевого Красного Знамени, орден Ленина, знак «Заслуженный работник НКВД», 7 медалей.

БЕРИЯ ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ (1899–1953), видный государственный деятель сталинской эпохи. Член КПСС с марта 1917. Член ЦК КПСС (17, 18 и 19 съезды). Член Президиума Верховного Совета СССР в 1938–1939. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) в 1939–1946. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1946–1952. Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953. Депутат Верховного Совета СССР 1-го и 3-го созывов. Герой Социалистического Труда (1943). Лауреат Сталинской премии 1-й

степени (1949).

В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1921. Нарком внутренних дел СССР в 1938–1945. Заместитель председателя СНК СССР в 1941–1946; член ГКО СССР в 1941–1945; заместитель председателя ГКО СССР в 1944–1945; председатель Государственного комитета № 1 при СНК — СМ СССР 1945–1953; заместитель Председателя СМ СССР в 1946–1953; 1-й заместитель Председателя СМ СССР (1953), министр внутренних дел СССР (1953).

Арестован 26 июня 1953 на заседании Президиума ЦК КПСС. На Пленуме ЦК КПСС 1953 выведен из состава ЦК КПСС и исключен из партии как «враг Коммунистической партии и советского народа»; приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.1953 к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован. Последнее звание — Маршал Советского Союза (1945).

Награжден: 5 орденов Ленина, 2 ордена Красного Знамени, 2 знака «Почетный работник ВЧК — ГПУ», медаль «Серп и Молот», 7 медалей.

БУДЕННЫЙ СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ (1883–1973), Маршал Советского Союза (1935), трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968). Член КПСС с 1919. В Советской Армии с 1918. В Гражданскую войну командующий 1-й Конной армией. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1932). С августа 1940 1-й заместитель наркома обороны СССР.

В ходе Великой Отечественной войны входил в состав Ставки ВГК, в июле — сентябре 1941 главнокомандующий войсками Юго-Западного направления, в сентябре — октябре командующий Резервным фронтом. В апреле — мае 1942 главнокомандующий войсками Северо-Кавказского направления, в мае — августе командующий Северо-Кавказским фронтом. С 1943 командующий кавалерией Советской Армии и член Высшего военного совета НКО СССР, в 19 471 953 одновременно заместитель министра сельского хозяйства СССР по коневодству. С 1954 в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1939–1952 (кандидат в 1934–1939 и с 1952). Депутат ВС СССР с 1937. С 1938 член Президиума ВС СССР.

Награжден: 8 орденов Ленина, 6 орденов Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени.

Похоронен у Кремлевской стены.

ВЕРШИНИН СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1896–1970), генерал-майор. В органах ВЧК — ОГПУ-НКВД с 1921. Начальник Управления пограничной и внутренней охраны НКВД

Калининской области в 1935–1937. Начальник Управления НКВД Рязанской области в 1937–1938. Начальник Главного управления пожарной охраны НКВД СССР в 1938–1939. Начальник Тайшетского лагеря НКВД для военнопленных (1940); начальник Норильского ИТЛ НКВД (1941). Заместитель начальника Норильского комбината НКВД и ИТЛ (1941).

С 1941 в резерве НКВД СССР. Начальник опергруппы истребительного батальона НКВД на Карельском фронте в 1941–1942. Начальник штаба партизанского движения Карельского фронта в 1942 и в 1943–1944. Представитель Центрального штаба партизанского движения в Карелии (1943). Член Военного совета Карельского фронта 1942–1944.

Представитель уполномоченного СНК — СМ СССР по делам репатриации граждан СССР в Западной Германии в 1945. В резерве Главного управления кадров МВС СССР в 1947–1948. Пенсионер с 1948.

Награжден: орден Ленина, 2 ордена Красного Знамени, 2 знака «Почетный работник ВЧК — ГПУ», медаль «XX лет РККА».

ВОРОШИЛОВ КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ (1881–1969), государственный, партийный и военный деятель. Маршал Советского Союза (1935), дважды Герой Советского Союза (1956, 1968), Герой Социалистического Труда (1960), Герой МНР. Член КПСС с 1903.

Участник Октябрьской революции 1917 и Гражданской войны. В 1925–1934 нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР, в 1934–1940 нарком обороны СССР. В августе 1939 глава советской делегации на военных переговорах СССР, Великобритании и Франции. С 1940 заместитель Председателя СНК СССР и Председатель Комитета обороны при СНК СССР. В 1941–1944 член ГКО и Ставки ВГК; главнокомандующий войсками северо-западного направления (10 июля — 31 августа 1941). В январе 1943 координировал действия войск Ленинградского и Волховского фронтов при прорыве блокады Ленинграда. В декабре 1943 в Отдельной приморской армии разрабатывал план операции по освобождению Крыма. Участник Московской конференции 1941 и Тегеранской конференции 1943.

В 1945–1947 председатель Союзной контрольной комиссии в Венгрии. В 1946–1953 заместитель Председателя СМ СССР. В 1953–1960 Председатель Президиума, с 1960 член Президиума ВС СССР. Член ЦК КПСС в 1921–1961 и с 1966. В 1926–1960 член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. Депутат ВС СССР с 1937.

Награжден: 8 орденов Ленина, 6 орденов Красного Знамени,

орден Суворова 1-й степени.

Похоронен у Кремлевской стены.

ГИЛЬМАН САМУИЛ ЛАЗАРЕВИЧ (1889–1965), в органах ВЧК — ОГПУ-НКВД с 1922. Начальник ГПУ Таджикской ССР (1931). Начальник ферганского, затем кокандского оперативного сектора ГПУ (1932). Заместитель председателя ГПУ Узбекской ССР в 1932–1933. Начальник Южно-Казахстанского областного отдела ГПУ (1934). Начальник Управления НКВД Южно-Казахстанской области в 1934–1936. Начальник Управления НКВД Карагандинской области в 1936–1937.

Арестован в 1938. Осужден особым совещанием НКВД в 1939 за «участие в антисоветской организации» на 3 года исправительно-трудовых работ. Реабилитирован в 1957.

Награжден: медаль «ХХ лет РККА», знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ».

ГОЛУБЕВ КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ (1896–1956), генерал-лейтенант (1942). Член КПСС с 1919. В Советской Армии с 1918. В Гражданскую войну командир полка. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1926), Военную академию Генштаба (1938). С 1939 на преподавательской работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе. В июне 1941 генерал-майор.

В ходе Великой Отечественной войны командующий 10-й (июнь — июль 1941), 13-й (июль — авг. 1941), 43-й (окт. 1941 — май 1944) армиями, затем в распоряжении Ставки ВГК.

В 1944–1949 заместитель и 1-й заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан. В 1949–1953 преподаватель Военной академии Генштаба.

Награжден: орден Ленина, 4 ордена Красного Знамени, орден Кутузова 1-й степени.

ДИМЕНТМАН МИХАИЛ ИОСИФОВИЧ (ОСИПОВИЧ) (1903–1941), в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1921.

Комендант отдельной сурхан-дарьинской пограничной комендатуры ОГПУ в 1928–1929. Начальник термезского оперативного сектора ГПУ (1931). Начальник отделения особых отделов полномочного представительства ОГПУ по Средней Азии в 1931–1933. Заместитель начальника особого отдела Управления госбезопасности НКВД Узбекской ССР в 1934–1935. Начальник особого отдела Управления госбезопасности НКВД Саратовского края в 1935–1936. Начальник особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД Тихоокеанского флота в 1937. Начальник Управления НКВД Приморской области в 1937–1938.

Арестован в 1938. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР в 1941 к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован. Последнее звание — капитан госбезопасности.

Награжден: орден Красной Звезды, знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

ЕРЕМЕНКО АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (1892–1970), Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944), Герой ЧССР (1970). Член КПСС с 1918. В Советской Армии с 1918. В Гражданскую войну начальник штаба кавалерийской бригады, помощник командира кавалерийского полка. Окончил Высшую кавалерийскую школу (1923), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1935). С декабря 1940 командующий 1-й Краснознамённой армией. В июне 1941 генерал-лейтенант.

В ходе Великой Отечественной войны заместитель командующего Западным фронтом (с июля 1941), командующий Брянским фронтом (авг. — окт. 1941), 4-й Ударной армией (с дек. 1941), Юго-Восточным (с 28 сент. Сталинградский) (авг. — дек. 1942), Южным (янв. — февр. 1943), Калининским (апр. — окт. 1943), 1-м Прибалтийским (окт. — нояб. 1943) фронтами, Отдельной приморской армией (февр. — апр. 1944), 2-м Прибалтийским (с апр. 1944), 4-м Украинским (с марта 1945) фронтами.

Войска под командованием Еременко успешно действовали в Московской и Сталинградской битвах, Торопецко-Холмской, Ростовской (1943), Смоленской, Невельской, Крымской, Рижской, Моравско-Остравской, Пражской и др. операциях.

После войны командовал войсками Прикарпатского, Западно-Сибирского и Северо-Кавказского ВО. С 1958 в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1956–1970. Депутат ВС СССР в 1946–1970.

Награжден: 5 орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, 4 ордена Красного Знамени, 3 ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени.

Похоронен в Кремлевской стене.

ЖУКОВ ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1891–1974), Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956), Герой МНР (1969). Член КПСС с 1919. Участник Первой мировой войны. В Советской Армии с 1918. В Гражданскую войну командир эскадрона. Окончил курсы высшего начсостава (1930). В 1939 командующий 1-й армейской группой советских войск в Монголии, которая совместно с частями Монгольской революционной армии разгромила крупную

группировку японских войск в районе р. Халхин-Гол. С июня 1940 командовал войсками Киевского особого военного округа. В янв. — июле 1941 начальник Генштаба, заместитель наркома обороны СССР. В июне 1941 генерал армии.

В ходе Великой Отечественной войны с 23 июня 1941 член Ставки ВГК. С августа 1942 первый заместитель наркома обороны СССР и заместитель Верховного Главнокомандующего. Непосредственно участвовал в разработке и осуществлении стратегии и планов ВГК, в подготовке и проведении многих операций Советских Вооруженных Сил.

В первые дни войны как представитель Ставки совместно с командованием Юго-Западного фронта организовал контрудар силами нескольких механизированных корпусов в районе г. Броды.

В августе — сентябре 1941 командовал войсками резервного фронта, успешно провел первую в ходе войны наступательную операцию по разгрому ударной группировки немецко-фашистских войск в районе г. Ельня.

В сентябре — октябре 1941, в период тяжелых боев на подступах к Ленинграду командовал Ленинградским фронтом, войска которого совместно с Балтийским флотом остановили врага.

В октябре 1941 командовал Западным фронтом во время Московской битвы.

В 1942–1943 координировал действия фронтов под Сталинградом, затем по прорыву блокады Ленинграда, в битвах под Курском и за Днепр. В марте — мае 1944 командовал войсками 1-го Украинского фронта. Летом 1944 координировал действия 2-го и 1-го Белорусских фронтов в Белорусской наступательной операции. На завершающем этапе войны (нояб. 1944 — июнь 1945) командовал 1-м Белорусским фронтом, войска которого в нач. 1945 совместно с войсками 1-го Украинского фронта провели Висло-Одерскую операцию, освободили большую часть Польши с ее столицей Варшавой и, продвинувшись на 500–600 км, вступили на территорию фашистской Германии. В апреле-мае 1945 войска фронта во взаимодействии с войсками 1 — го Украинского, 2-го Белорусского фронтов провели Берлинскую операцию и, разгромив крупнейшую группировку гитлеровских войск, овладели Берлином.

От имени и по поручению советского ВГК 8 мая 1945 в Карлсхорсте (Берлин) принял капитуляцию фашистской Германии. 24 июня 1945 принимал Парад Победы в Москве.

После войны — главнокомандующий Группой советских

войск в Германии и главноначальствующий Советской военной администрации (июнь 1945 — март 1946), главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель министра Вооруженных Сил (март — июль 1946). В 1946–1953 командующий войсками Одесского и Уральского ВО. С марта 1953 первый заместитель министра, в феврале 1955– октябре 1957 министр обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1953–1957 (кандидат в 1941–1946 и 1952–1953). Кандидат в члены и член Президиума ЦК КПСС в 1956–1957. Депутат ВС СССР в 1941–1958.

Награжден: 6 орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Суворова 1-й степени. Дважды удостоен ордена «Победа».

Похоронен в Кремлевской стене.

КОБУЛОВ БОГДАН ЗАХАРОВИЧ (1904–1953), видный деятель органов государственной безопасности СССР. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МВД с 1923. Заместитель наркома госбезопасности СССР (1941). Заместитель наркома внутренних дел СССР в 1941–1943. Первый заместитель наркома госбезопасности СССР в 1943–1945. Заместитель начальника Главного управления советского имущества за границей (по Германии) при Министерстве внешней торговли СССР в 1946–1953. Первый заместитель министра внутренних дел СССР (1953).

Арестован в 1953. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23 декабря 1953 к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован. Последнее звание — генерал-полковник.

Награжден: 3 ордена Ленина, 4 ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Трудового Красного Знамени, 2 ордена Боевого Красного Знамени, знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ», 6 медалей.

КОНЕВ ИВАН СТЕПАНОВИЧ (1897–1973), Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), Герой ЧССР (1970), Герой МНР (1971). Член КПСС с 1918. Участник Первой мировой войны.

В Советской Армии с 1918. В Гражданскую войну комиссар стрелковой бригады, дивизии, штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1934). В 1940–1941 командующий войсками Забайкальского и Северо-Кавказского ВО. В июне 1941 генерал-лейтенант.

В ходе Великой Отечественной войны командующий 19-й

армией Западного фронта (сент. — окт. 1941, авг. 1942 — февр. 1943). Калининским (с окт. 1941), Северо-Западным (с марта 1943) фронтами, войсками Степного ВО (с июня 1943), Степным (с июля 1943), 2-м Украинским (с окт. 1943) и 1-м Украинским (май 1944 — май 1945) фронтами.

Войска под командованием Конева успешно действовали в Смоленском сражении, Московской и Курской битвах, битве за Днепр, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях.

После войны главнокомандующий Центральной группой войск и верховный комиссар по Австрии (1945–1946), главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель министра Вооруженных Сил СССР (1946–1950), главный инспектор Советской Армии — заместитель военного министра СССР (1950–1951), командующий войсками Прикарпатского ВО (1951–1955). В 1955–1956 первый заместитель министра обороны и главнокомандующий Сухопутными войсками. В 1956–1960 первый заместитель министра обороны СССР. В мае 1955 — июне 1960 одновременно главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами Варшавского договора. В 1960–1961 и с апреля 1962 в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. В 1961–1962 главнокомандующий Группой советских войск в Германии.

Член ЦК КПСС с 1952 (кандидат в 1939–1952). Депутат ВС СССР с 1937.

Награжден: 7 орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Суворова 1-й степени, 2 ордена Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды. Удостоен ордена «Победа». Похоронен в Кремлевской стене.

КРУГЛОВ СЕРГЕЙ НИКИФОРОВИЧ (1907–1977), видный деятель органов государственной безопасности СССР. В органах НКВД — МВД с 1938. Заместитель наркома внутренних дел СССР в 1941–1943. Член Военного совета Фронта резервных армий (1941). Член Военного совета Западного фронта (1942). Первый заместитель наркома внутренних дел СССР в 1943–1945. Министр внутренних дел СССР в 1945–1953. Первый заместитель министра внутренних дел СССР (1953), министр внутренних дел СССР (1953–1956).

Заместитель министра строительства электростанций СССР в 1956–1957. Заместитель председателя Кировского СНХ в августе 1957 — июле 1958. На пенсии с 1958. Последнее звание — генерал-полковник. Погиб, попав под поезд. Похоронен на

Новодевичьем кладбище.

Награжден: 4 ордена Ленина, 3 ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Кутузова 2-й степени, знак «Заслуженный работник НКВД», 6 медалей.

МАЗУРОВ КИРИЛЛ ТРОФИМОФИЧ (1914–1989), один из организаторов партизанского движения в Белоруссии, партийный и государственный деятель, Герой Социалистического Труда (1974). Член КПСС с 1940. Окончил Гомельский автодорожный техникум (1933), Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) (1947). В 1940–1941 секретарь Гомельского горкома, первый секретарь Брестского обкома ЛКСМ Белоруссии. В 1941–1942 в Советской Армии. В сентябре 1942 направлен на оккупированную территорию Белоруссии как представитель Центрального штаба партизанского движения. До конца 1943 работал в партизанских соединениях; утвержден секретарем подпольного ЦК ЛКСМ Белоруссии. В 1943–1947 второй, затем первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии.

С 1947 на партийной и государственной работе. В 1956–1965 1-й секретарь ЦК КПБ. В 1965–1978 1-й заместитель председателя СМ СССР. Член ЦК КПСС в 1956–1981. С 1957 кандидат в члены Президиума ЦК, в 1965–1978 член Президиума, Политбюро ЦК КПСС. Депутат ВС СССР в 1950–1979, член Президиума ВС СССР в 1958–1966. С 1978 на пенсии.

Награжден: 5 орденов Ленина, орден Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени.

МАЛАНДИН ГЕРМАНН КАПИТОНОВИЧ (1894–1961), генерал армии (1948). Член КПСС с 1940. В Советской Армии с 1918. В Гражданскую войну командир полка. Окончил Военную академию Генштаба (1938). С февраля 1941 начальник Оперативного управления Генштаба. В июне 1941 генерал-лейтенант.

В ходе Великой Отечественной войны начальник штаба Западного фронта и войск Западного направления, заместитель начальника штаба Западного фронта. С ноября 1941 начальник кафедры Военной академии Генштаба. В декабре 1943 — мае 1945 начальник штаба 13-й армии. В 1945–1946 начальник штаба Центральной группы войск, в 1946–1948 и 1955–1956 начальник Главного штаба — заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками, в 1948–1952 и 1953–1955 заместитель начальника Генштаба, в 1952–1953 начальник штаба ВО, с 1956 первый заместитель начальника, с 1958 начальник Военной

академии Генштаба.

Награжден: 3 ордена Ленина, 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Красной Звезды.

МАЛИН ВЛАДИМИР НИКИФОРОВИЧ (1906–1982), один из руководителей партизанского движения, партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1926. Окончил Ленинградский коммунистический университет (1933). С 1933 на партийной работе. С 1938 первый секретарь Могилевского обкома КП Белоруссии, с 1939 секретарь ЦК КП Белоруссии.

С 1941 один из организаторов партизанского движения в Белоруссии, в июле — октябре 1941 член Военного совета 13-й армии. В 1942–1944 начальник политуправления и заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения. С августа 1943 третий секретарь ЦК КП Белоруссии, затем на другой партийной работе (управляющий делами ЦК КПСС, ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС). Член ЦРК КПСС в 1956–1966. Депутат ВС СССР в 1946–1950, 1958–1966.

Награжден: 2 ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени, орден Красной Звезды.

МАЛИНИН МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ (1899–1960), генерал армии (1953), Герой Советского Союза (1945). Член КПСС с 1931. В Советской Армии с 1919. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1931), академические курсы при Академии моторизации и механизации РККА (1933). В советско-финляндскую войну 1939–1940 начальник оперативного отдела штаба армии, заместитель начальника штаба армии по тылу. С 1940 начальник штаба 7-го мотострелкового корпуса. В июне 1941 полковник.

В ходе Великой Отечественной войны начальник штаба 7-го мотострелкового корпуса на Западном фронте, 16-й армии (1941–1942), Брянского, Донского, Центрального, Белорусского и 1-го Белорусского фронтов (1942–1945).

В 1945–1948 начальник штаба — заместитель главнокомандующего Группой советских войск в Германии, в 1948–1950 начальник Главного штаба — заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками, с 1950 первый заместитель главного инспектора, затем главный инспектор Советской Армии. В 1952–1960 первый заместитель начальника Генштаба Вооруженных Сил СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952–1956, член ЦРК КПСС в 1956–1960. Депутат ВС СССР в 1950–1958.

Награжден: 4 ордена Ленина, 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Суворова 1-й степени, 2 ордена Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Красной Звезды.

МАСЛЕННИКОВ ИВАН ИВАНОВИЧ (1900–1954), видный деятель органов государственной безопасности и Вооруженных Сил СССР, Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1919. В органах ОГПУ-НКВД-МВД с 1928. Начальник маневренных групп 47-го и 48-го погранотрядов ОГПУ в 1928–1929. Помощник начальника 48-го погранотряда ОГПУ по строевой части в 1930–1931. Командир полка — военком 11-го Хорезмского кавалерийского полка ОГПУ-НКВД в 1932–1936. Начальник УПВО НКВД БССР в 1937–1938. Начальник пограничных войск НКВД БССР в 1938–1939. Первый заместитель наркома внутренних дел БССР в 1939. Заместитель наркома внутренних дел СССР по войскам в 1939–1943. Командующий 29-й армией в 1941. Командующий 39-й армией в 1941–1942. Командующий Северной группой войск Северо-Кавказского фронта в 1942–1943. Командующий Северо-Кавказским фронтом (1943); заместитель командующего Волховским фронтом (1943), заместитель командующего Юго-Западным фронтом (1943), заместитель командующего 3-м Украинским фронтом (1943). Командующий 8-й гвардейской армией (1943), командующий 42-й армией (1944), заместитель командующего Ленинградским фронтом (1944), командующий 3-м Прибалтийским фронтом (1944), заместитель главкома советскими войсками на Дальнем Востоке (1945). Командующий Бакинским военным округом (1945–1946). Командующий Закавказским военным округом (1946).

Заместитель министра внутренних дел СССР по войскам в 1948–1953. Член коллегии МВД СССР в 1952–1953. Заместитель министра внутренних дел СССР в 1953–1954.

Покончил жизнь самоубийством. Последнее звание — генерал армии (1944).

Награжден: 4 ордена Ленина, 4 ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Суворова 1-й степени, 2 ордена Кутузова 1-й степени.

МАШЕРОВ ПЕТР МИРОНОВИЧ (1918–1980), один из руководителей партизанского движения в Белоруссии, партийный и государственный деятель, Герой Советского Союза (1944), Герой Социалистического Труда (1978). Член КПСС с 1943. Окончил Витебский педагогический институт им. С. М. Кирова (1939), работал учителем. С июня 1941 руководитель подпольной коммунистической организации и партизанских отрядов в

Россонском районе, с апреля 1942 командир отряда им. Н. А. Щорса. С марта 1943 комиссар партизанской бригады им. К. К. Рокоссовского. С сентября 1944 первый секретарь подпольного обкома ЛКСМ Белоруссии. С 1944 на комсомольской и партийной работе.

С 1965 первый секретарь ЦК КП Белоруссии. Член ЦК КПСС с 1964 (кандидат с 1961) кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС с 1966. Депутат ВС СССР в 1950–1962, с 1966. Член Президиума ВС СССР с 1966.

Награжден: 7 орденов Ленина.

МИСЮРЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ (1902–1966), генерал-майор. В органах ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ с 1924. Начальник разведотделения, заместитель начальника Управления пограничных войск НКВД Белорусского округа (1939). Помощник начальника 1-го отделения разведотдела Главного управления пограничных войск НКВД СССР (1939). Заместитель начальника Управления пограничных войск НКВД БССР (1939). Начальник Управления НКВД Барановичской области в 1939–1940. Начальник Управления НКВД Белостокской области в 1940–1941. Заместитель наркома внутренних дел БССР (1941). Начальник особого отдела НКВД Архангельского военного округа в 1941–1943. Помощник начальника Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО СССР в 1943–1946. Начальник Управления контрразведки МГБ Приволжского ВО в 1946–1949. Начальник Управления контрразведки МГБ Киевского военного округа в 1949–1950. Начальник 1-го управления 3-го Главного управления МГБ СССР в 1950–1952. Начальник Оперативного отдела МВД — КГБ СССР Северо-Кавказского военного округа в 1953–1959.

Награжден: орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й степени, знак «Заслуженный работник НКВД».

ОГОЛЬЦОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ (1900–1977), видный деятель органов государственной безопасности СССР. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ с 1919. Начальник Управления НКВД Ленинграда в 1939–1941. Заместитель начальника Управления НКГБ Ленинградской области в 1941–1942. Начальник Управления НКВД Куйбышевской области в 1942–1943. Начальник Управления НКГБ Куйбышевской области в 1943–1944. Нарком госбезопасности Казахской ССР в 1944–1945. Первый заместитель министра госбезопасности СССР в 1945–1946. Заместитель министра госбезопасности СССР по общим вопросам в 1946–1951. Первый заместитель министра госбезопасности

СССР 1951–1952, министр госбезопасности Узбекской ССР в 1952. Первый заместитель министра госбезопасности СССР в 1952–1953.

Арестован в 1953 по обвинению в убийстве С. М. Михоэлса. Освобожден по Постановлению ЦК КПСС от 6 августа 1953. Уволен в запас МВД в 1954. Звания генерал-лейтенанта лишен в 1959 по Постановлению СМ СССР «как дискредитировавший себя за время работы в органах… и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».

Награжден: медаль «XX лет РККА», 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Красной Звезды, орден Ленина, орден Кутузова 2-й степени, 2 ордена Отечественной войны 1-й степени, знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ».

ПОНОМАРЕНКО ПАНТЕЛЕЙМОН КОНДРАТЬЕВИЧ. (1902–1984), один из организаторов и руководителей партизанского движения, партийный и государственный деятель, генерал-лейтенант (1943). Член КПСС с 1925. Окончил Московский институт инженеров транспорта в 1932. С 1937 в аппарате ЦК ВКП(б). В 1938–1947 первый секретарь ЦК КП Белоруссии. В сентябре 1939 член Военного совета Западного военного округа. С июня 1941 член Военных советов 3-й Ударной армии Калининского фронта, затем Западного, Центрального, Брянского, 1-го Белорусского фронтов. В 1942–1944 начальник Центрального штаба партизанского движения.

В 1944–1948 председатель СМ БССР. В 1948–1953 секретарь ЦК ВКП(б), затем на другой государственной и партийной работе. Член ЦК в 1939–1961, член Президиума ЦК в 1952–1953, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1953–1956. Депутат ВС СССР в 1940–1958, член Президиума ВС СССР в 1941–1951, 1954–1958. С 1978 на пенсии. Автор многих работ о партизанском движении.

Награжден: 4 ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Суворова 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени, орден «Знак Почета».

ПРИТЫЦКИЙ СЕРГЕЙ ОСИПОВИЧ (1913–1971), один из организаторов и руководителей партизанского движения в Белоруссии. Член КПСС с 1932. Окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) в 1948. С 1932 на подпольной работе в Западной Белоруссии, в 1936 арестован, приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением; освобожден в сентябре 1939. В 1939–1941 заместитель председателя Белостокского облисполкома. С июня 1941 в Советской Армии на

политической работе. С января 1942 второй секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии, с мая 1942 в аппарате Центрального штаба партизанского движения. В марте 1944–мае 1945 заместитель начальника, начальник Польского штаба партизанского движения. С 1948 на партийной работе. С 1968 председатель Президиума ВС БССР, заместитель председателя Президиума ВС СССР. Член ЦК КПСС с 1961. Депутат ВС СССР с 1940.

Награжден: 4 ордена Ленина, 2 ордена Красного Знамени.

РОКОССОВСКИЙ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ (1896–1968), Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1947). Член КПСС с 1919. Участник Первой мировой войны. В Советской Армии с 1918. В Гражданскую войну командир кавалерийского полка. Окончил курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе в 1929. С ноября 1940 командир 9-го мехкорпуса.

В июне 1941 генерал-майор. В ходе Великой Отечественной войны командовал 9-м механизированным корпусом, с августа 1941 16-й армией, с июля 1942 Брянским, с сентября Донским, с февраля 1943 Центральным, с октября Белорусским, с ноября 1944 по июнь 1945 2-м Белорусским фронтами.

Войска под командованием Рокоссовского успешно действовали в Смоленском сражении 1941 года, в Московской, Сталинградской и Курской битвах, в Белорусской, Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях.

В битве под Курском Рокоссовский, командуя войсками Центрального фронта, проявил военное искусство при отражении наступления немецко-фашистских войск.

Командовал Парадом Победы в Москве 24 июня 1945. После войны главнокомандующий Северной группой войск (1945–1949). С 1949 по просьбе правительства Польской народной республики и с разрешения Советского правительства Рокоссовский был назначен министром Национальной обороны и заместителем председателя СМ ПНР; ему было присвоено звание Маршала Польши; избирался депутатом Польского сейма. По возвращении в СССР с 1956 заместитель министра обороны СССР. С июля 1957 главный инспектор — заместитель министра обороны, с октября 1957 командующий войсками Закавказского военного округа. В 1958–1962 заместитель министра и главный инспектор Министерства обороны СССР. С апреля 1962 в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Кандидат и член ЦК КПСС с 1961. Депутат ВС СССР в 1946–1949 и с 1958.

Награжден: 7 орденов Ленина, орден Октябрьской

Революции, 6 орденов Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени. Удостоен ордена «Победа».

Похоронен в Кремлевской стене.

САБУРОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (1908–1974), один из руководителей партизанского движения на Украине, Герой Советского Союза (1942), генерал-майор (1943). Член КПСС с 1932. С 1938 в органах госбезопсности. Осенью 1941 организовал партизанский отряд, действовавший на территории Сумской и Брянской областей. С марта 1942 командир партизанского соединения, с сентября член подпольного ЦК КП Украины. В октябре 1942 соединение под командованием Сабурова совершило рейд на Правобережную Украину в тылу врага (700 км). С ноября 1942 начальник штаба по руководству партизанским движением в

Житомирской области. С 1944 в органах МВД. Депутат ВС СССР в 1946–1958. Автор ряда книг о партизанском движении.

Награжден: 2 ордена Ленина.

СЕРОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (1905–1990), видный деятель органов государственной безопасности СССР, Герой Советского Союза. В органах НКВД — НКГБ-МВД — КГБ с 1939. Начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР в 1939. Нарком внутренних дел УССР в 1939–1941. Первый заместитель наркома госбезопасности СССР в 1941. Заместитель наркома внутренних дел СССР в 1941–1947. Заместитель главноначальствующего Советской военной администрации в Германии по делам гражданской администрации в 1945–1947. Уполномоченный НКВД — МВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии в 1945–1947. Первый заместитель министра внутренних дел СССР в 1947–1954. Председатель КГБ при СМ СССР в 1954–1958. Начальник ГРУ Генштаба Вооруженных Сил СССР в 1958–1963. Заместитель начальника Генштаба Вооруженных Сил СССР по разведке в 1958–1963. Помощник командующего Туркестанским военным округом (1963), помощник командующего Приволжским военным округом (1963–1965). На пенсии с 1965.

Разжалован со звания генерала армии до звания генерал-майора.

Награжден: 6 орденов Ленина, 5 орденов Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, 2 ордена Кутузова 1-й степени, знак «Заслуженный работник НКВД», 9 медалей.

СОКОЛОВ ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (1904–1973), генерал-

лейтенант. В РККА с 1921. В органах ОГПУ— НКВД — МВД с 1923. Начальник Главного управления НКВД СССР в 1939–1941. Начальник войск НКВД охраны тыла Западного фронта (1941). Начальник штаба Центрального фронта (1941). Заместитель начальника Генштаба РККА (1941). Начальник штаба 26-й армии (1941). Командующий 26-й армией (1941). Командующий 2-й Ударной армией (1942). Заместитель командующего войсками Московской зоны обороны в 1942–1943. В распоряжении Главного управления кадров НКО СССР в 1943–1944. Начальник Управления военно-учебных заведений войск НКВД-МВД СССР в 1944–1948. Командир 235-й дивизии войск МВД в 1949–1951. Начальник Управления милицейской службы Главного управления милиции МГБ СССР в 1951–1953. Начальник отдела службы Главного управления милиции МВД СССР в 1953–1956. Заместитель начальника погранвойск Юго-Западного округа (1956).

Награжден: 2 ордена Красного Знамени, орден Ленина, 2 ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й степени, орден Кутузова 2-й степени, знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ», медаль «ХХ лет РККА», 5 медалей.

СТРОКАЧ ТИМОФЕЙ АМВРОСИЕВИЧ (1903–1963), один из организаторов и руководителей партизанского движения на Украине, генерал-лейтенант (1944). Член КПСС с 1927. Участник Гражданской войны. С 1924 в Пограничных войсках. С марта 1941 заместитель наркома внутренних дел УССР.

С июня 1941 руководил формированием истребительных батальонов и партизанских отрядов на Украине. Участник обороны Киева и Москвы. В 1942–1945 начальник Украинского штаба партизанского движения.

С 1945 на государственной работе. Член ЦК КП Украины в 1938–1959. Депутат ВС СССР в 1937–1958. С 1957 в отставке.

Награжден: 3 ордена Ленина, 3 ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Отечественной Войны 1-й степени, 2 ордена Красной Звезды.

ТИМОШЕНКО СЕМЕН КОНСТАНТИНОВИЧ (18 951 970), Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). Член КПСС с 1919. Участник Первой мировой войны. В Советской Армии с 1918. В Гражданскую войну командовал кавалерийской дивизией. Окончил высшие академические курсы (1922, 1927). В сентябре 1939 командовал войсками Украинского фронта, совершившими освободительный поход в Западную Украину. В советско-финляндскую войну 1939–

1940 командовал войсками Северо-Западного фронта. В мае 1940 — июле 1941 нарком обороны СССР. В ходе Великой Отечественной войны до июля 1941 представитель Ставки Главного командования, затем входил в состав Ставки Верховного командования и Верховного Главнокомандования, в июле-сентябре 1941 заместитель наркома обороны. С июля главнокомандующий войсками Западного, в сент. 1941 — июне 1942 — Юго-Западного направлений, одновременно командующий Западным (июль — сент. 1941) и Юго-Западным (сент. — дек. 1941, апр. — июль 1942) фронтами. В июле 1942 командующий Сталинградским, в октябре 1942 — марте 1943 — Северо-Западным фронтами. В марте — июне 1943 как представитель Ставки ВГК координировал действия Ленинградского и Волховского фронтов, в июне — ноябре 1943 Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота, в феврале — июне 1944 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, в августе 1944–мае 1945 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов.

После войны командовал войсками Барановичского (1945–1946), Южно-Уральского (1946–1949) и Белорусского (1946, 1949–1960) ВО. С апреля 1960 в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, с 1962 одновременно председатель Советского комитета ветеранов войны. Член ЦК ВКП(б) в 1939–1952 (канд. в 1952–1970). Депутат ВС СССР с 1937. Член Президиума ВС СССР в 1938–1940.

Награжден: 5 орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, 5 орденов Красного Знамени, 3 ордена Суворова 1-й степени. Удостоен ордена «Победа».

Похоронен в Кремлевской стене.

ТЮЛЕНЕВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ (1892–1978), генерал армии (1940), Герой Советского Союза (1978). Член КПСС с 1918. Участник Первой мировой войны. В Советской Армии с 1918. В Гражданскую войну командир кавалерийской бригады. Окончил Военную академию РККА в 1922, курсы усовершенствования высшего начсостава в 1929. С 1940 командующий войсками Московского ВО.

В ходе Великой Отечественной войны командующий войсками Южного фронта (июнь — авг. 1941), 28-й армией (с нояб. 1941), войсками Закавказского ВО (с марта 1942), Закавказского фронта (май 1942 — июль 1945).

Войска под командованием Тюленева участвовали в битве за Кавказ. С 1945 командующий войсками Харьковского ВО, с 1946 в центральном аппарате Министерства обороны СССР. С 1958 в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1941–1952. Депутат ВС СССР в 1946–1950.

Награжден: 4 ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, 5 орденов Красного Знамени, ордена Кутузова 1-й степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени.

ХОХЛОВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ (1895–1975), генерал-лейтенант интендантской службы (1943). Член КПСС с 1918. Участник Гражданской войны. Окончил финансовую академию в 1931. В 1940–1941 председатель СНК РСФСР.

В ходе Великой Отечественной войны член Военного совета Западного (с сент. 1941) и 3-го Белорусского (с 1944) фронтов.

После войны председатель правления Центросоюза СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1939–1956. Депутат ВС СССР в 1937–1958.

Награжден: орден Красного Знамени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Красной Звезды.

ЦАНАВА (ДЖАНДЖГАВА) ЛАВРЕНТИЙ ФОМИЧ. (1900–1955), видный деятель органов государственной безопасности. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ с 1922. Нарком внутренних дел БССР в 1938–1941. Нарком госбезопасности БССР (1941). Начальник особого отдела НКВД Западного фронта (1941). Заместитель начальника управления особых отделов НКВД СССР в 1941–1943. Начальник особого отдела НКВД Западного фронта в 1942–1943 и Центрального фронта в 1943. Министр госбезопасности БССР в 1943–1951. Заместитель министра госбезопасности СССР в 1951–1952.

В 1938 сменил свою фамилию на Цанава по просьбе Берия. Под фамилией Джанджгава избирался в Верховный Совет СССР 1-го созыва в 1937. В 1922 при партийной регистрации исключен из РКП(б) по обвинению в умыкании невесты. В 1924 восстановлен в партии. Во время Великой Отечественной войны был тяжело контужен и ранен на Западном фронте.

Снят с должности за допущенные «серьезные ошибки». Арестован в 1953 по решению Президиума ЦК КПСС (обвинен в соучастии в убийстве С. М. Михоэлса). Умер во время следствия. Последнее звание — генерал-лейтенант.

Награжден: 4 ордена Ленина, 5 орденов Красного Знамени, орден Республики (Тува), орден Суворова 1-й степени, 2 ордена Кутузова 1-й степени, знак «Заслуженный работник НКВД».

ШАПОШНИКОВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ (1882–1945).

Маршал Советского Союза в 1940. Член КПСС с 1930. В Советской Армии с 1918. Окончил Военную академию Генштаба (1910). Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну помощник начальника Оперативного управления штаба Высшего военного совета, начальник Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики. С мая 1937 начальник Генштаба, с августа 1940 заместитель наркома обороны СССР.

В ходе Великой Отечественной войны с июля 1941 вновь начальник Генштаба. Непосредственно участвовал в разработке планов ведения важнейших операций советских войск в 1941–1942: Смоленского сражения (1941), контрнаступления и общего наступления Советской Армии зимой 1941–1942. В мае 1942 — июне 1943 заместитель наркома обороны СССР, в 1943–1945 начальник Военной академии Генштаба. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1939. Депутат ВС СССР с 1937. Автор военно-научных трудов.

Награжден: 3 ордена Ленина, 2 ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, 2 ордена Красной Звезды.

Похоронен в Кремлевской стене.

ЭЙДИНОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ (1908–1977), один из организаторов и руководителей партизанского движения в Белоруссии. Член КПСС с 1927. Окончил ВПШ при ЦК КПСС в 1958. В 1940–1944 секретарь ЦК КП Белоруссии; в 1942 возглавил северо-западную оперативную группу ЦК КП и СНК БССР по организации партизанского движения и партийного подполья на территории Белоруссии, в 1942–1944 первый заместитель начальника Белорусского штаба партизанского движения.

С 1944 года председатель СНК (с 1946 — СМ) БССР. Депутат ВС СССР в 1946–1950.

Награжден: орден Ленина, орден Красного Знамени, 2 ордена Трудового Красного Знамени

Список использованной литературы

Боярский В. И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. — Минск — Москва, 2001.

Великая Отечественная война 1941–1945. — М.: «Советская энциклопедия», 1985.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Ненависть, спрессованная в тол. — М.: «Мысль», 1991.

Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. — Новосибирск, 1999.

Кто руководил НКВД, 1934–1941. — М.: 1999.

Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков в 1941–1945 гг. — М. «Наука», 1982.

Пономаренко П. К. Непокоренные (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну). — М., 1975.

Старинов И. Г. Записки диверсанта. — М., 1997.

Старинов И. Г. Мины замедленного действия. — М., 1999.

Об авторе

Алексей Юрьевич Попов родился в 1969 г. в г. Липецке. В 1993 г. закончил исторический факультет Ленинградского Государственного университета. В 1993–1996 гг. преподавал отечественную историю в Липецком государственном педагогическом институте. В настоящее время работает над проблемами партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Является автором 20 научных и научно-популярных статей.

Начало Великой Отечественной войны остается, несмотря на, казалось бы, достаточную изученность, одним из противоречивых и спорных эпизодов Второй мировой войны.

Какова была роль пограничников в отражении первых атак немецко-фашистских войск; что делали чекисты в первые дни войны; в чем заключалась работа Особых отделов фронтов; для чего были нужны заградотряды; можно ли было обойтись без этой меры?